

МИРЫ АРТУРА КЛАРКА

ЛУННАЯ ПЫЛЬ

МИРЫ АРТУРА КЛАРКА

ЛУННАЯ ПЫЛЬ

МИРЫ АРТУРА КЛАРКА

**СОБРАНИЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1998**

БОЛЬШАЯ ГЛУБИНА ЛУННАЯ ПЫЛЬ

РОМАНЫ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1998**

*Издание подготовлено
совместно с АО «Титул»*

Миры Артура Кларка. Лунная пыль / Пер. с англ. — Полярис, 1998. — 383 с.

Эту книгу составили два романа одного из самых известных фантастов мира, «цейлонского затворника» Артура Кларка — «Большая глубина» и «Лунная пыль», входящие в число лучших его произведений.

Произведения, опубликованные в данном издании, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных произведений и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Иллюстрации на обложку и форзац печатаются с разрешения художника Michael Whelan и его агентов: Glassonion Ltd. (США) и Александра Корженевского (Россия).

The Deep Range
Copyright © 1957 by Arthur C. Clarke

A Fall of Moondust
Copyright © 1961 by Arthur C. Clarke

Большая глубина
© Л. Жданов, перевод, 1971

Лунная пыль
© Л. Жданов, перевод, 1973

© Издательство «Полярис», оформление,
составление, название серии, 1998:

ISBN 5-88132-354-8

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В этот том собрания сочинений одного из величайших фантастов мира вошли два, пожалуй, наиболее известных в нашей стране романа раннего периода его творчества — «Большая глубина» (1957) и «Лунная пыль» (1961).

Пожалуй, мало найдется любителей фантастики, которые не слышали бы об этих произведениях, не следили бы за трудной судьбой бывшего космонавта Франклина, навеки прикованного психической травмой к земле, а вернее — к морю, не сопереживали бы пойманному в чудовищную ловушку Моря Жажды пассажирам злосчастного пылехода «Селена». Трудно поверить, что эти книги написаны сорок лет назад...

И все же это можно сказать с определенностью, даже не глядя на даты. Пятидесятые годы были эпохой наивной веры в технику и науку, казалось, готовые разрешить все проблемы. И этим технологическим оптимизмом насквозь пропитаны лучшие произведения фантастики того периода. Кларк отнюдь не наивен. Он прекрасно понимает, что всякая технология разрешает одни проблемы, но и ставит новые. И все же уверенность в торжестве разума пронизывает все его творчество, рождая порой почти мистические сцены, подобные торжественно-трагическим финалам «Конца детства» и «Космической одиссеи».

Когда писались «Большая глубина» и «Лунная пыль», еще впереди были времена хиппи, «детей-цветов», сексуальная революция и те открытия, которых не предсказал никто и без которых мы сейчас не мыслим жизни — кто из фантастов мог предположить, какую роль будут играть в нашем быте персональные компьютеры? Прошедшие десятилетия подорвали веру общества в собственный здравый смысл. И уверенный голос Артура Кларка кажется голосом из

прошлого. Теперь мы знаем, что никакой пыли на Луне нет, а развитая макикультаура останаеа делом не менее далекого будущего, чем колонизация Марса. Развитие науки пошло путем, ничуть не похожим на предсказанный. Но все-таки книги Артура Кларка, как и романы Жюль Верна и Уэллса, не устаревают, потому что главное в них все же не технические достижения, а люди. В истории фантастики найдется множество куда лучших психологов, чем Артур Кларк, но мало кому удалось с такой же убедительностью показать людей Техники — той Техники, которая так жестоко обманула доверие человечества.

БОЛЬШАЯ ГЛУБИНА

Майку, который привел меня в море

В этом романе я высказываю предположения о предельных размерах некоторых морских животных, которые могут быть оспорены биологами. Не думаю, однако, чтобы против меня ополчились подводные исследователи, — они часто встречают рыб, во много раз больших, чем самые крупные известные особи.

Описание острова Герон в наши дни, за три четверти века до начала этой истории, читатель найдет в книге «Берег кораллов». И я надеюсь, что Квинслендский университет одобрително воспримет небольшую экстраполяцию его ресурсов.

Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УЧЕНИК

ГЛАВА 1

В зону проник убийца. Воздушный патруль южной части Тихого океана обнаружил на изрытой волнами поверхности огромную тушу, за которой тянулись алые пятна крови. Тотчас заработала сложная система оповещения; от Сан-Франциско до Брисбена люди передвигали на картах фишки и чертили круги. И Дон Берли, еще не совсем очнувшись от сна, склонился над контрольным пультом «Сабскаут-5», падавшего вниз, к отметке двадцать саженей.

Он был рад, что тревогу объявили в его районе, — впервые за много месяцев какое-то событие. Хотя глаза его следили за приборами, от которых зависела его жизнь, мысленно он был уже на месте происшествия. Что случилось? В коротком сообщении никаких подробностей, одни факты: убитый кит лежит на поверхности в десяти милях позади стада, которое в панике мчится на север. Очевидно, шайке косаток как-то удалось прорваться через защитные ограждения в зону. Если так, Дону и его товарищам-смотрителям предстоит потрудиться.

Узор зеленых огоньков на контрольном пульте был словно светящийся символ безопасности. Пока этот узор неизменен, пока ни одна изумрудная звездочка не сменилась рубиновой, Дон может быть спокоен за себя и свою маленькую подводную лодку. Сейчас его жизнь в руках триумvirата: воздух — горючее — электроэнергия. Если хоть что-то откажет, он ляжет в стальной гробу на пелагический ил, как Джонни Тиндал в позапрошлом году. Но с какой стати им отказывать? И вообще, успокоил себя Дон, не тех неполадок надо опасаться, которые можно предвидеть.

Он нагнулся над пультом к микрофону. «Саб-5» ушел еще недалеко от плавучей базы, можно говорить по радио, но скоро придется перейти на ультразвук.

«Ложусь на курс 255, скорость 50 узлов, глубина 20 саженей, гидролокатор включен на круговой обзор. До цели 40 минут расчетного хода. Буду докладывать каждые десять минут. Все. Прием».

Чуть слышно донеслось подтверждение с «Полосатика», и Дон выключил передатчик. Пришла пора осмотреться.

Он убавил внутренний свет, чтобы лучше видеть экран, опустил на глаза поляроидные очки и стал всматриваться в пучину. Прошло несколько секунд, два изображения слились в его мозгу в одно, и трехмерный индикатор обрел пространственную жизнь.

В такие минуты Дон чувствовал себя богом: под его контролем участок Тихого океана поперечником в двадцать миль и почти не изведанная толща в две тысячи саженей. Медленно вращающийся луч неслышимого звука прошупывал мир, в котором он плыл, отыскивая друзей и врагов в вечном мраке, куда не проникает дневной свет. В подводную ночь уходил прерывистый беззвучный писк, такой тонкий, что его не уловила бы даже летучая мышь, создавшая звуковой локатор за миллионы лет до человека; слабое эхо возвращалось обратно, улавливалось, усиливалось и ползло по экрану голубовато-зелеными пятнышками.

Многолетний опыт позволял Дону легко толковать их. В пятистах футах под ним простирался, теряясь за подводным горизонтом, рассеивающий слой — живое одеяло, накрывшее полмира. Этот океанский луг то поднимается, то опускается в зависимости от солнца, всегда паря на рубеже мрака. За ночь он всплыл почти к самой поверхности, теперь рассвет вновь оттеснял его вглубь. Плотность рассеивающего слоя так мала, что он не препятствие для гидролокатора. И взгляд Дона проникал до самого дна, хотя лодка парила над ним, словно облако над землей. Но бездны морские его не касались: стада, которые он охранял, и враги, которые на них нападали, обитали в верхних слоях.

Он выключил датчик, смотрящий вниз; теперь гидролокатор работал только в горизонтальной плоскости. Без мерцающего эха из пучины легче различать, что окружает тебя в океанской «стратосфере». Вон то светящееся облако

в двух милях впереди — громадный косяк рыбы; интересно, на Базе знают о нем? Дон сделал пометку в вахтенном журнале. Выбросы вокруг косяка — это преследующие добычу хищники, которые заботятся о том, чтобы не останавливалось извечное вращение колеса жизни и смерти. Его этот конфликт не занимал, он искал дичь покрупнее.

«Саб-5» шел дальше на запад — стальная игла стремительнее и опаснее любого жителя морей. Турбины вспенивали воду, и маленькая кабина, освещенная лишь тусклым сиянием пульта, подрагивала от натуги. Глянув на карту, Дон убедился, что половина пути до заданного района пройдена. Что, если подняться, посмотреть на убитого кита? По ранам можно составить себе представление о противнике. Нет, не стоит. Это задержит его, а время в таких случаях дороже всего.

Призывно запищал приемник, и Дон включил дешифровщик. Он так и не научился читать морзянку на слух, но ползущая из прорези бумажная лента уже сделала все за него.

ВОЗДУШНЫЙ ПАТРУЛЬ ДОКЛАДЫВАЕТ СТАДО 50—100 КИТОВ ИДЕТ 95 ГРАДУСОВ КООРДИНАТЫ СЕТКЕ X186593 Y432011 ТЧК ПЛЫВУТ БОЛЬШОЙ СКОРОСТЬЮ ПОСЛЕ ПЕРЕМЕНЫ КУРСА ТЧК НИКАКИХ СЛЕДОВ КОСАТОК НО ПРЕДПОЛАГАЕМ ОНИ ПОБЛИЗОСТИ ТЧК ПОЛОСАТИК

Это предположение показалось Дону маловероятным. Если тут в самом деле замешаны грозные орки, убийцы китов, их непременно заметили бы: ведь они всплывают глотнуть воздуха. Не говоря уже о том, что патрулирующий самолет их не испугает: они будут рвать добычу, пока не насытятся.

А то, что испуганное стадо сейчас идет почти прямо на него, очень кстати. Дон стал было наносить координаты на планшет, но тут же увидел, что в этом уже нет нужды. На краю экрана появилось созвездие светящихся точек. Он чуть-чуть изменил курс и пошел навстречу стаду.

Что верно, то верно — киты и впрямь развили небывалую скорость. При такой прыти он окажется среди них минут через пять. Он выключил моторы, и сопротивление воды быстро погасило ход.

В маленькой, тускло освещенной кабине в тридцати метрах от залитых солнцем волн Тихого океана Дон Берли готовил свое оружие к предстоящей битве.словно рыцарь в

доспехах... Этот образ часто представлялся ему в напряженные секунды перед боем, хотя он никому на свете не признался бы в этом. Он чувствовал себя также сродни всем пастухам, которые в древности охраняли свой скот. Он был не только сэром Ланселотом, но и Давидом между седых палестинских холмов, готовым отбить нападение горных львов на баранов своего отца.

Еще ближе и по времени и по духу были люди, каких-нибудь три поколения назад пасшие огромные стада в степях Америки. Они бы его поняли; правда, его снаряжение показалось бы им волшебным. Суть та же, только масштаб изменился: животные, которых пасет Дон, весят по сто тонн каждое, а пастбище — безбрежный океан.

Когда до стада осталось меньше двух миль, Дон переключил локатор с кругового поиска на секторный, нацелив его вперед. Луч заметался из стороны в сторону, и круг сменился широким клином; теперь можно было подсчитать, сколько китов в стаде, даже примерно определить размеры каждого. Наметанный глаз Дона искал отбившихся от стада животных.

Он не смог бы объяснить, что заставило его сразу же обратить внимание на четыре пятнышка к югу от стада. Конечно, они шли отдельно от остальных, но ведь не только эти отбились. У человека, который часто смотрит на экран индикатора, вырабатывается своего рода шестое чувство — особое чутье, позволяющее ему видеть за движущимися пятнами то, о чем умалчивают приборы. Рука Дона сама протянулась к пульту и пустила турбины.

Главная часть стада поравнялась с ним, идя на восток. Он не опасался столкновения; как бы ни испугались эти исполины, они обнаружат его так же легко, как он их, и тем же способом. А не включить ли акустический маяк? Услышат знакомый сигнал и успокоятся. Нет, нельзя, неизвестный враг тоже может узнать его.

Четыре импульса, которые привлекли его внимание, теперь были почти в центре экрана. Он повел лодку наперерез и нагнулся к самому индикатору, точно задумал напряжением воли вырвать у картинки все, что она могла сообщить. Два крупных отдельных эха, одно из них сопровождают два спутника поменьше. Неужели он опоздал? Мысленно Дон уже представлял себе идущую совсем близко — меньше

чем в миле — смертельную схватку. Эти два тусклых пятнышка — враг, они атакуют кита, и его товарищ, вооруженный только могучими плавниками, бессилён ему помочь.

Еще немного, и можно будет увидеть их на экране телевизора. Камеры в носовой части «Саб-5» уставились в сумрак, однако на первых порах обнаружили только планктонный туман. Но вот посреди экрана возник огромный силуэт и пониже два меньших. Дальность действия света сильно ограничена, зато теперь Дон гораздо точнее мог судить о том, что наблюдал на экране индикатора.

И он тотчас понял, что ошибся. Невероятно, но два спутника были детенышами. Вообще-то двойники не редкость, однако Дон впервые видел кита с близнецами. В других условиях он был бы увлечен таким зрелищем, теперь же Дон думал лишь о просчете, из-за которого потеряны драгоценные минуты. Придется начинать поиск сначала.

Порядка ради он направил камеру на четвертое пятно, пойманное гидролокатором. По величине импульса Дон заключил, что это тоже кит. Странно, как предвзятость может повлиять на суждение человека о том, что он видит: прошло несколько секунд, прежде чем Дон разобрался в наблюдаемом и понял, что все-таки не промахнулся.

— Силы небесные! — глухо произнес он. — Никогда не думал, что они бывают такими большими.

Акула, самая крупная, какую он когда-либо видел... Еще нельзя было различить подробностей, однако род не вызывал у него сомнения. Только китовая и гигантская акулы могли бы сравниться с ней, но они безобидные вегетарианцы, а это королева всех акулообразных, *Sarcharodon*, Большая Белая Акула. Дон попробовал вспомнить данные о самых крупных известных экземплярах. В 1990 году — может быть, годом раньше или позже — у Новой Зеландии убили сорокафутовую белую, но эта раза в полтора побольше.

Все эти мысли молниеносно пронеслись у него в голове; в ту же секунду он заметил, что хищница, минуя встревоженную мать, уже пошла в атаку на детеныша. Трусость или здравый смысл? Поди угадай. Пожалуй, эти определения вообще неприменимы к работающему по своим законам крохотному мозгу акулы.

Оставалось только одно. Это может затянуть расправу с акулой, но жизнь детеныша важнее. Дон нажал кнопку

сирены, и в жидкую среду вокруг него вторгся короткий механический вопль.

Оглушительный звук одинаково напугал акулу и китов. Акула сделала невообразимо крутой поворот, и Дон едва не вылетел из кресла, когда лодка, подчиняясь автопилоту, легла на новый курс. Юля и поворачиваясь не хуже любого равного ему по величине морского жителя, «Саб-5» настигал хищницу; электронный мозг лодки безотказно подчинялся локатору, позволяя Дону всецело заняться своим оружием. Это очень кстати: следующий шаг окажется трудным, если не удастся выдержать курс хотя бы пятнадцать секунд. На худой конец можно пустить в ход маленькие подводные ракеты; будь он один перед лицом стаи косаток, так бы и пришлось сделать. Но это жестокий и кровавый способ, Дон предпочитал действовать аккуратнее. Тактика рапиры всегда нравилась ему больше, чем тактика гранаты.

Сейчас их разделяет всего полсотни футов, и они быстро сближаются. Такой миг может не повториться. Он нажал пусковую кнопку.

Из-под лодки вперед вырвалось нечто напоминающее ската хвостиком. Дон сбавил скорость — теперь ближе подходить незачем. Маленькая, меньше метра в ширину, стрела мчится куда быстрее разведчика, она в несколько секунд покрывает оставшееся расстояние. На лету стрела разматывала нитку фала, словно подводный паук, плетущий свою сеть. По фалу шла энергия, которая направляла крылатый снаряд в цель и придавала грозную силу его жалу. Стрела мгновенно выполняла команды Дона, и ему казалось, будто он управляет умным и чутким конем.

Акула заметила опасность за долю секунды до удара. Как и задумали конструкторы, ее обмануло сходство снаряда с обыкновенным хвостиком. Прежде чем крохотный мозг сообразил, что ни один скат не ведет себя так, стрела уже попала в цель. Выброшенная взрывом патрона стальная игла проткнула грубую кожу акулы, и рыбина взорвалась приступом неистового страха. Дон немедленно дал задний ход — попадет хвостом, тряхнет его, как горошину в банке, да еще и лодку сомнет. Он уже сделал то, что зависело от него, остается лишь ждать, когда подействует яд.

Обреченная хищница судорожно изгибалась, силясь схватить зубами отравленное жало. Дон уже подтянул стрелу

обратно в отсек в средней части судна, радуясь, что удалось вернуть ее на место невредимой. С трепетом и чувством, близким к сожалению, смотрел он, как смерть одолевает огромную акулу.

Заметно ослабев, она беспорядочно плавала взад и вперед, и Дону один раз пришлось быстро вильнуть в сторону, чтобы не столкнуться с ней. Умиравшая акула медленно всплывала к поверхности. Дон не последовал за ней, на очереди было дело поважнее.

Меньше чем в миле от места схватки он нашел самку и ее детенышей и придирчиво осмотрел их. Они были невредимы, не надо вызывать ветеринара на специально оборудованной двухместной лодке, способной оказать китообразным любую помощь — поставить клизму, сделать кесарево сечение.

Испуг прошел; поглядев на экран индикатора, Дон убедился, что стадо уже не спасается бегством. Неужели знают, что произошло? Ученые основательно изучили, как общаются между собой киты, но многое еще остается загадкой.

— Что ж, старушка, надеюсь, тебе доступно чувство благодарности, — пробурчал Дон.

Решил, что пятьдесят тонн материнской любви — это не шутки, и, продув цистерны, всплыл к поверхности.

Море было спокойным, он открыл люк и высунул голову из маленькой боевой рубки. Вода плескалась в нескольких сантиметрах от его подбородка, иногда волна побольше даже пыталась окропить его. Все это было совершенно безопасно, плечи Дона плотно закупирили люк.

А в полусотне футов от него, будто опрокинутая шляпка, качался на поверхности продолговатый серый гроб. Дон мысленно прикинул, сколько сжатого воздуха нужно накачать в тушу, чтобы она не утонула до подхода вспомогательного судна. Через несколько минут он передаст по радио свой рапорт, а пока хорошо глотнуть свежего тихоокеанского ветра, ощутить чистое небо над головой, взглянуть на солнце, только-только начавшее свое восхождение к зениту.

Сейчас Дон Берли был удачливым воином, отдыхающим после той битвы, которую человеку вести всегда. Они держат в узде призрак голода, во все века преследовавший человечество, но не страшный теперь, когда огромные планктонные фермы поставляют миллионы тонн белка и китовые

стада послушны своим новым хозяевам. Человек вернулся в море, после миллионов лет изгнания вернулся в свой древний дом; пока не замерзли океаны, он не будет голодать...

Но не это было главным для Дона. Даже если бы его дело никому не приносило пользы, он не отказался бы от него. Больше всего на свете он ценил веру в себя и свое могущество, которую ощущал, выполняя такие задания. Могущество? Да, именно так. Но могущество, которым он никогда не злоупотребит, слишком сильно в нем чувство родства с обитателями моря, даже с теми из них, кого он обязан уничтожать.

Казалось, Дон в эту минуту только отдыхает, но, если бы хоть один прибор или огонек на пульте вдруг забил тревогу, он реагировал бы немедленно. В мыслях он уже вернулся на «Полосатик», где завтрак ждет не дожидается его. Чтобы время шло скорее, Дон начал в уме составлять рапорт. Придется кое-кого удивить. Инженеры, которые ведают незрими оградами из электричества и звука, разделившими могучий Тихий океан на удобные для управления участки, примутся искать брешь; биологи, которые клялись, что акулы не нападают на китов, будут искать оправданий. И те и другие, несомненно, преуспеют, и все опять войдет в свою колею, пока море не подстроит новой каверзы.

Впрочем, каверза уже подстерегала Дона, но ее устроили люди, и они не замыслили ничего дурного. Все началось с одного предложения, которое родилось в Комитете по делам космоса, а оттуда было передано во Всемирный секретариат. Проходя все более высокие инстанции, оно в конце концов попало во Всемирную ассамблею и было одобрено членами соответствующей комиссии, став предписанием, которое спустили через секретариат во Всемирную организацию продовольствия, из ВОП — в Морское управление, наконец, из управления — в Отдел китов. И свершилось это в невероятно короткий срок — в какие-нибудь четыре недели.

Дон, понятно, ничего не знал. Итог всей этой деятельности сложного механизма глобальной бюрократии вылился для него в слова, которыми встретил его капитан, когда он вошел в столовую «Полосатика», с вожделением думая о запоздалом завтраке.

— Привет, Дон. Начальство вызывает тебя в Брисбен, там приготовлено какое-то задание. Надеюсь, ненадолго. У нас и без того нехватка людей, сам знаешь.

— Какое еще задание? — насторожился Дон.

Он не забыл, как ему поручили быть гидом одного помощника министра, глуповатого, на его взгляд, малого, с которым он и обращался соответственно. А потом выяснилось, что этот помощник — голова (конечно, иначе он не занимал бы такую должность) и видел Дона насквозь.

— Они ничего не сказали, — ответил капитан. — Похоже, и сами толком не знают. Передай мой нежный привет Квинсленду и держись подальше от казино на Золотом берегу.

— Казино, с моим-то жалованьем, — фыркнул Дон. — Последний раз меня чуть не раздели в «Серферс Парадайз».

— Зато в первый раз ты унес несколько тысяч.

— Новичкам везет, а потом... От того выигрыша давно уже ничего не осталось. И пусть счет останется ничейным, я больше не игрок.

— Спорим? Ставлю пятерку!

— Спорим.

— Можешь платить — спор та же игра.

Ложка переработанного планктона застыла в воздухе; Дон лихорадочно искал выход.

— Черта с два ты с меня получишь, — сказал он. — Свидетелей нет, а я не джентльмен.

Быстро допив кофе, он отодвинулся от стола и встал.

— Что ж, пора собираться. Пока, капитан, до новой встречи.

И старший смотритель пульей вылетел из столовой, провожаемый взглядом командира «Полосатика». Словно ураган, пронесся по переходам судна, потом опять воцарилась относительная тишина.

— Держись, Брисбен, — буркнул себе под нос капитан и отправился на мостик, мысленно перестраивая график вахт; одновременно он сочинял неотразимый меморандум, в котором спрашивал начальство, как работать на судне, где тридцать процентов команды постоянно то в отпуске, то выполняют спецзадания.

Когда он вошел в свою каюту, только одно удерживало его от того, чтобы немедленно подать заявление об уходе: при всем желании капитан не мог представить себе лучшей работы.

ГЛАВА 2

Уолтер Франклин пришел всего несколько минут назад, но уже нетерпеливо мерял шагами приемную. Скользнул равнодушным взглядом по развешанным на стенах глубоководным фотографиям, с минуту посидел на краешке стола, перелистывая журналы, обзоры, доклады, которые всегда копят в таких местах. Журналы знакомы — последние недели он только и делал, что читал, — остальное тоже малоинтересно. А ведь кто-то обязан по долгу службы изучать все эти размноженные на электропринте отчеты ВОП; как только голова выдерживает такую уйму цифр! Более привлекательно выглядел орган Морского управления «Нептун», но и он быстро наскучил Уолтеру, которому все эти дискуссии почти ничего не говорили. Даже самые популярные статьи были выше его разума, так как пестрили незнакомыми терминами.

Секретарша посматривала на него. Конечно, отметила нетерпение посетителя и, наверно, уразумела, что за этим кроется нервозность и душевный разлад. Франклин с трудом заставил себя сесть и сосредоточиться на вчерашнем номере брисбенского «Курьера». Он почти увлекся статьей, в которой редакция отпевала австралийский крикет (только что закончились отборочные соревнования), когда молодая особа, охранявшая кабинет начальника отдела, мило улыбнулась ему и сказала:

— Пожалуйста, мистер Франклин, входите.

Он надеялся, что начальник примет его один; секретари не в счет. Но плечистый молодой человек, занимающий второе кресло для посетителей, выглядел чужим в этом строгом кабинете и смотрел на него скорее с любопытством, чем с дружелюбием. Понятно, они говорили о нем; Франклин тотчас насторожился и ошетинился.

Начальник отдела Кери разбирался в людях почти так же хорошо, как в морских млекопитающих. Он сразу заметил, что посетитель не в своей тарелке, и постарался его ободрить.

— Входите, Франклин, садитесь, — сказал он с преувеличенной сердечностью. — Ну как вам у нас живется? Хорошо устроились?

Франклин был избавлен от необходимости отвечать, потому что директор тут же продолжал:

— Прошу вас, познакомьтесь с Доном Берли. Дон — старший смотритель на «Полосатике», один из наших лучших работников. Он займется вами. Дон, это Уолтер Франклин.

Они обменялись легким рукопожатием, испытующе глядя друг на друга. Наконец Дон через силу улыбнулся улыбкой человека, которому поручили неприятное дело, но он полон решимости добросовестно выполнить его.

— Очень рад, — сказал Дон. — Приветствую нового сторожа наяд.

Франклин попытался улыбнуться. Итог был неутешительным. Он понимал, что обязан этим людям, которые из всех сил стараются помочь ему. Понимал умом, но не сердцем, и не мог заставить себя пойти им навстречу. Боязнь оказаться предметом жалости и назойливое подозрение, что они тут, вопреки всему обещанному, перебивали его косточки, начисто отбивали у него всякую охоту быть с ними на дружеской ноге.

Дон Берли ни о чем не догадывался. Он знал только, что кабинет начальника не самое подходящее место, чтобы знакомиться с новым коллегой, и не успел Франклин опомниться, как они уже вышли на улицу, протиснулись сквозь толпу на Джордж-стрит и нырнули в маленький бар напротив нового почтамта.

Здесь было тихо, хотя сквозь цветное стекло стен Франклин видел снующие силуэты прохожих. Воздух в баре казался особенно прохладным после знойной улицы; власти до сих пор не решились, быть или не быть Брисбену кондиционированным городом и кому передать выгодный подряд, а пока горожане каждое лето изнемогали от жары.

Дон Берли подождал, пока Франклин управится с первой кружкой пива, и заказал вторую. Тут явно кроется какая-то тайна; ему не терпелось поскорее разгадать ее. Это затея какого-нибудь высокого чина в управлении, если не во Всемирном секретариате. Старшего смотрителя не оторвут от работы, чтобы приставить нянькой к первому попавшемуся новичку, который к тому же намного старше обычных курсантов. Ему, должно быть, тридцать с хвостиком; Дон еще никогда не слышал, чтобы кто-нибудь в этом возрасте проходил спецобучение на смотрителя.

Одно было очевидно, и это лишь усугубляло загадочность истории: Франклин — космонавт, их за милю узнаешь. А что, вот и зацепка. Но тут же Дон вспомнил слова начальника отдела: «Не расспрашивайте Франклина. Я не знаю, что у него было, но нас особо просили не касаться прошлого в разговорах с ним».

Это, конечно, неспроста. Можно представить себе, что Франклин был пилотом и его списали на Землю за какую-нибудь грубую ошибку — скажем, он по рассеянности вместо Марса прилетел на Венеру.

— Вы впервые в Австралии? — осторожно спросил Дон.

Не самый сильный ход, и ответ Франклина как будто не располагал к продолжению.

— Я здесь родился, — сказал он.

Но Дона нелегко было привести в замешательство. Он усмехнулся и продолжал примирительным тоном:

— Мне никто ничего не рассказывает, вот и привык сам дознаваться. Я-то родился на другом конце земного шара, в Ирландии, но меня послали работать в Тихоокеанский филиал отдела. Так я попал в Австралию и теперь уже считаю ее как бы своей второй родиной. Правда, на берегу почти не бываю. Такая работа, восемьдесят процентов времени — в море. Сами понимаете, не всякому понравится этакая жизнь.

— Меня это вполне устроит, — сказал Франклин, однако не стал объяснять почему.

Из этого типа надо каждое слово клещами вытягивать! А ему с ним работать, и не одну неделю... За что такая кара? Все же Дон мужественно продолжал наступать:

— Шеф сказал, что у вас хорошая научная и инженерная подготовка. Значит, вы в общем знакомы с тем, что у нас проходят на первом курсе. А про организацию нашей отрасли вам толковали?

— Меня напичкали под гипнозом кучей фактов и цифр. Могу прочесть вам двухчасовую лекцию о Морском управлении — история, структура, очередные задачи всего управления, и Отдела китов в частности. Но пока что все это для меня пустые слова.

Так, лед тронулся. Оказывается, парень все-таки умеет говорить. Глядишь, еще кружка-другая, и он совсем человеком станет.

— С этой гипнопедией всегда так, — подтвердил Дон. — Накачают в тебя сведений дальше некуда, а что из этого останется в памяти? Я уж не говорю о физических навыках или о том, как действовать в аварийных случаях. Тут никакой гипноз не спасет. Только в деле можно научиться чему-то по-настоящему.

В этом месте Дона отвлек скользнувший по стеклу стройный силуэт. Франклин проследил его взгляд и чуть улыбнулся. Дон тотчас уловил этот первый намек на какую-то непринужденность, и у него появилась надежда на более короткие отношения с порученным ему сфинксом.

Влажным от пива указательным пальцем он принялся чертить на пластиковой крышке стола.

— Смотрите, — пояснял он. — Вот это архипелаг Каприкорн — четыреста миль к северу от Брисбена и сорок миль от материка. Здесь находится наш главный учебный центр, который готовит людей для мелководных операций. Отсюда начинается южное заграждение, оно идет на восток до Новой Каледонии и Фиджи. Когда киты с антарктических пастбищ направляются на север, в тропики, чтобы там произвести на свет свое потомство, они могут пройти только через ворота, которые мы оставляем. Мы считаем самыми важными воротами вот эти, у побережья Квинсленда, как раз тут южный проход в Большом Барьерном рифе. Между рифом и материком почти до самого экватора тянется как бы пролив шириной около пятидесяти миль. Когда киты войдут сюда, ими уже легко управлять. А направить их в пролив тоже не трудно. Большинство из них привыкло ходить этим путем задолго до того, как мы вмешались в их жизнь, а остальных мы приучили, и теперь, даже если выключить заграждение, вряд ли от этого изменится их миграция.

— Это заграждение, — перебил его Франклин, — оно что — чисто электрическое?

— Что вы! Электрическое поле только для рыб годится. Для млекопитающих, вроде китов, оно слабовато. Наше заграждение почти сплошь ультразвуковое, на глубине полумили тянется цепочка акустических генераторов, и получается как бы звуковой занавес. А на ворота подаются специальные команды. Мы можем направить стадо в любую сторону, куда нам надо, достаточно проиграть сигнал бедствия,

который издает кит. Но это крайние меры, к ним мы прибегаем редко, киты уже приучены.

— Понимаю, — сказал Франклин. — Я даже где-то читал или слышал, что заграждения нужны не столько для китов, сколько для других животных, чтобы не пускать их.

— Это верно отчасти, но и китами надо управлять — скажем, когда их загоняют для подсчета или для боя. Правда, мы еще не довели заграждение до полного совершенства. Есть слабые точки на стыках акустических полей, и время от времени приходится выключать секции, пропускать мигрирующую рыбу. Глядишь, и прорвется крупная акула или косатки проскочат. И натворят бед. Косатки хуже всего, они нападают на китов на пастбищах в Антарктике, из-за них мы до десяти процентов стада теряем. Все ждут не дождутся, когда истребят косаток, вот только не могут придумать дешевого способа. Нельзя же патрулировать подводными лодками всю область пакового льда. А жаль — особенно когда увидишь кита, с которым расправилась косатка.

Берли говорил так горячо — Франклин даже удивился. Считается, что китопасы (ласковое название, придуманное народом, которому непременно подавай героев) не склонны ни размышлять, ни чувствовать. И хотя Франклин отлично понимал, что грубоватые и немногословные парни, шествующие по страницам повестей из жизни подводников, очень далеки от действительности, трудно было отрешиться от утвердившегося штампа. Конечно, Дона Берли молчуном не назовешь, но в остальном он как будто соответствует этому штампу.

Как он поладит со своим наставником, спрашивал себя Франклин, да и вообще со своей новой работой? Пока что она его не увлекла. А что будет потом — время покажет. Судя по всему, эта область богата интересными, даже захватывающими задачами и возможностями. Хоть бы увлечься, найти себе применение! За последний год — тяжелый, долгий год — он многого лишился, потерял вкус к жизни, к работе.

И не верится, чтобы к нему когда-нибудь вернулось воодушевление, продвинувшее его так далеко по пути, который теперь заказан ему навсегда. А Дон все рассказывал, говоря легко и живо, как человек, знающий и любящий свое дело. Франклина вдруг укололо чувство вины. Разве это честно — отрывать Берли от работы и превращать его не то в няньку,

не то в воспитательницу детского сада?.. Впрочем, если бы Франклин знал, что Берли сам уже задавал себе этот вопрос, его сочувствие живо прошло бы.

— А теперь пойдем, не то пропустим автобус в аэропорт, — сказал Дон, взглянув на часы и осушив свою кружку. — Самолет вылетает через тридцать минут. Ваши вещи отправлены?

— В гостинице обещали все сделать.

— Ладно, в аэропорту проверим. Поехали.

Прошло полчаса, прежде чем Франклин смог опять вздохнуть полной грудью. Он уже понял, что это свойственно Берли: до последней секунды он не спешил, потом вдруг словно взрывался. Последняя вспышка энергии перенесла их из тихого бара в еще более тихую кабину самолета. Они отыскивали свои места, и тут случилось маленькое происшествие, которое надолго озадачило Дона.

— Садитесь у окна, — сказал он. — Я сто раз летал по этому маршруту.

Отказ Франклина он принял за обычную учтивость и повторил свое предложение. И только после третьего или четвертого «нет», произносимого все более решительно, даже раздраженно, он смекнул, что вежливость тут ни при чем. Это казалось невероятным, но Дон мог бы поклясться, что его спутник отчаянно трусил. Он впервые видел человека, который боялся бы сидеть у окошка в самолете. И мрачные предчувствия, отчасти развеянные разговором в баре, с новой силой овладели им.

Город и знойное побережье ушли вниз; реактивные двигатели легко подняли машину в небо. Франклин штудировал газету с усердием, которое ни на секунду не обмануло Берли. «Ничего, повременю пока, — решил он, — а потом еще раз проверю его».

Над изрезанной оврагами равниной торчали причудливые клыки — Гласхауз-Маунтинз. Но и они остались позади, и замелькали порты, через которые когда-то, еще до того как сельское хозяйство перекочевало в моря, вывозили плоды земли. Казалось, не прошло и мига, а в голубой мгле на горизонте уж вырисовались темными пятнами островки Большого Барьерного рифа.

Солнце светило почти прямо в глаза, но память Дона хранила подробности, которые сейчас терялись в слепящем

блеске моря, и он видел плоские зеленые острова, опоясанные лентой песчаного пляжа и широкой каймой кораллов, чуть-чуть прикрытых водой. Остров за островом, риф за рифом, о которые вечно дробятся тихоокеанские валы... И на тысячи миль к северу поверхность моря исчертили белоснежные барашки.

Сто лет назад — даже пятьдесят — среди множества островов Большого рифа лишь десять—пятнадцать были обитаемы. Но вездесущий авиатранспорт в сочетании с дешевой энергией и установками для очистки воды позволил не только государству, но и частным лицам нарушить древний покой рифа. Некоторым счастливицам удалось даже — неведомо как — стать единоличными владельцами кое-каких мелких островков. Появились здесь и организации, ведающие отдыхом и развлечениями; это не всегда способствовало украшению творений природы. Но главенствующую роль, бесспорно, играла Всемирная организация продовольствия с ее сложной системой рыбных промыслов, морских ферм и исследовательских учреждений; их было несметное количество.

— Уже почти прилетели, — сказал Берли. — Только что прошли над островом Леди Масгрейв, на нем стоят главные генераторы западной секции заграждения. А вот и архипелаг Каприкорн под нами — Мастхед, Уантри, Нортвест, Вильсон... Вон тот, посередине, со всеми строениями, это Герон. В большой башне находится администрация, а возле бассейна — аквариум. И две подводные лодки видны, смотрите, у длинного пирса, который тянется до края рифа.

Говоря, Дон уголком глаза следил за Франклином. Тот наклонился к окошку и как будто слушал этот репортаж, но Берли мог бы поклясться, что он не смотрит на раскинувшуюся внизу панораму рифов и островов. Лицо Франклина напряглось, и взгляд был отсутствующим, точно он принуждал себя ничего не видеть.

В душе Дона боролись жалость и презрение. Он узнал симптомы, хотя не понимал причин болезни. Самая настоящая высотобоязнь. А он-то принял Франклина за космонавта! Но кто же он? Во всяком случае, не тот человек, с которым Дону хотелось бы делить тесное пространство двухместной учебной лодки.

Амортизаторы самолета коснулись посадочной площадки острова Герон, и Франклин, ступив на прямоугольник сте-

санного коралла и шурясь от яркого солнца, мгновенно оправился от своего недуга. «Вот так же быстро приходят в себя иные после морской болезни, стоит им только сойти на берег, — подумал Дон. — Да, если Франклин такой же моряк, как пилот, я от силы дня через два вернусь на работу, больше эта идиотская затея не продлится». Хотя, по чести говоря, Дон вовсе не спешил: Герон был очень приятным местом, можно отлично развлечься, если знаешь, как обойти все эти запреты и ограничения, без которых не могут жить бюрократы.

Небольшой грузовик помчал людей и багаж по дороге между высокими писониями, плотные кроны которых не пропускали солнечных лучей. Всего четверть мили отделяло пирсы и ремонтные мастерские в западной части острова от административных зданий на восточном берегу. С севера на юг, деля островок на две части, тянулась полоса бережно сохраняемого леса. Дон с нежностью подумал о заманчивых тропинках и уединенных полянах, которыми этот лес изобиловал.

Мистера Франклина уже ждали и заранее позаботились о нем. Было ясно, что в глазах администрации он занимал привилегированное положение, рангом ниже кадровых сотрудников, вроде Берли, но несравненно выше обычных курсантов. Самое удивительное, ему отвели отдельную комнату. Такой чести на Героне не удостоивалось даже начальство из Отдела китов. Берли только облегченно вздохнул; он так боялся, что придется жить вместе с этим странным воспитанником. Тем более что это было бы серьезной помехой для некоторых сугубо личных дел Дона.

Он проводил Франклина в его комнату на втором этаже учебного корпуса. Она была не очень просторной, но уютной; из окна открывался вид на простершийся до самого горизонта риф. Внизу группа курсантов, пользуясь переменной, разговаривала с преподавателем. Дон сразу узнал его, хотя и не помнил фамилии. Приятно вернуться в школу, когда знаешь все ответы...

— Здесь вам будет хорошо, — сказал он Франклину, который уже разбирал свои вещи. — Вид-то какой, а?

Обычно поэтические восторги были чужды Дону, но ему хотелось проверить, как Франклин воспримет картину могучего океана с белыми шапками кораллов. Его ожидало

разочарование: тридцать футов высоты, по-видимому, не пугали Франклина, он с явным восхищением любовался голубовато-зеленым простором, уходящим в безбрежные океанские дали.

Так тебе и надо, отругал себя Дон, нашел, кого дразнить. Какая бы холера ни пристала к этому бедняге, ему, наверно, несладко с ней.

— Я пойду, а вы устраивайтесь, — сказал он, идя к двери. — Завтрак через полчаса в столовой, мы проезжали мимо нее. Там и увидимся.

Франклин рассеянно кивнул, доставая из чемодана белье и раскладывая его на кровати. Сейчас он больше всего хотел побыть один, без посторонних, освоиться с новой обстановкой, в которой ему, хочешь не хочешь, предстоит жить.

Прошло минут десять, когда раздался стук в дверь и кто-то негромко спросил:

— Можно войти?

— Кто там? — откликнулся Франклин, поспешно наводя порядок.

— Доктор Майерс.

Фамилия незнакомая, но — Франклин криво усмехнулся — неспроста первым его навел на врача. И нетрудно угадать, какой именно.

Майерс был некрасивый, но приятный мужчина лет сорока, коренастый, с пристальным, испытующим взглядом, который как-то не сочетался с его дружелюбием и предупредительностью.

— Извините, что врываюсь вот так, сразу, — учтиво произнес он. — Но у меня просто нет другого выхода, сегодня вечером я вылетаю на Новую Каледонию и вернусь только через неделю. Профессор Стивенс просил меня зайти к вам и передать наилучшие пожелания от него. Если вам что-нибудь понадобится, звоните мне, мы постараемся все устроить.

Франклин отдал должное искусству, с каким Майерс обошел подводные камни. Он не сказал: «Мы говорили о вашем заболевании с профессором Стивенсом», — хотя, конечно, именно так и было. И не предложил прямо своих услуг, подал все так, словно Франклин не нуждается больше в лечении и просмотре.

— Я вам очень признателен, — искренне ответил Франклин.

Доктор Майерс пришелся ему по душе, и он решил не злиться попусту на надзор, которого ему все равно не избежать.

— Скажите, — продолжал он, — что здесь известно обо мне?

— Ровным счетом ничего. Знают лишь, что нужно помочь вам возможно скорее выучиться на зрителя. Вы не думайте, это далеко не первый случай срочной переквалификации. Разумеется, будут любопытствовать, кто вы, что вы, от этого никуда не денешься. Пожалуй, в этом и заключается для вас главная трудность.

— Берли уже умирает от любопытства.

— Хотите послушать мой совет?

— Конечно, говорите.

— Вам работать с Доном не один день, и будет только справедливо по отношению к нему поделиться с ним, когда вы почувствуете, что пришло время. И это в ваших же интересах. Я уверен, он все поймет. Если хотите, могу сам ему объяснить.

Франклин молча покачал головой. Возразить было нечего, он понимал, что Майерс говорит дело. Рано или поздно истина все равно всплывет; оттягивать неизбежное — себе вредить. Но победа в борьбе за рассудок и уважение к себе была еще слишком непрочной, он боялся даже подумать о том, чтобы работать с людьми, посвященными в его тайну, как бы благожелательно к нему ни относились.

— Ну хорошо. Как решите, так и будет. Желаю удачи и надеюсь, что я не понадобится вам как врач.

Майерс давно ушел, а Франклин все еще сидел на краешке кровати, обозревая свою будущую сферу — море. Да, удача нужна ему. Он чувствовал, что интерес к жизни возрождается. Дело даже не в том, что все стараются ему помочь; к этому он, можно сказать, привык за последние месяцы. Главное, он наконец-то сам увидел какой-то просвет, поверил, что может наполнить свою жизнь новым смыслом.

Вдруг Франклин очнулся от размышлений и взглянул на часы. На десять минут опаздывает на завтрак — плохое начало новой жизни! Он представил себе, как Дон Берли нетерпеливо ждет его в столовой, беспокоясь, не случилось ли чего.

— Иду, мой учитель, — с улыбкой сказал он. Он уже успел забыть, когда шутил в последний раз.

ГЛАВА 3

Когда Франклин в первый раз увидел Индру Лангенбург, руки у нее были по локоть в крови, и она деловито разрезала внутренности десятифутовой тигровой акулы, которую сама же и выпотрошила. В лучах солнца тускло поблескивало белое брюхо чудовища, расprostертого на песчаном пляже, облюбованном Франклином для утренних прогулок. Из пасти акулы свисала крепкая цепочка с крючком; видно, рыбина попалась на удочку ночью и с отливом очутилась на мели.

Несколько секунд Франклин глядел на это странное сочетание — милая девушка и мертвый монстр, потом раздельно произнес:

— Это не совсем то, что я хотел бы видеть перед завтраком. Чем вы, собственно, заняты?

К нему повернулось смуглое лицо с очень строгими глазами; длинный острый нож, который произвел такое кровопролитие, продолжал ловко рассекать хрящ и кишки.

— Я пишу диссертацию о витаминах в печени акулы, — ответил ему голос, такой же строгий, как глаза. — Для этого мне нужно много акул. Это моя третья за неделю. Возьмите зубы? Отличный сувенир, а у меня их уже хватает.

Она подошла к голове хищницы и засунула нож в пасть, которой не давал закрыться деревянный брусок. Рука девушки сделала быстрое движение, и появилось целое ожерелье страшных треугольников — как бы ленточная пила из кости.

— Нет-нет, спасибо, — поспешно отказался Франклин; хоть бы не обиделась: молодая, ей, наверное, и двадцати нет. — Вы работайте, не обращайтесь на меня внимания.

Появление незнакомого лица на этом маленьком островке его не удивило: сотрудники Научно-исследовательской станции редко общались с управленцами и работниками учебного комбината.

— Вы новичок? — спросила окровавленная исследовательница, с довольным видом бросая в ведро большой кусок печени. — Я не видела вас на последнем танцевальном вечере.

У Франклина сразу поднялось настроение. Как приятно встретить человека, который ничего не знает о тебе и не

любопытствует, зачем ты приехал! Впервые он мог говорить свободно, не ощущая неловкости.

— Да, только что прилетел, буду учиться. А вы давно здесь?

Он поддерживал этот глубокомысленный разговор, потому что ему было приятно ее общество, и она, конечно, понимала это.

— С месяц, — небрежно бросила девушка. Ведро опять чавкнуло: оно было уже почти полным. — Сейчас у меня каникулы, я учусь в университете в Майами.

— Значит, вы американка? — спросил Франклин.

— Э нет, — важно ответила она. — Во мне почти поровну голландской, бирманской и шотландской крови. А родилась я в Японии, вот и разберитесь.

Подшучивает? Да нет, на лице ни тени лукавства. Славная девушка... Но не стоять же тут с ней весь день. У него всего сорок минут на завтрак, в девять занятия по вождению подводной лодки.

Он тут же забыл об этой встрече; с каждым днем круг его знакомых ширился, и он постоянно видел новых людей. Ускоренный курс не оставлял времени для развлечений, и он был только рад этому. Франклин с головой ушел в новое дело; он даже удивлялся тому, как легко ему думалось. Видно, те, кто послал его сюда, не ошиблись.

Все эмпирические сведения — цифры, факты, структура управления — более или менее безболезненно накачали ему в мозг под легким гипнозом. Проверя себя с помощью магнитофона, который задавал вопросы и сам погоня давал верные ответы, Франклин убедился, что информация запомнилась, а не вылетела из другого уха, как это иногда бывает.

Дон Берли в этом не участвовал, но и тогда, когда он не был занят с Франклином, ему не очень-то давали отвести душу. Начальник курсов был счастлив, что Дон снова попал к нему в лапы, и — весьма учтиво, с подкупающей улыбкой — «осведомился», не согласится ли он, когда у него будет время, читать лекции трем учебным группам. Дона обошли так ловко, что оставалось лишь покориться и сделать вид, будто ему это приятно. А он-то мечтал погулять...

Зато в другом, самом главном его опасения не оправдались. С Франклином вполне можно было ладить, если не касаться личных дел. Он быстро соображал, а его техническая

подготовка во многом превосходила ту, которую получил Дон. Редко приходилось объяснять ему что-либо дважды, и, еще задолго до того как они стали упражняться на учебных стендах, Дон обнаружил в своем ученике задатки хорошего навигатора. Руки Франклина действовали уверенно, он реагировал быстро и четко, и во всей его манере держаться было что-то неуловимое, что отличает первоклассного водителя от заурядного.

Но Дон знал, что, кроме знаний и навыков, необходимо еще кое-что, а вот есть ли это у Франклина, он пока не мог сказать. Только проверив своего ученика в погружении, он сможет определить, что трудился не зря.

Франклину нужно было усвоить так много, что казалось — это невозможно сделать за два месяца, предусмотренные программой. Сам Дон прошел полный шестимесячный курс, и ему было как-то обидно думать, что кто-то может управиться в три раза быстрее, пусть даже с репетиторами. Да одну только материальную часть — виды и устройство подводных лодок — надо изучать два месяца, как бы тебе ни помогали. А он должен в этот же срок пройти с Франклином основы мореплавания и подводной навигации, основы океанографии, подводную сигнализацию и связь, курс ихтиологии, специальную психологию и, само собой, китоведение. Франклин пока что не видел ни одного кита, ни живого, ни мертвого; Дону было очень важно, как пройдет первая встреча — тут сразу узнаешь, получится ли из него смотритель.

Две недели прошли в упорной работе, прежде чем Дон решил взять Франклина с собой под воду. К этому времени между ними установились отношения, своеобразно сочетающие дружелюбие и отчужденность. Они уже называли друг друга просто «Дон» и «Уолт», но дальше этого пока не пошло. Берли по-прежнему ничего не знал о прошлом Франклина, хотя не скупился на догадки. Особенно нравилось ему представлять себе своего ученика очень ловким преступником, возможно даже убийцей, которого реабилитировали после тотальной терапии. А что, вот было бы здорово!..

В поведении Франклина больше не проявлялись те странности, которые бросились в глаза Дону при первой встрече, хотя он, бесспорно, продолжал выделяться нервностью и раздражительностью. И биография Франклина не занимала Берли так, как прежде; ему просто некогда было раздумыв-

вать над ней. Он умел быть терпеливым, когда не оставалось ничего другого, и не сомневался, что рано или поздно все узнает. Несколько раз — Дон мог бы в этом поклясться — Франклин готов был поверить ему свою тайну, но тут же опять замыкался. А Дон не показывал виду, что заметил это, и между ними возобновлялись прежние отношения.

Ясным утром, когда ленивая зыбь чуть колебала поверхность моря, они шли по узкому пирсу, соединившему западный берег Герона с кромкой рифа. Несмотря на прилив, расстояние от кораллового дна до поверхности нигде не превышало пяти-шести футов, и вода была прозрачайшая, видно все до мелочей. Однако этот природный аквариум не занимал ни Франклина, ни Берли. Это все привычное зрелище; главная прелесть и красота — глубже, на подводном склоне.

В двухстах ярдах от острова коралловое поле довольно круто падало вниз, но опирающийся на все более длинные сваи пирс протянулся еще дальше, заканчиваясь горсткой служебных зданий. Строители сделали героическую, в общем-то удавшуюся попытку избежать впечатления мрачного беспорядка, которое почти неизбежно производят всякие доки и пирсы; даже краны не казались уродливыми. С неохотой отдавая в аренду Всемирной организации продовольствия архипелаг Каприкорн, власти Квинсленда поставили непременным условием, чтобы не пострадала первозданная красота островов. И ВОП, можно сказать, справилась с этим.

— Я предупредил, чтобы нам приготовили две торпеды, — сказал Берли.

Спустившись по лестнице в конце эстакады, они через двойную дверь вошли в просторный воздушный шлюз. Давление повысилось, и у Франклина заложило уши; он прикинул, что они сейчас футов на двадцать ниже уровня моря. В ярко освещенном эллинге хранилось различное подводное снаряжение — от обычного акваланга до хитроумнейших двигательных устройств. Заказанные Доном торпеды лежали на тележках на аппарели, которая уходила в недвижимую воду в конце эллинга. Они были покрашены в ярко-желтый цвет, отличающий все учебное оборудование. Дон неприязненно посмотрел на них.

— Да, уже года два, если не больше, как я ими не пользовался, — сказал он Франклину. — У тебя это, наверно, получится лучше, чем у меня. Я предпочитаю обходиться без механизации, когда иду под воду.

Они разделись, оставшись только в плавках и свитерах, навесили на спину дыхательные аппараты. Дон дал в руки Франклину небольшой, но очень тяжелый баллон из пластика.

— Вот это и есть баллон со сжатым воздухом, о котором я тебе рассказывал. Тысяча атмосфер, представляешь себе, воздух в нем плотнее воды. Поэтому с обоих концов есть пустые отсеки для нулевой плавучести. По мере того как ты расходуете воздух, автоматика подпускает в поплавки воду, и баллоны все время остаются почти невесомыми. А без этого выскочишь наверх, как пробка, когда тебе этого меньше всего хочется.

Он посмотрел на манометры и кивнул.

— Половинный запас, — отметил он. — Нам и того не понадобится. Полный заряд рассчитан на сутки, а мы всего-то с час походим.

Они подогнали новые, во все лицо, маски, тщательно проверенные заранее, чтобы не протекали и не давили. Теперь до конца курса маски будут принадлежать только им, вроде как зубные щетки, потому что нет двух людей с одинаковым овалом лица, а малейшая щель может оказаться роковой.

Затем они проверили подачу воздуха, убедились, что маленькие переносные радиостанции работают, и, наконец, легли каждый на свою торпеду. Прозрачные щитки защищали голову, ведь скорость встречной струи достигает тридцати узлов. Франклин лучше вставил ноги в подпертки и нащупал пальцами педали скорости и реверса. Перед лицом у него, посередине пульта находился рычажок, который управлял торпедой, как ручной штурвал самолетом. На том же пульте было несколько тумблеров, компас, спидометр, глубиномер, вольтметр. И все.

Дон дал Франклину последние наставления и заключил:

— Держись правее меня футах в двадцати, чтобы я все время видел тебя. Если что не так и придется бросить торпеду, не забудь только выключить мотор, не то будет носиться, потом ищи ее. Готов?

— Да, готов, — ответил Франклин в маленький микрофон.

— Ну пошли.

Тележки покатались вниз по аппарели, и вот уже они в воде. Знакомое ощущение: как и все, Франклин немножко занимался подводным плаванием, иногда ходил с аквалангом. Предвкушая приятную прогулку, он услышал, как зажужжала маленькая турбина в корпусе торпеды; стены эллинг медленно заскользили назад.

Как только они вышли из-под свай, кругом стало светлее. Видимость здесь была не очень хорошая, от силы тридцать футов, но дальше вода была прозрачнее. Дон развернулся и под прямым углом к рифу пошел в море со скоростью пяти узлов.

— Главная опасность с этой игрушкой, — говорил его голос в маленьком наушнике, вставленном в ухо Франклина, — разгонишься слишком быстро и на что-нибудь налетишь. Под водой трудно судить о расстоянии, тут нужен опыт. Вот, посмотри.

И он заложил крутой вираж, огибая внезапно выросшую перед ними коралловую башню. Если это было рассчитано заранее, то рассчитано здорово, подумал Франклин. Они прошли в каких-нибудь десяти футах от живой горы; он успел заметить полчища ярко окрашенных рыб, которые невозмутимо смотрели на него. Должно быть, привыкли к торпедам и подводным лодкам. Лов тут строго-настрого запрещен, так что человека им тоже нечего бояться.

Включив крейсерскую скорость, они через несколько минут очутились в проливе, который отделял остров от соседних рифов. Тут было где разгуляться, и Франклин стал повторять за Доном бочки, петли и горки. Он никак не поспевал за своим учителем. Они то устремлялись ко дну, на глубину около ста футов, то выскакивали из воды, чтобы сориентироваться. И все время Дон вел репортаж, прерывая его, чтобы выяснить, как себя чувствует ученик.

А Франклин чувствовал себя великолепно. В проливе вода была намного прозрачнее, и они видели почти на сто футов. В одном месте они врезались в косяк любопытных бонит, которые сопровождали их, пока Дон не прибавил скорости и не ушел от эскорта. Акулы почему-то не попадались, и Франклин спросил Дона, в чем дело.

— Так ведь с торпедой многого не увидишь, — ответил тот. — Шум водомета распугивает их. Если хочешь познакомиться со здешними акулами, плавай по старинке. Или выключи мотор и жди, пока сами не придут взглянуть на тебя.

Впереди что-то темное возвышалось над дном; сбросив ход, они приблизились к коралловой гряде высотой двадцать—тридцать футов.

— Здесь живет один мой старый приятель, — сказал Дон. — Посмотрим, может быть, он дома? Почти четыре года не виделись, да разве это срок для него — ему лет двести, не меньше!

Они проплывали мимо огромного, покрытого зеленью кораллового гриба. Франклин рассматривал тени под ним. Вот огромные глыбы, а вот чета изящных помакантид, совсем плоских: он чуть не потерял их из виду, когда они повернулись к нему хвостом. Но ничего похожего на то, о чем рассказывал Берли.

Вдруг одна из глыб сдвинулась с места и поплыла — хорошо, что не в его сторону! Рыбина, какой он в жизни не видел, — длиной почти с торпеду и намного толще, — уставилась на него огромными выпуклыми глазищами. Она разинула толстогубую пасть, и Франклин почувствовал себя как Иона в тот великий миг, который навеки прославил его. Блеснули неожиданно мелкие зубы, и пасть захлопнулась; он даже ощутил толчок воды.

По голосу Дона было слышно, как он рад этой встрече, напомнившей ему пору, когда он сам был курсантом.

— Привет, старина Губошлеп, давненько не виделись! Правда, хорош? Семьсот пятьдесят фунтов, положиись на мое слово. Есть его фотографии, снятые восемьдесят лет назад, он на них ненамного меньше. Удивительно, как подводные охотники не добрались до него, когда еще тут не было заповедника.

— Меня больше удивляет, как он до них не добрался, — заметил Франклин.

— Он же совсем безопасен. Промикросы питаются только тем, что могут проглотить целиком. Зубешки у него мелковаты, кусать не приспособлены. Нет, человека ему не одолеть. Разве что еще лет через сто...

Оставив великана охранять вход в свою обитель, они продолжали плыть вдоль рифа. Дальше особых приключений

не было, если не считать встречи с большим скатом, который, увидев их, снялся со дна, часто-часто хлопая «крыльями». Плывая, он удивительно напоминал огромные самолеты с дельтовидным крылом, которые парили в воздушном океане лет шестьдесят—семьдесят тому назад. Удивительно, подумал Франклин, как природа предвосхитила многие изобретения человека. Взять хотя бы форму этой торпеды, даже самый принцип реактивного движения.

— Обогнем риф, замкнем круг, — сказал Дон. — Минут за сорок дойдем до пирса. Как самочувствие?

— Отлично.

— Уши не болят?

— Левое ухо поначалу вроде бы заложило, но теперь ничего.

— Ладно, тогда пошли. Иди чуть сзади и выше, чтобы я видел тебя в зеркальце. А то, пока ты шел справа, я все время боялся врезаться в тебя.

Перестроившись, они со скоростью десяти узлов устремились на восток, следуя за извивами рифа. Дон был доволен прогулкой; Франклин уверенно держался под водой. Конечно, окончательный вывод делать рано, надо еще посмотреть, как он поведет себя в аварийном случае. Но это до следующего раза.

Без ведома Франклина ему уже подстроили небольшую каверзу.

ГЛАВА 4

Дни были похожи один на другой; надолго установился штиль, солнце описывало дугу за дугой в безоблачном небе. Но учение и работа не давали скучать.

По мере того как разум Франклина воспринимал новые знания и навыки, он явно освобождался от власти кошмара, который прежде угнетал его. Про себя Дон иногда сравнивал Франклина с тугой пружиной, которая теперь постепенно раскручивалась. Правда, у него еще бывали ничем не оправданные, казалось бы, вспышки; раз или два из-за этого даже срывались занятия. В одном случае отчасти был повинен Дон, за что он до сих пор казнил себя.

В тот день он с утра туго соображал, так как накануне поздно засиделся с ребятами, которые отмечали окончание курса; им присвоили звание младших смотрителей (с испытательным сроком), и они чрезвычайно гордились значком серебряного дельфина, украсившим их форменки. Похмелье не похмелье, просто мозги работали вяло, а тут, как назло, подвернулся какой-то сложный вопрос подводной акустики. Даже будь у него голова как стеклышко, Дон постарался бы обойти этот вопрос по кривой — дескать, он не силен в математике, но, если взять графики сжимаемости и температуры, получится то-то и то-то...

Это почти всегда проходило с другими учениками, но Франклина отличало нелепое пристрастие к частностям. Он принялся вычерчивать графики и дифференцировать уравнения, а Дон тихо бесился, предвидя, что сейчас будет разоблачено его невежество. Франклин быстро убедился, что орешек ему не по зубам, и попросил помощи у своего наставника. Тот сам ничего не понимал, но как в этом признаться! Создалось впечатление, что он просто не хочет помочь; в итоге Франклин вспылил и сердито вышел из класса. А Дон отправился в амбулаторию и с досадой обнаружил, что выпускники уже разобрали весь аспирин.

К счастью, такие недоразумения случались редко; оба научились уважать друг друга и идти на какие-то уступки. Вообще же Франклин не пользовался любовью преподавателей и курсантов. Во-первых, он сам избегал близких знакомств, за что местное общество признало его зазнайкой. Курсанты завидовали его привилегиям, особенно отдельной комнате. Преподаватели были недовольны дополнительной нагрузкой, а еще тем, что ничего не могли о нем выведать. И Дон, к своему собственному удивлению, не раз ловил себя на том, что с жаром защищает Франклина от нападок своих коллег.

— Он не такой уж плохой парень, когда узнаешь его поближе, — говорил он. — Не хочет о себе рассказывать — ну и что же, это его личное дело. Самое высокое начальство стоит за него — значит, заслужил. Я уж не говорю о том, что он любого из вас за пояс заткнет, когда я сделаю из него смотрителя.

Несколько человек недоверчиво фыркнули, а кто-то спросил: — А на сюрпризах ты проверял его?

— Еще нет, но скоро проверю. Отличную штуку придумал. Поглядим, как выпутается. Потом расскажу.

— Пять против одного, что он перетрусит.

— Идет. Копи деньги.

Выходя второй раз с Доном на торпедах, Франклин не подозревал, какое развлечение ему приготовлено, и, конечно, не мог знать, что от него зависит исход пари. Оставив позади пирс, они пошли южным курсом на глубине около тридцати футов. Пересекли расчищенный взрывами узкий проход для мелких судов Научно-исследовательской станции и сделали круг возле подводной кабины, позволяющей ученым со всеми удобствами изучать обитателей морского дна. Но в кабине было пусто, никто не смотрел на них сквозь толстое зеркальное стекло иллюминаторов. Интересно, спросил себя Франклин, чем сейчас занята юная любительница акул?

— А теперь — к рифу Вистари, — сказал Дон. — Поупражняешься в навигации.

И он развернулся на запад; там было глубже. Видимость в этот день не достигала и тридцати футов, уследить за ним было нелегко. Но вот Дон сбавил ход и пошел по кругу, ставя задачу Франклину.

— Сперва пойдешь так: курс двести пятьдесят, скорость десять узлов, время — одна минута. Потом с той же скоростью курсом ноль десять, время то же. Там встретимся. Понятно?

Франклин повторил условия; они сверили часы. Смысл задачи был ясен: маршрут представляет собой две стороны равностороннего треугольника — сам Дон, очевидно, не спеша пойдет к назначенной точке вдоль третьей стороны.

Франклин лег на заданный курс, нажал педаль скорости, и торпеда рванулась вперед, в голубую мглу. Лишь по тому, как тугая встречная струя хлестала по коленям, мог он судить о быстроте хода, а ведь без щитка его сразу бы смело с аппарата. Иногда внизу мелькало дно — гладкое и скучное здесь, в проливе между могучими рифами, — а в одном месте он настиг стайку щетинозубов, которые, заметив его, бросились врассыпную.

Вдруг он осознал, что впервые идет под водой один, окруженный стихией, в которой ему жить и работать. Эта среда служит ему опорой, она защищает его, но может в две-три минуты убить, если он ошибется. Или если вдруг подведет

снаряжение. Однако мысль об этом не испортила ему настроения, он был достаточно уверен в себе и в своих навыках, которые совершенствовались с каждым днем. Франклин знал теперь, чего море требует от человека, и готов был принять вызов. С радостью он подумал, что жизнь его вновь наполнилась смыслом.

Одна минута... Он реверсировал водомет и сбавил скорость до четырех узлов. Пройдена треть мили, пора ложиться на новый курс; вторая сторона треугольника приведет его к Дону.

Он повернул рычажок вправо и тотчас понял: что-то неладно. Торпеда вышла из повиновения и тяжело переваливалась с боку на бок. Тогда он выключил двигатель; лишенный тяги, аппарат медленно повлек его ко дну.

Лежа на спине своего взбунтовавшегося рысака, Франклин пытался сообразить, в чем дело. Неудача не столько встревожила, сколько рассердила его. Вызывать Дона бессмысленно, эти маленькие радиостанции обеспечивают связь под водой от силы на двести метров. Как же быть?

Мозг подсказал сразу несколько ответов — и все не то. Починить торпеду нельзя, приборная доска запечатана, да у него и нет инструментов. Судя по тому, что отказали вертикальный и горизонтальный рули, поломка серьезная. Непонятно, как это могло случиться.

Уже пятьдесят футов, и он погружается все быстрее. Внизу показался плоский песчаный грунт; Франклин с трудом подавил безотчетный порыв — продуть цистерны торпеды и всплыть. Кажется, что может быть естественнее при неисправности — подняться к солнцу и воздуху, но это было бы самое неудачное решение. На дне он не торопясь все обдумает, а на поверхности его может унести течением на много миль в сторону. Конечно, База быстро поймает его радиосигналы, но Франклин хотел выпутаться сам, без посторонней помощи.

Торпеда легла на грунт; несильное течение быстро унесло поднятое ею облачко песка. Откуда-то явился небольшой промикроскоп и уставился на чужака своими выпученными глазами. Франклину было не до зрителей. Он осторожно слез с аппарата и направился к корме. Без ластов его подвижность была сильно ограничена; к счастью, на корпусе

было достаточно ручек, позволявших без труда передвигаться вдоль торпеды.

Так и есть (но не понятно почему) — рули болтаются как попало. Он легко вертел их во все стороны, не ощущая никакого сопротивления. А если приладить наружные тужи и попробовать править вручную?

В кармашке на поясе есть нейлоновый тросик и нож. Но как прикрепить тросик к гладким, обтекаемым лопастям?

Похоже, придется шагать обратно пешком — пустить мотор на малой скорости и идти за торпедой, направляя ее руками. Не очень удобно, но теоретически допустимо, а что тут еще придумаешь?

Франклин поглядел на часы. Всего две минуты, как он сделал безуспешную попытку лечь на новый курс; значит, он пока только на минуту опаздывает к месту встречи. Дон еще не успел встревожиться, но скоро начнет искать запропавшего ученика. Может быть, самое разумное — ждать здесь, пока не появится Дон?

И тут в душе Франклина родилось подозрение, которое через секунду сменилось полной уверенностью. Он припомнил различные толки, которые ему доводилось слышать, вспомнил, как держался Дон перед выходом в море: у него было смущенно-натянутое лицо, точно он втайне приготовил какую-то каверзу.

Ну конечно. Все это подстроено нарочно. И Дон сейчас ждет, что он предпримет: парит за пределами видимости, готовый прийти на помощь, если дело обернется скверно. Франклин окинул взглядом полушарие, которым ограничилось его поле зрения, — не притаилась ли во мгле вторая торпеда? Он ничего не увидел — и не удивился. Берли слишком умен, его так легко не поймать. Но это в корне все меняет. Теперь задача Франклина не только выпутаться самому, но и сообразить, как можно отыгаться на Доне.

Он вернулся к пульту и включил двигатель. Легонько нажал на педаль скорости; торпеда вздрогнула, под соплом забился вихрь песка. После нескольких проб Франклин убедился, что можно идти за аппаратом пешком, надо только все время следить, чтобы он не взмыл к поверхности или не зарылся носом в песок. Конечно, так не скоро доберешься до дому, но другого выхода нет.

Франклин прошел не больше десятка шагов, провожаемый свитой озадаченных рыб, когда его осенила новая мысль. Да нет, слишком это просто, ничего не выйдет... А почему не попробовать? Он лег на торпеду, как положено, и, двигаясь вперед и назад, добился полного равновесия. Потом поднял нос аппарата, раздвинул руки в стороны и дал педалью малый ход.

Нелегко было все время напрягать запястья, мгновенно отзываясь, когда торпеда пыталась вильнуть вниз или в сторону. Но в общем-то вполне можно было править ладонями; примерно то же самое, что ехать на велосипеде, сложив руки на груди. На скорости в пять узлов площадь его ладоней оказалась в самый раз, торпеда хорошо слушалась.

Интересно, кто-нибудь до него ходил таким способом?.. Франклин был очень доволен собой. Попробовал увеличить скорость до восьми узлов, но руки не выдерживали такого напора воды, и он сбавил ход, не дожидаясь, когда потеряет управление.

А почему бы теперь не пойти к назначенному месту — вдруг Дон ждет его? Он опоздает на несколько минут, зато докажет, что способен, несмотря на подстроенные — он в этом больше не сомневался — препятствия, выполнить задание.

Дона не было ни в условленной точке, ни по соседству с ней. Не трудно было представить себе, что произошло. Неожиданная прыть Франклина застигла Берли врасплох, и он потерял ученика в подводной мгле. Ничего, пусть поищет. Чтобы все было по правилам, Франклин включил радио и сделал вызов, но ответа не последовало.

— Иду домой! — крикнул Франклин в окружающую его толщу.

Тишина. Видно, Дон ушел слишком далеко, мечется, не знает, где и искать своего подопечного.

Идти и дальше под водой — значило только затруднять себе ориентировку и управление. Франклин всплыл и увидел, что меньше тысячи ярдов отделяет его от пирса ремонтников. Перенеся тяжесть назад, так что нос торпеды задрался, он заскользил по поверхности, словно глассер, и через пять минут был дома.

Пропустив аппарат через антикоррозийную обмывку, обязательную после работы в соленой воде, Франклин при-

ступил к исследованию. Снял приборную доску и тотчас увидел, что ему досталась не совсем обычная торпеда. Без схемы нельзя было точно определить назначение этих радиоуправляемых реле, но он догадывался, что у них увлекательнейший репертуар. Они, конечно, могут остановить двигатель, продуть или наполнить водой цистерны плавучести, отключить рули. Франклин подозревал, что при желании можно также вывести из строя компас и глубиномер. Словом, кто-то основательно потрудились и создал подходящего рысака для чересчур самоуверенных курсантов.

Он поставил на место доску и доложил о своем прибытии дежурному.

— Видимость никудышная, — добавил он; это была чистая правда. — Мы с Доном потеряли друг друга, и я решил вернуться. Наверно, и он скоро придет.

Когда Франклин вошел в столовую один, без инструктора, молча сел в сторонке и погрузился в чтение журнала, все было явно озадачено. Сорок минут спустя грохот дверей возвестил о прибытии Дона. Надо было видеть его лицо, эту смесь облегчения и растерянности, когда он, окинув взглядом помещение, узрел своего пропавшего ученика, который с самым невинным видом спросил его:

— Ты где пропал?

Берли повернулся к своим коллегам и вытянул руку ладонью вверх.

— Платите, ребята, — скомандовал он.

Его сомнениям пришел конец: этот парень ему определенно нравился.

ГЛАВА 5

«Не похожи на обычных ученых гостей», — решила Индра, когда по пути в свою лабораторию заметила двух мужчин, которые стояли у перил, ограждающих главный бассейн аквариума. И только подойдя ближе, она разглядела их. Тот, что пошире в плечах и повыше ростом, — старший смотритель Берли, а второй, очевидно, знаменитый человек-загадка, которого он обучает по ускоренной программе. Она слышала его фамилию, но не запомнила, так как дела школы ее мало занимали. Как представитель чистой науки,

Индра свысока смотрела на сугубо практическую деятельность Отдела китов, хотя, если бы кто-нибудь открыто обвинил ее в интеллектуальном снобизме, она бы возмутилась.

Их разделяло несколько шагов, когда Индра сообразила, что и второго тоже уже встречала. В свою очередь, обращенное к ней лицо Франклина словно говорило: «А ведь мы где-то виделись?»

— Здравствуйте, — сказала она, остановившись рядом с ними. — Вы меня помните? Девушка, которая коллекционирует акул.

Франклин улыбнулся и ответил:

— Конечно, помню, меня до сих пор иногда мутит. Надеюсь, вы нашли уйму витаминов?

Но озадаченное выражение, как у человека, который тщетно силится что-то припомнить, не покидало его лица. У Франклина был такой потерянный вид, что Индра поймала себя на сочувствии к нему. Уж это совсем ни к чему! Мало ей тех случаев, когда с трудом удавалось уберечься от сердечных конфликтов? И она строго повторила в уме свое твердое решение: «Не раньше, чем получу степень магистра...»

— Вот как, вы знакомы, — уныло произнес Дон. — Что ж, представь меня.

Дона можно не опасаться. Он немедля начнет ухаживать за ней; какой зритель не считает себя сердцееедом! И она вовсе не против — хотя плечистые блондины не в ее вкусе, приятно сознавать, что ты производишь впечатление. Серьезного ничего не будет, она может поручиться. Правда, с Франклином Индра чувствовала себя далеко не так уверенно.

Они непринужденно беседовали, слегка подтрунивая друг над другом и рассматривая дельфинов и крупных рыб, которые кружили в овальном водоеме. Главный бассейн лаборатории представлял собой искусственную лагуну, вода в нем дважды в сутки освежалась помпой и приливно-отливным течением. Бассейн делился на секции; сквозь проволоочные заграждения алчно поглядывали друг на друга неуживчивые экспонаты. Небольшая тигровая акула с неизбежными прилипалами на спине металась в подводной клетке, не сводя глаз с вкуснейших пампано, сновавших по соседству. В других отделениях можно было наблюдать удивительные примеры сосуществования. Ярко окрашенные лан-

густы — ни дать ни взять огромные размалеванные креветки — копошились в нескольких дюймах от хищной пасти страшной мурены. А стайка молодых лососей, похожих на сардины из консервной банки, юлила перед носом у старого промикроста, который мог всех их проглотить одним махом.

Этот маленький безмятежный мирок был так не похож на риф, где шла непрекращающаяся битва. Правда, если бы сотрудники лаборатории хоть раз забыли покормить своих подопечных, гармонии быстро пришел бы конец и население бассейна катастрофически сократилось бы.

Разговаривал преимущественно Дон; он как будто совсем забыл, что привел сюда Франклина, чтобы показать ему учебные фильмы про китов из обширной лабораторной фильмотеки. Старший смотритель Берли явно старался произвести впечатление на Индру, не подозревая, что она видит его насквозь. Франклин не без интереса наблюдал за этой игрой. Один раз Индра перехватила его взгляд, когда Дон расписывал трудности и лишения, выпадающие на долю простого зрителя, и они улыбнулись друг другу как люди, знающие забавный секрет. И вдруг Индра подумала, что степень магистра, возможно, еще не самое главное на свете. Нет-нет, никаких романов, но не мешало бы побольше узнать о Франклине. Как его имя?.. Да — Уолтер. Есть более красивые имена, ну, и это ничего.

Твердо уверенный, что покоряет еще одно слабое женское сердце, Дон не улавливал эмоциональных токов, которые пронизывали воздух, не касаясь его. Обнаружив вдруг, что они уже на двадцать минут опаздывают в просмотровый зал, он шутя пожурил Франклина; тот принял выговор кротко и рассеянно. Весь этот день его мысли витали далеко от занятий, но Дон ничего не заметил.

Первая часть курса была, в сущности, закончена. Франклин изучил основы профессии зрителя, теперь дело было за опытом, который он мог приобрести только со временем. Его успехи по всем статьям превзошли ожидания Дона. Сыграла роль научная подготовка да и врожденная смекалка. К тому же Франклин занимался с настойчивостью и решимостью, которая иногда пугала его учителя. Словно для него было вопросом жизни и смерти одолеть этот курс. Слов нет, поначалу он раскачивался туговато, первые дни был апатичный, новая профессия его, очевидно, не захватила. Потом

он ожил, открыв для себя замечательные возможности, щедро заложенные в стихии, которую ему надлежало подчинить себе. Дон не был склонен к образному мышлению, но Франклин напоминал ему человека, пробуждающегося от долгого тяжелого сна.

Первый выход на торпедах был решающей проверкой. Возможно, Франклину никогда не придется пользоваться торпедами, разве что для развлечения; эти аппараты создавали с расчетом на мелководье и короткие переходы, а рабочее место смотрителя — в сухой уютной кабине подводной лодки, под защитой прочного корпуса. Однако каким бы умелым и знающим ни был водитель, если он не держался в воде легко и уверенно (но не самонадеянно!), он не годился в смотрители.

Успешно прошел Франклин и другие испытания: декомпрессия, углекислый газ, глубинное опьянение. Берли отвел его в «камеру пыток» учебного комбината, и врачи начали постепенно повышать давление, имитируя спуск. Он чувствовал себя хорошо до глубины ста пятидесяти футов, дальше стал туго соображать и не мог решить простейших арифметических примеров, которые ему задавали по интеркому. На глубине трехсот футов он захмелел и отпускал остроты, от которых сам хохотал до слез; следившие за ним врачи не видели в них ничего смешного. (Потом, прослушивая магнитофонную запись, Франклин согласился с ними.) На глубине трехсот пятидесяти футов он еще был в сознании, но не реагировал на голос Дона, даже когда тот поносил его самыми черными словами. Наконец на глубине четырехсот футов он впал в беспамятство, после чего давление медленно понизили до нормального.

Хотя это вряд ли могло ему понадобиться, Франклин испытал на себе также газовые смеси, позволяющие человеку сохранять работоспособность на гораздо больших глубинах. Конечно, он будет погружаться не с дыхательным аппаратом, а в удобной кабине подводной лодки, дыша обычным воздухом при нормальном давлении. Но смотритель должен быть на все руки мастер — мало ли какую технику придется использовать при аварии.

Мысль о том, чтобы оказаться с Франклином вдвоем в учебной лодке, теперь не пугала Берли. Несмотря на скрытность ученика и загадочность его прошлого, они срабаты-

лись, как полагается коллегам. Друзьями они пока не стали, но в душе уважали друг друга.

Выйдя первый раз на подводной лодке, они держались на малой глубине между Большим Барьерным и материком. Франклин осваивал управление лодкой и — самое главное — навигационные приборы. «Сумеешь провести лодку здесь, в лабиринте рифов и островков, — сказал Дон, — потом проведешь ее где угодно». И если не считать того, что он чуть не врезался на полном ходу в остров Мастхед, Франклин совсем неплохо выполнил задачу. Сложные маршруты по пульта управления его пальцы проходили осмотрительно и точно. Дон знал, что скоро к Франклину придет автоматизм, он будет подсознательно регистрировать показания всех шкал и индикаторов, пока что-нибудь не насторожит его.

Дон предлагал все более трудные задания — например, прокладывать счислением замысловатейшие курсы; по сетке гидролокатора они проверяли, куда пришли на самом деле. И лишь когда он почувствовал, что Франклин уверенно управляет лодкой, они через край материковой отмели вышли на глубоководье.

Но мало водить скаутсаб; надо, чтобы глаза и уши разведчика стали твоими и ты понимал все виды информации, подаваемой на пульт приборами, которые непрерывно зондируют подводный мир. Пожалуй, главными были датчики гидролокатора. В самой мутной воде и в кромешной тьме акустические импульсы безошибочно находили все препятствия в пределах десяти миль и показывали многие подробности. Гидролокатор рисовал очертания морского дна, за полмили видел двух-трехфутовых рыб. А китов и других крупных животных он обнаруживал на пределе дальности и точно устанавливал их положение.

Зрение разведчика было более ограничено. В океанской толще, подальше от нескончаемых струй ила, ползущих над шельфом, иногда — очень редко — можно было видеть на двести футов. А в прибрежных водах телевизионный глаз с трудом проникал дальше пятидесяти футов, зато уж получалось такое изображение, какого другие приборы не могли дать.

Но поисковая лодка должна не только видеть и слышать, ей надо действовать. И Франклин учился владеть своим арсеналом. Тут были буры, которые брали пробы грунта, приборы для проверки заграждений, механизмы, чтобы

собирать образцы фауны и флоры, клейма для безболезненного мечения строптивых китов, электрозонды — давать острастку излишне любопытным хищникам. Маленькие торпеды и отравленные «жала», которые в несколько секунд убивали даже самых могучих животных, применялись в исключительных случаях.

Осваивая все эти принадлежности своей новой профессии, Франклин каждый день выходил далеко в океан. Иногда они пересекали заграждение, и ему казалось, что он буквально воспринимает этот никогда не смолкающий тонкий, пронзительный визг. Акустические генераторы, посылающие из пучины к поверхности веерные лучи, опоясывали уже половину земного шара.

Что сказали бы об этом наши деды и прадеды? — спрашивал себя Франклин. В известном смысле это можно было назвать величайшим и самым дерзким из всех свершений человека. Море, с начала времен диктовавшее людям свою волю, наконец-то было укрощено. Победа, которую можно поставить в один ряд с покорением космоса.

Но эта победа никогда не будет окончательной. Море только и ждет случая, чтобы нанести удар, каждый год оно требует жертв. В Отделе китов Франклин видел список погибших. В нем немало имен — и много места для новых.

Хочешь вести дела с морем, умей с ним ладить, и Франклин постигал эту науку. Ему некогда было читать что-нибудь сверх программы, но он пролистал «Моби Дика» — книгу, которую почти всерьез называли библией Отдела китов. В целом она показалась ему скучной и очень далекой от мира, в котором он жил. Но местами повесть Мелвилла с ее архаичным и напыщенным слогом задевала какие-то струны его души и помогала лучше узнать океан, который он тоже должен был научиться ненавидеть и любить.

А вот Дон Берли начисто отвергал «Моби Дика» и частенько подшучивал над теми, кто без конца его цитировал.

— Мы могли бы кое-чему поучить этого Мелвилла! — снисходительно бросил он однажды.

— Конечно, могли бы, — согласился Франклин. — А ты бы решился бить кашалотов ручным гарпуном с открытой лодки?

Дон промолчал. Он не был в этом уверен, а врать не хотел.

Зато он был уверен в другом. Видя, как быстро Франклин осваивает новое дело, обещая уже через несколько лет стать старшим смотрителем, Дон с уверенностью мог сказать, кем был прежде его ученик. Не хочет говорить — его дело. Конечно, обидно, что Франклин ему не доверяет, но ведь рано или поздно все равно расскажет.

Однако не Дон первым узнал истину, а Индра, и случилось это совершенно случайно.

ГЛАВА 6

Они ежедневно встречались в столовой, правда, Франклин до сих пор не сделал решающего — и почти беспрецедентного — шага, не пересел за стол, за которым обедали научные сотрудники. Столь открытое объяснение в любви привело бы в восторг всех местных сплетников; да и вообще для этого еще не созрело время. Пока что к Индре и Франклину вполне было приложимо избитое «мы только друзья».

Конечно, они нравились друг другу, и, конечно, это подметили чуть не все, кроме Дона. Не раз товарищи Индры по работе одобрительно говорили ей: «Айсберг-то начал таять...» — и эти слова доставляли ей удовольствие. Те, кто узнал Франклина поближе и мог позволить себе шутку в разговоре с ним, советовали ему не забывать, что Дон — старший смотритель, а они очень дорожат своей славой неотразимых. Франклин отвечал натянутой улыбкой, маскирующей чувства, в которых он сам еще как следует не разобрался.

Одиночество, стремление уйти от воспоминаний и потребность отвести душу, особенно острая при такой нагрузке, — все это играло не меньшую роль, чем естественная для всякого мужчины симпатия к обаятельной девушке, какой была Индра. Он не знал, придут ли на смену товарищеским отношениям более серьезные, и даже не был уверен, что хочет этого.

Не была уверена в этом и Индра, хотя ее прежние взгляды были явно поколеблены. Иногда она позволяла себе мечтать, и в этих мечтах карьера отступала куда-то на задний план. Рано или поздно она выйдет замуж, это неотвратимо — и

ее избранник будет очень похож на Франклина... Прямо сказать себе, что она мечтает о нем, Индра пока не решалась.

Многое мешало любви на острове Герон, в том числе теснота: чересчур много людей на слишком маленьком пятачке суши. Оставшийся клочок леса не выручал тех, кому хотелось уединиться. Бродя ночью по его тропинкам и закоулкам, следовало очень тактично пользоваться фонариком, который был необходим для того, чтобы не напороться на низко висящие сучья. Частенько любимое место оказывалось занятым — каково это, если больше некуда пойти!

Только сотрудникам Научно-исследовательской станции повезло. Всеми подводными и большинством надводных плавающих средств на острове распоряжалась администрация, она предоставляла ученым суда для работы. Но по какой-то необъяснимой случайности в ведении лаборатории остался собственный небольшой флот: баркас и два катамарана, которые принадлежали неизвестно кому. Во всяком случае, они почему-то неизменно были в море, когда приезжали ревизоры.

Юрким катам всегда находилась работа, так как маленькая осадка, всего шесть дюймов, позволяла ходить над рифом в любое время, исключая часы отлива. При хорошем попутном ветре они свободно делали двадцать узлов, что очень нравилось любителям гонок. Когда каты не были заняты, ученые ходили на них к соседним островам, чтобы поразить своей удалью друзей, обычно противоположного пола.

Как ни странно, суда и команды всегда благополучно возвращались из походов. Аварий не было, разве что в моральной сфере. Так, после увеселительной прогулки на кате одного очень заслуженного старшего смотрителя пришлось снести на берег на руках, и он поклялся, что никто и ничто не заставит его путешествовать по поверхности моря.

Когда Индра спросила Франклина, не сходить ли им на Мастхед, он тотчас согласился. Потом осторожно справился:

— А кто поведет лодку?

Индра даже обиделась.

— Я, конечно, — ответила она. — Маршрут знаю, десятки раз ходила.

Было видно, как она приготовилась дать отпор, если он подвергнет сомнению ее способности, но Франклин промолчал. Он давно убедился, что Индра разумная и уравнове-

шенная — пожалуй, даже слишком уравновешенная, — девушка. Если она говорит, значит, справится.

Но сперва нужно было решить еще один вопрос. Кат рассчитан на четверых — кого они возьмут с собой?

Ни Франклина, ни Индру нельзя было назвать автором окончательного решения. Оно словно само созрело, пока они перебирали возможных спутников — Дона и друзей Индры по лаборатории. Вдруг разговор оборвался и наступила неловкая тишина, какая порой нарушает самую оживленную беседу.

И они почувствовали, что думают одно и то же и в их отношениях наступила новая пора. Они никого не возьмут с собой на Мастхед, воспользуются случаем впервые побыть наедине. Ни он, ни она не хотели признаваться себе, что это значит: способность человека к самообману поразительна.

Им удалось улигнуть только во второй половине дня. Франклина мучило чувство вины перед Доном. Как он это воспримет? Наверно, обидится. Ладно, Дон не злопамятный; переживет это как мужчина.

Индра ничего не упустила: продукты, крем от загара, полотенца — все, что нужно в походе, она припасла. Молодец. Вон как основательно все делает, из нее выйдет хорошая хозяйка. Но тут же Франклин подумал, что деловитые женщины, как правило, счастливы лишь тогда, когда им удастся всецело подчинить себе супруга.

С материка дул свежий ветер, и кат запрыгал по волнам, словно живое существо. Франклин еще никогда не ходил под парусами, он с упоением отдался скорости. Откинувшись на потертую обивку открытой кабины, он смотрел, как остров Герон стремительно уходит назад. Взгляд его остановился на двойной, кремового цвета кильватерной струе, потом скользнул по наполненным ветром тугим парусам. И он с мимолетным сожалением подумал: почему все созданные человеком средства транспорта не так же просты и стремительны... Как не похоже это суденышко на полный всевозможных приспособлений скаутсаб. А впрочем, есть задачи, которых не решить простейшим способом, и с этим ничего не поделаешь.

Слева длинной чередой тянулись округлые глыбы коралла, выброшенные за сотни лет штормами на гребень рифа Вистари. Исступленная ярость прибоя на этот раз особенно

поразила Франклина. Он часто видел, как волны разбиваются о затопленную преграду, но впервые — так близко и с такого хрупкого суденышка.

Вот и кипящий риф позади, скоро ветер доставит катамаран к цели. А если ветер подведет (что маловероятно), их выручит небольшой водометный двигатель. Но это самое крайнее средство, каждый считал делом чести вернуться с полным баком горючего.

Хотя они впервые очутились вдвоем, говорить не хотелось. Они вели немой диалог, им было хорошо в открытом море под открытым небом. Сверху и снизу чистая голубизна, и только вдаль мглистая кромка горизонта. Остальной мир не существовал, и даже время как будто остановилось.

Франклин был готов лежать так вечно, отдавшись плавному движению лодки, перышком скользившей по волнам.

Но вот впереди возникло низкое темное облако, потом оно обернулось лесистым островком; барьерный риф преграждал путь к полоске песчаного пляжа. Индра нахмурилась и сосредоточила все внимание на лодке. Франклин озабоченно посмотрел на опоясавшие остров буруны.

— Как же мы тут пройдем? — спросил он.

— С подветренной стороны. Там спокойнее, и сейчас прилив, проскочим над рифом. В крайнем случае бросим якорь и дойдем до берега вброд.

Франклин подумал, что к такой задаче можно было бы отнестись и посерьезнее. Если Индра переоценит свои силы и промахнется, будут добираться до берега вплавь. Это не так уж опасно, но и не очень приятно. Еще неприятнее ждать постыдной минуты, когда за ними придут спасатели с Герона...

То ли он по незнанию преувеличивал трудности, то ли Индра и впрямь знала свое дело. Обогнув остров, они с другой стороны нашли место, где в бурунах был просвет; Индра развернула кат и пошла к берегу.

Франклин напрасно ждал хруста кораллов и треска крошащейся пластмассы. Катамаран птицей пронесся над гребнем, отчетливо видным в сморщенной рябью воде. Миновав опасный участок, лодка заскользила по тихой лагуне.казалось, чем ближе берег, тем больше скорость.

В последнюю секунду Индра убрала грот. Мягкий толчок — катамаран коснулся песка и с ходу почти весь выскочил на пляж.

— Приехали, — сказала Индра. — Необитаемый остров в вашем распоряжении, распишитесь.

Франклин никогда не видел ее такой веселой и беззаботной; было заметно, что и она рада случаю несколько часов отдохнуть от повседневной напряженной работы. Или это его общество превратило сосредоточенного исследователя в живую, бойкую девушку? Как бы то ни было, ему нравилась перемена.

Выбравшись из лодки, они отнесли свои припасы в тень, под кокосовые пальмы, недавно завезенные на эти острова, где прежде безраздельно властвовали панданусы с корнями-ходулями и писонии. Можно было подумать, что накануне тут побывал кто-то еще: от кромки воды в глубь острова тянулись странные следы, будто прошел узкоребра́тый трактор. Эти следы могли бы озадачить любого, кто не знал, что большие черепахи выходят на берег, чтобы отложить яйца.

Зачалив кат, Франклин и Индра отправились на разведку. Верно сказано, что все коралловые острова на одно лицо; они действительно схожи между собой и отличаются только в частности. Но даже если вы побывали на десятках таких островков, каждый из них — новое волнующее открытие.

Они пошли вдоль узкой песчаной полоски между лесом и морем. Местами, где в зарослях были просветы, отклонялись от берега, даже забирались в гущу леса и представляли себе, будто они в сердце Африки, а не в ста ярдах от моря.

На плоском гребне песчаной дюны, где обрывалась одна черепаший тропа, они принялись раскапывать песок руками. Сдались только, углубившись на два фута и не обнаружив ни одного яйца с мягкой, кожистой скорлупой. Вероятно, мамаша проложила ложный след, чтобы обмануть своих врагов. За десять минут они развили эту догадку в потрясающую идею о разуме пресмыкающихся. Хорошо, что эта гипотеза осталась неизвестной широкому кругу, — вряд ли она прибавила бы лавров Индре, зато, наверно, испортила бы ей научную карьеру.

Пересекая неровный участок, они взялись за руки, да так и пошли дальше, когда изрытые кораллы сменились ровной тропой. Они молчали, но думали друг о друге, и у обоих было хорошо на душе.

Шли они не спеша, то и дело останавливаясь, чтобы полюбоваться очередным чудом растительного или животного

царства, и кругосветное путешествие заняло два часа. У них разыгрался аппетит, и когда они вернулись к кату, Франклин нетерпеливо принялся разбирать корзину с продовольствием, а Индра занялась примусом.

— Сейчас я заварю котелок настоящего австралийского чая, — сказала она.

— И не удивите меня, — ответил Франклин, улыбаясь; ей очень нравилась его странная улыбка. — Как-никак я здесь родился.

Она даже обиделась.

— Могли бы сказать мне об этом раньше! И вообще пора бы уже...

Индра оборвала фразу на полуслове, но Франклин мысленно договорил за нее: «Пора бы вам уже бросить эту глупую скрытность и рассказать мне что-нибудь о себе».

Невысказанный укор был справедлив, и Франклин смутился; счастливое расположение духа, которое он испытал впервые за много месяцев, на миг покинуло его. Вдруг ему пришла в голову мысль, которой он до сих пор чурался, потому что она могла убить их дружбу. Индра — ученый и женщина, значит, она вдвойне любопытна. И однако она ни разу не задавала ему вопросов о его прошлом. Почему? Это можно объяснить только так: доктор Майерс, который, конечно же, что бы он ни говорил, неприметно наблюдал за Франклином, предупредил ее.

Ему стало совсем горько от мысли, что Индра жалеет его, недоумевая, как и все остальные, что же такое с ним было. И он твердо сказал себе, что не примет любви, основанной на сострадании.

Индра, казалось, не замечала угрюмого молчания Франклина и его смятения. Опустив в бак с горячим гибкую трубку, она тщетно пыталась с помощью этого примитивного сифона заправить примус. Ее усилия показались Франклину такими потешными, что все мрачные мысли вылетели у него из головы.

Наконец примус заработал, и они легли на песок под пальмами, уписывая бутерброды и ожидая, когда закипит вода. Солнце было уже совсем низко, и Франклин прикинул, что они вернутся на Герон только к ночи. Ничего, сейчас почти полнолуние, будет светло, доберутся до дома даже без помощи сигнальных огней.

Чай в котелке получился отличным, хотя настоящий австралийский свегмен назвал бы его жидковатым. Они запили свой ужин и, отдыхая после еды, снова как бы невзначай взялись за руки. «Теперь у меня есть все, чтобы быть довольным», — сказал себе Франклин. И однако что-то — он не мог понять что — беспокоило его.

Тревога особенно усилилась за последние несколько минут, но он старался ее подавить, оттеснить в глубь сознания. Смешно и нелепо ожидать какой-то опасности здесь, на этом мирном необитаемом острове. Почему же в лабиринтах мозга звучит тревожный сигнал и что он означает?

Франклин обрадовался, когда Индра отвлекла его новым вопросом. Она пристально глядела на запад, словно искала что-то на небе.

— Скажите, Уолтер, — заговорила она, — это правда, что можно днем увидеть Венеру, если знать, в какую точку смотреть? Я видела ее вчера сразу после заката — она была такая яркая, что можно в это поверить.

— Чистая правда, — ответил Франклин. — И это совсем не трудно. Главное, определить место, а там сразу различишь.

Он сел спиной к стволу, защитил глаза ладонью от лучей заходящего солнца и направил взгляд в небо, хотя не очень-то надеялся найти крохотное серебристое пятнышко. Последние недели Венера была царицей вечернего неба, но не так-то просто ее отыскать, прежде чем скрылось солнце.

Ага... Есть! В молочно-голубом небе блестела звездочка.

— Нашел! — крикнул Франклин, показывая рукой.

Индра прищурилась, но ничего не увидела.

— У вас просто рябит в глазах, — пошутила она.

— Да нет же, честное слово, вижу. Приглядитесь лучше, — настаивал Франклин, не отрывая взгляда от звезды, чтобы не потерять ее.

— Но Венера не может быть там, — возразила Индра. — Это слишком далеко на север.

Тотчас Франклин с тоской убедился, что она права. Звезда, на которую он смотрел, быстро восходила над горизонтом на западе наперекор законам, управляющим всеми небесными телами.

Он смотрел на Космическую Станцию, самый большой из искусственных спутников Земли, запущенный на высоту

тысячи миль. Франклин попытался оторвать глаза от светила, созданного человеком, побороть этот гипноз. Словно он очутился на краю пропасти: в его душу, грозя поколебать рассудок, вторгся страх перед безбрежной пустотой, разделяющей миры.

Он победил бы, отделавшись легким потрясением, если бы не еще одна роковая случайность. Вдруг его озарило — он понял, что ему не давало покоя: запах горючего, которое Индра набирала из двигателя, характерный сладковатый запах синтена. А память не замедлила подсказать, где он в последний раз чувствовал этот знакомый — слишком хорошо знакомый — аромат.

Синтен... Он был создан для ракетных двигателей, потом, как и все виды химического горючего, устарел и применялся только в маломощных системах, скажем, для космических скафандров.

Космический скафандр.

Это было чересчур. Обоняние и зрение, объединившись, предали его, и он не устоял против двойной атаки. Под напором волны страха в несколько секунд рухнули плотины, воздвигнутые для защиты его сознания.

Франклин чувствовал, как Земля, на которой он сидит, кружится, кружится в космосе, все быстрее, быстрее вращается на своей оси, силясь метнуть его в пространство, словно молот, словно камень. Франклин глухо вскрикнул, упал на живот и зарылся лицом в песок. Обеими руками он ухватился за ствол пальмы, но это не помогло, падение не прекращалось.

ГЛАВА 7

Потрясенная, сбита с толку, Индра тупо уставилась на лежащего ничком, горько, совсем по-детски плачущего Франклина. Но тут же душа и здравый смысл подсказали ей, что надо делать. Она быстро пододвинулась к нему и обняла его вздрагивающие плечи.

— Уолтер! — крикнула Индра. — Все хорошо, чего ты испугался?

Плоские, наивные слова, она сама это понимала, но ей больше ничего не пришло на ум. А Франклин будто и не

слышал ее, его по-прежнему была дрожь, и он отчаянно цеплялся за дерево. Жалкое зрелище — мужчина во власти малодушного страха, полностью утративший чувство гордости и собственного достоинства. Он продолжал всхлипывать, но одновременно Индра услышала, что Франклин произносит чье-то имя, — и невольно, даже в такой миг, она ощутила укол ревности: это было женское имя. Чуть слышно шепнет: «Айрин», — и опять зальется слезами.

Того, что Индра знала о медицине, тут явно было недостаточно. Она помешкала, потом бросилась к катамарану, вскрыла аптечку и достала пузырек с сильным болеутоляющим средством. На ярлыке крупными буквами было написано: «ПРИНИМАТЬ НЕ БОЛЬШЕ ОДНОЙ КАПСУЛЫ». Силой вложив капсулу в рот Франклину, она снова обняла его. Мало-помалу дрожь унялась, приступ прекратился.

Трудно провести границу между состраданием и любовью. Но если она есть, Индра пересекла ее в эти минуты тревожного ожидания. То, что случилось с Франклином, не оттолкнуло ее от него, она понимала — это последствие чего-то ужасного, пережитого им в прошлом. И, что бы это ни было, ради своего же будущего она должна помочь ему одолеть преследующий его страх.

Сейчас Франклин лежал неподвижно. Он дал себя перевернуть на спину и отпустил дерево, но взгляд его был пустым, губы беззвучно шевелились.

— А теперь поедem домой, — шепотом сказала Индра, словно успокаивала перепугавшегося ребенка. — Вставай, все уже прошло.

Поддерживаемый Индрой, Франклин послушно встал, потом как-то безучастно помог собрать вещи и столкнуть на воду катамаран. Он как будто совсем пришел в себя, только упорно молчал, и глаза его наполняла такая тоска, что Индре было больно глядеть на него.

Надо поспешить, подумала она и пустила двигатель в помощь парусу. Индра беспокоилась не за себя, как ни опасно очутиться вдали от людей с ненормальным человеком. Ее заботило только одно: поскорее доставить Франклина к врачам.

Начало темнеть; солнце уже коснулось горизонта, и с востока напoлзала ночь. Один за другим оживали маяки на материке и окружающих островах. И ярче всех сияла на западе косвенная виновница случившегося — Венера.

Неожиданно Франклин заговорил, как будто через силу, но вполне рассудительно.

— Пожалуйста, Индра, извините меня, — сказал он. — Я испортил вам всю прогулку.

— Не говорите глупостей, — возразила она. — При чем тут вы? Выкиньте все из головы. И молчите, не насилуйте себя.

Он снова замолчал и больше не открывал рта до конца путешествия. Она попробовала взять его за руку, но Франклин сразу как-то напрягся, и стало ясно — сейчас он не хотел этого. Как ни обидно было Индре, она выполнила его невысказанную просьбу. Тем более что нужно было внимательно следить за сигнальными огнями, лавируя среди рифов.

Поздновато они возвращаются... Правда, восходящая луна хорошо освещала море, но посвежел ветер, и совсем рядом то возникали, то пропадали, то вновь возникали прозрачно-белые грозные шеренги бурунов вдоль рифа Вистари. Индра следила и за волнами и за мигалкой, которая обозначала окончность пирса на Героне. Только подойдя достаточно близко к острову, так что было хорошо видно и пирс и берег, она позволила себе перевести дух и взглянуть на Франклина.

Поставив катамаран на якорь, они направились к лаборатории; Франклин держался совсем нормально. Наконец пришло время проститься. Здесь, на берегу, не было фонарей и в тени под пальмами она не могла разобрать выражения его лица, но, судя по голосу, он вполне владел собой.

— Спасибо, Индра. Вы для меня столько сделали.

— Знаете что, пойдете к доктору Майерсу. Вам надо посоветоваться с ним.

— Это совсем не нужно. Я в полном порядке, не беспокойтесь.

— А по-моему, все-таки вам нужен врач. Я провожу вас и вызову его.

Франклин затряс головой:

— Нет-нет, прошу вас, дайте мне слово, что вы не делаете этого.

Как поступить? Индра была в замешательстве. Конечно, самое разумное — согласиться, а потом сделать по-своему. Но простит ли ей Франклин такой обман? В конце концов она пошла на компромисс.

— Тогда обещайте, что вы сами к нему пойдете!

Франклин заколебался. Ему не хотелось на прощанье лгать этой девушке, которая могла бы стать его любимой. Но приглушенный лекарством рассудок одолел все угрызения.

— Хорошо, завтра зайду. Еще раз спасибо!

И он решительно зашагал по тропе, ведущей к учебному корпусу, не дожидаясь новых вопросов Индры.

Она проводила его взглядом; в ее душе соревновались радость и тревога. Радость, что полюбила, тревога — потому что ее любви угрожало что-то непонятное. Постепенно эта тревога вылилась в мысль о том, что, наверно, надо было, даже против воли Франклина, настоять на том, чтобы он немедленно обратился к доктору Майерсу...

Всякому сомнению пришел бы конец, если бы Индра видела, как Франклин, пройдя через лес, свернул к пирсу и, словно лунатик, зашагал к эллингу, откуда начинались все его подводные вылазки.

Сейчас его разум был всего лишь покорным орудием эмоций, а эмоции настроились на одно. Удар оказался слишком болезненным, чтобы он мог рассуждать; Франклин, будто раненое животное, думал только о том, как избавиться от боли. Его неудержимо влекло туда, где он на какое-то время обрел душевное равновесие.

Никто не встретился Франклину на всем пути до конца пирса. Спустившись в эллинг, он, как всегда, тщательно стал готовиться к выходу в море. Конечно, не годится посягать на принадлежащее отделу снаряжение, не говоря уже о том, что будут нарушены все учебные графики, но у него просто нет выбора.

Торпеда почти бесшумно выскользнула через подводные ворота наружу. Впервые Франклин шел ночью. После наступления темноты применялись только закрытые суда, так как ночные плаванья были слишком опасны для незащищенного человека. Но Франклин решительно направился к проходу в рифе, за которым простиралось открытое море.

Боль поутихла, но решимость не ослабевала. Здесь он нашел счастье, здесь найдет и забвение.

Кругом был мир полуночной синевы, в который с трудом проникали бледные лучи луны. Привлеченные или, наоборот, испуганные шумом торпеды, жители рифа метались вокруг него, будто светящиеся призраки. Во тьме внизу

угадывались знакомые бугры коралла и лощины. Он прощался с ними отрешенно, без грусти.

Участь его решена, мешкать нечего. Франклин выжал до конца педаль скорости, и торпеда рванулась вперед, словно прищпоренный конь, со скоростью, недоступной ни одному обитателю моря. Далеко позади остались острова Большого Барьерного.

Только раз поглядел он вверх; где-то там простирался мир, из которого он ушел. Вода была на редкость прозрачной, и в ста футах над своей головой Франклин увидел серебряную лунную дорожку снизу, откуда ее мало кто наблюдал. А это размытое, пляшущее пятнышко — сама луна. На секунду застынет, четкая, ясная, и опять волны ее дробят.

В одном месте за ним погналась очень крупная — он еще никогда не видел таких — акула. Сперва огромный силуэт, за которым тянулся светящийся след, возник прямо перед ним, и Франклин даже не попытался свернуть. Она промахнулась совсем немного, он успел заметить устремленный на него глаз, пластинчатые жабры и неизменную свиту — лоцманов и прилипал. А когда Франклин оглянулся назад, акула шла за ним, влекомая то ли любопытством, то ли голодом, то ли еще каким-нибудь инстинктом, — какая разница! Почти минуту она его преследовала, но скорость торпеды была слишком велика, и акула отстала. Франклин впервые встретил такую назойливую акулу. Обычно гул турбины отпугивал их; но в темное время суток жизнью рифа управляли уже не те законы, что днем.

Прикрытый выпуклым щитом от тугих вихрей воды, спеша выйти на океанский простор, он пронизывал лучезарную ночь, окутавшую половину земного шара. Франклин и теперь вел торпеду уверенно и безошибочно; он точно знал, где находится и когда достигнет цели. Знал, какие глубины впереди. Еще несколько минут — и дно круто устремится вниз, придет время прощаться с рифом.

Он слегка наклонил нос торпеды и сбавил ход до малого. Могучий встречный поток прекратился, и Франклин медленно пошел над скрытым во тьме длинным откосом, зная, что не увидит его конца.

Хилый, процеженный свет луны становился все слабее по мере того, как увеличивался пласт воды, отделяющий Франклина от поверхности. Он нарочно не глядел на глу-

биномер, чтобы не думать о том, сколько саженей над ним. С каждой минутой росло давление на его тело, но ему это не было неприятно, напротив, он приветствовал это ощущение, добровольно отдавая себя во власть великой праматери всего живущего.

Темнота стала полной; он был один в ночи, какой никогда не знал на суше, настолько она была осязаемой, плотной. Иногда внизу — расстояния не определишь — мелькал свет; это неведомые жители пучины занимались своими таинственными делами. Или вспыхивали целые галактики — и тут же гасли, напоминая ему, что перед вечностью и настоящие созвездия столь же эфемерны.

Ему туманило голову глубинное опьянение; еще ни один аквалангист, дышащий сжатым воздухом, не возвращался живым с такой глубины. Баллоны подавали воздух в десять раз плотнее обычного, а торпеда продолжала идти вниз, в крошечную пучину. Блаженная эйфория затопила его сознание, стирая все обязательства, все печали, все страхи.

Впрочем, нет — одна вещь его печалила в преддверии конца. Жаль Индру: с ним она могла найти счастье, а теперь ей придется снова искать.

Потом... потом было только море и неодушевленная машина, которая все медленнее шла вглубь, удаляясь от берега в океан.

ГЛАВА 8

В комнате было четверо; все они молчали. Начальник школы нервно кусал губы, Дон Берли отупело глядел на стену, Индра старалась удержать слезы. Только доктор Майерс сохранял невозмутимый вид, хотя в душе он чертыхался. Что за проклятое невезенье! Невероятно и необъяснимо: он мог побиться об заклад, что Франклин полным ходом поправляется, все самое страшное позади. И вдруг такой срыв!

— Остается только одно, — неожиданно сказал начальник школы, — выслать на поиск все наши подводные суда.

Дон Берли зашевелился — медленно, словно у него на плечах лежал тяжелый груз.

— Сейчас двенадцать часов. За это время он мог пройти пятьсот миль. А у нас здесь всего шесть опытных водителей.

— Знаю, это все равно что искать иголку в стогу сена. Но ничего другого мы не можем сделать.

— Лучше несколько лишних минут подумать, чем искать наобум и тратить впустую часы, — возразил доктор Майерс. — Полсутки прошло, теперь минуты роли не играют. С вашего разрешения, я хотел бы поговорить с мисс Лангенбург наедине.

— Пожалуйста, если она не против.

Индра молча кивнула. Она кляла себя — это все ее вина, надо было немедленно пойти к врачу, как только они вернулись с прогулки. Интуиция обманула... Теперь эта же интуиция подсказывала, что положение безнадежно. Хоть бы она опять ошиблась!

— Послушайте, Индра, — мягко начал Майерс, когда остальные вышли, — если мы хотим помочь Франклину, надо сохранять присутствие духа и попытаться представить себе, что могло случиться. Перестаньте корить себя, вы ни в чем не виноваты. Тут вообще никого нельзя винить.

«Разве что меня, — мрачно подумал он. — Но кто мог это предвидеть? Мы до сих пор так мало знаем об астрофобии... И ведь это совсем не моя специальность».

Индра изобразила мужественную улыбку. До вчерашнего дня она считала себя вполне самостоятельной, способной выдержать любые испытания. Но это было так давно...

— Прошу вас, расскажите, что произошло с Уолтером? — сказала она. — Тогда мне легче будет понять.

Естественный и разумный вопрос; Майерс и сам уже решил, что Индре надо знать правду.

— Хорошо. Но помните, ради самого Уолтера: это строго между нами. Я вам рассказываю лишь потому, что дело идет о его жизни. Еще год назад Уолтер был космонавтом очень высокой квалификации, точнее, главным инженером лайнера, который ходил на Марс. Сами понимаете, должность ответственная, а это было только начало его карьеры. Где-то на полпути случилась авария. Выключили ионную тягу, и Уолтер вышел в скафандре из корабля, чтобы устранить неисправность. Ничего особенного, рядовая операция, но, прежде чем он ее закончил, скафандр вышел из строя. Вернее, сам скафандр был цел, он не мог управлять силовой установкой, не мог выключить ракеты своего индивидуального двигателя.

И вот он, набирая скорость, летит прочь от корабля, а до Земли и Марса — миллионы миль. Да он еще в самом начале столкнулся с лайнером и потерял антенну. В итоге Уолтер не мог воспользоваться своей радиостанцией — ни помощи вызвать, ни узнать, что делается для его спасения. Несколько минут, и корабль пропал из виду, он остался в полном одиночестве.

Кто сам этого не пережил, не может представить себе, что это такое. Вы только подумайте: предельная изоляция, летишь в межзвездном пространстве и не знаешь, спасут ли тебя. Никакие земные ощущения, скажем, сильное головокружение или — еще того хуже — морская болезнь, не сравнятся с этим.

Его спасли через четыре часа. Строго говоря, Уолтеру ничто не угрожало, и он, вероятно, понимал это, но от этого легче ему не было. Его сразу нащупали корабельным радаром, но пойти за ним смогли лишь после того, как исправили двигатель. Когда Уолтера наконец подобрали, он... скажем так: он был очень плох. Лучшие психологи Земли почти год лечили его, но, как мы с вами убедились, недолечили. Правда, тут еще примешалось одно обстоятельство, с которым психологи ничего не могли сделать.

Майерс остановился. Что сейчас думает Индра? И как повлияет на ее чувство к Франклину то, что он скажет? Первое потрясение как будто прошло. Слава Богу, она не принадлежит к истеричному типу, не то ему пришлось бы туго.

— Понимаете, Уолтер был женат. Жена и дети жили на Марсе, он их очень любил. Жена там и родилась, а дети представляли уже третье поколение уроженцев Марса. Они всю жизнь росли при марсианском тяготении, там были зачаты, там появились на свет. В итоге путь на Землю им закрыт, ведь здесь они бы весили в три раза больше, собственный вес раздавил бы их.

А Уолтер не может выйти в космос! Его удалось подлечить настолько, что он в состоянии работать на Земле. Но неведомость или сознание того, что кругом, до самых звезд, простирается пустота, — все это ему теперь, мягко говоря, противопоказано. Так что он стал изгнанником на родной планете, навсегда отрезанным от семьи.

Мы сделали для него все, и сделали хорошо. Подобрали такое дело, в котором он мог найти приложение своим

способностям. Были и важные психологические соображения считать эту работу особенно подходящей, чтобы вернуть его к полноценной жизни. Вы, как биолог, не хуже, если не лучше меня, это поймете. Вы знаете, как сильно мы связаны с морем. Это не то что космос, там мы никогда не будем чувствовать себя как дома. Во всяком случае, пока человек не видоизменится.

Здесь я наблюдал за Франклином; он знал об этом, и ему это не мешало. С каждым днем он чувствовал себя лучше, и работа ему все больше нравилась. Дон не мог на него нахвалиться, говорил, что у него никогда не было лучшего ученика. И я обрадовался, когда узнал — не спрашивайте как! — что Франклин увлекся вами. Сами понимаете, у человека вся жизнь поломалась — и вот он начал строить ее заново. Вы только не обижайтесь на мои выражения, но, когда выяснилось, что он проводит с вами свои свободные часы, даже нарочно выкраивает время для вас, я понял, что он перестал цепляться за прошлое.

И вдруг такое несчастье. Прямо скажу, я совершенно сбит с толку. Вот вы говорите, что он в это время смотрел на Космическую Станцию. Ну а дальше? Уолтер приехал сюда с сильной высотобоязнью, но ведь потом она почти прошла. И станцию он видел далеко не первый раз. Значит, был еще какой-то неизвестный нам фактор.

Доктор Майерс прервал свой монолог, словно ему только что пришла в голову новая мысль, и осторожно спросил:

— Скажите, Индра, он по-настоящему ухаживал за вами?

— Нет, — ответила она спокойно, без всякого замешательства. — Ничего такого не было.

Он почувствовал, что это правда, об этом говорила нотка сожаления в голосе Индры.

— Я почему спросил: может быть, Франклин считает себя виноватым перед женой? Возможно, он этого сам не сознавал, но вы напомнили ему ее, с этого все и началось. Но оставим эти догадки, они тоже не объясняют всего. Единственное, что мы знаем точно: у него был какой-то очень сильный приступ. Вы правильно поступили, что дали ему успокоительное, это было самое лучшее в той обстановке. Теперь скажите, вы совершенно уверены, в его словах не было никакого намека, что он собирался делать, вернувшись на Герон?

— Уверена. Он сказал только: «Не говорите об этом доктору Майерсу». Сказал, что вы тут не поможете.

И вероятно, был прав, мрачно подумал Майерс. Плохо... Если он так упорно уклонялся от встречи с единственным человеком, который что-то мог сделать для него, это может означать лишь одно: Франклин твердо решил, что он безнадёжен.

— Но он обещал зайти к вам утром, — добавила Индра.

Майерс промолчал. Они оба понимали, что это обещание было лишь хитростью.

Однако Индра не хотела расставаться с надеждой.

— Я уверена, — произнесла она дрожащим голосом, который плохо вязался с ее словами, — если бы он задумал что-нибудь... такое... он оставил бы записку.

Майерс грустно посмотрел на нее; видно, Индра ничем не сможет помочь.

— Его родители умерли, — сказал он. — С женой он давно расстался. Кому писать?..

«Он прав», — подумала Индра с болью в сердце. На всей земле она, похоже, была единственным человеком, к кому Франклин был привязан. И вот ушел...

Майерс неохотно встал.

— Да, остается только одно, — заключил он. — Объявим всеобщий поиск. Может быть, он просто где-нибудь отсиживается, остывает. Придет в себя и явится с пристыженной физиономией. Такие случаи тоже бывали.

Он похлопал пригорюнившуюся Индру по плечу и помог ей встать с кресла.

— Ну, не падайте духом. Наши ребята не пожалеют сил.

Однако Майерс знал, что уже поздно. Все сроки прошли несколько часов назад, поисково-спасательную операцию ведут лишь потому, что бывают случаи, когда люди действуют вопреки логике.

Начальник школы и Берли ждали их в кабинете заместителя начальника. Доктор Майерс отворил дверь кабинета — и застыл на месте. Либо у него появились еще два пациента, либо он сам сошел с ума. Позабыв о чинах и рангах, обняв друг друга за плечи, Дон и начальник школы дико хохотали. Так, ясно: истерия, вызванная чувством облегчения. И смех вызван той же причиной.

Несколько секунд доктор Майерс созерцал невероятную сцену, потом быстро обвел глазами кабинет и тотчас заметил на полу телеграфный бланк, оброненный кем-то из этих помешанных. Не говоря ни слова, он бросился к бланку и поднял его.

Ему пришлось прочесть телеграмму три или четыре раза, прежде чем до него дошел ее смысл. И доктор Майерс тоже захохотал так, как много лет не хохотал.

ГЛАВА 9

Капитан Берт Деррил мечтал о спокойном рейсе; должна же быть на свете справедливость! В последний раз он напоролся на полицию в Маккайе; перед тем ему подложил свинью не показанный на картах риф у острова Лизард; а до того, черт бы его побрал, все настроение испортил этот неуравновешенный молодой болван, который выпустил в пятнадцатифутовую тигровую акулу гарпун с неотделяющейся головкой — уж она его потаскала за собой.

На этот раз, если судить по внешности, как будто подобрались более разумные клиенты. Конечно, «Спортивное агентство» всегда клянется, что люди надежные и заплатят хорошо; однако на деле попадаются такие типы, что просто диву даешься. И никуда не денешься. Ведь надо как-то зарабатывать на жизнь, и немалых денег стоит держать эту посудину на плаву.

Странное совпадение: у клиентов всегда одни и те же фамилии — мистер Джонс, мистер Робинсон, мистер Браун, мистер Смит. Курам на смех. Но так уж хочется агентству. Ну что ж, попытаться угадать, кто они на самом деле, — тоже развлечение. Есть среди них такие осторожные, что все время носят резиновые маски, не снимают их, даже когда идут под воду. Ясное дело, какие-нибудь важные шишки, которые боятся, как бы их не узнали. Только представьте себе, какой будет скандал, если члена Верховного суда или, скажем, Главного секретаря Комитета по делам космоса поймают на браконьерстве в заповеднике Всемирной организации продовольствия! Капитан Берт даже рассмеялся при мысли о таком казусе.

Сорок миль отделяло от кромки рифа пятиместную спортивную лодку, которая заходила со стороны океана. Разумеется, опасно орудовать так близко от Каприкорна, в самом логове врага, но лучшая рыба там, где ее охраняют строже всего. Хочешь угодить клиентам, не бойся риска...

Операция, как всегда, была тщательно разработана. Дозоры по ночам не ходят, а если и выйдут, дальнобойный гидролокатор нащупает их, и можно удрать. Поэтому самое верное дело идти так, чтобы перед рассветом добраться до места и, едва выглянет солнце, выпустить через воздушный шлюз горящих нетерпением «бобров». А самому притаиться на дне, поддерживая с ними связь по радио. Уйдут за пределы дальности радиопередатчика — не страшно, будут ориентироваться по лучу маломощного гидролокатора. Если еще дальше того заберутся, пусть пеняют на себя. Он хлопал рукой по карману куртки, в котором хранились четыре расписки, снимающие с него всякую ответственность за то, что может случиться с гг. Смитом, Джонсом, Робинсоном и Брауном. Капитан Берт был не из тех, кто терзается без нужды, не то он давно бросил бы эту работу.

Гг. С., Д., Р. и Б. в эту минуту лежали каждый на своей кушетке, в последний раз проверяя снаряжение. Смит и Джонс припасли новехонькие ружья, которые еще ни разу не были в употреблении, и повесили на себя всевозможные приспособления. Смешно... Он хорошо знал этот тип клиентов. Они так дрожат за свое снаряжение, будь то ружье или фотоаппарат, что всегда возвращаются без добычи. Будут носиться вокруг рифа, такой шум поднимут, что на много миль кругом все рыбы попрячутся. Можно побиться об заклад — эти великолепные ружья, способные с пятидесяти футов пробуравить тысяchefунтовую акулу, ни разу не выстрелят. И горе-охотники не станут унывать, они и без улова будут рады-радешеньки.

Совсем другое дело Робинсон. Вон у него какое ружье — побитое, лет пять ему, не меньше. Сразу видно, что хорошо послужило и хозяин умеет с ним обращаться. Это не тот «спортсмен», который не пропускает ни одного каталога и бежит в магазин за каждой новой моделью, словно женщина, боящаяся отстать от моды. Капитан Берт не сомневался, что мистер Робинсон всех своих спутников за пояс заткнет.

Напарник Робинсона, Браун, был единственный, кого капитан не смог определить для себя. Крепкое сложение, волевое лицо, возраст — лет сорок с лишним, самый старший из четверки. Где-то Берт его видел... Не иначе, какой-нибудь высокопоставленный чин, который решил позволить себе немного согрешить. Капитан Берт, органически неспособный тянуть служебную лямку, отлично его понимал.

Глубина безопасная, больше тысячи футов под килем, до рифа еще несколько миль. Но в таком деле всегда надо быть начеку, и капитан Берт, даже следя одним глазом за приготовлениями своей маленькой команды, все время видел приборы на пульте. И он сразу заметил маленькое четкое эхо на экране гидролокатора.

— Большая акула идет, ребята, — весело объявил он.

Все сгрудились возле индикатора.

— Почему вы знаете, что это акула? — спросил кто-то.

— Больше никому. Киты не выходят из пролива за рифом.

— Вы уверены, что это не подводная лодка? — тревожно осведомился другой.

— Что вы! Не те размеры. Лодка в десять раз больше на экране. Так что можете не дрожать.

Пристыженный клиент замолчал. Несколько минут царило молчание; тем временем эхо приближалось к центру экрана.

— Пройдет в четверти мили от нас, — заметил мистер Смит. — Может, изменим курс, попробуем взглянуть на нее поближе?

— Бесполезно. Она задаст стрекача, как только услышит наши моторы. Другое дело, если бы стояли на месте, она могла бы подойти, чтобы обнюхать нас. А что толку? Впервые, еще темно, во-вторых, она слишком глубоко, с аквалангом не выйдешь.

На минуту их внимание отвлек большой косяк рыбы — должно быть, тунцы, определил капитан, — в южном секторе экрана. Когда косяк прошел, изысканный мистер Браун заметил:

— Если это акула, ей уже пора сворачивать.

А ведь он прав. Что бы это могло быть?

— Пожалуй, стоит на нее посмотреть, — сказал капитан Берт. — Мы ничего не потеряем.

Он слегка изменил курс. Странное эхо продолжало идти, никуда не отклоняясь. Оно двигалось очень медленно, мож-

но было сближаться, не боясь столкновения. Подойдя на визуальную дистанцию, капитан включил телевизионную камеру и ультрафиолетовый прожектор — и ахнул.

— Влипли, ребята. Это полиция.

Четверка испуганно вскрикнула, потом послышалось:

— Но ведь вы же говорили...

Несколько отборных выражений заставили их смолкнуть.

— Странно, — пробормотал капитан Берт, не отрываясь от экрана. — Все-таки я был прав с самого начала: это не подводная лодка, а всего-навсего торпеда. А на торпеде нет таких приборов, чтобы нас засечь. Но что он тут делает среди ночи?

— Повернем обратно! — раздался голоса.

— Помолчите! — отрезал капитан Берт. — Дайте подумать.

Он взглянул на глубиномер:

— Черт возьми, сто саженей... Если этот парень не дышит какой-нибудь особенной смесью, он давно готов.

Капитан пристально всмотрелся в изображение на экране телевизора. Что-то уж очень неподвижна эта фигура на торпеде, а впрочем... Да нет, точно, по голове видно. Водитель в обмороке, если не мертв.

— Вот некстати подвернулся! — воскликнул капитан. — И ведь ничего не поделаешь. Мы обязаны забрать его на борт.

Кто-то хотел возразить, но тут же осекся. Капитан Берт прав, это ясно. А дальше... Дальше будет видно.

— Но как вы это сделаете? — спросил Смит. — Сами же говорили: на такой глубине нельзя выходить.

— Да, задача не из легких, — согласился капитан. — Хорошо, что он идет так медленно. Пожалуй, я смогу его развернуть.

Легко касаясь ручек управления, он повел лодку прямо на торпеду. Вдруг что-то звякнуло, и все подскочили — все, кроме капитана, который точно знал, когда и с какой силой раздастся этот звук.

Он дал задний ход и облегченно вздохнул:

— С первого захода!

По голосу капитана Берта было слышно, что он доволен собой. Торпеда перевернулась так, что водитель болтался

под ней на ремнях. Зато теперь она шла не вниз, а к поверхности моря.

Капитан направил лодку следом за торпедой и, не теряя времени, объяснил, что и как делать. Еще есть надежда, что водитель жив. Но если он поднимется к поверхности, это уже верная смерть. Перепад давления с десяти до одной атмосферы прикончит его.

— Мы должны забрать его на глубине около ста пятидесяти футов, не позже, и устроить ему декомпрессию в воздушном шлюзе. Кто пойдет? Я не могу бросить пульт.

Что правда, то правда; пассажиры не сомневались, что капитан, не раздумывая, пошел бы сам, если бы кто-нибудь мог заменить его у пульта.

После короткой заминки раздался голос Смита:

— Я погружался на триста футов с обычным воздухом.

— И я тоже, — сказал Джонс. Потом тихо добавил: — Правда, не ночью.

Не мешало бы побольше энтузиазма, подумал капитан, да ладно, сойдет.

Они выслушали его наставления с таким видом, словно им предстояло идти в атаку под огнем противника, надели акваланги и вошли в переходную камеру.

По счастью, оба были хорошо тренированы, и капитан Берт за две минуты поднял давление до полного.

— Ну, ребята, — сказал он, — открываю... Пошли!

Прожектор был бы очень кстати для ориентировки, но его закрывал фильтр, не пропускающий видимого света. Фонарики в их руках казались на экране телевизора маленькими светлячками. Капитан следил, как подводные пловцы приближаются к ползущей вверх торпедой. Впереди шел Джонс, Смит выдавал ему линь, тянущийся из воздушного шлюза. Как ни медленно шла торпеда, вплавь ее не догнать, поэтому надо было линем то подтягивать, то отпускать Джонса, чтобы он, идя на буксире у лодки, смог попасть в нужную точку. Вряд ли этот способ был приятен пловцу, зато Джонс достиг цели со второй попытки.

Остальное было просто. Он выключил мотор торпеды, оба судна остановились. После этого Смит подошел на помощь Джонсу; они сняли водителя и отнесли его к лодке. Его маска прилегалa плотно к лицу, вода не просочилась. Это позволяло надеяться, что удастся его спасти. Втиснуть

обмякшее тело в маленькую переходную камеру оказалось трудно; пришлось Смиту ждать в одиночестве снаружи, пока его напарник проходил в лодку.

И когда Уолтер Франклин через полчаса пришел в сознание, он увидел несколько неожиданно для себя в общем-то знакомую обстановку. Он лежал на койке в кабине небольшой прогулочной подводной лодки, около него стояли пять человек. Странно: у четверых лица были закрыты носовыми платками, виднелись одни глаза...

Он перевел взгляд на пятого — морщины, шрамы, седые виски, лихая бородка. Даже без этой грязной фуражки сразу видно, что это капитан.

Голова раскалывалась от боли, и Франклин никак не мог собраться с мыслями. Наконец он с трудом выговорил:

— Где я?

— Не все ли равно, приятель, — ответил бородач. — Лучше скажи-ка, кой черт занес тебя на глубину ста сажень с обычным аквалангом. А, дьявол, опять глаза закатил!

Когда Франклин очнулся вторично, он чувствовал себя гораздо лучше, в нем пробудился интерес к жизни, и ему даже захотелось выяснить, что это за лодка. Наверно, он должен испытывать благодарность к этим людям, кто бы они ни были, однако мысль, что он спасен, не вызывала в нем пока ни облегчения, ни разочарования.

— К чему это все? — спросил он, показывая на платки конспираторов.

Капитан — он уже сел за свой пульт — повернул голову и лаконично ответил:

— Еще не сообразил, где ты?

— Нет.

— Ты что же, и меня не знаешь?

— Простите, нет.

Капитан издал звук, который мог выражать и недоверие и разочарование.

— Значит, ты из новеньких. Я Берт Деррил, и ты на борту «Морского льва». Вон те два джентльмена за твоей спиной рисковали жизнью, чтобы спасти тебя.

Франклин обернулся и посмотрел на белые полотняные треугольники.

— Спасибо, — сказал он. И запнулся, не в состоянии что-либо добавить.

Теперь он догадывался, что произошло.

Значит, это и есть знаменитый (или пресловутый — в зависимости от точки зрения) капитан Деррил, чьи объявления можно прочесть во всех журналах для спортсменов и моряков. Капитан Деррил — организатор захватывающих дух подводных сафари, бесстрашный и ловкий охотник — и столь же бесстрашный и ловкий браконьер, неуловимость которого давно уже вызвала ехидные комментарии зрителей. Капитан Деррил — один из немногих авантюристов нашего регламентированного века, по словам одних. Капитан Деррил — великий мошенник, по словам других...

Понятно, почему команда маскируется. Капитан вышел в одно из своих неафишируемых плаваний, в которых, по слухам, нередко участвуют люди из высшего общества. А другим это просто не по карману. Должно быть, «Морской лев» обходится Деррилу не дешево, ведь говорят о капитане Берте, что он никогда не рассчитывается наличными и задолжал в каждом порту от Сиднея до Дарвина.

Франклин обвел взглядом загадочные фигуры. Любопытно, кто они, может быть, среди них есть знакомые? На соседней койке лежали прикрытые кое-как мощные ружья. Куда направляется «Морской лев» и какую добычу они себе наметили? Впрочем, ему сейчас лучше поменьше знать и ничего не видеть.

Капитан Деррил тоже пришел к этому выводу.

— Сам понимаешь, приятель, — сказал он, заслоняя от Франклина приборы, указывающие курс, — твое присутствие здесь, на борту, не совсем кстати. Но не могли же мы позволить тебе утонуть, хотя ты этого заслужил своей глупой выходкой. А теперь спрашивается: что нам делать с тобой?

— Высадите меня на берег Герона, тут, наверно, недалеко.

Улыбка Франклина показывала, что он понимает: вряд ли его предложение примут всерьез. Удивительно, как легко и весело было у него на душе. Реакция? Возможно. А может, он просто был рад тому, что жизнь все-таки продолжается.

— Черта с два! — Капитан негодуяще фыркнул. — Эти джентльмены не для того заплатили деньги, чтобы ваши бойскауты испортили им охоту.

— Пусть хоть снимут платки. Им же неудобно, а я все равно не выдам, даже если узнаю кого-нибудь.

Они неохотно демаскировались. Так и есть: он никого из них не видел прежде — ни в жизни, ни на фотографиях. И слава Богу...

— Хочешь не хочешь, — продолжал капитан, — а придется нам где-то сбросить тебя, чтобы ты нам не мешал. — Он почесал затылок, пропуская перед внутренним взором карту архипелага Каприкорн, которая была запечатлена в его памяти со всеми, даже самыми мелкими подробностями, и принял решение. — А до утра как-нибудь тебя потерпим. Будем спать по очереди. Хочешь сделать доброе дело — иди поработай в камбуз.

— Есть, начальник, будет сделано, — отчеканил Франклин.

Светало, когда Франклин подплыл к песчаному берегу, тяжело встал и снял ласты с ног. («Это не самая моя лучшая пара, но ты все-таки постарайся прислать мне их по почте», — сказал напоследок капитан Берт, выпуская его через переходную камеру.) Где-то там за рифом «Морской лев» продолжал свой тайный рейд. Наверно, охотники уже приготовились выходить. И хотя это противоречило его убеждениям и служебному долгу, Франклин мысленно пожелал им удачи.

Капитан Берт обещал через четыре часа дать знать по радио в Брисбен: оттуда его радиogramму немедленно передадут на Герон. Видимо, четырех часов капитану и его клиентам достаточно, чтобы завершить свою вылазку и выбраться из владений ВОП.

Франклин отошел подальше от воды, сбросил снаряжение и лег, любуясь восходом, который уже и не чаял когда-либо увидеть вновь. Четыре часа на ожидание и размышление, на то, чтобы продумать, как жить дальше... А впрочем, раздумывать нечего, все и так ясно.

Он больше не вправе распоряжаться своей жизнью по собственному произволу. Ведь люди, которых он никогда не видел прежде и больше не увидит, вернули ему ее, рискуя собой.

ГЛАВА 10

-Вы же понимаете, — сказал Майерс, — я всего-навсего участковый врач, а не ученый психиатр. Так что придется мне послать вас к профессору Стивенсу и его веселым ребятам.

— Это обязательно? — спросил Франклин.

— По-моему, нет, но я не могу брать на себя ответственность. Будь я игрок, вроде Дона, я бы побился об заклад, что вы больше никогда не выкинете такого фортеля. Но медицина — не азартная игра. И вообще, сдается мне, вам будет только полезно на несколько дней расстаться с Героном.

— До конца курса две недели. Может быть, подождем до тех пор?

— Не спорьте с врачами, Уолт, все равно не переспорите. И если я еще не забыл арифметику, полтора месяца — это не две недели. От небольшого перерыва вреда не будет. Вряд ли профессор Стивенс продержит вас долго. Скорее всего задаст вам хорошую головоломку и отправит обратно. А пока я хотел бы высказать вам свое мнение, если оно вас интересует.

— Валяйте.

— Прежде всего мы знаем, чем был вызван ваш приступ. Запах быстрее других чувств вызывает воспоминания и ассоциации. Как только вы рассказали мне, что в переходной камере космического корабля всегда пахнет синтеном, все стало понятно. Роковое невезение: знакомый запах вы услышали в тот самый миг, когда смотрели на Космическую Станцию. Она и меня иной раз чуть ли не гипнотизирует, эта чертова штука, — носится в небе, словно шальной метеор. Но дело не только в этом, Уолтер. Чтобы стать таким восприимчивым, требовалась, так сказать, эмоциональная сенсбилизация. Скажите, у вас есть с собой фотография жены?

Неожиданный и как будто не имеющий отношения к делу вопрос скорее удивил, чем смутил Франклина.

— Есть, — ответил он. — А что?

— Потом поймете. Можно взглянуть на нее?

Порывшись в карманах (гораздо дольше, чем это, по мнению Майерса, было необходимо), Франклин наконец достал кожаный бумажник. И отвернулся, пока врач рассматривал портрет женщины, разлученной с мужем законами, против которых человек бессилён.

Небольшого роста, брюнетка, лучистые карие глаза. Одного взгляда было достаточно, и все же он продолжал смот-

реть на фотографию с необъяснимым чувством, в котором сочетались сострадание и любопытство. Интересно, как она восприняла случившееся? Тоже строит заново свою жизнь там, в далеком мире, к которому ее навеки приковали наследственность и гравитация? Впрочем, нет, навеки — не то слово: она может без всяких опасений лететь на Луну, там тяготение вдвое слабее, чем на ее родной планете. Да что толку от этого, ведь Франклину теперь даже пустяковый перелет Земля—Луна не под силу.

Доктор Майерс вздохнул и сложил бумажник. Даже при самом совершенном общественном строе, в самом безмятежном и обеспеченном из миров не избежать разбитых сердец и личных трагедий. К тому же, по мере того как власть человека будет простираться все дальше во Вселенной, его неизбежно будут подстерегать новые трудности и несчастья. Правда, здесь разница только в частностях, сам конфликт далеко не нов. Сколько раз в прошлом человек оказывался разлученным со своими близкими, когда из-за стихийных бедствий, когда по злой воле других людей.

— Послушайте, Уолт, — сказал Майерс, возвращая фотографию. — Мне известно о вас кое-что, чего даже профессор Стивенс не знает. Примите мой совет. Отдаете ли вы себе в этом отчет или нет, но Индра похожа на вашу жену. Это-то и привлекло к ней ваше внимание. Но по той же причине в душе у вас возник конфликт. Вы не допускаете мысли о том, чтобы изменить даже человеку, который — извините меня за прямоту — для вас все равно что мертв. Ну как, верно мое рассуждение?

Франклин долго молчал, прежде чем ответить.

— Пожалуй... И что же я должен делать?

— Я не хочу показаться циником, но есть одно старое изречение, которое подходит к этому случаю. «Не противься неизбежному». Признав, что в вашей жизни есть вещи раз и навсегда решенные, вы перестанете с ними бороться. Это не будет капитуляцией, зато даст вам силы, необходимые для битв, в которых вы можете победить.

— Что думает Индра обо мне?

— Девочка влюблена в вас, если вы это подразумеваете. И вы в долгу перед ней после всего, что она пережила по вашей милости.

— Значит, вы считаете, мне нужно опять жениться?

— Уже то, что вы задаете этот вопрос, — добрый признак, однако я не могу ответить вам просто «да» или «нет». Мы сделали все, чтобы вернуть вас к труду; в области чувств наши возможности гораздо более ограничены. Разумеется, вам же лучше, если новая прочная привязанность придет взамен утраченной. А Индра... что ж, она умная и обаятельная девушка, но, как знать, может быть, ее теперешнее чувство во многом вызвано состраданием. Не торопите событий, пусть идут своим ходом. Вам просто нельзя рисковать.

Вот так, вот и все мое поучение... Да, еще одно. Беда в том, Уолтер Франклин, что вы всегда были чересчур независимы и самонадеянны. Никак не хотели признать, что вы не всемогущи и вам тоже нужна чья-то помощь. А когда столкнулись с чем-то превосходящим ваши силы, нервы-то и не выдержали. И вы с тех пор ненавидите себя за это. Ну так вот: все это было и прошло. Допустим даже, что старый Уолт Франклин был дрянь человек — второе издание должно быть лучше. Согласны?

Франклин криво улыбнулся. Переживания совсем изматывали его, и все же на душе стало легче. В самом деле, мысль о том, что приходится пользоваться чьей-то помощью, долго его точила. Теперь он смирился с этим и сразу почувствовал себя лучше.

— Спасибо за лечение, доктор, — сказал он. — Вы не хуже самого искусного специалиста, и я уверен, что мне незачем ехать к профессору Стивенсу.

— Я тоже уверен, и все-таки ехать надо. Ну, ступайте, чтобы я мог заняться своим основным делом, лепить пластырь на ссадины и порезы.

На пороге Франклин вдруг остановился.

— Чуть не забыл, — озабоченно произнес он. — Дон непременно хочет завтра выйти со мной на подводной лодке. Вы не против?

— Конечно, нет. Он достаточно рассудительный человек, сумеет присмотреть за вами. Об одном прошу — не опоздайте к самолету, вылет в двенадцать.

Франклин вышел из «Медицинского центра» (за этим пышным названием скрывались три скромные комнаты), ничуть не огорченный тем, что ему велели на время оставить остров. Конечно, к нему отнеслись куда более заботливо и доброжелательно, чем он ожидал и заслуживал, и легкая

враждебность, с которой на него раньше смотрели менее привилегированные курсанты, улетучилась. И все-таки для него же лучше на несколько дней покинуть эту атмосферу подчеркнутого сочувствия. Особенно неловко он себя чувствовал в обществе Дона и Индры.

Вспомнился совет, полученный от доктора Майерса, и как екнуло сердце, когда врач сказал: «Девочка в вас влюблена». Разумеется, было бы нечестно воспользоваться нынешней обстановкой. Обоим надо как следует, серьезно продумать, что они значат друг для друга. Гм... не слишком ли это похоже на холодный расчет?... Разве тот, кто истинно любит, взвешивает все «за» и «против»?

Он знал ответ. Верно сказал Майерс: ему нельзя рисковать. Лучше повременить и добиться полной уверенности, чем ставить под угрозу счастье двоих.

Солнце едва выглянуло из-за простирающегося на восток могучего рифа, когда Дон Берли поднял Франклина с постели. В последние дни отношение Дона к Уолтеру как-то неуловимо изменилось. Случившееся потрясло и огорчило его, и он по-своему, в присущей ему бурной манере, попытался выразить сочувствие и понимание. В то же время он был уязвлен, даже теперь ему не верилось, что Индра ничуть не увлекалась им, что ее занимал только Франклин, которого он не считал соперником. Нет, Дон не ревновал, ревность вообще была ему чужда. Его, как это бывает с большинством мужчин, беспокоило открытие, что он вовсе не такой уж знаток женского сердца.

Франклин уже уложил вещи, и его комната казалась пустой и унылой. Хотя он уезжал всего на несколько дней, нужда в комнатах была слишком велика, чтобы ее оставили за ним на это время. «Поделом тебе», — философски заключил он.

Дон спешил, как обычно, однако Франклин заметил, что у него вид заговорщика, словно он приготовил какой-то сюрприз и по-детски озабочен тем, чтобы затея удалась. При других обстоятельствах Франклин заподозрил бы подвох, но сейчас это было исключено.

Франклин настолько освоился с маленькой учебной лодкой, что она стала как бы частью его самого, и он, выполняя команды Дона, уверенно вывел ее в тридцатимильный

пролив между рифом Вистари и материком. Не объясняя причин, Дон выключил экран главного локатора, так что Франклин шел вслепую. Сам Дон видел все на установленном в кормовой части репитере. Как ни хотелось Франклину заглянуть туда, он поборол соблазн. Это тоже входило в программу обучения; ведь может случиться так, что придется вести подводную лодку, лишившуюся своих органов чувств.

— Теперь можешь всплывать, — сказал наконец Дон.

Он старался говорить непринужденно, но голос выдавал его волнение. Франклин продул цистерны и, не глядя на глубиномер, по качке определил, когда они вышли на поверхность. Ощущение не из приятных, скорей бы опять погрузиться...

Дон взглянул на свой экран, потом указал на люк боевой рубки.

— Открывай. Полюбуемся природой.

— А не зачерпнем? — возразил Франклин. — Качка довольно сильная.

— Вдвоем закупорим люк, много не просочится. На всякий случай, вот, держи брезент.

Странная затея, подумал Франклин, но, наверно, у Дона есть веские причины. Крышка люка откинулась, и показался эллиптический клочок неба. Дон первым вскарабкался вверх по трапу, за ним — Франклин, шуря глаза от соленых брызг.

Да, Дон знал, что делал. Не удивительно, что ему так загорелось совершить эту вылазку прежде, чем Франклин уехал. Он оказался неплохим психологом. Глубокая благодарность к Дону наполнила душу Франклина, который переживал одну из самых великих минут своей жизни. Только один миг мог поспорить с этим: когда он впервые увидел неизъяснимо прекрасную Землю на фоне бесконечно далеких звезд. И сейчас он испытывал такое благоговение, словно наблюдал проявление космических сил.

Киты плыли на север, и он был среди них. Видно, вожаки ночью прошли через Квинслендские ворота, направляясь в теплые воды, где самки могли спокойно произвести на свет потомство. Живая армада, воплощение силы и мощи, легко и уверенно рассекала волны. Громадные темные туши появлялись из воды и снова ныряли без малейшего всплеска.

Величественная картина так захватила Франклина, что он не думал об опасности. Вдруг один великан всплыл в

каких-нибудь сорока футах от лодки. Из дыхала с оглушительным свистом вырвался несвежий воздух, и до Франклина дошло ослабленное расстоянием зловоние. Прямо на него глядел до смешного маленький, совершенно теряющийся в этой чудовищной, уродливой голове глаз. Несколько секунд два млекопитающих — двуногое, которое покинуло море, и четвероногое, которое вернулось туда, — смотрели друг на друга через пропасть, разделившую их по воле эволюции. Интересно, каким представляется человек киту? Вряд ли есть способ выяснить это...

Затем голова исполина перевесила, могучие плавники взмыли вверх, и внезапно возникла воронка, в которую тотчас ринулась вода.

Далекий удар грома заставил Франклина повернуться в сторону материка. В полумиле от них играли киты. И он с замиранием сердца увидел, как животное, мало похожее на то, что он знал по фильмам и фотографиям, медленно поднялось над водой и повисло в воздухе. Как солист балета в высшей точке своего прыжка словно побеждает тяготение, так и кит на миг будто зацепился за горизонт. Потом, с той же неспешной грацией, он упал обратно в море, и над волнами прокатился грохот.

Замедленное течение этого богатырского прыжка придавало происходящему характер сновидения, как будто нарушился обычный ход времени. Яснее, чем когда-либо, Франклин осознал, до чего же эти животные огромны — ну прямо ожившие острова. И он подумал: что, если какой-нибудь кит всплывет как раз под лодкой или захочет поближе познакомиться с ней?..

— Не беспокойся, они нас знают, — заверил его Дон. — Иногда подходят поскрестись, чтобы освободиться от паразитов, — не совсем приятно. А случайных столкновений нечего бояться, они ориентируются лучше нашего.

Словно в опровержение его слов, из воды выросла покатая гора, и на них обрушился ливень брызг. Лодку сильно потрянуло, Франклину даже показалось, что они вот-вот опрокинутся, но она тут же выровнялась. До всплывшей на поверхность, обросшей морскими уточками головы было буквально рукой подать. Причудливо изогнутый рот распахнулся в чудовищном зевке, и, переливаясь, как жалюзи на ветру, заблестели сотни пластин китового уса.

Будь Франклин один, он бы перепугался насмерть, но Дон оставался невозмутим. Наклонившись над обрезом люка, он крикнул в едва различимое слуховое отверстие кита:

— Двигай дальше, мамаша! Мы не твоя крошка!

Огромная пасть с роговой драпировкой захлопнулась, блестящий глаз — до странности похожий на коровий — выразил нечто вроде обиды, лодка снова качнулась, и кит исчез.

— Убедился, что бояться нечего? — спросил Дон. — Без детенышей они миролюбивы и добродушны, как всякий домашний скот.

— А зубатые — кашалот, например? К ним бы ты подошел так близко?

— Все зависит от обстоятельств. Если это старый хитрый самец, вроде Моби Дика, я бы не решился. И косатки тоже могут посчитать меня лакомым кусочком, правда, их легко отогнать — включил ревун, и все. Один раз я затесался в стадо кашалотов, голов на двенадцать, и дамы отнеслись ко мне совершенно спокойно, хотя у некоторых были детеныши. Даже старик, представляешь себе, не протестовал. Должно быть, понимал, что я ему не соперник. — Дон задумался, потом добавил: — Это был единственный раз, когда я видел китовую свадьбу. Внушительное зрелище, у меня сразу такой комплекс неполноценности развился, что я неделю был не в форме.

— А сколько голов в этом стаде? — спросил Франклин.

— Что-нибудь около сотни. Счетчики у ворот дадут тебе точные сведения. Словом, сейчас тут резвится самое малое пять тысяч тонн первоклассного мяса и жира. Два миллиона долларов, если считать на деньги. Не захватывает у тебя дух при виде такого богатства?

— Нет, — ответил Франклин. — И готов поклясться, тебе тоже безразлично. Я теперь понимаю, почему ты так любишь свою работу, и можешь не притворяться.

Дон промолчал. Общие мысли и чувства объединяли двух товарищей, которые стояли рядом в тесном люке, не чувствуя соленых брызг, поглощенные зрелищем самых могучих животных, каких когда-либо знал мир. В эту минуту Франклин по-настоящему твердо ощутил, что его жизнь вошла в новое русло. Конечно, ему всегда будет жаль многого из того, что потеряно, но пора пустой тоски и мрачных раз-

мышлений миновала. Путь в космические просторы ему закрыт, зато открылись просторы морей.

А этого довольно для любого человека.

ГЛАВА 11

*Секретно,
держат в запечатанном конверте.*

К сему прилагается медицинское заключение о состоянии здоровья Уолтера Франклина, который ныне успешно закончил курсы и получил звание младшего инспектора с самым лучшим аттестатом. Учитывая жалобы руководителей Управления кадров и трудоустройства, что наши заключения перегружены специальной терминологией, я излагаю здесь суть дела языком, доступным пониманию управленцев.

Хотя у У. Ф. есть свои недостатки, его незаурядные качества и способности позволяют отнести его к небольшой группе людей, из которых набираются руководители производственных отделов. Эта группа настолько мала, что, как я не раз подчеркивал, само существование нашего государственного аппарата окажется под угрозой, если мы не сумеем ее расширить. Несчастный случай, вынудивший У. Ф. расстаться с Космической Службой, где его, несомненно, ожидала блестящая карьера, не лишил У. Ф. его дарований и предоставил нам возможность, пренебречь которой было бы преступно. Мы смогли не только изучить случай, вошедший затем как классический в учебники по астробии, но и проверить, насколько мы преуспели в переквалификации людей. Аналогии между космосом и морем отмечались много раз; человек, привыкший к одной из этих двух сред, легко приспосабливается к другой. Но в этом случае не меньшую роль играло различие; попросту говоря, то, что море представляет собой сплошную, достаточно плотную жидкую среду, в которой видимость не превышает нескольких ярдов, вернуло У. Ф. чувство безопасности, утраченное им в космосе.

Его покушение на самоубийство незадолго до окончания курсов на первый взгляд говорит против правильности нашего лечения. Это не так: покушение было вызвано рядом не поддающихся предвидению факторов (см. пункты 57—

86 прилагаемого заключения), и в конечном счете оно, как это часто бывает, привело к сдвигу в лучшую сторону. Весьма показателен самый способ, избранный покушавшимся. Он подтверждает, что мы верно выбрали новую профессию для У. Ф. И насколько серьезно было это покушение? Если бы У. Ф. твердо решил убить себя, он выбрал бы более простой и надежный путь.

Теперь, когда субъект наладил — как будто успешно — свою эмоциональную жизнь и отклонения не выходят за рамки обычного, я уверен, что можно не опасаться новых срывов. Чрезвычайно важно поменьше давить на него. Его независимость и самостоятельность суждений, хотя и не так сильно выражены, как прежде, представляют собой важнейшую черту характера У. Ф. и во многом определяют его будущее.

Только время покажет, окупятся ли усилия специалистов. Но даже если нет, люди, которым пришлось этим заниматься, вознаграждены уже сознанием, что возродили к жизни человека, который, несомненно, окажется полезным для дела, а может быть, даже бесценным.

*Ян К. Стивенс,
начальник Отдела прикладной психиатрии,
Всемирная организация здравоохранения*

ГЛАВА 12

Когда прозвучал сигнал аварийного вызова, зритель Уолтер Франклин проходил ежемесячную процедуру бритья. Его всегда удивляло, почему биохимики до сих пор не придумали какого-нибудь способа совсем обуздать эту щетину. А впрочем, грех жаловаться: ведь всего полвека назад мужчинам — только подумать! — приходилось бриться каждый день, применяя для этого целый набор замысловатых и дорогих, порой даже смертоносных приспособлений.

С мазью на лице Франклин выскочил из ванной, промчался через кухню и влетел в холл прежде, чем сигнальное устройство успело перевести дух и исполнить новую трель. Он нажал клавишу «прием», экран коммуникатора осветился, и возникло чем-то озабоченное лицо дежурной.

— Вам нужно сейчас же прибыть для исполнения служебных обязанностей, мистер Франклин, — торопливо вымолвила она.

— А в чем дело?

— Фермы бьют тревогу. В заграждении брешь, одно стадо проскочило и ест весенний урожай. Мы должны выгнать их поскорее.

— Только и всего? — отозвался Франклин. — Через десять минут буду на пристани.

В самом деле, авария, хотя и не такая, из-за которой стоило бы волноваться. Конечно, фермы будут кричать — ведь что ни глоток, то полтонны, а тысяча таких глотков может поставить под угрозу весь годовой план. Но втайне Франклин был на стороне китов; пусть отведут душу, раз сумели проникнуть в планктонные прерии.

— Что там стряслось? — спросила Индра, выходя из спальни.

Она еще не успела причесаться, и ее блестящие черные волосы длинными красивыми прядями спадали на плечи. Ответ Франклина явно встревожил ее.

— Это серьезнее, чем ты думаешь, — сказала она. — Если будете мешкать, потом не оберетесь хлопот с больными. Весенняя вспышка размножения прошла всего две недели назад, и она побила все рекорды. Как бы не объелись твои прожорливые питомцы.

А ведь она права. Планктонные фермы составляли автономный отдел Морского управления, и Франклин не соприкасался с ними непосредственно, но он хорошо знал их работу — как-никак вроде бы конкуренты в добыче пищи из моря. Энтузиасты планктона утверждали — пожалуй, не без основания, — что выращивать планктонный урожай целесообразнее, чем пасти китов: ведь киты сами питаются планктоном, значит, в пищевой цепи они стоят ступенькой ниже. Зачем тратить десять фунтов планктона на производство одного фунта китового мяса, говорили они, если можно просто собирать планктонный урожай?

Дискуссия продолжалась уже двадцать лет, и пока что ни одна из сторон не взяла верх. Иногда спор становился довольно желчным, напоминая соперничество между земледельцами и скотоводами в пору освоения американского Среднего Запада; только масштабы были иные да вопрос

посложнее. Правда, на беду современных мифотворцев конкурирующие отделы Морского управления ВОП сражались между собой протоколами и действенным, но малоимпозантным оружием бюрократизма. Никто не ходил, крадучись, по ранчо с винтовкой в руке, и если в изгороди появлялась брешь, то по причинам чисто техническим, а не из-за полумночных диверсий...

В море, как и на суше, вся жизнь зависит от растительности. А количество растений зависит от обилия минералов в среде — азотных, фосфорных и множества иных соединений. В океане все эти важнейшие вещества скапливаются в глубинах, куда не доходит свет, а потому не могут существовать растения. Верхние пятьсот футов моря — первооснова его жизни; все, что обитает ниже, через промежуточные звенья живет пищей, созданной в этом слое.

Каждую весну, когда тепло проникает в пучину, глубокие воды тоже отзываются на незримое солнце. Увеличиваясь в объеме, они поднимаются и несут к поверхности несчетные миллиарды тонн солей и минералов. Удобренные питательными веществами снизу и подстегнутые солнечными лучами сверху, плавучие растения размножаются с интенсивностью взрыва. Естественно, выигрывают и животные, которые ими кормятся. Весна приходит на морские луга.

До появления человека цикл этот повторялся не менее миллиарда раз. Теперь человек изменил его. Не удовлетворяясь восходящими потоками минералов, производимых природой, он в стратегических точках погрузил в океан на большую глубину атомные генераторы, тепло которых вызвало исполинские подводные фонтаны, несущие к животворному солнцу химические сокровища. Среди многочисленных приложений ядерной энергии это искусственное подстегивание естественного круговорота оказалось одним из самых неожиданных и самых продуктивных. Один этот способ позволил почти на десять процентов увеличить количество продовольствия, поставляемого морями.

И вот киты из всех сил стараются свести на нет этот прирост.

Облава была задумана как комбинированная морская и воздушная операция. Одни подводные лодки не справятся, их мало и они слишком тихоходны. Три из них, включая одноместного разведчика Франклина, перебросят к бреши

на транспортном самолете; потом этот самолет будет помогать, отслеживать китов с воздуха, если они разошлись так далеко, что дальность действия гидролокаторов подводных лодок окажется мала. Еще два самолета будут отгонять китов, сбрасывая рядом с ними генераторы звука. Впрочем, прежде этот способ плохо помогал, и на него не возлагали особых надежд.

Через двадцать минут после аварийного вызова Франклин уже смотрел, как уходят вниз огромные пищевые комбинаты Пирл-Харбора. Он по-прежнему не любил летать и старался держаться подальше от самолетов. Но когда надо было, перелет переносил спокойно и мог без тошноты смотреть на простершийся внизу мир.

В ста милях к востоку от Гавайских островов море вдруг из голубого стало золотым. До самого горизонта тянулись кочующие поля с первым в году урожаем; казалось, им не будет конца. Тут и там, словно причудливые игрушки исплинских детей, на поверхности Тихого океана лежали уборочные машины — своего рода шумовки с милю длиной; по соседству стояли гораздо более компактные понтоны и плоты с аппаратами, производящими концентрат. Зрелище было внушительным даже в эту эпоху титанических инженерных сооружений, но Франклина оно не волновало. Мысль о миллиардах тонн отборных диатомей и рачков не вызвала в нем радостного трепета, хоть он и знал, что это пища одной четверти человечества.

— Проходим над Гавайским коридором, — раздался в динамике голос пилота. — Через минуту увидим брешь.

— Вижу, — сказал один из товарищей Франклина, указывая рукой вниз. — Вон они, наслаждаются...

Да что и говорить, фермеры-бедняги, наверно, рвут на себе волосы. Неожиданно Франклину вспомнилась детская песенка, которую он последний раз слышал самое малое тридцать лет назад:

Голубой Пастушок,
Подуди в свой рожок,
Ходят овцы по лугам,
А коровы по хлебам.

Действительно, «коровы ходят по хлебам»; придется Пастушку потрудиться, чтобы выгнать их оттуда. Множество узких прокосов в желтых планктонных лугах показывало,

где проедают себе путь прожорливые великаны. Извивающаяся голубая полоска чистой воды отмечала путь каждого из полчища китов, очутившихся в своем китовом раю. Задача Франклина — поскорее изгнать грешников из этого рая.

Получив короткий радиоинструктаж, три инспектора прошли из кабины в грузовой отсек, где скаутсабы уже висели на шлюпбалках, которые должны были опустить их в море. Операция несложная, труднее будет потом поднять их. Если ветер нагонит волну, придется возвращаться на Базу своим ходом.

Не совсем это обычно: на самолете очутиться внутри подводной лодки. Но Франклину было некогда задумываться, он готовился к погружению. Заговорил динамик на пульте: «Высота тридцать футов, открываю люки грузового отсека. Лодка номер один, приготовиться». Франклин был вторым в очереди. Огромный транспортный самолет висел неподвижно, и тали шли так гладко, что Франклин не почувствовал, когда его разведчик погрузился в свою естественную среду. И вот уже три лодки расходятся заданным курсом — ни дать ни взять механические собаки, сгоняющие скот.

Франклин быстро убедился, что это будет посложнее, чем он думал. Кругом был густой суп — никакой видимости, даже гидролокатор сбит с толку. Но главное: этот кисель тормозил крыльчатки, и водометы еле тянули. Чего доброго, засорятся... Лучше опуститься ниже планктонного слоя и без крайней нужды не всплывать.

На глубине трехсот футов муть кончилась. Из-за темноты Франклин по-прежнему ничего не видел, но хоть можно было развить хорошую скорость. Догадываются пирующие киты, что он уже близко и идиллии скоро придет конец? Вот они, яркие эхо-сигналы, медленно плывущие по мерцающему зеркалу, которое обозначает непроницаемую для звукового луча границу воды и воздуха. Любопытно: акустическим органам чувств гидролокатора поверхность моря представляется снизу такой же, как человеческому глазу.

В обход стада с двух сторон заходили приметные маленькие эхо-сигналы двух подводных лодок. Франклин поглядел на хронометр: меньше чем через минуту начнется гон. Он включил наружные микрофоны и прислушался к голосам моря.

Как можно говорить, будто море безмолвно? Даже несовершенный слух человека улавливал многие шумы: скрип

хитинизированных клешней, рокот каменных глыб, свист дельфинов, характерное «шлеп» хвоста акулы после крутого поворота. Но все это звуки слышимого спектра; чтобы сполна оценить симфонию моря, надо выйти за пределы того, что доступно нашему уху. Простейшая задача для установленных на лодке преобразователей частоты. Их можно при желании настроить на любой звук — от миллиона циклов в секунду до самых медленных колебаний, которые хочется сравнить с тягучим движением безнадежно заржавевшей двери.

Франклин настроил приемник на самую широкую полосу, и сознание тотчас принялось толковать многочисленные голоса, врывающиеся в маленькую кабинку из подводного мира. Шумы, произведенные человеком, он отсеивал сразу. К тому же гудение его лодки и лодок товарищей почти всецело поглощалось соответствующими фильтрами; однако они пропускали свист трех гидролокаторов (его датчик почти совсем заглушал два остальных) и далекое «бип-бип-бип» Гавайского коридора. Так назывался огражденный с двух сторон проход, по которому киты могли следовать через планктонные поля, не причиняя ущерба фермам. Каждый генератор слал импульсы с пятисекундным интервалом. Правда, ближайший участок вышел из строя, но отчетливо шли сигналы более удаленных частей акустического барьера. Импульсы были причудливо искажены и сливались в длинное, непрерывное эхо, так как за каждым сигналом тут же подходили посланные более удаленными генераторами. Прислушаешься — звук как бы передается вдаль по цепочке, наподобие стихающего раската грома.

На этом фоне явственно выделялись звуки природные. Со всех сторон, ни на миг не смолкая, доносились писк и крики китов, которые переговаривались между собой или просто давали выход своему восторгу. Франклин различал голоса самцов и самок; правда, он еще не научился узнавать по голосу отдельных китов и толковать их речь.

В подводном царстве нет звука более жуткого, чем крики стада китов. Закроешь глаза — и кажется, ты попал в заколдованный лес и тебя со всех сторон окружают бесы и лешие. Если бы Гектор Берлиоз слышал этот зловещий хор, он убедился бы, что природа предвосхитила его «Шабаш ведьм».

Но суеверный страх вызывает только то, что незнакомо, а эти голоса теперь уже прочно вошли в жизнь Франклина. Они больше не вызывали у него кошмаров, как это бывало вначале. Напротив, рождали чувство радости и симпатии, да еще легкое удивление: как эти исполины могут издавать такой тонкий писк?!

Впрочем, иногда звуки моря навевали воспоминание, от которого сердце переполнялось печалью. Будто он снова в радиорубке космического корабля или космической станции, сидит у приемников-автоматов, прочесывающих заданный диапазон. И отдаются в ночи призрачные голоса, очень похожие на эти: вызывают далекие корабли, работают радиомаяки, поселения на других планетах переговариваются с Землей высокочастотным кодом. И всегда за немощными голосами передатчиков был слышен рокочущий фон, вечное шушуканье звезд и галактик, наводняющих всю Вселенную своим радиоизлучением.

Стрелка хронометра коснулась нуля. Прежде чем она успела отмерить следующую секунду, море взорвалось адской какофонией. Дикое улюлюканье с подвыванием заставило Франклина поспешно убавить громкость. Так, акустические бомбы сброшены, бедные те киты, которые окажутся поблизости. Рисунок на экране индикатора вмиг изменился; испуганные животные в панике кинулись на запад. Франклин не отрывал глаз от прибора, готовый идти на перехват тех, кто свернет в сторону от бреши и вместо коридора опять окажется на планктонных полях.

То ли акустические бомбы усовершенствовали с прошлого раза, то ли киты стали более дисциплинированными: только три или четыре кита откололись от стада. Всего десять минут ушло на то, чтобы догнать их и с помощью установленных на лодках сирен вернуть в строй. Через полчаса после начала гона все стадо вышло обратно сквозь незримое окно в ограждении и закружилось в узком коридоре. Лодкам оставалось лишь дежурить, пока инженеры не закончат ремонт и не восстановят звуковую завесу.

Никто не назовет это крупной победой. Обыкновенный, будничный труд, второстепенная схватка в непрекращающейся кампании. Азарт погони уже прошел, и Франклин спрашивал себя, скоро ли транспортник извлечет их из океана и доставит обратно на Гавайские острова. Как-никак у

него сегодня выходной, и он обещал Питеру вместе поехать в Вайкики, чтобы поучить его плавать.

Хороший смотритель даже в минуты затишья следит за гидролокатором. Каждые три минуты Франклин машинально включал каскад дальнего действия и нацеливал датчик на дно — просто так, чтобы знать обстановку. Он не сомневался, что его товарищи делают то же самое, томясь ожиданием.

На краю экрана появилось слабое эхо — след предмета, который находился на пределе дальности прибора: расстояние десять миль, глубина почти две мили. Франклин приоткрылся, потом недоуменно сдвинул брови. Чтобы его было видно на таком расстоянии, это должно быть что-то очень крупное, не меньше кита. Но кит — в этой пучине?.. Правда, кашалотов встречали на глубине одной мили, однако даже эти непревзойденные ныряльщики так глубоко не забираются. Глубоководная акула? Возможно... Как бы то ни было, не мешает взглянуть поближе.

Он переключил прибор на автоматическое сопровождение предмета и увеличил изображение, сколько позволял индикатор. Подробностей не различить, слишком далеко, но видно, что объект длинный, тонкий и довольно быстро движется. Он посмотрел еще, потом вызвал товарищей. Не относящиеся к делу разговоры во время операций не поощряются, но эта загадка заинтриговала его.

— Я «Сабскаут-2», — сказал он. — Есть крупный эхосигнал, азимут 185 градусов, дальность 9,7 мили, глубина 1,8 мили. Похоже на подводную лодку. Вам известно, кто-нибудь еще действует в этом районе?

— «Сабскаут-2», я «Сабскаут-1», — послышался ответ. — Это за пределами радиуса действия моего прибора. Может быть, там лодка Комитета по исследованиям? Какие размеры дает индикатор?

— Около ста футов, чуть больше. Скорость выше десяти узлов.

— Я «Сабскаут-3». Здесь сейчас нет никаких исследовательских лодок. «Наутилус-4» на ремонте, «Кусто» работает в Атлантике. Наверно, тебе рыба попалась.

— Таких рыб не бывает. Разрешите сходить туда? Помоему, мы обязаны проверить.

— Разрешаю, — ответил «Сабскаут-1». — Мы справимся без тебя. Держи связь с нами.

Франклин развернулся на юг и плавным поворотом ручки дал полный ход. Преследуемый объект успел уйти слишком глубоко для его разведчика, но ведь он еще может подняться. Даже если не поднимется: сократив дальность, можно получить более четкое изображение.

Через две мили он убедился, что погоня ничего не даст. Животное, несомненно, уловило вибрацию от двигателя или импульсы гидролокатора и быстро пошло вниз. Франклину удалось сократить расстояние до четырех миль, после чего эхо-сигнал затерялся в хаосе отражений от океанского дна. Напоследок он успел убедиться, что оно очень большое и отнюдь не тонкое, но подробностей различить не смог.

— Ушло? — осведомился «Сабскаут-1». — Так я и думал.

— Значит, ты знаешь, что это было?

— Нет, и никто не знает. И вот тебе мой совет: не рассказывай об этом репортерам, не то сам не рад будешь.

Франклин ошеломленно поглядел на маленький динамик, который только что произнес эти слова. Выходит, никто его не разыгрывал... Он перебирал в памяти рассказы, которые слышал в баре на Героне — да всюду, где собирались в свободное время зрители. Тогда он смеялся, но теперь понимает: они говорили правду.

Это робкое эхо, ускользнувшее от гидролокатора... Великий Морской Змей.

Индра — она по-прежнему работала на полставке в Гавайском Аквариуме, когда позволяли домашние дела, — выслушала его рассказ куда спокойнее, чем он ожидал. А когда она заговорила, то и вовсе обескуражила его.

— Постой, о какой именно морской змее идет речь? Нам известно по меньшей мере три различных вида.

— Первый раз слышу.

— Во-первых, гигантский угорь, его видели три или четыре раза, но точно опознать не смогли. А личинок ловили еще в сороковых годах прошлого столетия. Этот угорь достигает шестидесяти футов в длину — чем не Великий Змей! Но особенно великолепна ремень-рыба *Regalecus glesne*. Ее рыло напоминает лошадиную морду, сверху на голове —

ярко-красный султан, вроде головного убора индейцев. Тело змееподобное, длиной до семидесяти футов. Сам посуди, можно ли нас удивить, когда мы знаем, на какие чудеса способно море?

— Погоди-ка, а третий вид?

— Он совсем не опознан и не описан. Мы называем его просто «Икс», потому что люди все еще не принимают разговоров о морских змеях. Точно известно одно: это животное, несомненно, существует, оно чрезвычайно скрытно и обитает на большой глубине. Когда-нибудь мы его поймаем, скорее всего по чистой случайности.

Весь этот вечер Франклин был задумчив. Его преследовала мысль, что, несмотря на все приборы, которые прощупывают море, и непрерывное исследование глубин человеком с подводных лодок, океан все еще хранит — и веками будет хранить — много секретов. Он чувствовал: даже если ему больше не суждено увидеть это существо, его всю жизнь будет преследовать воспоминание о далеком, дразнящем эхе, которое так стремительно ушло в свою обитель в морской бездне.

ГЛАВА 13

Почему-то многие считают, что жизнь смотрителя — это сплошная романтика. Франклин никогда не был в плену таких заблуждений, поэтому его не удивило и не разочаровало, что столько времени уходит на долгое, однообразное патрулирование морских далей. Ему это даже нравилось. В походе есть время для раздумий, но некогда грустить. Именно в эти часы, когда Франклин вплотную соприкасался с живым сердцем океана, прошли его последние страхи и окончательно исцелились душевные раны.

Жизнь смотрителя определялась ежегодными миграциями китов, но пути и сроки миграций постоянно менялись, по мере того как все новые участки моря огораживали и превращали в возделываемую ниву. Глядишь, летом смотритель ходит под полярными льдами, а всю зиму курсирует взад и вперед через экватор. Иногда он базируется на береговых станциях, иногда базы плавучие — «Полосатик», «Гринда» или «Кашалот». Один сезон он работает с усатыми

китами, которые извлекают пищу из моря, пlying с открытой пастью сквозь густой планктонный суп. А другой сезон сводит его с их свирепыми родственниками, зубатыми китами, во главе с кашалотом. Зубатые киты — не кроткие вегетарианцы; в черной бездне, куда не проникает ни один луч солнца, они выслеживают морских чудовищ и вступают с ними в бой.

А порой зритель неделями, даже месяцами не видит ни одного кита. Люди и снаряжение использовались не только для присмотра за китами; все организации, связанные в своей работе с морем, рано или поздно шли за помощью в Отдел китов. Иногда это было вызвано каким-нибудь трагическим происшествием: что ни год, подводные лодки не раз и не два выходили на поиски — чаще всего безуспешные — утонувших спортсменов или исследователей.

Были и другие крайности; недаром среди зрителей ходил анекдот про сенатора, обратившегося в Сиднейскую контору с просьбой поднять со дна моря его искусственную челюсть, которую он потерял, попав в сильный прибой. И будто бы ему вскоре же прислали огромную челюсть тигровой акулы и записку с извинением: дескать, это единственная бесхозная челюсть, которую после тщательных поисков удалось обнаружить у Бонди-Бич, где купался сенатор.

Конечно, бывали задания увлекательные, и зрители состязались за право получить их. Например, в Отделе рыболовства занималась жемчугом небольшая группа с явно недостаточными штатами. И когда у китопасов наступало межсезонье, им разрешали поработать на промысле жемчуга.

В одну такую командировку — в Персидский залив — попал Франклин. Дело было несложное, чем-то напоминающее труд садовода, глубины не превышали двухсот футов, так что подводник пользовался простейшим легководолазным аппаратом на сжатом воздухе, а передвигался с помощью торпеды. Лучшие площади для жемчуга «засевали» избранными сортами; главной задачей было охранять моллюсков от их естественных врагов, прежде всего от морских звезд и скатов. Дав раковинам созреть, их собирали и поднимали на поверхность для проверки: одна из немногих операций, которые никак не удавалось механизировать.

Разумеется, найденные жемчужины принадлежали Отделу рыболовства. Но почему-то жены всех зрителей,

которых командировали на эту работу, вскоре начинали щеголять жемчужными ожерельями или серьгами. Индра не была исключением.

Она получила свою нитку жемчуга в день рождения Питера. Снова став отцом, Франклин почувствовал, что старая глава его жизни совсем кончилась. Да нет, неверно это, он не мог — и не хотел — навсегда забыть, что в мире, который для него теперь был так же недостижим, как планеты самой далекой звезды, Айрин родила ему Роя и Руперта. Но боль от неизбежной разлуки унялась; никакая тоска не может длиться вечно.

Он был только рад, — хотя прежде возмущался этим, — что невозможен прямой радиоразговор с кем-нибудь на Марсе, вообще за пределами орбиты Луны. Даже во время наибольшего сближения Земли и Марса радиоволны туда и обратно шли шесть минут; какой уж тут разговор! Так что он не мог вызвать Айрин и ребят к видеofону и обречь себя на мучительное свидание. К Новому году они посылали друг другу магнитозапись, в которой рассказывали о событиях истекших двенадцати месяцев. Тем и ограничивался их контакт, если не считать редких писем, и Франклину этого было достаточно.

Как-то Айрин освоилась со своим вдовством? Конечно, с детьми легче, и все-таки, думал он иногда, хорошо бы ей выйти замуж — лучше и для нее и для него. Но сказать ей так у него не поворачивался язык, и она не заговаривала об этом, даже когда он сам снова женился.

Что она думает об Индре? Еще один трудный вопрос... Вероятно, какая-то доля ревности неизбежна. Недаром Индра, когда у них случались раздоры, давала понять, как неприятна ей мысль, что она вторая женщина в его жизни.

Впрочем, они редко ссорились, тем более после рождения Питера. Супружеская пара представляет собой динамически неустойчивую систему, пока появление первого ребенка не превращает ее из двучлена в трехчлен.

Франклин был вполне счастлив. Чего еще можно себе пожелать? Семья давала ему душевный покой, работа наполняла бытие красками и смыслом, которых он искал — и которые потерял — в космосе. В толще морей оказалось больше жизни и чудес, чем в безбрежных межпланетных просторах, и он все реже тосковал по зрелищу восходящей

голубой Земли или серебряных вихрей Млечного Пути, по венчающим долгий перелет напряженным минутам посадки на один из спутников Марса.

Море уже наложило свою печать на его поступки и мысли, как это неизбежно бывает с каждым человеком, который хочет покорить океан и проникнуть в его тайны. Франклин чувствовал себя сродни всем животным, населяющим разные ярусы океана, даже врагам, которых он по долгу службы был обязан истреблять. Но особенно тепло, даже с каким-то мистическим благоговением (которого он немного стыдился), Франклин относился к могучим животным, чья судьба была ему вверена.

Он утешал себя тем, что в душе, наверно, все смотрители испытывают то же самое, хотя ни за что не признаются в этом. Правда, иногда вырвется в разговоре неведь кем придуманный оборот «китовая горячка» — так говорили о китопасе, который вдруг начинал вести себя скорее как кит, чем как человек. Вообще-то без этой способности не станешь хорошим смотрителем, но иногда она проявлялась чересчур сильно. Классическим считался случай (вполне достоверный, спроси кого хочешь!) с одним старшим смотрителем, который каждые десять минут поднимался на своей лодке к поверхности за воздухом; иначе ему казалось, что он задыхается.

Среди всемирной армии подводных специалистов смотрители слыли, так сказать, избранниками (они и сами подерживали этот взгляд), и к ним шли со всеми необычными делами, за которые больше никто не брался. Бывали задания и слишком рискованные, тогда приходилось отвечать клиенту, чтобы он поискал другого выхода.

Но иногда другого выхода просто не было. В Отделе китов до сих пор вспоминали, как в 2022 году старший смотритель Кирхер вошел в огромный водозаборник охлаждающей рубашки атомного котла, который снабжал энергией половину Южной Америки. В одном из фильтров расшаталась решетка, и ее можно было укрепить только вручную. Обвязавшись вокруг пояса крепкими канатами, чтобы самого не затянуло, Кирхер нырнул в ревушую тьму. Он выполнил задачу и вернулся невредимый, но больше никогда не работал под водой.

Пока что на долю Франклина выпадали только самые заурядные дела, ничего похожего на то, что испытал Кирхер,

и он не знал, как поведет себя в подобном случае. Проще всего, если риск окажется чрезмерным, отказаться — это и в контракте обусловлено. Но «пункт о самоубийстве», как его насмешливо называли, был фактически мертвой буквой. Смотритель, который без самой крайней нужды ссылался на него, не навлекал на себя гнева начальства, однако товарищи его после этого не жаловали.

Только на пятом году своей достаточно напряженной, но в общем-то довольно однообразной работы Франклин получил поручение, выходящее за пределы его прямого долга. Зато дело было таким, что с лихвой вознаграждало его за долгое ожидание.

ГЛАВА 14

Главный бухгалтер бросил на стол свои таблицы и карты и победоносно взглянул над архаичными очками на горстку слушателей.

— Как видите, джентльмены, — сказал он, — всякие сомнения исключены. В этом районе, — он еще раз ткнул пальцем в карту, — убыль кашалотов ненормально велика. Речь идет уже не об обычных отклонениях в численности поголовья. За последние пять лет во время миграций на этом маленьком участке исчезало от семи до одиннадцати китов в год.

Вам, конечно, известно, что у кашалота нет естественных врагов, если не считать косаток, которые иногда нападают на небольших самок с детенышами. Между тем мы совершенно уверены, что сюда уже много лет не проникали косатки; к тому же в числе исчезнувших кашалотов по меньшей мере три крупных самца. На наш взгляд, возможно только одно объяснение.

Глубина здесь немногим меньше четырех тысяч футов. Это значит, что кашалот успевает достигнуть дна и несколько минут уделить охоте, прежде чем он оказывается вынужденным всплыть за воздухом. С тех самых пор как было установлено, что *Pheseter* питается почти исключительно кальмарами, ученые задают себе вопрос: может ли кальмар победить напавшего на него кашалота? Чаще всего отвечают — нет, не может, ибо кит намного крупнее и сильнее.

Но нам следует помнить, что до сих пор не выяснено, где проходит предел роста гигантского кальмара. Биологи сообщили мне, что найдены щупальца *Bathyteutis Maximus*, достигающие в длину восьмидесяти футов. Кроме того, на такой глубине кальмару достаточно продержаться кита несколько минут, после чего кашалот уже не сможет вернуться к поверхности, он утонет. И вот, года два назад, мы выдвинули предположение, что в том районе живет по меньшей мере один редкостно крупный кальмар. Мы... гм... окрестили его Перси.

До прошлой недели Перси был существом гипотетическим. Но несколько дней назад, как вы знаете, на поверхности океана был обнаружен мертвый кит К.87693. Туша его сильно искалечена, вся кожа покрыта характерными следами от присосков и зубцов. Прошу вас посмотреть вот на эту фотографию.

Главный бухгалтер достал из своего портфеля большие глянцевые отпечатки и передал слушателям. На каждом отпечатке был показан участок тела кита, испещренный белыми полосами и кольцами правильной формы. Не совсем уместная на первый взгляд футовая линейка в середине снимка позволяла судить о масштабе.

— Так вот, джентльмены, эти следы от присосков достигают шести дюймов в поперечнике. Думаю, мы вправе сказать, что Перси больше не гипотеза. Спрашивается: как с ним поступить? Он обходится нам самое малое в двадцать тысяч долларов в год. Прошу высказывать предложения.

Некоторое время было тихо; собравшиеся представители задумчиво разглядывали снимок. Наконец заговорил начальник Отдела китов:

— Я пригласил на наше совещание мистера Франклина. Послушаем его. Ваше слово, Уолтер. Справится с Перси?

— Справлюсь, если найду его. Но в этом месте очень неровное дно, трудно искать. Обычная подводная лодка не годится, запас прочности мал для такой глубины, особенно если попадешь в объятия Перси. Кстати, что вы думаете о его величине?

Главный бухгалтер, обычно без запинки называвший все цифры, на этот раз помедлил, прежде чем ответить.

— Это не моя оценка, — сказал он, словно извиняясь, — но биологи полагают, что в длину он достигает примерно ста пятидесяти футов.

Кто-то тихонько свистнул, только начальник Отдела сохранял невозмутимое выражение лица. Он давным-давно убедился в верности старой истины: какую бы огромную рыбу ни выловили, в море есть еще больше. В среде, где тяготение не ограничивает размеров, животное продолжает расти почти до самой смерти. А гигантский кальмар, пожалуй, лучше всех обитателей моря защищен от любых атак. Даже его единственный враг, кашалот, не может добраться до кальмара, пока тот остается ниже четырех тысяч футов.

— Есть десятки способов убить Перси, когда мы выследим его, — заговорил главный биолог. — Взрывчатка, яд, электрический разряд — выбирайте любой. И все-таки я просил бы по возможности не умертвлять его. Это же одно из крупнейших животных на нашей планете, убить его было бы преступлением.

— Извините, доктор Робертс! — возразил начальник Отдела. — Позвольте напомнить вам, что наш Отдел занимается производством продовольствия, а не исследованием и охраной животных. Не считая китов, конечно. И вообще слово «убийство», по-моему, странно звучит в применении к какому-то моллюску-переростку.

Однако выговор начальника явно не произвел особого впечатления на доктора Робертса.

— Я согласен, сэр, — бодро отозвался он, — что наша главная задача — производство, что мы всегда обязаны помнить об экономических факторах. Но ведь мы сотрудничаем с Комитетом научных исследований. И мне кажется, это как раз тот случай, когда можно поработать вместе к обоюдной пользе. В конечном счете мы только выиграем.

— Ну ладно, говорите, — сказал начальник, и в глазах его мелькнула лукавая искорка.

Любопытно, что за гениальный план придумали вместе со своими товарищами из КНИ эти ученые, которые обязаны работать на его отдел.

— Еще никому не удавалось поймать живьем гигантского кальмара, по той простой причине, что не было нужного снаряжения. Конечно, эта операция обойдется недешево, но, коль скоро мы все равно задумали охотиться на Перси,

дополнительный расход будет не так уж велик. Итак, я предлагаю взять его живьем.

Никто не спросил его, как он собирается это сделать. Если доктор Робертс говорит, что это возможно, значит, у него уже все продумано. Начальник отдела, как обычно, не стал задерживаться на технических деталях операции по подъему с глубины одной мили сопротивляющегося много-тонного зверя, его занимало главное.

— Какую часть расходов берет на себя КНИ? И что вы собираетесь делать с Перси, когда поймаете его?

— Мы предоставляем подводные лодки с водителями, КНИ оплачивает добавочное оборудование, но это неофициально. Нам понадобится также плавучий док, который мы брали в прошлом году у ремонтников. В нем помещаются два кита, значит, и кальмару места хватит. Тут будут дополнительные расходы: нужна установка для аэрации воды, проволоочная сетка под электрическим напряжением, чтобы Перси не вылез, еще кое-что. Словом, док может служить лабораторией, пока мы будем изучать кальмара.

— А потом?

— Потом? Продадим его, только и всего.

— Боюсь, что любители домашних животных не кинутся покупать стопятидесятифутового кальмара.

И тут доктор Робертс, словно опытный актер, с небрежным видом пустил в ход свой главный козырь.

— Если мы доставим Перси в добром здравии, Мэринленд готов дать за него пятьдесят тысяч долларов. Столько предложил мне сегодня утром профессор Милтон, когда я разговаривал с ним. Но я уверен, что мы сможем получить больше. Почему бы не выговорить себе процент со сбора? Как-никак это будет величайший аттракцион в истории Мэринленда.

— Мало нам Комитета научных исследований, вы еще хотите втравить нас в сделку со зрелищными предприятиями, — проворчал начальник. — Ну ладно, я не возражаю. Если счетоводы убедят меня, что эта затея не потребует слишком больших расходов, и если не появится никаких других подводных камней, что ж, будем ловить. Разумеется, при условии, что мистер Франклин и его товарищи возьмутся за это. Работать-то им.

— Если у доктора Робертса готов план действий, я охотно с ним поговорю. Проект очень интересный.

Мягко сказано? Да. Но Франклин был не из тех, кто загорается восторгом от каждого нового дела; он давно убедился, что это только приводит к разочарованию. Если «Операция Перси» состоится, это превзойдет все, что было за пять лет его работы зрителем. Да нет, ничего не получится, непременно возникнет какая-нибудь заковыка, и план сорвется.

Он не сорвался. Меньше чем через месяц Франклин вел на дно приспособленную для нового задания дозорную лодку. Следом за ним, в двухстах футах, шел Дон Берли. Впервые после Герона — как давно это было! — Франклин работал вместе с Доном. Когда ему предложили выбрать себе напарника, он сразу назвал своего учителя. Такой случай предоставляется раз в жизни, и Дон никогда не простил бы Уолтеру, если бы он выбрал кого-нибудь другого.

Иногда Франклин спрашивал себя, не завидует ли Дон его быстрому продвижению. Пять лет назад Берли был старшим зрителем, Франклин — зеленым курсантом. Теперь они оба старшие, и Уолтера вскоре ожидает новое повышение. Его это и радовало и не радовало. Франклин вовсе не был лишен честолюбия, просто он знал: чем выше он поднимется по бюрократической лестнице, тем меньше времени сможет уделять морю. Пожалуй, у Дона верный расчет — очень уж трудно представить себе его пришитым к канцелярии...

— Слышишь, включи свет, — прозвучал в динамике голос Дона. — Доктор Робертс просит меня сделать снимок.

— Есть, — ответил Франклин, — включаю.

— Ух ты! Красота какая! Будь я кальмаром, ни за что не устоял бы против тебя. Так, теперь повернись в профиль. Спасибо. Ну картина — первый раз вижу, чтобы рождественская елка шла со скоростью десяти узлов на глубине шестисот саженей.

Франклин усмехнулся и выключил иллюминацию. Идея доктора Робертса очень проста; теперь все дело в том, чтобы проверить ее. Многие глубоководные обитатели наделены светящимися органами, которые, словно созвездия, сияют в вечном мраке. Этот свет они включают, чтобы приманить

добычу или свою пару, но и огромные глаза кальмара восприимчивы к нему. Если гигантские кальмары такие умные, какими слывут, говорил себе Франклин, Перси быстро раскусит обман. А может случиться и так: этот свет собьет с толку нырнувшего кашалота, и, хочешь не хочешь, придется схватиться с ним!

До каменистого дна оставалось всего пятьсот футов; на экране гидролокатора ближнего действия его было видно во всех подробностях. Да, картина неутешительная, здесь должно быть несчетное множество впадин, в которых Перси никакими приборами не сыщешь. Но ведь кашалоты его находили — ценой своей жизни. А что по силам Phyceter'у, заключил Франклин, посильно и моей лодке.

— Смотри-ка, нам повезло, — заметил Дон. — Никогда не видел тут такой прозрачной воды. Если только не замутим ее сами, видимость будет футов двести.

Это было очень важно: световая приманка Франклина окажется ни к чему, если ее лучи пропадут в мутной воде. Включив наружную телекамеру, он быстро обнаружил приглушенный двухсотфутовым расстоянием правый отличительный огонь Дона. Точно, им повезло; это намного упростит их задачу.

Он поймал ближайший маяк и тщательно определил свою позицию. Для большей верности попросил Дона проделать то же самое, и они взяли среднюю величину. После чего его друзья, медленно идя на параллельных курсах, принялись придирчиво исследовать морское дно.

Странно было видеть на такой глубине голый камень; обычно дно океана покрыто слоем осадков и ила мощностью в сотни, а то и тысячи футов. Не иначе, здесь бывают сильные течения, которые все уносят, подумал Франклин. Правда, прибор не показывал никаких течений; видимо, они были сезонными, связанными с расположенной всего в пяти милях отсюда впадиной Миллера глубиной в десять тысяч футов.

Каждые несколько секунд Франклин включал свои разноцветные огни, потом нетерпеливо всматривался в экран — нет ли реакции. Вскоре за ним шло уже с полдюжины причудливых глубоководных рыб, кошмарные создания двух-трехфутовой длины, с огромными челюстями и развешивающимися усиками и щупальцами. Видно, огни манили так сильно, что даже вибрации двигателей их не пугали; это

хороший признак. Рыбы не поспевали за лодкой, но место отставших тут же занимали новые, и среди них не было двух одинаковых.

Телевизионный экран не так привлекал Франклина, сейчас куда важнее был дальнобойный гидролокатор, который видел все на тысячу футов вперед. Нужно не только высматривать добычу, но следить за тем, чтобы не врезаться в скалы и выступы, вдруг возникающие на пути лодки. И хотя скорость не превышала десяти узлов, надо было глядеть в оба. Порой Франклину чудилось, что он идет бреющим полетом над окутанными туманом холмами.

Они отмерили пять миль — ничего! — развернулись на сто восемьдесят градусов и пошли обратно параллельным курсом. «Если даже не найдем его, — утешил себя Франклин, — то хоть заснимем этот участок так, как никто до нас не снимал». У обоих работали самописцы, автоматически нанося на бумажную ленту профиль дна.

— Кто сказал, что это увлекательно? — пожаловался Дон после четвертого поворота. — Я пока даже кальмаренка не увидел. Может быть, мы их всех распугиваем?

— Вряд ли: Робертс уверяет, что они не очень восприимчивы к вибрациям. И вообще, сдается мне, Перси не из робкого десятка.

— Если он существует, — скептически заметил Дон.

— А эти шестидюймовые отпечатки? Кто их, по-твоему, оставил — мыши?

— Постой! — воскликнул Дон. — Ну-ка, взгляни на эхосигнал, азимут 250, дальность 750 футов. Как будто скала, но мне на миг почудилось какое-то движение.

Опять ложная тревога?.. Нет, эхо и в самом деле размазанное. Честное слово, движется!

— Сбавь скорость до пол-узла, — сказал Франклин. — И отстань немного, а я подберусь поближе к нему и включу свет.

— Необычное эхо! Все время меняется.

— Похоже, это и есть наш Перси. Пошли.

Лодка шла над теряющейся вдаль, покатою равниной, по-прежнему сопровождаемая любопытной свитой морских драконов. На телеэкране все, что находилось за пределами ста пятидесяти футов, терялось во мгле; дальше лучи ультрафиолетовых прожекторов не проникали. Франклин выключил

все наружные огни и продолжал подкрадываться, ориентируясь только по гидролокатору.

На расстоянии пятисот футов эхо приняло вполне определенный облик, когда осталось четыреста футов, развеялись последние сомнения, за триста футов до цели рыба челядь Франклина вдруг поспешно разбежалась, точно почувала, что здесь небезопасно. Двести футов... Он включил световую приманку. И, помедлив несколько секунд, нажал клавиши прожекторов и телевизора.

По дну моря шагал лес, лес судорожно извивающихся стволов. Великий кальмар на миг замер, точно осаженный прожекторами: должно быть, он видел их незримый для человеческого глаза свет. Потом молниеносно подобрал щупальца, сжался в плотный обтекаемый ком и ринулся навстречу подводной лодке, пустив на полную мощность свой водомет.

В последний миг кальмар свернул в сторону, и Франклин успел заметить громадный, не меньше фута в поперечнике, глаз. Последовал мощный удар в корпус лодки, и в кабине раздался скребущий звук, словно металл царапали огромные когти. Франклин вспомнил исполосованную шрамами толстую кожу кашалотов; слава Богу, его защищала прочная сталь. Было слышно, как рвались провода иллюминации. Ничего, они уже выполнили свое предназначение.

Определить, что сейчас делает кальмар, не было никакой возможности. То и дело лодку сильно встряхивало, но Франклин не пытался отступить. Пока нет прямой опасности, можно и потерпеть.

— Ты не видишь, что он там творит? — жалобно спросил он Дона.

— Вижу: он держит тебя восемью щупальцами, а двумя ловчими тянется ко мне. А как цвет меняет, чудо — не берусь описать. Хотел бы я знать, он в самом деле пытается тебя слопать или это в нем страсть играет.

— Ничего не могу тебе сказать, но мне сейчас кисло. Живей заканчивай съемку, да я выберусь отсюда.

— Сейчас-сейчас, потерпи две минуты, у меня ведь еще киноаппарат... Потом испытаем на нем гарпун.

Эти две минуты показались Франклину очень долгими, но наконец Дон управился со съемкой. Хотя Перси, наверно, успел убедиться, что обнимает не головоногое существо, он

пока вел себя далеко не робко. А доктор Робертс еще говорил о пугливости кальмаров!

Дон ловко и метко вонзил жало в самую толстую часть мантии Перси, где оно прочно засело, не причиняя моллюску никакого вреда. Неожиданный укол заставил моллюска ослабить свою хватку, и Франклин воспользовался случаем, чтобы дать полный вперед. Шершавые щупальца со скрежетом прошли по обшивке кормы, лодка вырвалась и устремилась вверх. Хорошо, что не понадобилось оружие, которым на всякий случай обильно оснастили лодку.

Дон последовал за Франклином, и они стали ходить по кругу в пятистах футах над дном, далеко за пределами прямой видимости. На экране индикатора каменистое дно представлялось ровной плоскостью, но теперь посреди нее мерцала яркая звездочка. Вонзенный в Перси маленький световой маяк — неполных шесть дюймов в длину и дюйм в поперечнике — начал работать. Он будет мигать больше недели, прежде чем сядут батареи.

— Запятнали! — ликовал Дон. — Теперь не спрячется.

— Пока не избавится от жала, — осторожно добавил Франклин. — Если он его вытолкнет, начинай все сначала.

— Ты забываешь, кто ставил маяк, — внушительно заметил Дон. — Десять против одного, что он никуда не денется.

— Нет уж, — отпарировал Франклин, — биться об заклад с тобой я не буду, ученый.

До поверхности было еще полмили, и, нацелив нос лодки вверх, он дал предельный ход.

— Не будем больше мучить доктора Робертса, бедняга может заболеть от нетерпения. Да мне и самому хочется посмотреть на твои снимки. Никогда не приходилось играть главной роли в кино, да еще в паре с гигантским кальмаром.

И ведь это, напомнил он себе, только начало. Гвоздь программы впереди.

ГЛАВА 15

— Хорошо быть женатым на женщине, которая не дрожит от страха за тебя, когда ты на работе, — сказал Франклин, предаваясь неге в удобном кресле на террасе.

— Бывает, что дрожу, — призналась Индра. — Не люблю я эти глубоководные затеи. Случись там что-нибудь, и ты пропал.

— Что десять футов, что десять тысяч — утонуть одинаково легко.

— Сам знаешь, что вздор говоришь. Кроме того, я еще ни разу не слышала, чтобы смотритель просто утонул. Когда гибнет китопас, это происходит далеко не так просто и мило.

— Ну ладно, я зря затеял этот разговор, — виновато сказал Франклин и оглянулся: не слышал ли их Питер. — Но неужели ты всерьез волнуешься из-за «Операции Перси»?

— Пожалуй, нет. Мне тоже не терпится увидеть, как вы его поймаете. Еще интереснее, сумеет ли доктор Робертс сохранить его живым в неволе.

Индра поднялась и подошла к книжной полке. Долго рылась в груде бумаг и журналов, наконец извлекла нужную книгу.

— Вот, послушай, — продолжала она, — и учти, что это было написано почти двести лет назад.

Она принялась читать внятно, отдельно, словно перед студентами в аудитории. Сперва Франклин слушал не очень внимательно, но незаметно для себя увлекся.

— «Возникла огромная белая масса, она поднималась все выше и выше над морской лазурью, и казалось, перед носом нашего корабля переливается блеском снежная лавина, только что скатившаяся с гор. Она пролежала так несколько секунд, затем медленно стала погружаться и совсем ушла под воду. Потом снова всплыла и безмолвно застыла, мерцая. “На кита не похоже — и все же это, верно, Моби Дик”, — подумал Дэггу. Фантом опять исчез в море, когда же он показался вновь, чей-то крик пронзил каждого, как ножом, и разогнал дремоту. Негр кричал: “Смотрите! Опять! Вон он всплыл! Прямо на носу! Белый Кит! Белый Кит!”

Быстро были спущены на воду четыре лодки, в первой сидел Ахаб, и все помчались к добыче. Вскоре она погрузилась. Мы сушили весла, ожидая, когда животное покажется вновь, — и гляди! — оно медленно всплыло еще раз в том самом месте, где исчезло. Все мысли о Моби Дике на время вылетели у нас из головы при виде поразительнейшего из созданий, какие когда-либо являлись человеку из тайников морской пучины. Исполинская рыхлая туша, несколько ферлонгов в длину и столько же в ширину, белесая, сверкающая,

лежала на поверхности воды, и множество длинных рук простиралось в разные стороны из ее середины, они крутились, извивались, будто анаконды, готовые схватить все без разбора, что окажется в пределах их досягаемости. Ни пера, ни зада; и никакого подобия чувств или инстинктов; бесформенное, чудовищное, невероятное проявление жизни корчилось среди волн.

С глухим протяжным всплеском оно снова скрылось, и Старбак, не отрывая глаз от изрытой воды, в отчаянии воскликнул: "Лучше бы мне увидеть Моби Дика и сразиться с ним, чем увидеть тебя, белое привидение!"

"Что это было, сэр?" — спросил Фласк.

"Сам великий кальмар, о котором говорят, что редкий китобоец, повстречавший его, возвращался в свой порт".

Но Ахаб ничего не сказал. Развернув лодку, он пошел обратно к судну, и остальные безмолвно последовали за ним.

Индра выдержала паузу и закрыла книгу, ожидая, что скажет муж. Франклин поежился в своем удобном кресле и задумчиво произнес:

— Не помню этот кусок. А может быть, вообще не дошел до него. Очень точно схвачено, только зачем этот кальмар всплыл?

— Наверное, он умирал. Ночью они иногда поднимаются к поверхности, но днем не всплывают, а у Мелвилла сказано, что стояло «голубое ясное утро».

— Допустим, а сколько в нем было, если перевести на футы? Можно сравнить его с Перси? По нашим фото получается, что длина Перси от плавников до кончиков щупалец — сто тридцать футов.

— Выходит, он больше самого большого замеренного синего кита.

— Да, на несколько футов. Но весит, конечно, раз в десять меньше.

Франклин встал и вышел в соседнюю комнату за справочником. Индра услышала, как он негодуяще фыркнул.

— Ну что там? — спросила она.

— Тут написано, что ферлонг — устаревшая мера длины, равная одной восьмой мили. Твой Мелвилл несет что-то несусветное.

— Он обычно очень точен, во всяком случае когда говорит о китах. Но «ферлонг»... в самом деле странно. И удивительно,

что никто до сих пор не обратил на это внимания. Наверно, он хотел написать «фетом». А может быть, наборщик ошибся.

Возможно... Франклин поставил на место справочник и вернулся на террасу в ту самую минуту, когда туда ворвался Дон Берли. Дон поднял Индру на руки, запечатлел у нее на лбу братский поцелуй и бережно опустил ее в кресло.

— Пошли, Уолт! — загромыхал он. — Вещи собраны? Я подброшу тебя до аэродрома.

— Где там Питер прячется? — спросил Франклин. — Питер! Иди сюда, проводи меня, папе пора на работу.

Клубок неукротимой энергии выкатился на террасу и взлетел на руки отца, чуть не сбив его с ног.

— А ты купишь мне кальмала? — крикнул четырехлетний Питер.

— Откуда ты знаешь, зачем я еду?

— Как же, утром в последних известиях передавали, ты еще спал, — объяснила Индра. — И показали отрывок из Дюнова фильма.

— То, чего я больше всего боялся. Теперь за нами повсюду будут тащиться толпы операторов и репортеров. И непременно что-нибудь сорвется.

— Не бойся, на дно они за нами не пойдут, — возразил Берли.

— Надеюсь... Только ты не забывай, что не у нас одних есть подводные лодки.

— Как ты уживаешься с ним? — обратился Дон к Индре. — Он всегда видит во всем плохие стороны?

— Не всегда, — улыбнулась Индра, отдирая сына от отца. — Два раза в неделю он бывает веселым.

Улыбка сошла с ее лица, когда она проводила взглядом шуршащую приземистую спортивную машину. Индра очень тепло относилась к Дону, видя в нем как бы члена семьи. Иногда он беспокоил ее: до сих пор не женился, не остепенился, нынче здесь, завтра там — неужели его устраивает такая беспорядочная жизнь? С тех пор как они его знают, он все время либо на воде, либо под водой, если не считать бурную отпускную пору, во время которой их дом служит ему базой. Они сами его приглашали и все-таки испытывали замешательство всякий раз, когда приходилось за завтраком вести милую беседу с новой незнакомкой.

Конечно, Франклин и Индра тоже немало разъезжали, но у них всегда было место, которое они могли назвать домом. Сперва — комната в Брисбене, где с рождением Питера кончилась ее короткая, но приятная карьера преподавателя Квинслендского университета, затем — бунгало на Фиджи, с кочующей течью в крыше, которую строители никак не могли выследить; квартира в поселке китобоев на острове Южная Георгия (Индра до сих пор помнила запах отбросов и кружащиеся над разделочным цехом полчища чаек); наконец, этот дом, из которого открывается вид на соседние острова Гавайского архипелага. Четыре места за пять лет — это может показаться многовато, но любая жена зрителя скажет вам, что это еще ничего.

Индра не очень сожалела о том, что в ее карьере наступил перерыв.

Вот подрастет немного Питер, и можно будет вернуться к научной работе. Она и теперь читала всю специальную литературу, следила за текущими исследованиями. Несколько месяцев назад «Журнал Хрящеперых» поместил ее письмо «О возможных путях эволюции акулы *Scapanorhynchus owstoni*», и Индра с наслаждением окунулась в полемику с пятью учеными, которые разбирались в этом вопросе.

Пусть даже ее мечты не сбудутся, все равно приятно знать, что в твоих силах преуспеть и тут и там. Так говорила себе Индра Франклин, домашняя хозяйка и ихтиолог, направляясь на кухню, чтобы приготовить поесть своему вечно голодному отпрыску.

Плавучий док переоборудовали так, что конструктор вряд ли узнал бы свое детище. Во всю его длину простерлась укрепленная на изоляторах сетка из толстой стальной проволоки; над сеткой растянули брезентовый полог, чтобы защитить от солнечных лучей чувствительные глаза и кожу Перси. Внутри док освещали только желтые лампочки; впрочем, сейчас широкие ворота в обоих концах огромного бетонного ящика были открыты и пропускали воду и солнечный свет.

С облепленного людьми переходного мостика, возле которого были причалены обе подводные лодки, доктор Роберт давал последние указания водителям.

— Я постараюсь поменьше надоедать вам, — говорил он, — но вы уж сами не забывайте нам рассказывать, что у вас делается.

— Связного репортажа не ждите, нам будет не до этого, — ухмыльнулся Дон. — Но в общем постараемся. Ну а если что приключится, сразу голос подадим. Ты готов, Уолт?

— Готов, — ответил Франклин, спускаясь в люк. — До свидания, через пять часов увидимся и Перси прихватим, надеюсь!

Они полным ходом пошли вниз; меньше чем через десять минут лодки погрузились на четыре тысячи футов, и на экранах телевизора и гидролокатора открылся знакомый бугристый ландшафт. Но они нигде не видели мигающей звезды, которая должна была выдать Перси.

— Надеюсь, дело не в маяке, — заключил Франклин свой доклад ученым. — Если он вышел из строя, на поиски может уйти не один день.

— Думаешь, он ушел отсюда? — спросил Дон. — Я бы не удивился.

Из мира солнца и света, до которого была почти целая миля, к ним донесся твердый, уверенный голос доктора Робертса:

— Он либо в расщелине прячется, либо закрыт скалой. Вы вот что: поднимитесь футов на пятьсот, чтобы неровности не мешали, и походите на высокой скорости. Радиус действия маяка больше мили, вы его быстро отыщете.

Час спустя голос ученого звучал уже не так уверенно, и реплики, которые доносил вниз гидроакустический передатчик, показывали, что репортеры и операторы телевидения начинают терять терпение.

— Осталось одно место, — сказал наконец Робертс. — Если Перси не ушел совсем из этого района и если маяк работает, ищите его в каньоне Миллера.

— Там пятнадцать тысяч футов, — возразил Дон. — А наши лодки рассчитаны на двенадцать.

— Знаю, знаю. Но ведь он не обязательно на дне сидит. Скорее всего охотится где-нибудь на склонах. Вы его сразу увидите, если он там.

— Ладно, — отозвался Франклин без особого воодушевления. — Посмотрим. Но если он глубже двенадцати тысяч, мы за ним не пойдем.

На экране гидролокатора на светлой плоскости морского дна четко выделялась черная брешь каньона. Мчась со скоростью сорока узлов, лодки стремительно приближались к цели; Франклину подумалось, что под водой никто не сравнится с ними в ходе. Ему довелось как-то раз лететь на малой высоте в районе Гранд-Каньона, и он помнил, как равнина внизу вдруг оборвалась и разверзся зияющий провал. И хотя он сейчас видел только картинку, нарисованную отражением зондирующих дно импульсов, проход над гранью еще более могучей расселины в морском дне вызвал то же самое чувство.

Звнящий от возбуждения голос Дона прервал его размышления.

— Вон он! В тысяче футах под нами!

— Пожалей мои барабанные перепонки, — пробурчал Франклин. — Я и так его вижу.

Обозначая отвесный склон каньона, середину экрана сверху вниз секла четкая, почти вертикальная линия. А вдоль этой линии ползла крохотная мигающая звездочка, которую они искали. Работяга-маяк выдал преследователям Перси.

Они доложили доктору Робертсу. Франклин представил себе, какое ликование царит наверху. Кое-что просочилось к ним вниз через микрофон; наконец Робертс, заметно волнуясь, спросил:

— Как по-вашему, удастся выполнить наш план?

— Попробуем, — ответил Франклин. — Конечно, стенка будет мешать. Надеюсь, в ней нет пещер, Перси не скроется. Ты готов, Дон?

— Командуй, пойду за тобой вниз.

— Мне кажется, мы доберемся до него без моторов. Поехали.

Франклин заполнил водой носовые цистерны и пошел круто вниз, надеясь, что планирует бесшумно. Перси, конечно, научился быть осторожным, он, наверно, обратится в бегство, как только заподозрит неладное.

Кальмар продолжал рыскать вдоль склона. Удивительно, какую пищу он может найти в таком безотрадном, безжизненном на вид месте... Рывками, выталкивая воду из мантийной полости через воронку, Перси двигался вперед и, судя по всему, еще не заметил их.

— Двести футов... Включаю огни, — сказал Франклин Дону.

— Что толку, видимость сегодня меньше восьмидесяти футов.

— Ничего, я ближе подойду. Есть, увидел! Идет на меня!

Франклин не очень-то рассчитывал, что такое умное животное, как Перси, второй раз клюнет на ту же удочку. Но в следующий миг лодку тряхнуло, могучие щупальца сомкнулись вокруг нее, и по корпусу заскребли жесткие когти. Он знал, что ему не грозит никакая опасность, даже самому сильному животному не смять оболочки, выдерживающей давление в тысячу тонн на квадратный фут, и все-таки ему было не по себе от этого липкого скребущего звука.

И вдруг — тишина. А затем раздался голос Дона:

— Ух ты, вот это зелье, мигом подействовало! Перси в нокауте.

Тут же последовал тревожный возглас доктора Робертса:

— Не переусердствуйте! Он должен двигаться и дышать!

Дон не ответил, он был слишком занят. Выполнив роль приманки, Франклин мог только смотреть, как его товарищ ловко маневрирует вокруг огромного моллюска. Анестетическая бомба совсем оглушила кальмара, и он медленно погружался, вытянув вверх ослабевшие щупальца. Чудовище отрыгнуло свой обед, и из грозного клюва вырвались куски рыбы до фута величиной.

— Ты можешь зайти снизу? — крикнул Дон. — Я не успеваю за ним, он тонет слишком быстро.

Франклин включил двигатель и заложил крутой вираж. Послышался мягкий стук, словно на тротуар упал сорвавшийся с крыши снег; это пять—десять тонн живого студня легли на подводную лодку.

— Отлично... Держи его. Сейчас я подойду.

Франклин на время как бы ослеп, но по доносившимся снаружи звукам мог себе представить, что происходит.

Наконец Дон торжественно воскликнул:

— Есть! Можно идти.

Лодка Франклина освободилась от ноши, и он снова видел. Да, Перси попался. Толстая эластичная лента надежно обхватывала его тело в самом узком месте, позади плавников. Стофутовый трос соединял ленту с лодкой Дона, скрытой в подводной мгле. Перси плыл на буксире за лодкой

задом наперед, как обычно плавают кальмары. Не будь он оглушен, ему бы ничего не стоило вырваться; теперь же хомут позволял Дону тянуть кальмара в любую сторону. Иное дело, когда Перси начнет приходить в себя...

Франклин сжато описал эту картину терпеливо ожидающим их товарищам. Наверно, его слова сразу идут в эфир; хорошо бы Индра и Питер слушали сейчас... Но надо следить за Перси: начался подъем.

Они могли идти со скоростью не больше двух узлов, чтобы не сорвался хомут; уж очень тяжела эта огромная скользкая масса. Да и все равно им всплывать три часа — Перси должен постепенно приспосабливаться к перемене давления. Если учесть, что кашалот, который дышит легкими, — а значит, более уязвим, — поднимается с такой же глубины за десять—двадцать минут, это, пожалуй, излишняя предосторожность. Но добыча была слишком редкостная, и доктор Робертс не желал рисковать.

Прошел почти час, они уже достигли отметки три тысячи футов, когда Перси начал приходить в себя. Два самых длинных щупальца, усеянных на конце огромными присосками, целеустремленно зашевелились; ожили чудовищные глаза, способные, казалось, заморозить человека, как это было с Франклином, когда он смотрел в них с расстояния пяти футов. Уолтер тотчас доложил обо всем доктору Робертсу, не подозревая, что говорит лихорадочным шепотом.

Он услышал облегченный вздох.

— Отлично! — воскликнул ученый. — Я уже боялся, что мы его прикончили. Вам не видно, он дышит как следует? Сифон сокращается?

Франклин опустил на несколько футов, чтобы лучше видеть торчащую из мантийной щели кальмара мясистую воронку. Воронка то открывалась, то закрывалась, поначалу неравномерно, затем все ритмичнее и сильнее.

— Превосходно! — обрадовался доктор Робертс. — Значит, он в полном порядке. Если начнет артачиться, угостите его маленькой бомбой. Но только в самом крайнем случае.

Что считать крайним случаем? Сейчас Перси светился красивым голубым светом; его легко рассмотреть даже при выключенных прожекторах. А голубой цвет, говорил доктор Робертс, признак того, что кальмар возбужден. Самая пора действовать.

— Ну-ка, пускай бомбу, Дон, а то он очень уж оживился.

— Есть... Пошла.

Стеклянный шар пересек экран Франклина и пропал вдали.

— Чертова штука, не взорвалась! — крикнул он. — Давай еще одну!

— Есть дать еще одну. Надеюсь, эта сработает, у меня всего пять штук осталось.

Но и вторая наркотическая бомба не взорвалась. Франклин вообще не увидел ее, зато он отметил про себя, что Перси, вместо того чтобы притихнуть, с каждой секундой становится все бодрее. Восемь коротких щупалец (коротких рядом с ловчей парой, достигающей почти ста футов) непрерывно переплетались. Как там у Мелвилла? «Извивались, будто анаконды». Нет, это сравнение, пожалуй, не подходит. Скорее кальмар сейчас напоминает скрюгу, этакое подводного Шейлока, который алчно потирает руки, созерцая свои сокровища. Так или иначе, на душе как-то нехорошо от зрелища этих щупалец толщиной около фута, которые шевелятся в двух ярдах от тебя...

— Попробуй следующую, — сказал он Дону. — Если мы его не усмирим, он уйдет от нас.

Франклин облегченно вздохнул — через экран поплыли сверкающие осколки разбитого стекла. Они были бы невидимы в воде, если бы на них не падали лучи его ультрафиолетовых прожекторов. Впрочем, Франклину сейчас было не до того, чтобы размышлять над этим явлением; его занимало лишь то, что Перси перестал разжигать в себе злобу и присмирел.

— Ну, что там? — донесся сверху жалобный голос доктора Робертса.

— Это ваше чертово зелье... Две бомбы вхолостую. У меня осталось только четыре. При таком проценте отказов, дай Бог, чтобы хоть одна сработала.

— Не понимаю, в чем дело. Мы проверяли механизм в лаборатории, он действовал отлично.

— А вы испытывали его при давлении сто атмосфер?

— Гм... нет. Разве это необходимо?

Возглас, который вырвался у Дона, выразил все, что он думал о биологах, возомнивших себя инженерами. Пять минут всплытие продолжалось при полном молчании. Наконец доктор Робертс, заметно смущенный, снова подал голос:

— Ну, если нельзя положиться на бомбы, пожалуй, стоит прибавить ход. Он очнется минут через тридцать.

— Идет. Я удваиваю скорость. Только бы хомут не соскользнул.

Двадцать минут прошло спокойно, а затем начались осложнения.

— Он опять оживает, — доложил Франклин. — Наверно, скорость повлияла.

— Я этого боялся, — ответил доктор Робертс. — Терпите сколько можно, потом пускайте бомбу. Вряд ли все четыре подведут.

В ту же секунду кто-то еще включился в их сеть.

— Говорит капитан. Наблюдатель заметил кашалотов, дальность две мили. Похоже, идут к нам, проверьте-ка, у нас нет горизонтального локатора.

Франклин включил дальнобойный индикатор и тотчас поймал приметные эхо-сигналы.

— Ничего страшного, — сказал он. — Если подойдут слишком близко, мы их отпугнем.

Переведя взгляд на экран телевизора, он обнаружил, что Перси резвится вовсю.

— Давай бомбу! — крикнул он Дону. — И моли Бога, чтобы не отказала.

— Сегодня я не бьюсь об заклад, — ответил Дон. — Ну как?

— Пустышка. Следующую!

— Осталось три. Пошла.

— Я ее даже не заметил, не сработала.

— Осталось две... А теперь одна.

— Опять холостой. Как нам быть, доктор? Рисковать последней? Боюсь, еще немного, и Перси вырвется.

— У нас нет другого выхода. — Голос доктора Робертса выдавал его тревогу. — Давайте, Дон.

— Есть! — торжествующе крикнул Франклин. — Нокаут! Как вы думаете, надолго?

— От силы двадцать минут, так что вы всплывайте, не мешкайте. Мы как раз над вами. Но не забывайте, что я вам говорил: не меньше десяти минут на последние двести футов. Столько усилий потрачено, не хватало, чтобы все дело испортила баротравма.

— Эй, постойте, — вступил Дон. — Я с этих кашалотов глаз не спускаю. Они прибавили ходу и идут прямо на нас. Должно быть, заметили Перси или маяк, который мы в него воткнули.

— Ну и что? — отозвался Франклин. — Мы их отгоним нашими... н-да!

— Вот именно, Уолт, ты позабыл: мы не на дозорных лодках. У нас нет сирен. А гул двигателей на кашалота не действует.

Все верно. Хотя лет пятьдесят назад, когда китов чуть не истребили, шума двигателей было бы вполне достаточно. Но с той поры в мире китов сменилось больше десятка поколений; нынешние кашалоты не шарахались от подводных лодок, тем более когда их манил лакомый кусок. В самом деле, Перси сейчас за себя не постоит, как бы кальмара не съели прежде, чем они упрячут его в клетку!

— Мне кажется, мы успеем, — сказал Франклин, озабоченно прикидывая скорость кашалотов.

Никто не мог предусмотреть такой помехи; и ведь во время подводных операций всегда так, непременно на корягу напорешься...

— Пойду побыстрее к отметке двести футов, — снова заговорил Дон. — Там выждем сколько можно — и к доку. Что скажете, доктор?

— Больше ничего не остается. Только не забывайте, эти киты, когда надо, развивают пятнадцать узлов.

— Точно, развивают, но ненадолго, даже если обед из-под носа уходит. Поехали!

Лодки ускорили всплытие, кругом стало светло, и чудовищное давление постепенно ослабло. Наконец они вернулись в узкую зону, доступную подводному пловцу без скафандра. Меньше ста ярдов оставалось до плавучей базы, но эта последняя ступень на пути к поверхности была самой критической. На протяжении двухсот футов давление снижалось с восьми атмосфер до одной. В теле Перси не было замкнутых воздушных полостей, которые могли бы лопнуть при чересчур быстром всплытии, но поди поручись, что никакие внутренние органы не пострадают.

— Киты в полумиле, — доложил Франклин. — Кто сказал, что они не могут долго идти с такой скоростью? Через две минуты будут здесь.

— Не подпускайте их, придумайте какой-нибудь способ, — взмолился доктор Робертс.

— Что вы предлагаете? — не без иронии осведомился Франклин.

— Попробуйте сделать вид, что вы их атакуете; может быть, это заставит их отступить.

«Не смешно», — подумал Франклин, но выбора не было. Он бросил напоследок еще один взгляд на явно оживающего Перси и пошел средним ходом навстречу кашалотам.

Прямо по носу было три эхо-сигнала — не очень крупные, но это не утешало Франклина. Даже если это самки, каждая из них в десять раз больше слона, а скорость сближения достигала сорока миль в час. И хотя он изо всех сил старался шуметь, проку от этого пока не было.

А тут еще голос Дона:

— Перси просыпается! Зашевелился, я чувствую.

— Идите в док, — скомандовал доктор Робертс. — Мы открыли ворота.

— Будьте готовы закрыть их, как только я отдам трес. Я пройду насквозь, мне вовсе не улыбается быть в одной банке с Перси, когда он смекнет, в чем дело!

Франклин слушал все это вполуха. Три эха угрожающе близко надвинулись на лодку. Неужели киты раскусят его ложный выпад? Кашалоты едва ли не самые драчливые среди обитателей моря, этим они так же отличаются от своих травоядных родичей, как дикие буйволы от стада премированных гернзеев. Заключительная глава «Моби Дика» написана под впечатлением случая, когда кашалот напал на «Эссекс» и потопил судно; Франклин совсем не мечтал вдохновить современного писателя на продолжение этой книги.

И все же, хотя всего пятнадцать секунд отделяло его от них, он держал прежний курс. Ага, расходятся в стороны! Струсили? Во всяком случае, растерялись. Видимо, шум двигателей сбил настройку их локаторов. Он сбросил ход, и три кита с любопытством закружили вокруг него в ста футах. То один, то другой силуэт мелькал на телевизионном экране. Как он и думал, молодые самки; жаль, что они по его милости остались без своей законной добычи — кальмара.

Франклин сорвал атаку кашалотов; остальное зависело от Дона. Судя по коротким и порой не совсем деликатным возгласам, которые вырывались из динамика, ему приходилось

нелегко. Перси еще не очнулся совсем, но уже почуял неладное и начал отбиваться.

Последний акт был лучше всего виден с плавучего дока. Дон всплыл в пятидесяти ярдах от него, и тотчас море за кормой лодки превратилось в колышущееся, бурлящее желе. Развив предельную скорость, Дон пошел на открытые ворота. Перси как-то вяло попытался ухватиться за створку щупальцем, словно он чуял, что ему грозит заточение, но разгон был чересчур велик, и щупальце разжалось. Как только кальмар очутился в ловушке, тяжелые стальные ворота стали смыкаться, будто огромные челюсти, и Дон отпустил буксирный конец, прикрепленный к хомуту, который обхватывал тело добычи. Не медля ни секунды, он выскочил из вторых ворот; они уже сдвигались. Весь этот маневр занял меньше пятнадцати секунд.

Когда Франклин вышел на поверхность, окруженный тремя разочарованными, но нисколько не враждебными кашалотами, остальным участникам операции было не до него. Все до единого — кто с трепетом, кто с торжеством, кто с любопытством, а кто с откровенным недоверием, — не отрываясь смотрели на чудовище, которое заметно оживилось с тех пор, как попало в бетонный резервуар. Два десятка труб насыщали воду пузырьками воздуха, и организм Перси быстро освобождался от последних остатков дурманящего снадобья. При свете тусклых желтых ламп гигантский кальмар принялся исследовать свою тюрьму.

Сперва он медленно проплыл из конца в конец прямоугольной коробки, ощупывая стены. Потом два огромных ловчих щупальца поднялись над водой и протянулись к затаившим дыхание людям, которые заполнили галереи дока. Щупальца кальмара коснулись наэлектризованной проводочной сетки и молниеносно отпрянули. Перси повторил эксперимент дважды, прежде чем убедился, что с этой стороны выхода нет. И все это время он не сводил со зрителей-лилипутов взгляда, исполненного, казалось, разума, ничуть не уступающего их интеллекту.

Когда Дон и Франклин поднялись на борт, кальмар как будто уже успел смириться с неволей и даже слегка заинтересовался брошенной ему рыбой. Два зрителя подошли к доктору Робертсу и с галереи впервые по-настоящему увидели чудовище, которое вытащили из морской пучины.

Они долго рассматривали эти сильные гибкие щупальца стофутовой длины, несчетные присоски с жесткими крючьями, медленно пульсирующий сифон, громадные глаза хищника, вооружение которого превосходило все, что когда-либо видел свет. Наконец Дон высказал мысли обоих:

— Что ж, получайте, доктор. Надеюсь, вы знаете, как с ним управляться.

Доктор Робертс самоуверенно улыбнулся. Он чувствовал себя очень счастливым. Однако в душу его уже закралась тревога. Ученый не сомневался, что справится с Перси; но сумеет ли он столкнуться с начальником Отдела китов, когда начнут поступать счета за научную аппаратуру, которую нужно заказать, и за горы рыбы, которую будет поглощать Перси?..

ГЛАВА 16

Руководитель Комитета научных исследований выслушал Франклина с должным вниманием, даже с интересом. Уолтер немало сил потратил, чтобы его речь прозвучала убедительно и обоснованно, а закончив ее, он почувствовал себя неожиданно опустошенным. Он сделал все, что мог; дальнейшее в общем-то от него не зависело.

— Мне хотелось бы уточнить несколько вопросов, — сказал министр. — Начнем с самого естественного: почему вы обратились через Всемирный секретариат в КНИ, вместо того чтобы пойти в научно-исследовательский отдел вашего Главного управления моря?

Да, вопрос естественный. И щекотливый. Но Франклин ждал его и заранее приготовил ответ.

— Уверяю вас, мистер Фарлан, — ответил он, — я не пожалел сил, чтобы добиться поддержки в Главном управлении. Они заинтересовались, тут и поимка кальмара сыграла свою роль. Но «Операция Перси» обошлась куда дороже, чем думали, и пошло: что, да как, да почему... Кончилось тем, что многие ученые ушли от нас в другие управления.

— Знаю, знаю, — сказал с улыбкой министр. — Несколько человек попали к нам.

— Ну вот, и теперь в нашем управлении бесполезно заговаривать об исследованиях, которые не сулят прямой отдачи. Это одна из причин, почему я пришел к вам. И, по чести

говоря, тут просто не обойдешься без высших инстанций. Две глубоководные лодки — это же немалый расход, управление не может само его утвердить.

— А если ваше предложение пройдет, вы ручаетесь, что удастся найти людей?

— Конечно. Надо только выбрать правильное время. Заграждение теперь надежно на сто процентов, за последние три года не было ни одной серьезной аварии, так что у нас, зрителей, не такая уж большая нагрузка, если не считать сезон облавы и боя. Вот я и подумал, что было бы неплохо...

— Использовать расточаемые впустую таланты зрителей?

— Ну, зачем же так резко. Я вовсе не хочу сказать, что у нас в отделе не умеют организовать работу.

— Что вы, что вы, — улыбнулся министр, — я ничего такого не подразумеваю. Но перейдем ко второму вопросу, он более личного свойства. Почему вы так упорно пробиваете этот проект? Наверно, немало времени и сил на него потратили. Наконец вы, скажем прямо, рискуете навлечь на себя немилость своего начальства, обращаясь непосредственно ко мне.

На этот вопрос и другу было бы нелегко ответить, не говоря уж о незнакомом человеке. Сумеет ли этот господин, занимающий столь высокую должность в государственном аппарате, понять завораживающее действие таинственного эха, виденного на экране гидролокатора всего один раз, да и то несколько лет назад? Должен понять, ведь он — пусть отчасти — ученый.

— Я старший смотритель, — объяснил Франклин. — Но в этом качестве мне осталось служить недолго — не тот возраст: тридцать восемь лет, придется расстаться с морем. И вообще я любопытный; видно, надо было самому пойти в науку. Мне очень хочется решить эту загадку, хотя надежд на успех совсем мало.

— Да, вам будет нелегко. Эта карта, на которой вы обозначили достоверные наблюдения, покрывает почти половину Мирового океана.

— Я знаю, на первый взгляд это безнадежно, но наши новые гидролокаторы в три раза мощнее прежних, а эхо такого размера сразу бросится в глаза. Не я, так кто-нибудь другой, это теперь только вопрос времени.

— И вам хочется, чтобы это были вы. Что ж, это вполне резонно. Когда пришло ваше первое письмо, я переговорил с нашими биологами, услышал три разных мнения — и ни одного обнадеживающего. Некоторые признают, что такие эхо-сигналы в самом деле наблюдались, но относят их за счет дефектов гидролокатора или особого состояния воды.

Франклин фыркнул:

— Кто сам видел эти эхо, никогда так не скажет. А что касается всяких ложных эхо и дефектов аппаратуры, то уж мы-то их распознаем, это наша обязанность.

— Согласен. Другие считают, что все... скажем так: обычные морские змеи — не что иное, как кальмары, ремень-рыбы и угри, что это их видели ваши дозорные. Их или крупную глубоководную акулу.

Франклин покачал головой:

— Все эти эхо я знаю. А тут совсем другое.

— Третье возражение — чисто теоретическое. В океанской пучине слишком мало пищи, очень крупное, активно передвигающееся животное не прокормится.

— Откуда такая уверенность? Каких-нибудь сто лет назад ученые твердили, что на дне океана не может быть никакой жизни. Но ведь оказалось — чепуха, мы в этом убедились.

— Ничего не скажешь, вы хорошо подготовились. Ладно, посмотрим, что можно будет сделать.

— Большое спасибо, мистер Фарлан. Пожалуй, лучше, чтобы у нас в Отделе не знали, что я побывал у вас.

— Мы не проговоримся, да ведь они сами сообразят.

Министр встал, и Франклин решил, что разговор окончен. Он ошибся.

— Постойте, мистер Франклин, не уходите, — сказал министр. — Помогите мне сперва разобраться в одном деле, которое занимает меня уже много лет.

— Какое дело?

— Я до сих пор никак не возьму в толк, как мог наблюдатель, то есть человек, прошедший специальную подготовку, среди ночи оказаться за Большим Барьером на глубине пяти-сот футов с одним только обычным аквалангом.

После этих слов, которые сразу меняли их отношения, они долго смотрели молча друг на друга. Франклин усиленно рылся в памяти, но лицо собеседника не вызвало в нем

никаких ассоциаций. Это было так давно, после того было столько всяких встреч.

— Вы один из тех, кто вытащил меня? Тогда я в большом долгу перед вами. — Он остановился, потом добавил: — Понимаете, это не был несчастный случай.

— Я так и думал. Тогда все ясно. И раз уж об этом зашла речь: что стало с Бертом Деррилом? Почему-то я ничего не смог узнать о нем.

— Его погубили долги, ведь «Морской лев» не окупал себя. Последний раз я видел Деррила в Мельбурне, он страшно сокрушался: тогда только что отменили таможенные пошлины и честные контрабандисты остались без заработка. Он попытался получить страховку за «Морского льва» — устроил вполне убедительный пожар и недалеко от берега оставил судно. Лодка пошла ко дну, но оценщики не поленились спуститься следом, обнаружили, что перед пожаром было снято все ценное оборудование, и стали задавать капитану неприятные вопросы. Не знаю уж, как он выпутался.

Собственно, на том и кончилась карьера старого мошенника. Он запил, и как-то ночью — это было в Дарвине — ему вздумалось искупаться. Капитан прыгнул с пирса, но забыл про отлив, а там разница уровня достигает тридцати футов. В итоге капитан Деррил сломал себе шею, и многие — не только кредиторы — искренне горевали.

— Бедняга Берт... На Земле будет скучно жить, когда совсем не останется таких, как он.

В устах видного деятеля Всемирного секретариата такие слова, бесспорно, звучали еретически. Но Франклин слушал их с радостью, и не только потому, что сам думал так же. Ему стало ясно, что он неожиданно обрел влиятельного друга и надежды на успех его замысла чрезвычайно выросли.

После этого разговора долго ничего не было слышно, но Франклин и не рассчитывал, что колеса завертятся сразу, а потому не огорчался. Тем более что работы хватало. До периода затишья оставалось целых три месяца, а тут еще на него взвалили ряд не слишком серьезных, но и не очень приятных дел.

Впрочем, к одному случаю эти определения не подходили: на свет Божий явилась большеглазая и горластая Энн Франклин, и Индра начала всерьез сомневаться, что ей удастся продолжать свою ученую карьеру.

Отца не было дома, когда родилась дочь. Во главе отряда из шести подводных лодок он ходил к островам Прибылова; там они устроили облаву на косаток, а то уж очень много их развелось. Франклин и раньше выполнял такие задания, но в этот раз благодаря усовершенствованной технике отряд добился особенно большого успеха. Под водой разносились записанные на ленту голоса тюленей и мелких китов, и притаившиеся лодки ждали убийц.

Косатки сходились сотнями, их били беспощадно. Отряд истребил больше тысячи косаток, прежде чем вернулся на Базу. Работа была тяжелая, порой даже опасная, но, хотя Франклин понимал, как это нужно, ему вовсе не нравилась роль ученого мясника. Красота и стремительность этих свирепых охотников втайне его восхищала, и он даже обрадовался, когда добыча пошла на убыль. Похоже было, что горький опыт научил косаток осторожности. Теперь экономистам решать, есть ли смысл повторять эту операцию в следующем сезоне.

Только кончилось это дело, и Франклин примчался домой, чтобы излить свою нежность на маленькую Энн (которая даже не признала отца), как его отправили на Южную Георгию. Здесь нужно было выяснить, с чего это киты, которые прежде безропотно заплывали в бойню, вдруг стали подозрительными и никак не хотели входить в электрические шлюзы. Правда, загадка решилась без помощи Франклина. Пока он доискивался психологических факторов, один сметливый молодой инспектор обнаружил, что кровь из перерабатывающих цехов просачивается в море. Не удивительно, что киты, хотя у них обоняние слабее, чем у других морских животных, настораживались, когда движущиеся барьеры подталкивали их туда, где столько их родичей встретили свой смертный час.

Как главный смотритель, которого уже готовили на более серьезные роли, Франклин был теперь, так сказать, разъездным мастером на все руки, и Отдел китов направлял его всюду, где возникало какое-нибудь осложнение. Его это вполне устраивало, огорчали только частые отлучки из дома. Когда втянешься в смотрительскую работу, обычная дозорная служба и присмотр за стадами быстро теряют привлекательность. Правда, Дон Берли считает свою работу достаточно волнующей и интересной, но ведь он лишен честолюбия

да и вообще звезд с неба не хватает. Франклин думал об этом без тени превосходства; речь шла об очевидном факте, который Дон первым был готов признать.

Уолтер находился в Англии (его пригласили на заседание Китобойной комиссии как эксперта-консультанта, и он рьяно отстаивал интересы своего Отдела), когда его разыскал по телефону весьма озабоченный доктор Люндквист, сменивший доктора Робертса, который перешел из Отдела китов на гораздо лучше оплачиваемую должность в Мэринленд.

— Только что от Комитета научных исследований пришли три ящика с аппаратурой. На них указано ваше имя, хотя мы ничего такого не заказывали. В чем тут дело?

Ну конечно, этого следовало ожидать; прислали в его отсутствие. И если начальник Отдела проводит об этом прежде, чем Франклин успеет подготовить почву, будет фейерверк.

— Слишком долго рассказывать, — ответил он Люндквисту, — а мне через десять минут надо быть в Комиссии. Уберите их куда-нибудь до моего приезда, я вернусь и все объясню.

— Надеюсь, здесь не кроется ничего... такого...

— Не беспокойтесь. Послезавтра увидимся. Если Дон Берли появится на Базе, попросите его проверить, что прислали. Документы я подпишу, когда приеду.

Да, задача... Внести в инвентарные списки Отдела имущество, которого никто официально не заказывал, так чтобы избежать нежелательных вопросов, — это будет не легче, чем выследить Великого Морского Змея.

Но он напрасно беспокоился. Его новый могущественный союзник, руководитель Комитета научных исследований, предвидел возможные осложнения. Аппаратура предоставлялась Отделу взаймы; ее надлежало возвратить, как только она освободится. Больше того, начальнику Отдела китов намекнули, что экспедиция задумана КНИ. Поверит он или нет, это его дело, но официально к Франклину нельзя было придаться.

— Раз уж вы в курсе дела, Уолтер, — сказал начальник, когда снаряжение было извлечено из ящиков, — расскажите нам, для чего все это предназначено.

— Это автоматический самописец, только куда совершеннее, чем те, которыми мы в воротах подсчитываем китов.

Попросту говоря, мощный гидролокатор с радиусом действия пятнадцать миль, обзор во все стороны, включая морское дно. Неподвижные предметы он отсеивает, записывает только движущиеся эхо. Можно настроить его так, чтобы он регистрировал объекты заданной величины. Например, считал китов больше пятидесяти футов в длину, пренебрегая всеми остальными. Всю сферу он прощупывает за шесть минут, это значит двести сорок циклов в сутки. Словом, мы можем непрерывно получать полные данные о любом нужном районе.

— Хорошо придумано. Очевидно, КНИ хочет, чтобы мы где-то установили прибор и следили за ним?

— Да. И снимали показания раз в неделю. Это и нам очень пригодится. Гм... Они прислали три прибора.

— Вот это размах — что значит КНИ! Нам бы столько денег! Так вы держите меня в курсе дела. Если эти штуки вообще будут работать.

И весь разговор; о морском змее не было сказано ни слова.

Прошло два месяца, а приборы все еще не обнаружили его. Ежедневно патрулирующие поблизости лодки снимали показания. Самописцы стояли на глубине полумили, в точках, которые Франклин выбрал, тщательно изучив все известные наблюдения. Сперва лихорадочно, потом с упрямой решимостью он исследовал сотни футов киноплёнки; шестнадцатимиллиметровая лента по-прежнему оставалась непревзойденным материалом для записи сигналов. Проектируя фильм на экран, он видел тысячи эхо и в несколько минут узнавал все о перемещении морских великанов за много суток.

Пустые кадры преобладали, так как импульсный фильтр был настроен на объекты от семидесяти футов и больше. Франклин рассчитал, что такая настройка исключит всех животных, кроме самых крупных китов и добычи, которую он искал. Когда мимо прибора проходили китовые стада, лента оказывалась испещренной пятнами, и во время просмотра они мчались через экран с неслыханным ускорением. Перед его глазами жизнь моря проходила в десять тысяч раз быстрее, чем в действительности.

После двух месяцев бесплодной работы он уже начал подумывать, что неправильно выбрал место для всех трех

приборов, надо переносить их. И наконец решил, что сделает это после очередной проверки, даже наметил, куда именно.

Однако на этот раз Франклин увидел то, что искал. Эхо помещалось у самого края индикатора, и луч развертки только четыре раза захватил его. Памятный, причудливо удлинённый всплеск был отмечен самописцем два дня назад. Итак, улики есть, но ещё нет доказательств.

Он перевез в этот район оба других прибора и расставил их в вершинах треугольника с длиной стороны в пятнадцать миль, так что локаторы перекрывали друг друга. Дальше оставалось запастись терпением, ждать, что покажет следующая неделя.

Ожидание оправдалось: через неделю Франклин располагал всем, что было нужно, чтобы начать кампанию. Он получил ясные и неопровержимые доказательства.

Очень крупное животное, слишком длинное и тонкое, чтобы спутать его с известными обитателями моря, жило на глубине двадцати тысяч футов и дважды в сутки — видимо, для охоты — поднималось вверх на половину этого расстояния. Его регулярное появление на экранах самописцев позволило Франклину хорошо представить себе привычки и маршруты животного. Если только оно не уйдёт вдруг из этого района, так что Франклин его потеряет, повторить успех «Операции Перси» будет не трудно.

Он упустил из виду, что в море не бывает, не может быть точных повторений.

ГЛАВА 17

— **А** знаешь, — сказала Индра, — я рада, что это задание — одно из твоих последних.

— Если тебе кажется, что я уже стар..

— Нет, дело не только в этом. Когда ты перейдёшь в управление, у нас начнется более нормальный образ жизни, я смогу спокойно приглашать людей на обед, и не надо будет потом извиняться — дескать, мужа срочно вызвали загонять заболевшего кита. И для детей лучше, а то приходится всякий раз объяснять им, что это за чужой дядя иногда появляется в доме.

— Как, Пит, неужели до этого дошло? — Франклин, смеясь, потрепал непокорные черные кудри сына.

— Когда ты возьмешь меня с собой на подводную лодку, папа? — спросил Питер, наверно, в сотый раз.

— Скоро, скоро, как только ты подрастешь и научишься не мешать мне.

— Но когда я вырасту, я, конечно, буду мешать тебе.

— Вполне логичное рассуждение! — сказала Индра. — Я же говорила тебе, что мой ребенок гений.

— Допустим, волосы у него твои, — отпаривовал Франклин. — Но почему он тебя должен благодарить за то, что у него под волосами? — Он повернулся к Дону, который издавал какие-то странные звуки, стараясь развеселить Энн. Малышка явно не могла решить, отвечать ли ей смехом или слезами на его усилия; во всяком случае, она пристально изучала этот вопрос. — А ты когда начнешь вкушать сладость домашней жизни? Нельзя же до конца своих дней оставаться почетным дядюшкой.

Дон слегка смутился.

— По чести говоря, — заговорил он с расстановкой, — я как раз подумываю об этом. Мне удалось наконец встретить девушку, которая как будто не против.

— Поздравляю! То-то я смотрю, вы с Мэри частенько встречаетесь.

Дон совсем растерялся.

— Э... гм... нет, это не Мэри. С ней я решил распротиться.

— Вот как, — опешил Франклин. — А кто же тогда?

— Ты вряд ли знаешь ее. Ее зовут Джун — Джун Кертис. Она не из нашего Отдела, и это даже лучше. Я еще не совсем уверен, но скорее всего на следующей неделе сделаю ей предложение.

— Все ясно, — твердо сказала Индра. — Когда вы вернетесь с вашей охоты, приводи ее к нам на обед, и я скажу тебе наше мнение о ней.

— А я скажу ей, что мы думаем о тебе, — вставил Франклин. — Ведь это только справедливо, верно?

Идя косо вниз в вечную ночь на маленькой глубоководной лодке, Франклин подумал о словах Индры: «Это задание — одно из твоих последних». Она ошибается; хоть его и переводят с повышением на берег, ему еще придется выходить

в море, правда, все реже и реже. Во всяком случае, этот поход — его лебединая песня как зрителя. Он не знал, грустить или радоваться.

Семь лет Франклин скитался в океанах — по году на каждое из семи морей — и изучил обитателей пучины так, как в прошлом нельзя было изучить. Все настроения моря были ему знакомы; он скользил по зеркальной глади и даже на глубине ста футов ощущал мощь штормовых валов. Прекрасное и отвратительное, жизнь и смерть — он видел их во всем их необъятном разнообразии, работая в подводном мире, перед которым суша выглядела безжизненной пустыней. Никому не дано исчерпать все чудеса моря, но Франклин понимал, что пришло время посвятить себя новым задачам. Он поглядел на индикатор: на месте ли светящаяся сигара — лодка Дона? И с нежностью подумал о том, что их объединяло. Но есть и различия, которые неизбежно будут уводить их друг от друга. Кто бы мог подумать, что учитель и ученик, так настороженно относившиеся друг к другу, станут такими хорошими друзьями?

Да, всего семь лет прошло с тех пор, а он уже с трудом представляет себе, каким был тогда. Великое спасибо психологам; они не только отстояли его разум, но и подобрали работу, которая помогла ему вернуться к деятельной жизни.

От этой мысли до следующей был один шаг. Память попыталась воссоздать образ Айрин и мальчиков (силы небесные, Руперту уже двенадцать лет!). Некогда они были центром его личного мира, теперь стали чужими и, что ни год, все больше удаляются от него. Последняя фотография — годичной давности; последнее письмо Айрин пришло с Марса полгода назад — кстати, он до сих пор не ответил!

Боль унялась давно, Франклина не терзала мысль о том, что он ссыльный на родной планете, и он не томился желанием снова увидеть друзей той поры, когда считал своим царством весь космос. Разве что иногда найдет на него легкая, сладкая печаль, и немножко неловко: почему горе так непостоянно?

Голос Дона прервал эти размышления, правда, Франклин и без того ни на миг не отвлекался от испещренной индикаторами приборной доски.

— Сейчас мы бьем мой личный рекорд, Уолт. Я еще не бывал глубже десяти тысяч футов.

— И еще столько же впереди. А какая разница, если лодка надежная? Немного дольше погружаешься, немного дольше всплываешь. У этих лодок даже на дне Филиппинской впадины будет пятикратный запас прочности.

— Верно, верно, а все-таки психологическая разница есть, что ни говори. Будто ты не чувствуешь веса этих двух миль воды?

Гляди, как фантазия разыгралась — что это с Доном? Обычно Франклин изрекал такие вещи, и друг немедленно принимал его на смех. Ну что ж, если Дон раскис, надо выдать ему его же лекарства.

— Ты не забудь сказать мне, когда появится течь, я тебе кину ведро, — сказал Франклин. — Как только вода поднимется до ушей, повернем обратно.

Не ахти какая острога, но самому Франклину она помогла. Все-таки неприятно, как подумаешь, что давление кругом неумолимо приближается к отметке пять тонн на квадратный дюйм. Ничего подобного он не ощущал на малых глубинах, хотя там тоже могла случиться беда, и с не менее губительными последствиями. Франклин вполне полагался на свою технику, знал, что лодка его не подведет, и все же на душе было так тоскливо, что операция, в которую он вложил столько сил, уже не радовала его.

Через пять тысяч футов прежний пыл вернулся к нему в полной мере. Оба одновременно заметили эхо и наперебой кричали что-то невразумительное, пока не вспомнили наконец о правилах связи. Как только был восстановлен порядок, Франклин дал команду:

— Малый ход! Эта зверюга слишком восприимчива, как бы ее не спугнуть.

— А если заполнить носовые цистерны и погружаться с выключенными двигателями?

— Слишком долго, ведь до него еще три тысячи футов. Да, поставь гидролокатор на минимальную мощность — еще поймает наши импульсы.

Животное плыло, не поднимаясь и не опускаясь, по причудливой траектории вдоль склона очень крутой подводной горы; иногда оно делало бросок влево или вправо, словно в погоне за добычей. Гора вздымалась на четыре тысячи футов со дна моря, и Франклин — в который раз — подумал: как обидно, что самые величественные в мире ландшафты скрыты

от глаз человека в океанской пучине! Ничто на суше не сравнится с достигающими в ширину ста миль рифами Северной Атлантики или с огромными провалами в ложе Тихого океана, где отмечены величайшие в мире глубины.

Медленно погружаясь, они миновали вершину, которая на три мили не дотягивалась до поверхности океана. Внизу, теперь уже совсем близко, по-змеиному извивалось таинственное продолговатое эхо. «Вот будет смешно, — подумал Франклин, — если Великий Морской Змей в самом деле окажется змеей. Да нет, это невозможно — змей с водным дыханием не существует».

Примолкнув, друзья осторожно подкрадывались к добыче. Они знали, что это одна из величайших минут их жизни, и старались ничего не упустить. Дон до последней секунды был настроен скептически, ему казалось, что они найдут какое-нибудь уже известное животное. Но чем больше становилось эхо на экране индикатора, тем сильнее бросалась в глаза его необычность. Да, это что-то невиданное.

Гора нависла над ними; они шли вдоль подножия очень высокой — больше двух тысяч футов — скалы, и меньше полумили отделяло их от добычи. У Франклина чесались руки включить ультрафиолетовые прожекторы, чтобы вмиг решить древнейшую из загадок и прославить в веках свое имя. Так ли уж это важно? (Как тянутся секунды!) Чего уж тут скрывать: конечно, важно. Может быть, ему больше никогда не представится такая возможность...

Вдруг без малейшего предупреждения лодка вздрогнула, будто от удара молотом. Одновременно раздался голос Дона:

— Ух ты! Это еще что такое?

— Какой-то кретин занимается взрывами, — ответил Франклин; от злости он даже не ощутил страха. — А ведь я просил всех предупредить о нашем погружении!

— Это не взрыв. Такой толчок... Землетрясение, вот что это такое!

Одно слово — и Франклина захлестнул страх перед бездной, все это время таившийся где-то в глубине души. Чудовищный вес водной толщи разом навалился на его плечи, и бравое маленькое суденышко казалось ему хрупче яичной скорлупы, жалкой игрушкой сил, которых даже самый изощренный ум не укроет.

Франклин знал, что в пучинах Тихого океана, где грунт и вода всегда пребывают в неустойчивом равновесии, землетрясения обычны. Он и прежде, в дозоре, ощущал иногда далекие толчки, но теперь они явно очутились вблизи эпицентра.

— Полный навверх, — скомандовал он. — Это, наверно, только начало!

— Да нам всего пять минут нужно, — возразил Дон. — Давай, Уолт, рискнем.

Франклин и сам колебался. Ведь может случиться, что толчков больше не будет, если напряжение в земной коре разрядилось. Он взглянул на эхо, которое привело их сюда. Ого, как быстро двигается, словно и его испугало внезапное проявление дремлющих сил Природы.

— Ладно, попробуем, — согласился он. — Но если это повторится, сразу всплываем.

— Идет, — ответил Дон. — Ставлю десять против одного...

Он не договорил. Новый удар молота был не сильнее первого, зато более длительным. Как будто у океана начались родовые схватки — распространяясь со скоростью больше мили в секунду, между поверхностью и дном метались ударные волны. Франклин выкрикнул: «Вверх!» — и под самым крутым углом, какой допускала конструкция лодки, устремился к «небу».

Но где же оно? Отчетливо видимая плоскость, обозначающая рубеж между воздухом и водой, исчезла с экрана индикатора, ее вытеснила невообразимая мешанина размытых эхо-сигналов. В первую секунду Франклин решил, что толчки вывели из строя гидролокатор, но тут же ему стал понятен страшный смысл этой невероятной картины.

— Дон, — закричал он, — скорей уходи, гора падает!

Миллиарды тонн горной породы, которые громоздились над ними, поползли в пучину. Весь склон откололся, водопад камня рухнул вниз с обманчивой неторопливостью и неотразимой мощностью, как лавина в замедленном фильме, но Франклин знал, что через несколько секунд все пространство вокруг него пронизжут обломки.

Моторы работали на полную мощность, но Франклину казалось, что он не двигается с места. Даже без усилителей были слышны грохот и гул сталкивающихся глыб. Град

обломков, огромные тучи осадков и ила занимали половину изображения; он буквально ослеп. Оставалось только идти прежним курсом и надеяться на чудо.

Что-то глухо ударило в корпус. Лодка застонала и на секунду вышла из повиновения, но ему тут же удалось ее выровнять. А затем Франклин почувствовал, что его подхватило сильное течение, видимо, вызванное обвалом. Очень кстати — поток уносил его прочь от горы. Кажется, он выкарабкается!

Но где Дон? Не было никакой возможности различить его эхо в этой свистопляске. Включив на полную мощность коммуникатор, Франклин послал вызов в колышущийся мрак. Молчание... Может быть, Дону просто не до того, чтобы отвечать?

Ударные волны прекратились, теперь уже было не так страшно. Можно не бояться за корпус: вода не раздавит, и гора далеко. Течение, пришедшее на помощь двигателям, ослабло; это тоже говорит о том, что лодка достаточно удалась от обвала, который вызвал его. По мере того как оседали обломки и ил, рассеивалась светящаяся дымка на экране.

Постепенно сквозь мглу беспорядочных эхо-сигналов проступил изуродованный лик горы, и Франклин различил огромный шрам, оставленный лавиной. Дно океана все еще было скрыто в тумане; понадобится не один час, чтобы оно вновь стало видимым и можно будет судить о разрушениях, вызванных пароксизмом стихий.

Франклин не отрывал глаз от экрана. С каждым оборотом луча искорки помех становились слабее. Муть еще не осела, но все обломки легли на дно. Видно уже на милю... две... три.

И нигде никакого намека на яркое, четкое эхо лодки Дона. Последние надежды рушились: видимость росла, а экран по-прежнему оставался пустым. Снова и снова Франклин слал свой зов в безмолвие; скорбь и чувство беспомощности боролись в его душе.

Взрывом сигнальных гранат он оповестил все гидрофоны в Тихом океане. Сейчас по воде и по воздуху к нему мчится помощь. Франклин сам уже начал поиск, идя по спирали вниз. Но он знал, что все это напрасно.

Дон Берли проиграл свое последнее пари.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧИНОВНИК

ГЛАВА 18

Огромная, во всю стену карта в меркаторской проекции отличалась своеобразием. Все материки были показаны белым цветом; если верить этому картографу, исследование суши еще не начиналось. Зато моря изобиловали подробностями и переливались множеством огоньков, проектируемых каким-то устройством на карту с обратной стороны. Цветные пятнышки каждый час перемещались, рассказывая опытному глазу о скитаниях основных китовых стад Мирового океана.

За четырнадцать лет Франклин десятки раз видел эту карту, но сегодня он впервые смотрел на нее с такой выгодной позиции. Потому что теперь Уолтер Франклин сидел в кресле начальника Отдела китов.

— Вряд ли мне нужно напоминать вам, Уолтер, — сказал ему, сдавая дела, бывший начальник, — вы принимаете отдел в трудную пору. В ближайшие пять лет придется нам, так сказать, схватиться вплотную с планктонными фермами. Если мы не повысим производительность, скоро белки из планктона будут намного дешевле наших. И это лишь одна из наших проблем. Что ни год — все труднее с кадрами. А тут еще вот это.

Он подтолкнул в Франклину лежавшую на столе папку, Уолтер раскрыл ее и усмехнулся. Знакомое объявление, за последнюю неделю оно обошло все крупнейшие журналы; должно быть, Комитет по делам космоса ухлопал уйму денег.

На весь разворот — неправдоподобно четкая и красочная картина подводного царства. В кристально чистой толще насмерть бились друг с другом громадные, отвратительные

чешуйчатые чудовища, каких Земля не видела с юрского периода. Вспоминая известные фотографии, Франклин должен был признать, что животные нарисованы очень точно; ну а четкость и яркость красок под водой — ладно, не будем придираться, позволим художнику небольшую вольность.

Текст был спокойным, намеренно бесстрастным; выразительный рисунок избавлял от необходимости что-либо прикрашивать. Комитет по делам космоса извещал о срочном наборе молодых людей на должности смотрителей и пищевиков для эксплуатации морей Венеры. Во всей Солнечной системе нет более увлекательной и стоящей работы; жалование хорошее, спрос с вербуемых не так строг, как, скажем, с космических пилотов и астронавтов. За кратким перечнем требований, касающихся здоровья и образования, следовал призыв, который Комиссия по Венере твердила уже полгода и который успел порядком намозолить глаза Франклину: ПОМОГИ СОЗДАТЬ ВТОРУЮ ЗЕМЛЮ.

— А мы должны заботиться о том, чтобы благополучно существовала первая, — сказал бывший начальник, — хотя смысленные ребята, которые могли бы прийти к нам, бегут на Венеру. Между нами говоря, я несколько не удивлюсь, если узнаю, что Комитет по делам космоса добирается до наших людей.

— Они себе такого не позволят!

— Не позволят? А заявление старшего смотрителя Макрэ с просьбой о переводе? Если не сумеете отговорить его, попробуйте выяснить, почему он решил уйти.

Да, легкой жизни не жди, подумал Франклин. Конечно, он и Джо старые друзья, но можно ли напирать на эту дружбу теперь, когда он стал начальником Макрэ?

— Или вот еще задача: держать в узде ученых. Люндквист даже Робертса перещеголял, работает сразу над полудюжиной безумных затей. Почти все время торчит на Героне. Не мешало бы слетать туда и посмотреть. Я так и не выбрался...

Франклин продолжал учтиво слушать, как предшественник с нескрываемым удовольствием перечисляет все минусы его новой должности. Все это было ему в общем-то известно, и мысли его витали далеко. Он думал, как славно будет начать свою новую деятельность официальным визитом на

остров Герон, с которым связано столько воспоминаний о начале его работы в Отделе китов; ведь уже лет пять, как не бывал там.

Приезд нового начальника польстил доктору Люндквисту, который простодушно надеялся, что результатом будет рост ассигнований на его работы. Он не радовался бы так, если бы знал, что обратное куда более вероятно. Франклин всей душой был за научные исследования, но теперь, когда он сам утверждал расходы, его точка зрения слегка изменилась. Все, что задумает Люндквист, должно приносить прямую пользу Отделу, иначе поддержки ему не будет, разве что он сумеет заинтересовать Комитет научных исследований.

Люндквист был маленького роста, очень живой человек, который своими проворными, порывистыми движениями напомнил Франклину воробья. Неподдельный энтузиаст, каких немного осталось, он сочетал основательную научную подготовку с необузданным воображением — в этом Франклину предстояло скоро убедиться.

Правда, на первый взгляд могло показаться, что в лаборатории идет обыкновенная текущая работа. Франклин провел тридцать скучных минут в обществе двух молодых ученых, которые толковали о новых способах борьбы со всевозможными паразитами, и еле-еле спасся от лекции о родовспоможении китообразным. Несколько больше увлек его отчет о последних работах по искусственному осеменению; он сам когда-то помогал делать первые опыты — не всегда удачные, но неизменно веселые. Осторожно понюхав комки синтетической амбры, он согласился, что получилось очень похоже на настоящую. Затем, делая вид, что улавливает разницу, прослушал звуковую кардиограмму кита до и после удачной операции на сердце.

Словом, все было в полном порядке и все отвечало его ожиданиям. А потом Люндквист из лаборатории повел его к большому бассейну, предваряя на ходу:

— Думаю, это покажется вам более интересным. Конечно, это пока только эксперименты, но кто знает...

Он взглянул на часы и пробурчал себе под нос:

— Две минуты осталось... Обычно в это время ее уже видно, — перевел взгляд на пролив за рифом и удовлетворенно сказал: — Ага, вот и она!

К острову приближался черный продолговатый бугор. Тут же Франклин увидел короткий, словно обрубленный, фонтан пара, по которому узнают горбатого кита. А вот и второй фонтан, поменьше, — значит, идет самка с детенышем. Киты решительно прошли через узкий проход в коралловом барьере, расчищенный взрывами много лет назад для небольших судов лаборатории, и свернули влево, в освежаемый приливами просторный бассейн; этого бассейна Франклин прежде не видел. Здесь самка и детеныш остановились и стали терпеливо ждать, словно ученые собаки.

Два лаборанта в непромокаемой одежде катили к краю бассейна что-то похожее на огнетушитель.

Людквист и Франклин поспешили к ним на помощь, и вскоре стало понятно, зачем в ясный, безоблачный день понадобилось так одеваться. Каждый раз, когда киты пускали фонтаны, люди попадали под зловонный душ, и Франклин тоже поспешил облачиться в комбинезон.

Даже наблюдатель редко видит живого кита так близко и при таких идеальных условиях. Мамаша была длиной около пятидесяти футов и, как и все горбачи, выглядела очень грузной. Никто не называл бы ее красавицей, усеявшие переднюю грань плавников вздутия только усугубляли картину. Детеныш был около двадцати футов; судя по тому, как беспокойно он сновал вокруг своей флегматичной родительницы, китенок скверно чувствовал себя в тесном бассейне.

Один из лаборантов что-то крикнул неожиданно высоким голосом, и мамаша повернулась на бок, так что половина ее плиссированного брюха очутилась над водой. Она безропотно позволила накрыть ей сосок большим резиновым стаканом и даже сама помогла процедуре: прибор на баллоне, измеряющий скорость струи, показывал поразительные цифры.

— Ну, вы-то знаете, — сказал Людквист, — что самка выделяет молоко сильной струей, чтобы не смешивалось с водой. Но совсем маленького детеныша мать кормит иначе, она ложится на бок, и он может сосать над водой. Это облегчает нам дело.

Франклин не услышал новой команды, однако послушная родительница перевернулась на другой бок и подставила для дойки второй сосок. Он посмотрел на прибор: почти пятьдесят галлонов, а молоко все прибывает. Детеныш явно был встревожен; может быть, в воду попало несколько ка-

пель молока, и это его взбудоражило. Он даже попытался отбить сосок для себя, и пришлось его прогнать двумя-тремя сильными шлепками.

Франклин смотрел с интересом, но без особого удивления. Он и прежде слышал, что китов можно доить, только не подозревал, что это делается так чисто и проворно. Так в чем же смысл эксперимента? Зная доктора Люндквиста, можно было догадаться.

— Итак, — заговорил ученый, очевидно, надеясь, что демонстрация произвела должное впечатление, — мы можем получать от одной самки минимум пятьсот фунтов молока в день, без вреда для развития детеныша. Если же займемся выводением молочных пород, как это делали фермеры на суше, то без труда добьемся и тонны в день. Много, скажете? А я считаю это скромной целью. Ведь коровы лучших пород дают больше ста фунтов молока в день. Но кит весит в двадцать с лишком раз больше, чем корова!

Франклин поспешил остановить поток цифр.

— Хорошо, хорошо, — сказал он. — Я не сомневаюсь, что все это так. И не сомневаюсь, что вы придумали, как избавить китовое молоко от привкуса жира... Спасибо, я уже пробовал. Но как вы будете собирать самок на дойку, тем более что стадо покрывает за год десять тысяч миль?

— Все уже продумано. Это во многом вопрос дрессировки, и мы неплохо набили себе руку, когда приучали Сьюзен выполнять записанные на ленту команды. Вы бывали хоть раз на молочной ферме? Видели, как коровы в назначенный час сами идут к автодоилкам, потом уходят, и все это без участия человека? А киты, честное слово, в сто раз умнее коров и легче поддаются обучению! Я набросал чертежи молочного танкера, который одновременно доит четырех китов и может сопровождать мигрирующие стада. И вообще теперь мы управляем урожаем планктона, от нас зависит совсем прекратить эти миграции. Дадим китам корм в тропиках и будем держать их там постоянно. Уверю вас, все это вполне осуществимо.

В самом деле, отличная мысль! Не новая, конечно, впервые это было предложено много лет назад, но доктор Люндквист решил наконец перейти от слов к делу.

Мамаша и все еще негодующий отпрыск уже направились в море; за кромкой рифа они затеяли нырять и пускать

фонтаны. Глядя на них, Франклин спрашивал себя: неужели через несколько лет он будет смотреть, как сотни морских великанов выстраиваются в очередь у плавучего молоко-завода, чтобы сдать по тонне едва ли не самой калорийной пищи на свете? Или это только мечта? Слишком много трудностей, и то, чего удалось добиться в лаборатории с одним животным, может оказаться неосуществимым в открытом море.

— Вот что, — сказал он Люндквисту. — Представьте мне доклад и укажите, какое снаряжение и сколько обслуживающего персонала потребуется для... гм... китовой молочной фермы. Если можете, подсчитайте примерные расходы. Напишите, сколько молока будете надаивать и сколько рассчитываете получить за него от перерабатывающих фабрик. Чтобы у нас была основа для обсуждения. Опыт интересный, но о практической ценности пока судить нельзя.

Сдержанность Франклина заметно огорчила Люндквиста, но он тут же опять воодушевился. Если новый начальник думал, что творческая мысль ученого не идет дальше какого-то там проекта китовой молочной фермы, он ошибался.

— Следующее дело, о котором я хотел поговорить, — начал ученый, идя по дорожке, — у нас пока еще в самом начале. Мне известно, что одна из главных трудностей нашего Отдела — нехватка людей. Вот я и попытался придумать, как поднять рентабельность, освобождая людей от шаблонных операций.

— А что тут еще придумаешь, и так уже почти все автоматизировано. И года не прошло, как у нас работала комиссия по рентабельности.

(И Отдел до сих пор не может прийти в себя, мысленно добавил Франклин.)

— Я подошел к этому вопросу несколько иначе, — ответил Люндквист. — По-моему, вам это должно быть особенно интересно, вы ведь работали смотрителем. Сами знаете, чтобы загнать большое стадо китов, нужно две, а то и три подводные лодки — одна лодка только распугает их. Меня давно возмущает такое расточительство, ведь одной головы тут вполне достаточно. Роль помощников сводится к тому, чтобы в нужных местах производить нужные звуки, а с этим и машина справится.

— Если вы подразумеваете лодки-роботы, — сказал Франклин, — то это уже испытано, и ничего не вышло. Смотритель не может одновременно управлять двумя лодками, тем более тремя.

— Слышал я об этом эксперименте, — ответил Люндквист. — И если бы взялись как следует, все бы получилось. Но у меня-то задумано совсем другое. Вам что-нибудь говорит слово «овчарка»?

Франклин собрал лоб в складки.

— Припоминаю, — сказал он. — Кажется, так назывались собаки, которые давным-давно, несколько сот лет назад, помогали пастухам охранять стада?..

— С тех пор не прошло и ста лет. И «охранять» — это такая недооценка!.. Я видел фильмы про этих собак, чего только они не умели делать, вы не поверите! Хорошо обученные овчарки по одному слову пастуха направляли овец туда, куда ему было нужно, разбивали стадо на части, отделяли овцу от остальных, заставляли стадо стоять на месте.

Вы угадали, куда я клоню? Собак мы натаскивали сотни лет, и такие трюки нам уже не кажутся чудом. Я предлагаю перенести те же приемы в море. Известно, что многие морские животные — ну хотя бы тюлени и дельфины — умом не уступают собакам. Но дрессировать их пробовали только в цирках да бассейнах вроде Мэринленда. Вы, конечно, видели, какие штуки делают наши дельфины, знаете, что они привязчивы и дружелюбны. Посмотрите старые фильмы про овчарок, и вы согласитесь: чему сто лет назад могли научить собак, тому мы вполне можем сегодня обучить дельфинов.

— Постойте, — прервал его слегка ошарашенный Франклин. — Давайте разберемся: вы предлагаете, чтобы смотритель, загоня китов, работал с помощью двух... э... собак?

— Да, в некоторых случаях, не во всех, конечно, все-таки морские животные не сравнятся скоростью и дальностью с подводной лодкой. Кроме того, собаки, как вы их назвали, не всегда сумеют проникнуть туда, куда будет нужно. Но я провел кое-какие исследования, и мне кажется, мы сможем сделать труд наших зрителей вдвое производительнее, когда освободим их от необходимости работать вдвоем и втроем.

— По-вашему, — возразил Франклин, — киты послушаются дельфинов? Да они на них и не посмотрят.

— Так ведь речь идет не о дельфинах, это просто к слову пришлось. Вы совершенно правы, киты их даже не заметят. Тут нужны животные покрупнее, умом не хуже дельфинов, и такие, чтобы киты с ними считались. Только одно животное отвечает всем этим требованиям, и я прошу вас разрешить нам отловить и обучить его.

— Продолжайте, — сказал Франклин так смиренно, что даже мало склонный к юмору Люндквист не удержался от улыбки.

— Ну так вот, — продолжал он, — я собираюсь поймать двух косаток и натаскать их, чтобы они работали с кем-нибудь из наших зрителей.

Франклин представил себе живые хищные тридцатифутовые торпеды, на которых столько раз успешно охотился в студеной полярных водах. Трудновато будет сделать это кровожадное существо покорным слугой человека... Но тут он вспомнил о пропасти, разделяющей овчарку и волка. Древний человек сумел одолеть этот разрыв. Да, это можно проделать снова — был бы смысл.

Если вы не уверены, попросите представить вам доклад, так его когда-то учил один из его начальников. Кажется, с Герона он увезет сразу два доклада, и будет над чем поразмыслить... А вообще-то задумки Люндквиста, хоть они и увлекательны, — дело будущего, а Франклину надо руководить Отделом теперь. На первые несколько лет лучше избегать рискованных шагов, сначала нужно освоиться. К тому же, если даже идеи Люндквиста окажутся практически ценными, уйма времени и трудов потребует, чтобы запродать их тем, от кого зависят ассигнования. «Прошу разрешить мне закупить пятьдесят аппаратов для доения китов». Франклин живо представлял себе реакцию некоторых консервативных кругов. А обучение косаток? Да его просто сочтут сумасшедшим.

...Остров быстро уменьшался, теряясь вдаль; самолет нес Франклина домой. (Любопытно: после всех своих скитаний он снова живет на родине, в Австралии.) Почти пятнадцать лет минуло, как он впервые летел здесь с беднягой Доном. Эх, старина, ты бы обрадовался, если бы видел, какие плоды принес в конечном счете твой труд! И профессор Стивенс тоже... Франклин всегда его побаивался, но теперь, будь профессор жив, смог бы спокойно посмотреть ему в глаза.

Боль уколола его: так он и не поблагодарил по-настоящему психолога за все, что тот сделал.

За пятнадцать лет — от неврастеничного стажера до начальника Отдела. Неплохо. Что дальше, Уолтер? Он не жаждал новых подвигов; очевидно, его честолюбие насытилось. Теперь лишь бы удалось обеспечить Отделу китов мирное, безмятежное будущее.

Для него же лучше, что он не знал, насколько тщетна эта надежда.

ГЛАВА 19

Фотограф уже управился, но молодой человек, который последние два дня тенью ходил за Франклином, явно не исчерпал запас своих блокнотов и вопросов. Стоит ли переносить столько неудобств ради того, чтобы твоя не Бог весть какая выдающаяся физиономия, отпечатанная в рамке из китов, красовалась во всех журнальных киосках мира? Франклин сомневался в этом, но у него не было выбора. «Слуга общества принадлежит обществу». Он помнил этот афоризм, который, как и все афоризмы, был лишь наполювину верен. Никто не рекламировал предыдущего начальника Отдела; и он тоже мог бы жить незаметно, если бы Отдел информации Главного морского управления не постановил иначе.

— Ваши люди, мистер Франклин, — не унимался молодой представитель журнала «Земля», — рассказывали мне о вашем интересе к так называемому Великому Морскому Змею, об экспедиции, во время которой погиб старший смотритель Берли. Что сделано в этой области с тех пор?

Франклин вздохнул. Он боялся, что рано или поздно об этом пойдет речь; хоть бы этот журналист не слишком налегал на змея, когда сядет писать статью.

Франклин подошел к шкафу, где хранился его личный архив, и достал толстую папку с бумагами и фотоснимками.

— Вот, Боб, тут все данные о встречах со змеем, — сказал он. — Пролистайте этот материал, я все время его пополняю. Надеюсь, когда-нибудь загадка разрешится. Можете записать, что увлечение остается увлечением, но последние восемь лет я совсем не мог им заниматься. Теперь все

зависит от Комитета научных исследований. У Отдела китов хватает других дел.

Он мог бы еще кое-что порассказать, но воздержался. Если бы вскоре после их трагической неудачи министра Фарлана не перевели из КНИ на другую работу, возможно, удалось бы снарядить вторую экспедицию. Но после катастрофы посыпались обвинения и контробвинения, и о новой экспедиции пришлось забыть — скорее всего на много лет. Видно, это неминуемо: никому не избежать неудачи в чем-то очень важном и дорогом, в жизни каждого остается невзятой какая-то заветная вершина, и никакие победы не могут покрыть этой потери.

— Тогда у меня остался только один вопрос, — заключил репортер. — Что вы скажете о будущем Отдела? Есть у вас какие-нибудь интересные долгосрочные планы, о которых вам хочется рассказать?

Опять каверзный вопрос. Конечно, Франклин давно усвоил, что в его положении нужно сотрудничать с печатью, и этот парень за последние два дня стал почти своим человеком в Отделе, однако есть вещи, о которых как-то трудно говорить. Недаром, когда Боб отправился на остров Герон, Франклин постарался сделать так, чтобы он не встретил доктора Люндквиста. Правда, журналист увидел опытный образец доильной машины, и она произвела на него должное впечатление, но ему ничего не сказали про двух молодых косаток, которых, не считаясь с расходами и хлопотами, держали в загоне у восточной кромки рифа.

— Что ж, Боб, — начал он с расстановкой. — Цифры вы теперь, наверно, знаете не хуже меня. Мы рассчитываем в ближайшие пять лет увеличить поголовье китов на десять процентов. Если удастся наладить доение — пока что все это только опыты, — перенесем центр тяжести с кашалотов на горбачей. Сейчас мы обеспечиваем двенадцать с половиной процентов всех пищевых потребностей человека. Это возлагает на нас большую ответственность. Я надеюсь довести эту цифру до пятнадцати процентов.

— Попросту говоря, чтобы каждый не меньше раза в неделю ел китовый бифштекс?

— Если хотите, да. Вообще-то люди, сами того не зная, каждый день едят что-нибудь связанное с китами. Например, когда жарят что-то на сале или мажут хлеб маргарином.

Даже если бы мы удвоили нашу продукцию, славы нам от этого не прибавится: наша продукция почти всегда, так сказать, замаскирована.

— Наши художники сделают все как надо. Мы дадим такую иллюстрацию: все продукты, которые потребляет за неделю средняя семья, и на каждом предмете — циферблат и стрелки, показывающие, какой процент вложили китобойни.

— Очень хорошо. Гм... кстати... вы уже решили, как обзовете меня?

Репортер осклабился.

— Это зависит от редактора. Я постараюсь уговорить его ни в коем случае не писать «китопас». Такой затасканный штамп...

— Поверю, когда увижу статью. Каждый журналист клянется не писать «китопас» — и еще ни один не устоял против соблазна. Да, вы не скажете, когда выйдет статья?

— Если не помешает какой-нибудь другой материал, примерно через месяц. Но сперва вы, конечно, получите гранки. Это будет не позже следующей недели.

Франклин проводил репортера через приемную; ему было даже жалко расставаться с занимательным собеседником, который, хоть и задавал иногда шекотливые вопросы, с лихвой возмещал это своими рассказами о знаменитейших людях планеты. Кажется, Франклин теперь сам попал в их число: не меньше ста миллионов человек прочтут очередной очерк в серии «Интервью Земли».

Статья, как и было обещано, появилась через месяц — дельная, живо написанная, и всего одна ошибка, совсем пустячная, Франклин сам не заметил ее в гранках. Превосходный фотоматериал, особенно хорош был сосущий мамашу китенок. Сразу видно, что снимок сделан с риском для жизни после долгой охоты. Зачем читателю знать, что фотограф снял этот кадр в бассейне на острове Герон, не замочив при этом даже ног?

Если исключить идиотский каламбур под фотографией на обложке («Наш Кит Китыч» — это надо же!), Франклин был доволен; его чувства разделяли все сотрудники Отдела, Главного морского управления и даже Всемирной организации продовольствия. Разве мог кто-нибудь предполагать,

что эта самая статья навлечет на Отдел китов величайший в его истории кризис.

И дело вовсе не в недостатке прозорливости. Иногда можно предвидеть будущее и загодя принять нужные меры, но бывает и так в человеческой практике, что события, как будто ничем не связанные между собой, — словно они происходят в разных мирах, — оказывают друг на друга прямо-таки ошеломляющее воздействие.

Полвека потребовалось, чтобы Отдел китов достиг своего нынешнего размаха: двадцать тысяч сотрудников, общая стоимость снаряжения — больше двух миллиардов долларов. Одно из звеньев построенного на научной основе мирового государства, наделенное соответствующим авторитетом и властью.

И вот его до самого основания потрясли хорошие слова человека, который жил за полтысячелетия до нашей эры.

Первые признаки надвигающейся бури застигли Франклина в Лондоне. Вообще-то работники аппарата Всемирной организации продовольствия нередко обращались к нему через голову его непосредственных начальников в Главном морском управлении. Но на этот раз сам генеральный секретарь ВОП вмешался в текущие дела Отдела китов, заставив Франклина все бросить и отправиться за тридевять земель, в маленький цейлонский городишко с каким-то головолomным названием.

К счастью, лето в Лондоне выдалось жаркое, и когда оказалось, что в Коломбо жарче всего на каких-нибудь десять градусов, это было не трудно перенести. В аэропорту его встречал местный представитель ВОП, явно чувствующий себя очень удобно в прохладном саронге — одежде, которую теперь признали даже самые консервативные европейцы. Франклин поздоровался с должностными лицами, облегченно вздохнул, не увидев репортеров, способных рассказать ему о его задании больше того, что он сам знал, и быстро прошел к самолету местной линии, на котором ему предстояло покрыть последние сто миль.

— А теперь, — сказал он, когда внизу замелькали аккуратные многоугольники автоматизированных чайных плантаций, — введите меня, пожалуйста, в курс дела. С какой стати вдруг понадобилось срочно гнать меня в эту Анна...

— Анурадхапура. Разве генеральный секретарь вам не объяснил?

— Мы с ним виделись всего пять минут в Лондонском аэропорту. Так что давайте все с самого начала.

— Тогда слушайте. Это назревало вот уже несколько лет. Мы сигнализировали, но начальство отмахивалось — мол, пустяки. А тут в «Земле» появилось ваше интервью, и дело приняло серьезный оборот. Маханаяке Тхеро — он пользуется огромным влиянием на Востоке, вы еще не раз услышите о нем — прочел статью и сразу же попросил нас помочь ему ознакомиться с работой Отдела китов. И мы не можем ему отказать, хотя нам отлично известно, что у него на уме. Он захватит с собой кинооператоров и соберет материал для решительного пропагандистского наступления против Отдела. Потом, когда эта кампания сделает свое дело, потребует референдума. И если итог будет не в нашу пользу, нам придется очень туго.

Кусочки мозаики легли на место, теперь картина была ясна. На секунду Франклин подсадовал, что его оторвали от дела и послали в такую даль из-за какого-то вздора. Правда, те, кто отправил его сюда, не считают это вздором; вероятно, они лучше его представляют себе силы, которые введены в бой. Глупо недооценивать могущество религии, пусть даже такой миролюбивой и терпимой, как буддизм.

Всего сто лет назад это было бы немыслимо. Но коренные политические и социальные перемены последних десятилетий подготовили почву. Три главных конкурента буддизма потерпели крах, и среди всех религий он один еще сохранял заметную власть над умами.

Христианство, не успев оправиться от ударов, нанесенных ему Дарвином и Фрейдом, было окончательно добито археологическими открытиями конца двадцатого столетия. Индуизм с его изумительным пантеоном богов и богинь был обречен на гибель в век научного рационализма. И наконец, мусульманство, подорванное теми же факторами, совершенно утратило престиж, когда восходящая звезда Давида затмила тусклый полумесяц Пророка.

Эти три веры не исчезли окончательно, однако их былой власти пришел конец. Только учение Будды, заполнив вакуум после других верований, ухитрилось не только сохранить, но и укрепить свое влияние. Буддизм — не религия,

а философия, он не основан на откровениях, которые может разрушить молоток археолога, поэтому удары, сокрушившие прочих великанов, не причинили ему ущерба. Его огромное здание было очищено внутренними реформами, но фундамент остался в неприкосновенности.

Франклин отлично знал, что одно из основных правил буддизма — уважение ко всему живущему. Правда, мало кто из буддистов понимал этот закон буквально, и они охотно пускали в ход софизм — мол, не грех есть мясо животного, убитого другим. Однако в последние годы стали добиваться, чтобы этот принцип соблюдался строже, а посему вегетарианцы и мясоеды повели нескончаемые споры, полные всевозможных словесных хитросплетений. Но Франклина никогда не приходило в голову, что эти раздоры могут практически повлиять на работу Всемирной организации продовольствия.

— Теперь расскажите мне, — попросил он, скользя взглядом по убегающим назад зеленым пригоркам, — что за человек этот Тхеро, с которым вы собираетесь меня познакомить.

— Тхеро — это титул, что-то вроде архиепископа. Его настоящее имя Александр Бойс, он родился в Шотландии шестьдесят лет назад.

— В Шотландии?

— Да, он первый европеец, достигший вершин буддийской иерархии, и это далось ему нелегко. Один мой друг, бхикку — то есть монах, — однажды с горечью сказал мне, что Маха Тхеро — самый настоящий старейшина пресвитерианской общины, только он родился с опозданием на пятьсот лет, вот и взялся преобразовать буддизм, а не свою шотландскую церковь.

— А как он вообще попал на Цейлон?

— Хотите верьте, хотите нет, он тогда работал на киностудии на какой-то второстепенной должности. Ему было около двадцати. Рассказывают, будто он приехал в пещерный храм Дамбулла, чтобы запечатлеть на киноленте умирающего Будду, и был обращен. За двадцать лет он стал большим человеком, и почти все реформы, которые последовали затем, связаны с его именем. Двух тысячелетий довольно, чтобы загнила любая религия, потом истоки надо чистить. На Цейлоне этим занялся Маха Тхеро, он изгнал индуистских богов, которые просочились в храмы.

— И теперь ищет, какие еще миры покорить?

— Да, похоже на то. Притворяется, будто ему нет дела до политики, хотя уже свалил два-три правительства мановением своего мизинца. У него тьма последователей на Востоке. Его программу «Голос Будды» слушают несколько сот миллионов человек, а общее число сочувствующих определяют в один миллиард; правда, они не во всем с ним согласны. Теперь вы понимаете, почему мы считаемся с Маха Тхеро?..

Так вот кто скрывается за странным титулом! Франклин вспомнил, что года два или три назад «Земля» посвятила большую статью преподобному Александру Бойсу. (Так что их даже что-то объединяет.) Жаль, он не прочел эту статью, но тогда она его вовсе не интересовала, ему даже не запомнился портрет.

— Это кроткий с виду, небольшого роста человек, — рассказывал представитель, — с ним очень легко ладить. Вы убедитесь в его дружелюбии и сговорчивости, но уж если он что решит, то все препятствия со своего пути сметет, как движущийся ледник. Нет-нет, он отнюдь не фанатик. Если вы докажете необходимость ваших действий, он не будет мешать, хотя бы в душе и не одобрял их. Его никак не устраивает кампания за большее производство мяса, которую мы здесь развернули, но он понимает, что все не могут быть вегетарианцами. Со своей стороны, и мы пошли на уступки, отказались от мысли строить мясокомбинаты в священных городах, как было задумано сначала.

— Почему же он вдруг заинтересовался Отделом китов?

— Видно, решил, что на каком-то рубеже надо давать бой. А вам разве не кажется, что китов нельзя ставить в один ряд с другими животными? — Представитель сказал это не совсем уверенно, словно ожидал отрицательного ответа, даже усмешки.

Франклин промолчал. Он сам двадцать лет искал ответа на этот вопрос; по счастью, открывшаяся внизу картина избавила его от необходимости что-либо говорить.

Здесь некогда был величайший город мира, город, рядом с которым Рим и Афины в пору их расцвета показались бы деревнями, город, который по числу жителей и размерам уже две тысячи лет спустя превзошли только такие города, как Нью-Йорк и Лондон. Цепь огромных искусственных

озер — до мили в поперечнике — окружала древнюю резиденцию сингальских королей. С воздуха особенно бросался в глаза резкий контраст между старым и новым в современной Анурадхапуре. Тут и там между ажурных красочных строений двадцать первого столетия выделялись могучие купола огромных дагоб. Самолет прошел совсем низко над самой большой из них — Абхаягири. Кирпичная кладка купола давно поросла травой, даже мелкими деревцами, и теперь великолепный храм казался попросту горкой, из которой торчал сломанный шпиль. Из всех пирамид, сооруженных фараонами на берегу Нила, только одна превосходила размерами эту «горку».

Франклин побывал в местной конторе ВОП, побеседовал с управляющим, изрек несколько банальных фраз пронюхавшему о его прибытии репортеру, не торопясь перекусил — и после всего этого сказал себе, что все ясно. Если разобраться, это рядовая задача из области рекламы и информации. Что-то в этом роде было три недели назад, когда одна падкая на сенсации и не слишком склонная к точности газета напечатала статью о способах боя китов, и на Франклина набросилось около дюжины обществ по борьбе с жестокостью. Была назначена комиссия, она живо разобралась и отвергла все обвинения, так что никто не пострадал, кроме сотрудника газеты, готовившего статью.

Но, глядя через несколько часов на устремленный ввысь золоченый шпиль Руанвели-дагобы, Франклин чувствовал себя уже не так уверенно. Исполинский белый купол был очень искусно восстановлен, ни за что не скажешь, что его заложили почти двадцать два столетия назад. Статуи слонов в натуральную величину окружали мощный дворик храма, образуя стену длиной более четверти мили. Искусство и вера, объединившись, создали один из мировых шедевров архитектуры. Все здесь дышало древностью. «Многие ли творения современного человека доживут в такой сохранности до 4000 года?» — спросил себя Франклин.

Солнце раскалило огромные плиты; хорошо, что, разуваясь у ворот, он не снял носки. У подножия купола — вздымающейся к ясному синему небу ослепительно белой горы — стояло одноэтажное современное здание. Его строгие линии и светлые пластиковые стены отлично сочетались с произведением архитекторов, умерших за сто лет до нашей эры.

Бхикку в шафрановом облачении провел Франклина в уютный и опрятный кабинет Тхеро, где царил искусственный климат. Такой же кабинет мог быть у любого официального лица в любой части света, и преследовавшее Франклина с той минуты, как он вошел в дворик храма, чувство неловкости, которое было вызвано непривычной обстановкой, поумерилось.

При виде гостя Маха Тхеро встал. Он и впрямь был невысокого роста, всего лишь по плечо Франклину. Блестящая бритая голова как-то обезличивала его, трудно было угадать, что он думает, еще труднее определить, какого он склада человек. С первого взгляда он не производил сильного впечатления, но тут же Франклин вспомнил, сколько малолетних людей было среди деятелей, которые потрясли мир.

Хотя Маханаяке Тхеро покинул родину сорок лет назад, шотландский акцент остался. В таком окружении он звучал совсем странно, даже забавно, но через несколько минут Франклин перестал его замечать.

— Вы очень добры, мистер Франклин, проделали такой путь, чтобы встретиться со мной, — приветливо произнес Тхеро, пожимая ему руку. — Признаюсь, я не ждал, что моя просьба будет рассмотрена так быстро. Надеюсь, я вам не причинил хлопот?

— Нет-нет, — бодро ответил Франклин. — Должен сказать вам, — добавил он уже более искренне, — здесь все так ново для меня, что я только рад этому путешествию.

— Отлично! — воскликнул Тхеро с радостью в голосе. — Я тоже предвкушаю путешествие на вашу Базу на Южной Георгии. Не знаю, правда, придется ли мне по душе тамошняя погода.

Франклин вспомнил свои инструкции: «Если можно, отговорите его, но не перегибайте палку». Что ж, кажется, самая пора делать первый ход.

— Вот об этом самом я хотел поговорить с вами, ваше преподобие, — начал он, надеясь, что выбрал правильный титул. — Сейчас на Южной Георгии в разгаре зима, цехи, по сути дела, законсервированы до весны. По-настоящему работа развернется месяцев через пять.

— Как же я не подумал об этом! Да-да... Понимаете, я еще никогда не бывал в Антарктике и давно мечтаю об этом. А тут, можно сказать, предлог появился. Ну ладно, тогда

остается какая-нибудь из северных баз. Что вы посоветуете — Гренландию или Исландию? Назовите самое удобное для вас место. Мне вовсе не хочется затруднять вас.

Последние слова Маха Тхеро обезоружили Франклина еще до начала боя. Он сразу уразумел, что такого противника не перехитришь и не собьешь с толку, — придется сопровождать этого Тхеро, не отставая от него ни на шаг; авось обойдется...

ГЛАВА 20

Над широким заливом вырастали пышные султаны пара — огромное стадо неуверенно ходило по кругу; неуверенно не потому, что было насторожено голосами, которые зазвали его в эту бухту между гор, а потому, что не знало зачем. Киты привыкли всю жизнь выполнять приказы в виде вибраций или электрических импульсов, отдаваемые маленькими существами, которых они признали своими повелителями. Они давно убедились, что приказы эти не приносят им вреда, напротив, часто приводят на богатые пастбища, которых киты сами не отыскиали бы, так как весь опыт и наследственная память говорили им, что эти участки моря должны быть бесплодными. А иногда маленькие повелители обороняли их от косаток, отгоняли кровожадную шайку, не давая тем разорвать на клочки свою добычу.

Киты не ведали ни врагов, ни страхов. Не первое поколение бороздило Мировой океан, живя в сытости и довольстве, какого никогда не испытывали их предки. Благодаря заботе своих хозяев они за полвека прибавили в среднем десять процентов в росте и тридцать процентов в весе.

В эти самые дни в Гольфстриме резвился со своей супругой и новорожденным детенышем глава всего племени стопятидесятидвухфутовый синий кит С 69322, более известный под кличкой Левиафан. В прежние эпохи он не смог бы достичь таких размеров; конечно, этого не докажешь, но, по видимому, он был самым крупным животным в истории Земли.

Неразбериха мало-помалу сменилась порядком, когда электрическое поле повело стадо по незримым коридорам. За электрическими барьерами были бетонные, и дальше киты один за другим шли по четырем параллельным дорожкам.

Автоматы измеряли и взвешивали каждого, недомерков отделили и возвращали в море, а они, слегка озадаченные всей этой процедурой, и не замечали, как сильно поредели их ряды.

Те, которые прошли контроль, доверчиво плыли по двум дорожкам, ведущим в широкий и мелкий залив. Еще не во всем можно было положиться на машины, и тут люди следили, чтобы не было ошибок, проверяли животных и записывали в книгу номера тех, которые выходили из залива в последний, очень короткий путь — на бойню.

— С 52111 идет, — сказал Франклин Тхеро; они стояли в кабине наблюдательного поста. — Семидесятифутовая самка родила пять детенышей, ее зрелая пора уже позади.

За его спиной бесшумно работали кинокамеры в руках обритых наголо и облаченных в шафрановые рясы операторов, мастерство которых так удивляло Франклина, пока он не узнал, что они учились в Голливуде.

Животные ничего не подозревали и скорее всего даже не чувствовали легкого прикосновения гибких медных пальцев. Вот кит спокойно плывет по загону, миг — и это безжизненная туша, ещедвигающаяся вперед по инерции. Пятьдесят тысяч ампер молнией пронзали сердце, не оставляя времени для предсмертных судорог.

В конце загона исполинская туша попадала на широкую ленту транспортера. Короткий подъем — и кит ложился на вращающиеся валики, которые терялись вдаль.

— Самый длинный в мире конвейер такого типа, — сообщил Франклин; он был вправе гордиться. — Его грузоподъемность десять китов, то есть около тысячи тонн. Мы всегда размещаем разделочные цехи минимум в полумиле от загонов. Конечно, это влечет за собой дополнительные расходы и затрудняет нам выбор места для боен. Зато можно не опасаться, что китов напугает запах крови. Согласитесь: ток умертвляет их мгновенно, и животные до последней секунды не проявляют никакой тревоги.

— Верно, — сказал Тхеро. — Все происходит очень гуманно. Кстати, с китами, наверно, было бы трудно справиться, если бы они пугались? Или вы сделали бы то же самое только ради того, чтобы пощадить их чувства?

Каверзный вопрос, Франклин не знал, как лучше на него ответить; и за последние дни он не раз оказывался в таком положении.

— Вероятно, это зависело бы от ассигнований, — медленно произнес он. — А их в конечном счете утверждает Всемирная ассамблея. Наша доброта зависит от финансовых органов. Но ведь ваш вопрос чисто теоретический.

— Безусловно, однако есть и другие, не столь теоретические вопросы, — отозвался преподобный Бойс, провожая задумчивым взглядом восемьдесят тонн мяса и костей, увлекаемых вдаль рольгангом. — Может быть, мы вернемся в машину? Мне хотелось бы посмотреть, что происходит на том конце.

«А я, — мрачно подумал Франклин, — не прочь посмотреть, как вы и ваши коллеги к этому отнесетесь». Большинство посетителей выходили из разделочных цехов бледные и слегка потрясенные; кое-кто падал в обморок. В Отделе китов стало ходячей остротой, что наглядный урок — как производят пищевые продукты — на много часов отбивает аппетит любому непосвященному.

За сто ярдов они ощутили зловоние. Уголком глаза Франклин заметил, что молодому бхикку, который нес звукозаписывающий аппарат, уже не по себе; но Маха Тхеро держался как ни в чем не бывало. Он и пять минут спустя оставался таким же спокойным и бесстрастным, созерцая смердящий ад, где исполинские туши превращались в горы мяса, костей и внутренностей.

— Позвольте напомнить вам, — сказал Франклин, — что почти двести лет эту работу делали вручную, подчас в штормовую погоду на кренящейся палубе. И теперь неприятно смотреть, а вы представьте себе, что сами орудуете вон там внизу ножом длиной с метр!

— Что ж, представить себе можно, — ответил Тхеро, — а впрочем, не стоит.

Он повернулся к операторам, отдал им какие-то распоряжения, потом стал внимательно наблюдать, как рольганг подает следующего кита.

Фотоэлектрические глаза уже прощупали могучую тушу и сообщили все данные счетной машине, которая управляла операцией. Этот секрет был всем известен, и все же нельзя было без содрогания смотреть, с какой точностью ножи и пилы раздвигают свои суставы, делают в нужных местах надрезы и снова прячутся. Громадные пальцы захватывали

футовый слой жира и сдирали его, как снимают кожуру с банана, а голая окровавленная туша скользила дальше.

Конвейер двигался со скоростью шагающего человека, и кит был рассечен на части на глазах у зрителей. Куски мяса величиной со слона уходили вниз по боковым слипам; в облаке костной пыли вгрызались в ребра циркулярные пилы; оттаскивались в сторону набитые тоннами рачков и планктона сообщающиеся мешки внутренностей.

Меньше двух минут понадобилось, чтобы превратитьладыку морей в кровавые куски, которые опознал бы только специалист. И кости не пропали: в конце конвейера распиленный скелет упал в яму для размола на удобрение.

— Тут конец линии, — объяснил Франклин, — но переработка только начинается. Нужно извлечь жир из ворвани, которую отделили на первой стадии. Мясо разрезают на более удобные порции и стерилизуют — для этого у нас есть интенсивный источник нейтронов. И еще около десятка основных продуктов надо отделить и упаковать для перевозки. Я готов показать вам любой цех. Это будет не такое кровавое зрелище, как то, что мы видели сейчас.

Тхеро постоял в раздумье, просматривая записи, которые сделал своим чрезвычайно мелким почерком. Потом повернулся лицом к протянувшемуся на четверть мили залитому кровью конвейеру; из загона уже катилась следующая туша.

— Боюсь, один эпизод получился не так, как надо, — сказал он с внезапной решимостью. — Если вы не против, вернемся к началу и пройдем еще раз.

Франклин поймал на лету аппарат, оброненный молодым бхикку.

— Спокойно, сынок, — подбодрил он монаха. — Лиха беда начало. Через несколько дней вы будете удивляться, почему новички жалуются на дурной запах.

Вообще-то сомнительно, но работники завода поклялись ему, что это так и есть. Только бы преподобный Бойс в своем непомерном рвении не предоставил ему случая проверить это...

— А теперь, ваше преподобие, — сказал Франклин, когда самолет взмыл над заснеженными вершинами и началось обратное путешествие в Лондон и на Цейлон, — разрешите

спросить вас: что вы собираетесь делать с материалом, который собрали?

За эти два дня священник и администратор научились уважать друг друга, между ними даже возникло что-то вроде дружбы; на взгляд Франклина, это было так же неожиданно, как приятно. Он считал, что неплохо разбирается в людях (кто этого не считает?), но не мог раскусить до конца Маханаяке Тхеро. И не огорчался: подсознательно Франклин чувствовал, что этот человек воплощает не только силу, но и — никуда не денешься от этого избитого, невыразительного слова — добро. Пожалуй, в другое время он мог бы войти в историю как святой...

— Мне нечего скрывать, — мягко сказал Тхеро. — К тому же, как вы знаете, учение Будды осуждает обман. Наша точка зрения проста. Мы считаем, что все живое вправе существовать. Из этого вытекает, что вы действуете неправильно. И нам хотелось бы, чтобы это было прекращено.

Так Франклин и думал — и теперь услышал. И он чуть-чуть разочаровался. Такой умный человек, как Тхеро, должен бы понимать, что это требование нереально — разве можно урезать на одну восьмую мировые ресурсы продовольствия? И если уж на то пошло: почему только киты? А как же коровы, овцы, свиньи — все те животные, которых человек растит и холит, чтобы при надобности зарезать?

— Я знаю, о чем вы думаете, — продолжал Тхеро, не дожидаясь доводов Франклина. — Мы отдаем себе отчет во всех трудностях и отлично понимаем, что придется действовать шаг за шагом. Но где-то надо начинать, а Отдел китов дает нам особенно яркий материал.

— Благодарю, — сухо сказал Франклин. — Только справедливо ли это? Вы могли бы увидеть то же самое в любой бойне на Земле. Конечно, масштабы другие, но это вряд ли меняет суть.

— Вполне согласен. Однако мы люди дела, не фанатики. Мы знаем, сперва нужно найти другие источники пищи, потом прекращать производство мяса.

Франклин отрицательно покачал головой.

— Извините, — сказал он, — но даже если вы решите эту задачу, вам не удастся сделать всех обитателей Земли вегетарианцами. Разве что вы задумали увеличить эмиграцию на Марс и Венеру. Да я бы пустил себе пулю в лоб,

если бы навсегда лишился возможности отведать хорошего бифштекса или бараньей отбивной. Так что ваши планы сорвутся. Причин две: человеческая психология и наши продовольственные ресурсы.

Маха Тхеро даже немного обиделся.

— Дорогой начальник Отдела, — сказал он, — неужели вы думаете, что мы могли позабыть о столь очевидных вещах? Позвольте мне сперва закончить изложение наших взглядов, а потом я объясню, как мы предлагаем решить задачу. Мне важна ваша реакция, ведь вы олицетворяете, так сказать, максимум сопротивления, которое нам окажет потребитель.

— Пожалуй, — улыбнулся Франклин. — Попробуйте уговорить меня бросить мое дело.

— Испокон веков, — начал Тхеро, — человек привык считать, что остальные животные существуют только для его блага. Многие виды он вовсе истребил — то ли из алчности, то ли потому, что они травмировали его посевами или еще как-то ему мешали. Не буду отрицать: часто это было оправдано, а порой просто не оставалось другого выхода. И все же за тысячи лет человек осквернил свою душу преступлениями против животного царства. Между прочим, одно из худших злодеяний совершалось как раз в вашей области, и было это всего лет шестьдесят—семьдесят тому назад. Я читал, как загарпуненные киты умирали после страшных мук, по многу часов мучились, а мясо их уже никуда не годилось, оно оказывалось отравленным токсинами, которые выделяются во время предсмертных судорог.

— Это исключительные случаи, — вставил Франклин. — И ведь мы давно с этим покончили.

— Верно, но из таких случаев тоже складывается наша вина, которую мы обязаны искупить.

— Свенд Фойн не согласился бы с вами. Когда он в 1870-х годах изобрел гарпун с взрывающимся наконечником, он в своем дневнике возблагодарил Господа Бога и назвал его творцом гарпуна.

— Любопытная точка зрения, — сухо ответил Тхеро. — Я бы охотно поспорил с ним. Знаете, есть простой опыт, который позволяет разделить людей на два разряда. Человек идет по улице и там, куда должна опуститься его нога, видит жука. Перед ним выбор: либо изменить свой шаг и пощадить

жука, либо раздавить его. Как бы вы поступили, мистер Франклин?

— Это зависит от жука. Если известно, что он ядовит или вреден, я убью его. Если нет — дам ему уйти. И любой разумный человек сделает то же самое.

— Значит, мы неразумны. На наш взгляд, убийство оправдано, только чтобы спасти жизнь более высоко организованного существа. А такие случаи бывают удивительно редко. Но позвольте мне вернуться к сути дела, а то мы, кажется, уклонились в сторону.

Лет сто назад ирландский поэт Дансени написал пьесу «Какая польза от человека», вы скоро увидите ее в одной из наших телевизионных программ. Герою пьесы снится, что чудесные силы перенесли его куда-то из Солнечной системы и он предстал перед судом зверей. Если за него не вступятся хотя бы два животных, человечество будет уничтожено. Только собака находит добрые слова в защиту своего повелителя, все остальные, помня старые обиды, говорят, что для их блага было бы лучше, если бы человек никогда не существовал. Вот-вот будет вынесен роковой приговор, но в последнюю секунду появляется еще один поручитель и спасает человечество от гибели. Единственным, кроме собаки, существом, которое нуждается в человеке, оказался... комар.

Вы скажете, что это всего-навсего забавная шутка. Наверно, и сам Дансени так думал — он был заядлым охотником. Однако поэты часто, сами того не подозревая, высказывают глубокие истины. И мне сдается, что эта почти забытая пьеса содержит чрезвычайно важную для человечества аллегория.

Лет через сто, Франклин, мы в буквальном смысле слова выйдем за пределы Солнечной системы. Рано или поздно мы встретим разумные существа намного совершеннее человека, но совсем не похожие на него. И когда придет это время, вполне возможно, что превосходящие нас существа будут обращаться с нами так, как мы обращались с другими обитателями своей планеты.

Эти слова были произнесены негромко, но так убежденно, что Франклину на миг стало не по себе. И он подумал: а ведь, пожалуй, во взглядах Маханаяке Тхеро есть что-то, и не только простая гуманность. (Если к понятию гуманность вообще приложимо слово «простая».) Ему и самому никогда

не нравилось то, во что выливалась его работа, настолько он привязался к своим исполинским питомцам — но что поделаешь!..

— Все это звучит очень убедительно, — признал Франклин, — однако, хотим мы того или нет, надо мириться с объективной реальностью. Не знаю, кто автор выражения «Зубы и когти природы в крови», но сказано верно. И если миру придется выбирать между пищей и этикой, могу заранее сказать, что победит.

Тхеро чуть-чуть улыбнулся, намеренно или подсознательно копируя благостное выражение лица, которое столько поколений художников сделали главной и неотъемлемой чертой Будды.

— Но ведь в том-то и дело, дорогой Франклин, — ответил он, — что выбирать нет нужды. Нам впервые в истории предоставлена возможность выйти из древнего круга и есть в свое удовольствие, не проливая крови невинных созданий. И я искренне благодарен вам, вы помогли мне увидеть, как это сделать.

— Я? — воскликнул Франклин.

— Вот именно, — сказал Тхеро, и его улыбка нарушила все каноны буддийского искусства. — А теперь, если вы не против, я немного посплю.

ГЛАВА 21

-И это, — бурчал Франклин, — моя награда за двадцать лет преданной службы обществу: собственная семья смотрит на меня как на запятнанного кровью мясника.

— Но ведь это все была правда, — сказала Энн, показывая на экран телевизора, где только что ручьями лилась кровь.

— Конечно, правда. И вместе с тем очень искусный монтаж с определенной целью. Я могу так же убедительно выступить в нашу защиту.

— Ты уверен? — спросила Индра. — Можешь не сомневаться, Главное управление попросит тебя об этом — справишься ли?

Франклин негодуя фыркнул:

— Эти цифры и расчеты — вздор! Дурацкая мысль — превратить наше стадо из мясного в молочное. Если мы все бросим на производство китового молока, это не возместит и четверти жиров и белков, которые мы потеряем, закрыв разделочные цехи.

— Давай, Уолтер, — ласково произнесла Индра, — отводи душу, не то еще лопнет какой-нибудь сосуд. Я же знаю, что тебя больше всего задело: его предложение расширить планктонные фермы, чтобы возместить потерю.

— Но ведь ты биолог, скажи сама, есть смысл делать из этого горохового супа грудинку или бифштексы?

— Во всяком случае, это возможно. Ловко они придумали — сам шеф-повар ресторана «Уолдорф» попробовал настоящий и синтетический бифштексы и не сумел их отличить. Да, тебя ждет тяжелый бой — планктонники сразу станут на сторону Тхеро, и в Главном морском управлении будет полный раскол.

— Он на это и рассчитывал, — сказал Франклин с невольным восхищением. — Он чертовски хорошо осведомлен. Не надо было мне тогда столько говорить корреспонденту о производстве молока, а они еще постарались, так расписали, что дальше некуда. Уверен, с этого все и пошло.

— Кстати, я как раз хотела спросить — откуда у него данные, на которых построены расчеты? По-моему, они были известны только работникам Отдела.

— Верно, — признал Франклин. — Как я сразу не подумал? Завтра утром отправлюсь на Герон, потолкую с доктором Люндквистом.

— Возьми меня, пап, — попросила Энн.

— В следующий раз, дочурка. Ты еще маленькая.

— Доктор Люндквист сейчас в лагуне, сэр, — сказал старший лаборант. — И его никак не вызовешь, пока сам не вернется.

— Вот как? А если я отправлюсь туда и позволю себе отвлечь его?

— Вы знаете, сэр, не стоит. Аттила и Чингисхан не любят чужих.

— Черт возьми, он с ними плавает?

— Да, они к нему очень привязались. И к своим зрителям хорошо относятся. Но постороннего человека могут нечаянно скушать.

«Гляди, какие чудеса тут творятся без моего ведома, — подумал Франклин. — Придется сходить к лагуне. Если не слишком жарко и если ты без груза, нет никакого смысла ехать на машине — тут же два шага».

Пока Франклин добрался до нового восточного пирса, он несколько раз успел пожалеть о своем решении. То ли Герон вырос, то ли годы дают себя знать... Он сел на опрокинутый ялик и посмотрел в море. Несмотря на прилив, было ясно видно кромку рифа и время от времени два облачка в воздухе над огороженным загоном: влажный выдох двух косаток. А вон и маленькая лодка с человеком, только издали не разобрать кто — доктор Люндквист или кто-нибудь из его помощников.

Франклин подождал несколько минут, потом вызвал по телефону лодку. Добравшись до загона (сам доплыл бы быстрее), он впервые увидел Аттилу и Чингисхана.

Косатки были чуть поменьше тридцати футов в длину. Когда подошла лодка, обе высунулись из воды, и на Франклина уставились огромные умные глаза. Странная поза и эти белые «манишки» вызвали у него оторопь, точно он видел перед собой не животных, а существа, которые превзошли человека в развитии. Он, конечно, понимал, что это не так и что перед ним самые жестокие убийцы, каких знает море.

А впрочем, нет, не самые жестокие — косатки на втором месте...

Киты, как будто удовлетворенные результатом осмотра, нырнули. Только теперь Франклин увидел Люндквиста — ученый шел на глубине около тридцати футов на торпедо с множеством приборов. Очевидно, ему что-то помешало, потому что он быстро поднялся к поверхности и сдвинул маску с лица.

— А, доброе утро, мистер Франклин. Я не ждал вас сегодня. Что вы скажете о моих учениках?

— Замечательно. А как успеваемость?

— Все в порядке, у них блестящие способности! Они умнее дельфинов. И очень привязчивы. Берусь обучить их чему угодно. Захожу совершить идеальное убийство, достаточно сказать

им, что вы — тюлень на льдине. Через две секунды лодка будет опрокинута.

— В таком случае лучше продолжим нашу беседу на берегу. Вы уже закончили свою работу?

— Такую работу никогда нельзя считать доведенной до конца, но это неважно. Я пойду на торпеде, не стоит перегружать лодку.

Ученый развернул свою металлическую рыбу носом к острову и с места дал полный ход, оставив ялик позади. Обе косатки немедленно ринулись вдогонку; высокие спинные плавники рассекали воду, оставляя пенную кильватерную струю. Вот так пятнашки, подумал Франклин, не слишком ли опасно? Но ему не довелось узнать, что будет, когда косатки догонят человека: Люндквист проскочил над проволочной изгородью, которая чуть-чуть не доходила до поверхности, и преследователи круто свернули в сторону, разметав облако брызг.

Всю дорогу обратно Франклин был задумчив. Сколько лет он знает Люндквиста, а сегодня словно впервые увидел его по-настоящему. Он привык, что это очень одаренный, даже блестящий ученый, а теперь вдруг оказалось, что он еще наделен недюжинной энергией и отвагой. Но ни то ни другое его не спасет, мрачно заключил Франклин, если он не сможет удовлетворительно ответить на кое-какие вопросы.

В привычной лабораторной обстановке, одетый в свой рабочий костюм, это был прежний, знакомый Люндквист.

— Ну, Джон, — заговорил Франклин, — думаю, вы видели эту телепропаганду против нашего Отдела?

— Видел. Но почему же против?

— Конечно, против того, что составляет суть нашей работы. Но не будем спорить об этом. Я вот что хочу узнать: вы разговаривали с Маха Тхеро?

— Разумеется. Он связался со мной, как только появилась эта статья в «Земле».

— И вы сообщили ему секретные сведения?

Люндквист не на шутку обиделся:

— Простите, мистер Франклин, но единственная информация, какую он от меня получил, — это гранки моей статьи о производстве китового молока, она будет напечатана в «Вестнике китоведения» в следующем месяце. Вы сами ее одобрили.

Все обвинения, заготовленные Франклином, рухнули еще до того, как он их высказал. Он смутился.

— Прошу прощения, Джон, — сказал Франклин, — беру свои слова обратно. Я совершенно выбит из колеи всем этим, и мне необходимо разобраться, прежде чем управление примется за меня. Но почему вы все-таки ничего не сказали мне о его письме?

— По чести говоря, я не видел для этого причин. Мы каждый день получаем бездну всяких запросов. Мне и в голову не пришло, что это что-нибудь необычное. Мне было приятно, что кому-то любопытен мой проект, и я постарался им помочь.

— Ладно, — с отчаянием произнес Франклин. — Снявши голову, по волосам не плачут. Однако ответьте мне на такой вопрос: как ученый вы действительно верите, что можно спокойно прекратить бой китов и перейти на молоко и синтетические продукты?

— Дайте нам десять лет, и, если это будет нужно, можно переходить. Технических препятствий я не вижу. Конечно, я не могу поручиться за точность цифр, касающихся производства планктона, но готов побиться об заклад, что и там у Тхеро были достоверные источники.

— Да вы понимаете, к чему это приведет? Если начнут с китов, рано или поздно примутся перебирать одно за другим всех домашних животных.

— Ну и что же? Мне нравится такая перспектива. Если религия и наука могут вместе добиться того, чтобы Природа не так страдала от жестокости человека, разве это плохо?

— Да вы не тайный ли буддист? Сколько можно твердить: в том, что мы делаем, нет ничего жестокого! Так или иначе, если Тхеро опять обратится с какими-нибудь вопросами, пожалуйста, направьте его ко мне.

— Слушаюсь, мистер Франклин, — сдержанно ответил Люндквист.

Тягостную паузу очень кстати нарушил приход посыльного.

— Вас вызывает Главное управление, мистер Франклин, Срочно.

— Еще бы, — пробурчал Франклин.

Взглянул на все еще сердитое лицо Люндквиста и невольно улыбнулся.

— Если вы умеете из косаток делать зрителей, Джон, — сказал он, — подыщите заодно какое-нибудь подходящее млекопитающее, лучше всего земноводное, на должность начальника Отдела.

На планете, оплетенной нитями быстродействующих средств связи, идеи распространялись от полюса до полюса быстрее, чем некогда молва из конца в конец деревни. Искусно составленная и поданная программа, которая испортила аппетит каким-нибудь двадцати миллионам зрителей, при повторной передаче собрала у телевизоров несравненно больше народу. И вскоре почти все только об этом и говорили; в разумно устроенном мировом государстве, не знающем ни войн, ни кризисов, ощущался явный недостаток в том, что некогда называли сенсациями. Часто можно было даже услышать жалобы, что, когда изжил себя национальный суверенитет, пришел конец и истории. И теперь повсюду — в клубах и на кухнях, во Всемирной ассамблее и в космическом лайнере — шел жаркий спор, одна проблема владела всеми умами.

Всемирная организация продовольствия хранила важное молчание, но за кулисами шла лихорадочная деятельность. А тут еще планктонники, как и предсказывала Индра (для этого не надо было быть великим пророком), повели себя словно политические махинаторы. Эти попытки соперничающего отдела сыграть на его трудностях особенно возмущали Франклина, и когда ближний бой принимал слишком уж беззастенчивый характер, он обращался к начальнику ферм.

— Черт бы меня побрал, Тед, — кричал он по визифону, — ты такой же мясник, как я! В каждой тонне планктонного сырья, которое ты поставляешь, полмиллиарда рачков, а у каждого из них столько же права на жизнь, свободу и счастье, сколько у моих китов. Так что не прикидывайся чистеньким. Рано или поздно Тхеро и до тебя доберется, это только первый шаг.

— Допускаю, что ты прав, Уолтер, — бодро соглашался злодей. — Но я-то надеюсь, что наш отдел меня переживет. Трудно заставить людей проливать слезы из-за рачков — у них нет таких милых десятитонных крошек.

Что верно, то верно. Как провести границу между слезливой сентиментальностью и гуманизмом? Франклин вспом-

нил недавно виденную карикатуру: кто-то грубо срывает кочан капусты, кочан кричит, а рядом, протестуяски вскинув руки, стоит Тхеро. Художник никому не отдавал своего голоса, он лишь выражал точку зрения тех, кто говорил — «много шума из ничего». Возможно, через несколько недель все и кончится — надоест этот предмет, и люди примутся спорить о чем-нибудь другом. Да нет, вряд ли. Первая же телевизионная передача показала, что Тхеро — мастер создавать общественное мнение; он не даст железу остыть...

Меньше месяца понадобилось Тхеро, чтобы собрать десять процентов голосов, нужных по конституции для созыва следственной комиссии. Конечно, то, что одна десятая человечества требовала обнародовать все факты, еще не означало полного согласия с Тхеро; просто люди любопытны, да к тому же очень уж интересно наблюдать, как одно из государственных управлений обороняется, ведя арьергардный бой. Сама по себе следственная комиссия ничего не означала. Все решит голосование по ее отчету, а до этого еще есть время, по крайней мере несколько месяцев.

Одним из неожиданных следствий электронной революции двадцатого века было то, что впервые в истории стало возможным устроить во всем мире истинно демократическое правление — то есть каждый гражданин мог высказать свою точку зрения по всем вопросам политики. То, что афиняне без особого успеха пытались провести в жизнь для нескольких десятков тысяч свободных граждан, теперь осуществилось в глобальном масштабе, в обществе, объединившем пять миллиардов человек. Автоматические машины, первоначально созданные для оценки телевизионных программ, получили куда более широкое применение. С ними можно было сравнительно просто и без больших расходов точно выяснить, что думает общественность о том или ином предмете.

Такой порядок мог бы привести к катастрофе до эпохи всеобщего образования, вернее — до начала двадцать первого столетия. Конечно, нужда в контроле не миновала; даже теперь голосование по какому-нибудь особенно острому вопросу могло обернуться против интересов общества. Ни одно правительство не сможет функционировать, если последнее слово в вопросах политики не будет оставаться за ним. Пусть даже девяносто девять процентов голосующих

выскажутся за новый курс — государственные органы могли не посчитаться с волей народа; правда, им пришлось бы держать ответ на очередных выборах.

Франклину ничуть не улыбалась роль главного свидетеля, когда начнется разбор, но он знал, что этого испытания все равно не избежать. Теперь он прилежно собирал данные, чтобы опровергнуть доводы тех, кто хотел прекратить бой китов. Это оказалось труднее, чем он ожидал. Нельзя просто заявить, что, мол, китовое мясо в готовом для потребления виде будет стоить столько-то за фунт, тогда как мясо, синтезированное из планктона или водорослей, обойдется дороже. В этом нет полной уверенности, тут слишком много неизвестных величин. И главный икс — расходы на эксплуатацию предполагаемых морских молочных ферм, если поставят превратить все китовое стадо из мясного в молочное.

Словом, данных для вывода недостаточно. Честнее всего так и сказать, но от Франклина хотели, чтобы он безапелляционно заявил — прекратить бой китов практически и экономически невозможно ни сейчас, ни в будущем. На такой ответ его толкала верность своему Отделу, не говоря уже о нежелании рубить сук, на котором он сидел.

И если бы дело ограничивалось экономическими расчетами, но были еще эмоциональные факторы. Дни, проведенные вместе с Маха Тхеро, когда Франклин соприкоснулся с древней цивилизацией и ее философией, повлияли на него гораздо сильнее, чем он думал. Как и большинство людей этой эры материалистов, он был опьянен победами естественных наук и социологии, озарившими начальные десятилетия двадцать первого века. Он гордился своим скептическим рационализмом и свободой от всяких суеверий. Главные вопросы философии его никогда особенно не занимали; он знал, что они есть, но считал это не своей областью.

И вот этот неожиданный вызов, который застиг его врасплох, даже неизвестно, как обороняться. Франклин всегда считал себя гуманным человеком, однако ему напомнили, что иногда гуманности мало. Чем больше он ломал себе голову над этим, тем раздражительнее становился; в конце концов Индра решила принять меры.

— Уолтер, — твердо сказала она, уложив спать заплаканную Энн после ссоры, в которой отец и дочь были одинаково повинны, — ты избавишь себя и других от многих

неприятностей, если посмотришь в лицо фактам и перестанешь обманывать себя.

— Что ты хочешь сказать, черт возьми?

— Вот уже целую неделю ты на всех сердит. Напустился на Лյондквиста — правда, тут отчасти и моя вина, — огрызаешься на репортеров, воюешь со всеми отделами, с собственными детьми, того и гляди на меня набросишься. Только один человек тебе мил — Маха Тхеро, который заварил всю эту кашу.

— С какой стати мне сердиться на него? Пусть он одержимый, но ведь он святой — во всяком случае, более святого человека мне вряд ли доведется встретить.

— А я и не спорю. Я только говорю, что в душе ты с ним согласен, да не хочешь этого признать.

Франклин чуть не вспылil.

— Знаешь, это просто смешно! — начал он. И осекся; вся ярость сошла с него. Да, это смешно, но вместе с тем это правда.

И сразу на душе стало спокойно, он больше не злился на весь мир и на себя самого. Ребяческая обида — за что на его голову такие неприятности? — разом испарилась. С какой стати он должен стыдиться своей привязанности к великанам, которых опекает? Если можно обойтись без того, чтобы резать их, он будет рад, независимо от того, чем это кончится для Отдела китов.

Внезапно вспомнилась улыбка Тхеро при расставании. Неужели этот удивительный человек предвидел, что Уолтер в конце концов примет его точку зрения? Если его мягкая настойчивость, которую он умел сочетать с тактикой смелого лобового удара, как в случае с телевизионной программой, одолела даже Франклина, значит, Тхеро наполовину выиграл битву.

ГЛАВА 22

«Прежде было гораздо проще жить», — со вздохом подумала Индра. Правда, Питер и Энн почти весь день в школе, но почему-то у нее от этого не прибавилось досуга. Нужно было куда-то ездить, самой принимать гостей — ведь Уолтер занимал один из высших постов в государстве. Впрочем, нет,

это преувеличение; не меньше шести ступеней отделяли начальника Отдела китов от президента и его советников.

Есть, однако, вещи поважнее чинов и званий. Что ни говори, работа Уолта окружена неким ореолом, и его дела вызывают повышенный интерес; недаром он известен гораздо больше, чем начальники других отделов Морского управления. И ведь слава пришла к нему еще до статьи в «Земле» и полемики из-за китобойни. Кто знает по имени начальника Планктонных ферм или заведующего Отделом пресноводных ресурсов? А Уолтера знают. Индра гордилась этим, хотя понимала, что слава неизбежно влечет за собой зависть.

Но сейчас ему явно грозило нечто похуже. Пока что никому в Отделе, не говоря уже о деятелях из Главного морского управления или ВОП, в голову не приходило, что у Уолтера могут быть какие-то сомнения, что он не поддерживает всей душой нынешний порядок...

Она попыталась сосредоточиться на последнем номере «Природы», но ей помешал служебный визифон. Его установили в их доме, сколько она ни возражала, в тот день, когда Уолтер стал начальником Отдела. Линии общественного пользования посчитали недостаточными, и теперь Уолтера можно было вызвать в любой миг, если только он не принимал мер, чтобы помешать этому.

— Доброе утро, миссис Франклин, — сказала дежурная; она успела стать как бы другом семьи. — Шеф дома?

— Должна вас огорчить, — с удовлетворением ответила Индра. — Муж целый месяц работал без выходных, и сейчас он в заливе, на яхте вместе с Питером. Кстати, радиостанция не работает, придется вам выслать за ним самолет, если он вам нужен.

— Как, и запасная тоже? Странно. Вообще-то это не так срочно. Когда он вернется, передайте ему, пожалуйста, телефонограмму.

Тихий щелчок, и в поместительную корзину для памятных записок скользнул лист бумаги. Индра пробежала глазами текст, рассеянно сказала дежурной «до свидания» и поспешила вызвать Франклина; его радиостанция была вполне исправна.

Скрип снастей, плеск рассекаемой яхтой воды, крики морских птиц, отчетливо слышимые в динамике, перенесли Индру в залив Мортон.

— По-моему, это важно для тебя, Уолтер, — сказала она. — В среду здесь, в Брисбене, состоится специальное заседание Перспективной комиссии. Выходит, у тебя останется три дня, чтобы решить, что ты скажешь.

Было слышно, как Франклин пробирается к микрофону, потом он заговорил:

— Спасибо, дорогая. Я знаю, что хочу сказать, не знаю только как. Но ты мне можешь кое в чем помочь. Ты знаешь жен всех зрителей — попробуй обзвонить их сколько успеешь, выясни, что думают обо всем этом их мужья. Делаешь? Только так, чтобы не бросалось в глаза. Мне теперь трудновато узнать мысли рядовых работников. Они все стараются угадать, что мне хочется услышать.

В голосе Франклина звучала грусть, которую за последние дни Индра замечала все чаще, хотя, зная своего супруга, она не сомневалась, что он не жалеет о взятом на себя обязательстве.

— Хорошая мысль, — сказала она. — Мне уже давно надо позвонить кое-кому, так что повод есть. И придется, видимо, устроить вечеринку.

— Ничего, пока еще я начальник Отдела, мне это по карману. Но если меня через месяц разжалуют в зрители, приемов больше не будет.

— Неужели ты думаешь...

— Ну, до этого, конечно, не дойдет, но меня могут перевести на какую-нибудь не столь ответственную должность. Правда, я себе не представляю, куда еще меня можно деть, кроме нашего Отдела. Уйди с дороги, болван, — не видишь, что ли? Извини, дорогая, уж больно много здесь отдыхающих катается. Мы вернемся домой через полтора часа, если только какой-нибудь идиот нас не протаранит. Пит просит меду к чаю. Пока.

Плеск яхты смолк, а Индра все еще задумчиво глядела на динамик. Она тоже хотела пойти с Уолтером и Питом в залив, но сказала себе, что сейчас сыну нужнее отец. Иногда эта мысль ее огорчала, ведь через несколько месяцев они расстанутся с сыном. Отец и мать лепили его тело и душу, а теперь вот он от них ускользает.

И ничего не поделаешь; то, что связывало отца и сына, должно их разлучить. Вряд ли Питер задумывался, почему его так притягивает космос, ведь это обычно для ребят его

возраста. Но он один из самых юных трипланетных стипендиатов, и она-то знает, в чем дело: сын полон решимости покорить стихию, которая победила его отца.

«Ладно, хватит грезить», — сказала себе Индра. Она взяла свою визифонную книгу и принялась отмечать галочками фамилии тех, кого в этот час можно было застать дома.

Перспективная комиссия заседала два раза в год, но перспективами почти не занималась, так как деятельность Отдела китов достаточно успешно направлялась комитетами, которые ведали финансами, производством, кадрами и техникой. Франклин участвовал во всех них — правда, как рядовой член, председателем всегда был кто-нибудь из Главного морского управления или Всемирного секретариата. Случалось, он приходил домой с заседаний удрученный и обескураженный, но чтобы он еще был и расстроен — это уже редкость.

Вот почему Индра почувствовала неладное, едва он вошел в дом.

— Ну, говори уж сразу, — покорно молвила она, когда ее усталый супруг плюхнулся в ближайшее кресло. — Будешь искать новую работу?

Она шутила лишь наполовину, и Франклин выжал из себя тусклую улыбку.

— До такой беды не дошло, — ответил он, — но дело оказалось посложнее, чем я думал. У старика Берроза все было подготовлено заранее; видно, его здорово натаскали в Секретариате. Вот суть его выступления: пока нет уверенности, что продукты из китового молока и синтетических веществ окажутся намного дешевле нынешних, бой китов будет продолжаться. Даже выигрыш в десять процентов считается недостаточным, чтобы оправдать перестройку. Говоря словами Берроза, нас должен беспокоить стоимостный учет, а не туманные философские категории, вроде справедливости к животным.

Это еще вполне разумно, из-за этого я бы не стал лезть на рожон. Неприятности начались во время перерыва, когда Берроз отвел меня в сторонку и спросил, что обо всем этом думают зрители. Я сказал ему, что восемьдесят процентов

из них за прекращение боя, даже если от этого продукты подорожают. Не знаю, почему он задал мне этот вопрос. Может, проведал что-нибудь насчет нашей маленькой реконструкции.

Как бы то ни было, он сразу расстроился. Вижу, мнется, хочет что-то сказать и не решается. Потом вдруг выпалил — мол, меня назначили главным свидетелем, и Морскому управлению вовсе не улыбается, если я в открытом заседании, на глазах у нескольких миллионов зрителей выступлю на стороне Тхеро. «А если меня спросят, что я сам думаю? — говорю. — Уж кажется, я больше всех старался увеличить производство китового мяса и жира, и все же мне хочется, чтобы наш Отдел возможно скорее превратился в управление заповедника». Он спросил меня, хорошо ли я все продумал. Говорю — да.

Дальше разговор пошел уже горячее, хотя и в благожелательном тоне. Мы согласились с ним, что есть две точки зрения: для одних киты — это киты, а для других — только цифры в производственных сводках. После этого Берроз отправился звонить по телефону, а мы ждали. С полчаса он разговаривал с деятелями из Секретариата, наконец вернулся и передал мне приказ — конечно, он это выразил иначе, но ведь ясно. Словом, во всем этом разборе мне отводится роль куклы в руках чревоушателя.

— А если противная сторона напрямик спросит твое личное мнение?

— Наш адвокат постарается отвести этот вопрос. Не удастся — тогда... короче говоря, у меня не должно быть личного мнения.

— А в чем же все-таки дело?

— Это самое я спросил у Берроза, и он в конце концов признался. Оказывается, тут замешана политика. Всемирный секретариат боится, как бы Маха Тхеро, если он выиграет дело, не приобрел слишком большой вес. Так что борьба будет нешуточная.

— Понимаю, — медленно сказала Индра. — Думаешь, Тхеро добывается политической власти?

— Во всяком случае, не из властолюбия. Но, может быть, ему нужно влияние, чтобы проводить свои идеи. А это не устраивает Секретариат.

— Ну и что ты собираешься делать?

— Не знаю,— ответил Франклин.— Честное слово, не знаю.

Он все еще колебался, когда открыли разбор и Маха Тхеро впервые лично выступил перед всемирной аудиторией. Глядя на маленького человечка в желтом облачении, с голым блестящим черепом, Франклин невольно подумал, что на первый взгляд он кажется невзрачным, чуть ли не смешным. Но стоило ему заговорить, и сразу все изменилось: перед зрителями был сильный, убежденный в своей правоте человек.

— Я хочу внести полную ясность, — сказал Маха Тхеро, обращаясь не только к председателю комиссии, но и к незримым миллионам, которые следили за разбором по телевидению. — Неверно, будто мы пытаемся навязать миру вегетарианство, как утверждают некоторые наши противники. Сам Будда не отвергал мяса, когда ему предлагали. И мы не отказываемся, гость должен с благодарностью принимать все, что ему предлагает хозяин.

Нами руководит нечто посерьезнее, чем предубеждение к той или иной пище, — ведь это обычно чистая условность. Больше того, мы уверены, что большинство разумных людей независимо от веры рано или поздно примут нашу точку зрения. Ее очень просто изложить, хотя она представляет собой итог двадцатishестивековых размышлений. Ранить, убивать живые существа, какие бы то ни было, по-нашему, неправильно. Конечно, было бы глупо утверждать, что без этого можно вовсе обойтись. Мы признаем, например, необходимость уничтожать микробы, вредных насекомых, хотя и сожалеем об этой необходимости.

Но везде, где можно, надо отказаться от убийства. Сейчас экономически возможно производить все виды синтетического белка из растительного сырья, стоит только постараться. Два или три десятилетия — и мы сбросим бремя вины, которое, несомненно, угнетает душу каждого думающего человека при взгляде на тех, кто вместе с нами населяет эту планету.

Однако мы никому не навязываем нашу точку зрения. Добрые дела теряют цену, если их проводят насильно. Нам хочется, чтобы представленные нами факты сами говорили за себя, и пусть мир выбирает.

Что ж, подумал Франклин, сказано ясно, без обвиняков, и ни тени фанатизма, который в наш разумный век обрек бы все дело на неудачу. Правда, этот вопрос не втиснешь в рамки трезвых рассуждений. Если бы мир во всем подчинялся чистой логике, такой спор не возник бы — никто не усомнился бы в праве человека по своему произволу распоряжаться животным царством. Но логика годится не всегда, ведь с ее помощью ничего не стоит оправдать и людоедство.

В своей речи Тхеро вовсе не коснулся того, что так поразило Франклина. Он не сказал о возможной встрече с внеземными цивилизациями, которые будут судить о человеке по тому, как он относится к животным. Может быть, решил, что широкая публика считает этот довод надуманным и вообще перестанет принимать всерьез все дело? Или Тхеро рассчитал, что такой аргумент сильнее всего подействует на бывшего астронавта? Об этом можно только гадать; во всяком случае, очевидно, что он великолепно учитывает психологию массы и отдельного человека.

Дальше пошли знакомые сцены — Франклин сам помогал Тхеро снимать их, — и он выключил телевизор. Небось Главное управление теперь не радо, что предоставило всякие льготы его преподобию, — а что оно могло сделать?

Через два дня выступление перед комиссией. Франклин чувствовал себя скорее обвиняемым, чем свидетелем. Если разобраться, он и впрямь ответчик — вернее, не он, а его совесть. Странно подумать: когда-то он попытался убить самого себя, теперь отказывается убивать других. Тут есть какая-то связь, но слишком сложная, не стоит доискиваться. К тому же это все равно не поможет ему решить задачу.

Между тем решение приближалось, правда, с совершенно неожиданной стороны.

ГЛАВА 23

Франклин уже поднимался по трапу в самолет, чтобы лететь на заседание комиссии, когда пришла весть о подводной аварии. Он взял из рук связного депешу на бланке с красной полосой и тотчас позабыл обо всем остальном.

Телеграмма с сигналом бедствия была отправлена Отделом шахт и рудников — самым крупным из отделов Морского

управления. Название не совсем точное, в ведении Отдела давно не осталось ни одной настоящей шахты. Лет двадцать—тридцать назад на дне океана добывали руду; теперь море само стало неисчерпаемым источником сокровищ. Почти все элементы периодической таблицы можно было вполне рентабельно извлекать непосредственно из миллионов тонн вещества, растворенных в каждой кубической миле морской воды. Усовершенствованные избирательные ионообменные фильтры позволили навсегда устранить угрозу нехватки металлов.

Отделу рудников были также подчинены сотни нефтяных вышек, которые пронизали скважинами морское дно и выкачивали драгоценную жидкость — основное сырье половины всех химических предприятий мира; эту жидкость прежние поколения с преступной близорукостью сжигали, используя как горючее. В огромном хозяйстве Отдела трудно было избежать аварий; не далее как в прошлом году у Франклина брали дозорную лодку, чтобы поднять цистерну золотого концентрата; правда, золото так и не удалось спасти. Но на этот раз беда была посерьезнее, в этом Франклин убедился после двух-трех срочных телефонных разговоров.

Через полчаса он вылетел, хотя и не в ту сторону, куда собирался первоначально. И лишь еще через час, передав все приказы, Франклин смог наконец связаться с Индрой.

Неожиданный звонок удивил ее, но удивление быстро сменилось тревогой.

— Послушай, любимая, — начал Франклин, — не пришлось мне лететь в Берн. У нефтяников катастрофа, просят нашей помощи. Одна из их лодок попала в западню. Они бурили скважину и напоролись на карман с газом. Буровую вышку сшибло, она упала прямо на лодку, и теперь лодка ни туда ни сюда. Там на борту всякие высокопоставленные лица, среди них начальник Отдела рудников и один сенатор. Я пока не представляю себе, как их выручить, но мы все сделаем. Как только представится случай, опять свяжусь с тобой.

— Ты сам пойдешь вниз? — озабоченно спросила Индра.

— Наверно. Да ты не волнуйся! Будто я раньше не погружался!

— Я не волнуюсь, — твердо ответила Индра.

— Ладно, до свидания, — сказал Франклин. — Поцелуй Энн и не беспокойся за меня.

Индра смотрела, как тает изображение на экране. Оно уже пропало, как вдруг она сообразила, что давно не видела Уолтера таким радостным. Нет, радостным — не то слово, ведь жизнь многих людей под угрозой. Вернее будет сказать, что он весь ожил, воодушевился.

Она улыбнулась: все понятно. Наконец-то Уолтер может забыть о затруднениях своего Отдела и — хотя бы на время — с головой погрузиться в морскую стихию, где ему все ясно и знакомо.

— Вот она, — сказал водитель дозорной лодки, показывая на край индикатора, где показалось изображение. — Лежит на твердом грунте, глубина тысяча сто футов. Через две-три минуты сможем рассмотреть детали.

— Как прозрачность — можно работать телевизором?

— Вряд ли. Газовый гейзер еще извергается, вот он, видите, это размытое эхо. Он взмутил весь ил.

Франклин смотрел на экран и сопоставлял изображение с лежащими на столе чертежами и схемами. Большая, яйцевидной формы подводная лодка, предназначенная для малых глубин, была отчасти закрыта обломками буровой вышки и снаряда. Тысячетонная стальная махина пригвоздила ее к океанскому дну; не удивительно, что, продув все цистерны и включив на полную мощность моторы, лодка не смогла сдвинуться с места.

— Н-да, история, — сказал Франклин. — Сколько дней надо большим буксирам, чтобы дойти сюда?

— Не меньше четырех. «Геркулес» может поднять пять тысяч тонн, но он сейчас в Сингапуре. По воздуху его не перебросишь, слишком велик, пойдет своим ходом. Это ваши лодки можно перевозить на самолетах.

«Верно, — подумал Франклин, — но зато они слишком малы для работы с такими тяжестями. Вся надежда на то, что с их помощью удастся расчленив вышку кислородным резаком и освободить лодку».

Одна из дозорных лодок Отдела китов уже работала резаком. Кто-то заслужил благодарность за быструю установку резаков на судне, выполняющем совсем другие задачи.

Даже Комитет по делам космоса, об эффективности которого рассказывают легенды, вряд ли управился бы с этим быстрее.

— Здесь капитан Якобсен, — заговорил динамик. — Рад, что вы с нами, мистер Франклин. Ваши ребята молодцы, но эта работа потребует времени.

— Как у вас дела?

— Ничего. Меня только беспокоит корпус между третьей и четвертой переборками. Туда пришелся главный удар, есть вмятины.

— Вы можете перекрыть этот отсек, если появится течь?

— Трудновато, — сдержанно ответил Якобсен. — Там как раз центральный пост. Если придется его оставить, мы будем совсем беспомощны.

— Ну а как пассажиры?

— Э... гм... хорошо, — сказал капитан тоном, который выдавал его неуверенность. — Сенатор Чемберлен хочет поговорить с вами.

— Здравствуйте, Франклин, — послышался голос сенатора. — Не рассчитывал я встретиться с вами при таких обстоятельствах. Как вы думаете, сколько времени понадобится, чтобы выручить нас?

У этого сенатора хорошая память — или хороший секретарь. Франклин всего трижды встречался с ним; в последний раз — в Канберре, на заседании Комитета по охране природных ресурсов. Франклин выступал там не больше десяти минут, и он никак не надеялся, что председатель КОПР запомнит его.

— Я ничего не могу обещать, сенатор, — осторожно ответил он. — Нужно немало времени, чтобы разобрать все эти обломки. Но мы справимся, вы не беспокойтесь.

Когда они подошли ближе, его уверенность поколебалась. Резак отщипывает такие маленькие кусочки, а длина вышки — двести футов с лишним, это надолго...

Последовало десятиминутное совещание между Франклином, капитаном Якобсеном и командиром второй дозорной лодки, старшим смотрителем Барлоу. Три стороны согласились, что лучше всего продолжать работу; как бы медленно ни шло дело, они управятся на два дня раньше, чем подоспеет «Геркулес». Разумеется, если ничего не случится. Пока что подвохом грозил только помятый корпус, о котором упомянул капитан Якобсен. Как и все крупные подводные

суда, его лодка была оснащена воздухоочистительной установкой. На несколько недель они обеспечены чистым воздухом, но, если корпус, защищающий центральный пост, не выдержит, выйдут из строя все основные службы. Можно укрыть людей за герметичными переборками, однако это даст лишь короткую отсрочку, ведь тотчас прекратится очистка воздуха. И «Геркулесу» будет куда труднее поднять лодку с затопленным отсеком.

Прежде чем вместе с Барлоу приступить к работе, Франклин вызвал базу и заказал все, что могло им понадобиться. Он попросил также незамедлительно перебросить на самолетах еще две дозорные лодки, а мастерским велел наладить массовое производство цистерн плавучести — попросту говоря, на старые бочки ставить воздушные вентили. Если приторочить к вышке достаточно бочек, может быть, удастся поднять ее до прихода спасателей.

Он помешкал, прежде чем называть последний пункт заказа, но потом подумал, что лучше заказать лишнего, чем что-то упустить. Пусть даже в Отделе материального обеспечения скажут, что он рехнулся.

Разрезать фермы искореженной вышки было делом трудоемким, но в общем-то несложным. Работали вместе: одна лодка орудовала резаком, другая тут же оттаскивала куски прочь. Скоро Франклин позабыл о времени, для него существовал только очередной металлический брус. Непрерывным потоком следовали донесения, отдавались приказы, но этим занималась другая часть его сознания. Сейчас руки и мозг действовали как две отдельные системы.

Вода заметно светлела. Вероятно, рокочущий газовый гейзер, который бил из морского дна в каких-нибудь ста ярдах от них, вызвал сильное течение, и оно унесло взбаламученный ил. Так или иначе, теперь, когда снова видели телевизионные глаза дозорных лодок, работать стало намного легче.

И когда прибыло подкрепление, Франклин даже удивился. Неужели они здесь уже больше шести часов — а он не чувствует ни голода, ни усталости! Две лодки тянули за собой первую партию сделанных по его заказу цистерн.

Сразу работа пошла веселее. Одну за другой бочки крепили к вышке, затем продували воздушным шлангом, и они всплывали, словно аэростаты. Подъемная сила одной

бочки — две-три тонны; вот наберется сотня бочек, глядишь, лодка сама выскользнет из капкана.

Механические руки дозорной лодки чаще всего бездействуют, но теперь они казались Франклину продолжением его собственных рук. Четыре года, если не больше, прошло с тех пор, как он последний раз двигал великолепными металлическими пальцами, которые позволили человеку работать там, куда ему самому нет доступа. Франклин помнил свою первую попытку (это было четырнадцать лет назад) завязать узел механическими руками и какая путаница получилась. Потом он наловчился, но очень редко применял свое искусство — кто мог подумать, что оно окажется таким важным теперь, когда он давно оставил море и должность смотрителя?

Они принялись накачивать вторую связку бочек, когда их вызвал капитан Якобсен.

— Боюсь, мои новости вас не обрадуют, Франклин, — мрачно сказал он. — Вода просачивается, и течь все сильнее. Если дальше так пойдет, часа через два придется нам уйти из этого отсека.

Этого Франклин больше всего опасался. Незамысловатая спасательная операция разом превратилась в гонку со временем. И гандикап не в их пользу — чтобы разрезать до конца вышку, нужно самое малое двенадцать часов.

— Какое давление у вас внутри лодки? — спросил он капитана Якобсена.

— Я уже поднял до пяти атмосфер. Дальше некуда, опасно.

— Постарайтесь поднять до восьми. Пусть даже половина людей потеряет сознание, не страшно, лишь бы кто-нибудь остался на посту. Сейчас самое главное остановить течь.

— Хорошо, сделаю. Но если люди будут без сознания, это затруднит эвакуацию центрального поста.

Чересчур много слушателей, поэтому Франклин промолчал. Капитан Якобсен понимает это не хуже его, но пассажиры могут и не знать: если дойдет до эвакуации, то можно ставить крест.

Хочешь не хочешь, остается только одно. Отщипывать от вышки по кусочку — слишком долго, надо рвать ее взрывчаткой на две части; верхняя половина отвалится в сторону и освободит лодку.

Казалось бы, чего проще, с этого следовало начинать, но, во-первых, опасно взрывать вблизи от поврежденного корпуса лодки, во-вторых, нужно правильно разместить взрывчатку, а из четырех главных ферм вышки лишь верхние две были легко доступны; до нижних механическими руками не дотянуться. Тут только подводный пловец справится. На мелководье на это ушло бы от силы пять минут.

К сожалению, здесь не мелководье. Глубина — тысяча сто футов, давление — больше тридцати атмосфер.

ГЛАВА 24

— Это очень рискованно, Франклин, я не могу решить.

Не часто выдается случай поспорить с сенатором, а сейчас Франклин был готов не только спорить, но и в крайнем случае поступить по-своему.

— Я знаю, что это опасно, сэр, — сказал он. — Но у нас нет выбора. Есть полный смысл рискнуть одним человеком, чтобы спасти двадцать три.

— Но ведь это самоубийство — погружаться с аквалангом на глубину больше трехсот—четырёхсот футов!

— Конечно, если дышать сжатым воздухом. Азот нокаутует человека, а кислород добивает его. Нужна правильная смесь. С тем аппаратом, которым я пользуюсь, люди погружались на полторы тысячи футов.

— Я вынужден вам возразить, мистер Франклин, — громко сказал капитан Якобсен. — Насколько мне известно, только один человек опускался на полторы тысячи футов, и то под строжайшим контролем. И он не выполнял никакой работы.

— Я не собираюсь работать, только установлю два заряда.

— А давление?

— Давление, пока оно уравновешено, роли не играет, сенатор. Пусть мою грудную клетку сжимает сто тонн, я ничего не почувствую, ведь столько же будет давить изнутри.

— Извините... все-таки, может, лучше послать кого-нибудь помоложе?

— Я не хочу никому перепоручать это дело. И когда ныряешь, возраст не влияет. Я здоров — это главное.

Франклин повернулся к водителю и выключил микрофон.

— Пошли вверх, — сказал он, — а то они весь день проспорят. Лучше скорей начать, пока не отговорили.

Во время всплытия он лихорадочно размышлял. Может быть, это в самом деле безрассудство и он, глава семьи, не вправе так рисковать? Или ему до сих пор, столько лет спустя, важно доказать, что он не трус, готов бросить вызов опасности, от которой однажды чудом спасся?

Да нет, все объясняется проще. Это своего рода попытка уйти от ответственности. Чем бы ни кончилось дело, он прослышет героем, а тогда Секретариат не возьмет его голыми руками. Интересная задачка: может ли физическая отвага уравновесить недостаток морального мужества?

К тому времени когда лодка достигла поверхности, Франклин не столько решил эти вопросы, сколько отмахнулся от них. Пусть все эти обвинения против самого себя справедливы; это не играет роли. В душе он знал, что поступает правильно, иначе нельзя. Другого способа спасти людей, очутившихся в западне на глубине четверти мили, нет; перед этим все остальные соображения отступали в тень.

Сочающаяся из скважины нефть так пригладила море, что командир транспортного самолета смог совершить посадку, хотя его машина не была предназначена для земноводных операций. Поблизости дозорная лодка возилась с очередной гроздью цистерн, готовясь тащить их вниз. Подводникам помогали летчики, которые сидели в маленьких, автоматически надувающихся лодках.

Коммандер Хенсон, главный водолаз Морского управления, ждал Франклина в самолете. Здесь снова возник спор, но он длился недолго, коммандер сдался — с достоинством и, как показалось Франклину, с облегчением. Если бы понадобился второй человек, Хенсон с его огромным опытом был бы лучшей кандидатурой. Франклин даже на минуту засомневался: может быть, он зря настаивает на собственной кандидатуре, это только уменьшает надежды на успех? Нет, он уже побывал внизу, знает обстановку, а Хенсону пришлось бы сперва сходить на разведку с дозорной лодкой — это лишняя трата драгоценного времени.

Франклин проглотил особые таблетки, получил инъекции и влез в резиновый гидрокостюм, призванный защитить его от почти нулевой температуры на морском дне. Он не любил

гидрокостюмов, они сковывали движения и нарушали плавучесть, но выбирать не приходилось. Ему надели на спину три баллона — один, со сжатым водородом, зловещего красного цвета, — затем спустили в воду.

Коммандер Хенсон минут пять плавал вокруг него, проверяя и подгоняя ремни, грузы, гидроакустический передатчик. Здесь можно было дышать обычным воздухом, на кислородную смесь он перейдет на глубине триста футов. Аппарат переключится автоматически, и регулятор подачи кислорода сам будет следить за тем, чтобы состав смеси был везде правильным — насколько это возможно в среде, к которой человек вовсе не приспособлен.

Но вот все готово. Заряды надежно укрепили на поясе Франклина, и он взялся за поручни маленькой боевой рубки.

— Пошли вниз, — сказал он водителю дозорной лодки. — Скорость погружения пятьдесят футов в минуту, ход под водой не больше двух узлов.

— Есть пятьдесят футов в минуту. Если ход увеличится, приторможу реверсом.

Почти тотчас дневной свет сменился гнетущим зеленым сумраком. Из-за мути, принесенной восходящими токами, поверхностный слой воды почти не пропускал света. Франклин даже рубку видел плохо; уже в двух футах очертания поручней расплывались и пропадали во мгле. Это скверно. Ладно, на худой конец он может работать на ощупь. Впрочем, внизу ведь вода намного прозрачнее.

Погрузившись всего на тридцать футов, он был вынужден прервать спуск почти на минуту, чтобы дать привыкнуть ушам. Франклин продувал носовые ходы и усиленно глотал, пока долгожданный щелчок не возвестил, что все в порядке. Вот будет позор, если заложит евстахиеву трубу и придется вернуться! Конечно, никто его не упрекнет — самый лучший подводный пловец может быть выведен из строя даже незначительной простудой; но он сам никогда бы не простил себе такого провала.

Свет быстро угасал; солнечные лучи не могли пробить мутную воду. На глубине ста футов Франклин словно очутился в лунной мгле, в мире, лишенном красок и тепла. Уши его больше не беспокоили, дышалось легко, но в душу вкрадлась неуловимая тоска. Он сказал себе, что все дело в темноте; мысль о том, что впереди еще тысяча футов, ни при чем.

Чтобы отвлечься, Франклин вызвал водителя и попросил доложить обстановку. Он услышал, что к вышке уже приторочено пятьдесят бочек с общей подъемной силой больше ста тонн. Шесть пассажиров потеряли сознание, но беспокойства не внушают; остальные семнадцать, хотя чувствуют себя скверно, приспособились к возросшему давлению. Течь не усилилась, однако в отсеке центрального поста три дюйма воды, скоро могут быть короткие замыкания.

— Триста футов, — послышался голос командера Хенсона. — Взгляни на манометр, уже должен идти водород.

Франклин посмотрел на маленькую, убористую приборную доску. Все в порядке, автомат переключил баллоны. Кажется, что воздух не изменился, а между тем через несколько сот футов его ткани освободятся от большей части коварного азота. На первый взгляд непонятно, почему его заменяют гораздо более активным, даже взрывоопасным, водородом. Но водород не поглощается тканями так, как азот, и не производит наркотического действия.

Еще сто футов пройдено, и как будто не стало темнее; здесь вода прозрачнее, да и глаза уже привыкли к тусклому свету. Видимость достигла двух-трех ярдов, он различал даже часть гладкого корпуса, увлекавшего его на глубину, которой до него достигли лишь несколько аквалангистов и не все вернулись живыми.

Снова заговорил командер Хенсон:

— Сейчас должно быть пятьдесят процентов водорода. Чувствуется?

— Да, есть немного — металлический привкус. Ничего страшного.

— Говори помедленнее, — попросил командер. — У тебя сейчас такой тонкий голос, слов не разберешь. Самочувствие в порядке?

— В порядке, — ответил Франклин, глядя на глубиномер. — Давай-ка ускорим погружение до ста футов в минуту. Надо спешить.

Водитель подпустил воды в балластные цистерны, лодка пошла вниз быстрее, и стало осязаемым давление воды. При такой скорости спуска чуть отставал автомат, который регулировал напор изолирующего слоя воздуха в гидрокостюме; в итоге руки и ноги Франклина словно сжало в мощных мягких тисках, так что его движения были несколько скованны.

Сгустился мрак, но тут, предвосхищая команду Франклина, водитель включил оба носовых прожектора. Их лучи не могли ничего выявить в пустоте между дном и поверхностью моря, и все же при виде скользящих впереди ореолов рассеянного света Франклин как-то приободрился. Фиолетовые фильтры нарочно сняли; теперь глазу было на чем остановиться, и гнетущее чувство полной изоляции пропало.

Восемьсот футов — пройдено больше трех четвертей.

— Здесь стоит передохнуть минуты три, — посоветовал командер Хенсон. — Я бы подержал тебя все полчаса. Ну ничего, обратно пойдем потише.

Франклин покорился, призвав на помощь всю свою кротость. Задержка показалась ему невыразимо долгой; вероятно, нарушилось чувство времени, поэтому каждая минута была равна десяти. Он хотел было спросить Хенсона, что у того с часами, когда вспомнил, что у него есть свои. Забыл столь очевидную вещь — это плохо, он тупеет. Да, но ведь он сам сообразил, что тупеет, значит, дело обстоит не так уж скверно... К счастью, спуск возобновился прежде, чем Франклин успел окончательно запутаться в собственных мыслях.

Уже слышен, с каждой минутой все громче, непрерывный гул газового гейзера, бьющего из скважины, пробуренной в океанском ложе пытливыми, беспокойными людьми. От этого рева вибрировала вода; Франклин с трудом различал, что ему сообщают и советуют помощники. Да, тут не только давления надо остерегаться: попадешь в газовую струю, тебя в несколько секунд подбросит вверх на сотни футов — и лопнешь, будто исторгнутая из пучины глубоководная рыба.

— Совсем немного осталось, — сказал водитель. — Через минуту покажется вышка. Включаю нижний свет.

Лодка замедлила ход. Франклин перегнулся через поручни и скользнул взглядом вдоль мгlistых столбов света. Сначала он ничего не увидел, потом возникли какие-то загадочные прямоугольники и круги. Что за штука?.. А, так это же бочки с воздухом пытаются поднять сломанную вышку.

Вот и покореженные фермы, а эта яркая звездочка по соседству с лучом прожектора, такая неожиданная в мрачной преисподней, — работающий резак, управляемый механическими руками скрытой во тьме дозорной лодки.

Водитель осторожно подвел лодку к вышке, и Франклин сразу понял, что вслепую он бы тут ничего не сделал. Две фермы, на которых ему предстояло укрепить заряды, были окружены беспорядочным переплетением балок, прутьев и проводов. Как-то надо сквозь все это пробраться...

Франклин оттолкнулся от лодки, благодаря которой так легко проник в пучину, и, спокойно работая ногами, медленно поплыл к горе металла. Только теперь он заметил неясные очертания придавленной ко дну лодки, и при мысли о всех трудностях, которые надо преодолеть, им на миг овладело отчаяние. Затем, повинувшись внезапному импульсу, Франклин подошел к лодке, достал из сумки с инструментами кусачки и постучал ими по корпусу. Конечно, они и без того знают, что он здесь, но этот сигнал резко поднимет их дух.

Теперь можно приступать к делу. Стараясь не замечать вибрации, от которой вода вокруг буквально ходила ходуном, даже мысли путались, он стал пристально рассматривать металлический лабиринт.

Так... Добраться до первой фермы и установить взрывчатку будет не трудно. Вон там, между тремя двутавровыми балками, есть свободное пространство, один провод свисает петель, но его легко отодвинуть (надо только следить, чтобы не зацепиться баллонами). И он окажется прямо перед фермой, есть даже место развернуться, потом не надо будет выходить задом наперед.

Франклин проверил еще раз — да нет, никаких препятствий не видно. Для полной уверенности он запросил командера Хенсона, который видел все почти так же хорошо на экране телевизора, потом медленно заплыл в переплетение металла, перехватываясь одетыми в перчатки руками. И удивился, найдя даже на такой глубине вдоволь морских желудей и прочих наростов, из-за которых опасно касаться предметов, пролежавших под водой несколько месяцев.

Стальная конструкция трепетала, точно исполинский камerton; мощь взбунтовавшейся скважины ощущалась и в толще морской и в металле. Франклин как бы попал в трясушую клетку. От непрерывного гула и от безумного давления им овладела тупая вялость. Чтобы делать что-то, приходилось переламывать себя, поминутно напоминать себе, что сейчас от каждого его шага зависит жизнь многих людей.

Наконец он добрался до фермы и старательно прилепил к металлу лепешку взрывчатки. Это оказалось не просто, но Франклин работал, пока не удостоверился, что заряд не отвалится. Управившись, он отыскал взглядом следующий объект — вторую несущую ферму.

От его движений вода замутилась, и видимость стала хуже, но, насколько он мог судить, на пути ко второй ферме не было непреодолимых препятствий. Иначе пришлось бы дать задний ход и обойти вокруг вышки. Очень просто в обычных условиях, теперь же все надо было тщательно рассчитывать, энергию расходовать чрезвычайно скупно, убедившись, что этот расход совершенно необходим.

С величайшей осторожностью Франклин пошел вперед сквозь вибрирующую мглу. Лившийся сверху свет прожекторов был настолько ярок, что резал глаза. Франклину не пришло в голову, что достаточно сказать несколько слов в микрофон и тотчас свет убавят так, как ему удобно. Вместо этого он жался в тень, плывя среди беспорядочной кучи обломков.

Дойдя до фермы, он нагнулся над ней и стал вспоминать, что от него требуется. Его вернул к действительности голос командера Хенсона, отдававшийся в наушниках подобно далекому эху. Не торопясь, проверяя каждый свой жест, Франклин установил заветную лепешку, потом повис в воде рядом с ней, неведь почему восхищаясь своей работой, а в ушах все время звучал докучливый голос. Да ведь от него очень просто избавиться — снял и выбросил маску и вместе с ней эти чертовы наушники. Неплохая мысль... Но оказалось, что у него просто-напросто не хватает сил отстегнуть удерживающие маску ремешки. Вот досада! Может быть, проклятый голос смолкнет, если сделать то, чего он требует.

Но Франклин просто не представлял себе, как выбраться из этого уютного лабиринта. От шума и света все путалось в голове. Куда ни подашься, непременно на пути препятствие, приходится отступать. Это злило его, но не тревожило, он чувствовал себя хорошо и здесь.

Однако голос не унимался. Теперь он звучал не дружески-наставительно; Франклин улавливал грубые, даже оскорбительные ноты, ему отдавали приказы так, как прежде с ним никто не смел говорить (кстати, почему?). Снова и снова все более настойчиво повторялись одни и те же слова,

ему упорно втолковывали, как действовать, и наконец он тупо подчинился. Отвечать не было сил, Франклин только всплакнул от обиды. Никогда в жизни его так не называли, да ему вообще редко доводилось слышать слова, подобные тем, которые звучали в наушниках. Кто это позволяет себе такую наглость?..

— Не туда, болван чертов, сэр! Влево... Влево! Вот так... теперь вперед... не останавливайся! А, черт, опять спит. Проснись... Вылезай оттуда скорей, а то как дам по башке! Вот так, умница... совсем немного осталось... еще несколько футов...

И так далее в том же духе, причем были выражения куда крепче.

Вдруг Франклин с удивлением обнаружил, что его больше не окружает скрученное железо. Он медленно шел в чистой воде. Впрочем, он плыл недолго — металлические пальцы не очень-то ласково подхватили его и понесли в ревушую ночь.

Издали донеслись четыре отрывистых приглушенных взрыва. Что-то подсказало Франклину, что он отвечает за два из них. Но ему не пришлось увидеть короткого и драматического зрелища, когда в ста футах под ним сработали радиодетонаторы и огромная вышка развалилась надвое. Секция, которая придавила подводную лодку, была слишком тяжела, бочки с воздухом все еще не могли ее поднять, но теперь макушка перевесила, исполинские качели соскользнули в сторону и рухнули на дно.

Освобожденная от оков лодка направилась вверх, ускоряя ход. Она прошла совсем близко от Франклина, он даже ощутил ток воды, но был слишком ошеломлен, чтобы понять, что это означает. Он еще сражался с туманом, который окутал его мозг. На глубине около восьмисот футов Франклин вдруг начал реагировать на ядовитые наказы Хенсона и даже, к великому облегчению командера, заговорил с ним таким же языком. Вплоть до отметки семьсот футов он лихо сквернословил, потом окончательно пришел в себя и смущенно запнулся. Только сейчас до него дошло, что задача выполнена и спасаемые уже намного его обогнали, идя к поверхности.

Франклину нельзя было всплывать так быстро. На глубине трехсот футов его ожидала декомпрессионная камера;

в ней ему предстояло без особых удобств лететь в Брисбен и ждать восемнадцать долгих часов, пока ткани не отдадут растворившийся в них избыточный газ.

И когда наконец врачи отпустили его на волю, разумеется, было поздно изымать магнитофонную ленту, которая обошла кабинеты Отдела китов. Для всего мира Франклин был героем, но зазнайство ему не грозило, ведь он знал, что все его подчиненные с упоением слушали, как непочтительно командер Хенсон увещевал их начальника.

ГЛАВА 25

Поднимаясь по трапу в аппарат, из которого ему меньше чем через полчаса предстояло впервые увидеть, как пропадает вдаль земной шар, Питер ни разу не оглянулся. Франклин понимал, почему его сын упорно глядит прямо перед собой: восемнадцатилетние парни считают, что стыдно плакать на людях. Впрочем, то же самое можно сказать и о пожилых начальниках отделов...

Энн была свободна от таких предрассудков и, как ни старалась Индра ее унять, плакала навзрыд. Только когда люк корабля закрылся и все заглушила сирена получасовой готовности, рыдание перешло в прерывистое всхлипывание...

Передвижные барьеры стали теснить толпу провожающих — друзей и родных, кинооператоров и представителей Комитета по делам космоса. Держа жену и дочь за руки, Франклин дал увлечь себя человеческому потоку. Какая смесь надежд и тревог, радостей и печалей окружала его сейчас! Он попытался вспомнить, что чувствовал, когда сам первый раз выходил в космос. Это была одна из величайших минут его жизни, и, однако, все забыто, стерто тридцатью годами полнокровной жизни.

Теперь вот Питер ступил на путь, по которому когда-то следовал его отец. Пусть тебе повезет среди звезд больше, чем мне, сынок... Если бы можно было перенестись в Порт-Ловелл, когда Айрин будет встречать юношу, который мог быть ее сыном! Как-то Рой и Руперт примут своего сводного брата? Наверно, обрадуются ему; Питер не будет на Марсе таким одиноким, каким когда-то чувствовал себя младший лейтенант Уолтер Франклин.

В полном молчании истекали последние долгие минуты. Питер, конечно, уже увлечен всем тем волнующим и необычным, что будет окружать его целую неделю, горечь расставания забыта. И кто его упрекнет за то, что все его мысли — о новой жизни, которая сулит столько неизведанных переживаний...

«Ну а моя собственная жизнь?» — спросил себя Франклин. Теперь, когда сын стартует в будущее, вправе ли он сказать, что она удалась? Трудно дать исчерпывающий ответ на этот вопрос. Далеко не все его начинания были успешными, а некоторые кончились бедой. И пусть его считают героем, все равно вряд ли он достигнет новых высот: слишком много людей было задето и возмущено, когда он — несколько неожиданно для самого себя — оказался союзником Маха Тхеро. Уж во всяком случае ему нечего надеяться на повышение (да он его и не хочет) в ближайшие пять или десять лет, которые нужны, чтобы перестроить Отдел китов. Франклину ясно сказали: поскольку он сам отчасти повинен во всем (во всей этой заварухе, говорили люди попроще), пусть теперь расхлебывает.

Есть одна вещь, которой ему никогда не дано узнать. Если бы судьба не даровала ему общественное признание и не столь преходящую, зато более ценную дружбу сенатора Чемберлена, хватило бы ему решимости отстаивать свои новые взгляды? Легко было, став очередным (сегодня всеми почитаемым, а завтра всеми забытым) героем толпы, излагать свою точку зрения. Какая бы злоба ни кипела в душе у начальства, оставалось только смириться с отступничеством Франклина. Иногда он даже жалел, что его выручила прихоть судьбы. Да и можно ли приписывать его показаниям решающую роль? Пожалуй, да. При всенародном опросе голоса разделились почти поровну; без его помощи Маха Тхеро мог бы и проиграть.

Три резких сигнала сирены прервали мысли Франклина. В торжественной тишине, которая казалась неестественной тем, кто еще помнил ракетный век, огромный корабль сбросил тысячетонное бремя своего веса и двинулся вверх, возвращаясь в родную стихию. В полумиле над стартовой площадкой вступило в действие собственное поле тяготения корабля, и земные понятия о «верхе» и «ниже» потеряли смысл. Нос нацелился на зенит, и на миг среди облаков словно

повис чудом заброшенный в небо металлический обелиск. Но тут же — по-прежнему в великом безмолвии — обелиск превратился в туманную полоску, а затем небеса и вовсе опустели.

Напряжение схлынуло. Кто-то вытирал слезы, но большинство провожающих смеялись и шутили, может быть, чуть громче обычного. Обняв за плечи Энн и Индру, Франклин повел их к выходу.

Сыну он охотно завещает безбрежное море космоса. С него самого хватит земных океанов. В них обитают те, с кем связан его труд, — от могучего, как гора, Левиафана до новорожденного дельфина, который еще не научился сосать молоко под водой.

В меру своих сил и разума он будет их охранять. Уже теперь Франклин ясно представлял себе будущую роль своего Отдела, когда наблюдатели на самом деле станут покровителями всего живущего в морях. Всего? Нет, это, конечно, абсурд; нет средств, чтобы остановить или хотя бы заметно смягчить свирепствующую во всех океанах борьбу за существование. Но в своих отношениях с родственными ему огромными млекопитающими человек может, так сказать, положить начало, навязать частичное перемирие кровожадной природе.

Невозможно предугадать, во что это выльется в отдаленном будущем. Даже смелый и еще не осуществленный замысел Люндквиста — приручить косаток — может оказаться лишь слабым намеком на то, что свершится уже в ближайшие десятилетия. Кто знает, не принесут ли они ответ на загадку, которая до сих пор владеет его умом и к решению которой он был так близок, когда подводное землетрясение отняло у Франклина его самого дорогого друга.

Завершается едва ли не лучшая глава его жизни. Конечно, трудности еще могут быть, и немало, но вряд ли будущее припасло для него такие задачи, какие выдавались прежде. В известном смысле он выполнил свою миссию, хотя работа только начинается.

Франклин еще раз поднял взгляд в пустое небо, и в памяти, как волна на мелководье, возникло то, что сказал ему Маха Тхеро, когда они возвращались из Гренландии. Разве можно забыть слова, от которых холодок под ложечкой... «Когда придет это время, вполне возможно, что превосходящие

нас существа будут обращаться с нами так, как мы обращались с другими обитателями нашей планеты».

Может быть, и глупо подчинять свои мысли и поступки призрачным догадкам об отдаленном и непостижимом будущем, но он не жалел о сделанном. Пристально глядя в голубую бесконечность, которая поглотила его сына, Франклин вдруг почувствовал, что звезды совсем близко.

— Дайте нам еще сто лет, — прошептал он, — и мы встретим вас с чистой душой и чистыми руками, в каком бы облике вы нам ни явились.

— Пошли, милый, — позвала его Индра; ее голос чуть-чуть дрожал. — У тебя осталось совсем мало времени. Из Отдела звонили и просили напомнить тебе: через полчаса начнется заседание Комитета межведомственной стандартизации.

— Знаю. — Франклин решительно высморкался, словно поставил точку. — Я их не задержу, не бойся.

ЛУННАЯ ПЫЛЬ

ГЛАВА 1

Пату Харрису нравилась его должность: еще бы — капитан единственного судна на Луне! Глядя на пассажиров, которые, поднявшись на борт «Селены», спешили занять места у окон, он спрашивал себя, как пройдет сегодняшний рейс.

В зеркальце заднего обзора виднелась мисс Уилкинз. Очень эффектная в голубой форме сотрудницы «Лунтуриста», она добросовестно исполняла этюд «добро пожаловать». На работе Пат Харрис всегда старался думать о ней, как о мисс Уилкинз, а не как о Сью; это помогало не отвлекаться от дела. Что она думает о нем, он еще не выяснил.

Ни одного знакомого лица, все новички и все предвкушают свое первое плавание. Большинство, так сказать, типичные туристы — пожилые люди, привлеченные миром, который в дни их молодости был символом недостижимого. Лишь четверо или пятеро моложе тридцати лет; скорее всего работники одной из лунных баз решили использовать свободный день. Пат уже заметил: почти как правило, пожилые туристы — значит, с Земли, молодые — жители Луны. Так или иначе, Море Жажды любого из них поразит... Вот оно, за иллюминатором, до самых звезд простерлась его мрачная, серая гладь. А в небе над морем неподвижно висит, не первый миллиард лет, Земля. Ее голубовато-зеленый убывающий серп заливал лунные пейзажи холодным светом. Да, здесь холодно... На поверхности моря, наверное, около ста шестидесяти градусов ниже нуля.

Поглядеть на него — ни за что не скажешь, жидкое оно или твердое. Ровная, непрерывная гладь, а ведь трещины и расселины избородили весь лик этого мертвого мира. Ни

бугра, ни валуна, ни камешка; ничто не нарушает однообразия. На всей Земле не найти ни одного моря — да что там, пруда! — с такой спокойной поверхностью.

Море Жажды заполнено не водой, а пылью. Вот почему оно кажется людям таким необычным, так привлекает и завораживает. Мелкая, как тальк, суше, чем прокаленные пески Сахары, лунная пыль ведет себя в здешнем вакууме, словно самая текучая жидкость. Урони тяжелый предмет, он тотчас исчезнет — ни следа, ни всплеска... Передвигаться по этой коварной поверхности нельзя, разве что на двухместных пылекатах, специально созданных для этого. И, конечно, на «Селене», удивительной помеси саней и автобуса, во многом похожей на вездеходы, которые десятки лет назад позволили освоить Антарктиду.

Техническое наименование «Селены» — П-1, то есть пылеход, первый образец (насколько было известно Пату, второго образца не существовало даже в проекте). Ее называли «кораблем», «судном», «лунобусом», кому как нравилось. Пат предпочитал говорить «судно», это исключало путаницу. Так никто не примет его за капитана космического корабля — звание, которым давно уже никого не удивишь.

— Добро пожаловать на борт «Селены», — сказала мисс Уилкинз, когда все наконец расселись. — Капитан Харрис и я очень рады вам. Наше путешествие продлится четыре часа, первая достопримечательность — Кратерное Озеро, в ста километрах на восток отсюда, в Горах Недоступности.

Пат не слушал знакомых фраз, он готовил машину к пуску. «Селена» была в сущности наземной разновидностью космического корабля; это и естественно, ведь она ходила в пустоте и ее уязвимый груз нуждался в надежной защите от враждебной всему живому среды. Хотя «Селена» никогда не взлетала с поверхности Луны и приводилась в движение не ракетными двигателями, а электромоторами, все ее основное оборудование повторяло оснастку настоящей ракеты — и все полагалось проверять перед стартом.

Кислород — порядок. Двигатель — порядок. Радио — порядок. («Алло, Радуга, я «Селена», проверка. Принимаете мой маяк?») Стрелка инерциальной системы — на нуле. Камера перепада закрыта. Детектор утечек — порядок. Внутреннее освещение — порядок. Посадочный переход — отсоединен. И так далее, в общем больше полусотни узлов, каж-

дый из которых при неисправности автоматически сам подал бы сигнал. Но Пат Харрис, как и все работники космических служб, мечтавшие дожить до глубокой старости, никогда не полагался на автоматическую сигнализацию, если можно проверить лично.

Наконец все готово. Заработали почти бесшумные моторы, но гребные винты были еще в холостом положении, и сдерживаемая швартовыми «Селена» только чуть подрагивала. Пат слегка повернул лопасти левого винта; судно стало медленно разворачиваться вправо. Отойдя от здания вокзала, он лег на заданный курс и дал полный ход.

Судно отлично слушалось, несмотря на совсем новую конструкцию. Здесь нельзя было опереться на тысячелетний опыт, который человек начал копить еще в каменном веке, когда впервые спустил на воду бревно. «Селена» не знала никаких предшественников, она родилась в мозгу нескольких инженеров, которые, сев за чертежный стол, задались вопросом: «Какой должна быть машина, чтобы на ней можно было скользить по поверхности пылевого моря?»

Кто-то, вспомнив старину, предложил установить колеса на корме; потом отдали предпочтение более эффективным винтам. Они ввинчивались в пыль, толкая «Селену» вперед, и кильватерная струя напоминала след небывало проворного крота, но она тотчас исчезала — и снова ровная гладь, никаких признаков того, что здесь прошло судно.

Приземистые герметические купола Порт-Рориса быстро уходили за горизонт. Меньше чем через десять минут они скрылись из виду, и «Селена» оказалась одна. Одна посреди чего-то такого, для чего ни в одном языке Земли еще не было настоящего имени.

Пат выключил моторы, дал судну остановиться и подождал, пока не воцарилась тишина. Он уже привык: пассажирам нужно какое-то время, чтобы осмыслить всю необычность того, что простерлось за иллюминаторами. Они пролетели сквозь космос, видя со всех сторон звезды, глядели вверх (или вниз?) на сияющий диск Земли, но это... это нечто совсем иное. Не суша и не море, не воздух и не космос — всего понемногу.

Прежде чем тишина стала гнетущей (пересаливать тоже нельзя, кто-нибудь может испугаться), Пат поднялся на ноги и обратился к пассажирам.

— Добрый вечер, леди и джентльмены, — заговорил он. — Надеюсь, мисс Уилкинз позаботилась, чтобы всем было удобно. Мы остановились потому, что это место очень подходит для первого знакомства с Морем. Тут можно, так сказать, почувствовать его.

Пат Харрис указал на иллюминаторы и призрачное серое поле за ними.

— Как вы думаете, — тихо спросил он, — сколько здесь до горизонта? Или: каким показался бы вам человек, если бы он стоял вон там, где звезды как будто встречаются с лунной поверхностью?

Полагаясь только на зрение, невозможно было точно ответить на его вопрос. Логика подсказывала: Луна очень мала, горизонт должен быть совсем близко. Но чувства спорили. «Этот мир, — говорили они, — совершенно плоский и простирается в бесконечность. Он рассек всю Вселенную надвое, и нет ему ни конца, ни края...»

Иллюзия не пропадала, даже когда человек узнавал ее причину. Глаз не может судить о расстоянии, если не на чем остановить взгляд, если он беспомощно скользит по унылой поверхности пылевого океана. Здесь не было даже того, что всегда есть на Земле, — атмосферы, легкой дымки, которая помогла бы определить, что ближе, а что дальше. И звезды — немигающие точки света — были одинаково ярки над головой и у горизонта.

— Хотите верьте, хотите нет, — продолжал Пат, — вы видите всего на три километра — или около двух миль, если кто-нибудь из вас еще не привык к метрическим мерам. Я знаю, кажется, что до горизонта несколько световых лет, но вы могли бы дойти туда за двадцать минут, если бы только по этой пыли можно было ходить.

Он снова сел и пустил моторы.

— Теперь следующие шестьдесят километров ничего особенного не увидишь, — сказал он, не оборачиваясь, — так что поедем быстро.

«Селена» рванулась вперед. Впервые пассажиры настоящему ощутили скорость. Лопасты яростно взбивали пыль, кильватерная струя становилась длиннее, длиннее, и вот уже за кормой с обеих сторон выросли огромные призрачные шлейфы. Издали «Селена» могла бы показаться снежным плугом, который вспарывал залитый лунным све-

том зимний ландшафт. Но серые, плавно оседающие параболы были не снегом — а озаряющее их светило была планета Земля.

Пассажиры отдыхали, наслаждаясь ровным, почти неслышным движением. Каждому из них доводилось мчаться в сотни раз быстрее, когда они летели на Луну. Но в космосе скорость не чувствуется, вот почему стремительное скольжение по пыли захватывало куда больше.

Пат заложил крутой вираж, «Селена» описала круг и едва не догнала невесомый шлейф, вскинутый к небу вращающимися лопастями. Казалось неестественным, что эта пудра взлетает и падает, не рассеиваясь, что сопротивление воздуха не сокрушает эти безупречные дуги. На Земле она висела бы в воздухе часами, а то и днями.

Как только судно легло на прямой курс и опять стало не на что глядеть, кроме пустынной равнины, пассажиры занялись предусмотрительно припасенной для них литературой. Всем были розданы фотопроспекты, карты, сувениры («Настоящим удостоверяется, что мистер [миссис, мисс]... ходили по Морям Луны на борту пылехода «Селена»») и информационные брошюры. Здесь пассажиры могли найти все, что им хотелось знать о Море Жажды, пожалуй, даже немножко больше.

Они прочли, что почти вся Луна покрыта тонким, в несколько миллиметров, слоем пыли. Тут и «звездный прах» — обломки метеоритов, выпавших на незащищенный лик Луны по меньшей мере за пять миллиардов лет, — и чешуйки лунных гор, которые ночью сжимаются, днем расширяются от резкой смены температур. Что бы ее ни рождало, пыль эта настолько мелка, что даже при здешнем незначительном тяготении струится, точно влага.

Тысячелетиями она стекала с гор на равнины, собираясь в лужи и озера. Первые исследователи Луны предвидели это явление и были к нему подготовлены. Но Море Жажды всех поразило: никто не ожидал найти чашу пыли более ста километров в поперечнике.

В сравнении с лунными «морями» она была очень мала, и астрономы никогда официально не признавали ее названия, подчеркивая, что она лишь часть Синус Рорис — Залива Росы. Разве можно, говорили они, называть морем часть залива?! И все-таки, несмотря на все их возражения,

имя, придуманное кем-то из рекламного отдела «Лунтуриста», привилось. Кстати, оно было ничуть не хуже названий других «морей» — Моря Облаков, Моря Дождей, Моря Спокойствия. Не говоря уже о Море Нектара.

Брошюра содержала также сведения успокоительные, чтобы развеять страхи наиболее нервных путешественников и доказать, что «Лунтурист» все предусмотрел. «Сделано все, чтобы обеспечить вашу безопасность, — говорилось в ней. — Запаса кислорода на “Селене” хватит больше чем на неделю, все важные системы дублированы. Автоматический радиомаяк регулярно сообщает на базу, где вы находитесь, и если даже совсем выйдет из строя силовая установка, вас быстро доставит обратно пылекат из Порт-Рориса. А главное, вам не надо бояться бурной погоды. Каким бы скверным моряком вы ни были, на Луне вам морская болезнь не грозит. Море Жажды не знает штормов, оно всегда спокойно».

Тот, кто написал эти слова, ничуть не покривил душой: можно ли было подозревать, что они вскоре будут опровергнуты?..

Пока «Селена» бесшумно скользила в ночи, жизнь Луны шла своим чередом. Кипучая деятельность сменила миллионы лет спячки, и за последние полвека на Луне произошло больше событий, чем за предшествующие пять миллиардов. А что будет завтра?..

В первом парке первого города, который человек построил за пределами своей родной планеты, ходил по дорожкам главный администратор Ульсен. Как и все двадцать пять тысяч обитателей города Клавия, он очень гордился своим парком. Конечно, парк маленький, но уж не такой, каким его изобразил один болтун из телевидения — мол, это «оконный ящик, страдающий манией величия». И во всяком случае, на Земле ни в одном парке, саду и огороде нет подсолнухов высотой в десять метров! Высоко над головой плыли легкие облачка-барашки — вернее, так казалось. На самом деле это было всего лишь изображение, проектируемое изнутри на свод купола, но до того похожее на правду, что иногда главного администратора одолевала тоска по дому. По дому? Он поправил себя: его дом — здесь.

И все же в глубине души Ульсен знал, что это не так. Может быть, для его детей будет иначе; они настоящие лунные жители, появились на свет в Клавии. Он же родился в Стокгольме, на Земле, и связан с ней узами, которые с годами могут ослабнуть, но никогда не порвутся совсем.

Менее чем в километре от него, по соседству с главным куполом, начальник Управления лунного туризма Девис подвел итог последним поступлениям. Что ж, неплохо. Новый сезон принес рост доходов. Разумеется, на Луне нет времен года, но отмечено, что туристов становится больше, когда в Северном полушарии Земли наступает зима.

Как закрепить успех? Вечная проблема... Нельзя все время показывать одно и то же, туристам подавай разнообразие. Необычный ландшафт, слабое тяготение, вид на Землю, загадки Фарсайда, великолепное звездное небо, первые поселения (где, впрочем, далеко не всегда рады туристам) — что еще может предложить Луна? Как жаль, что нет на ней «туземцев» селенитов со странными обычаями и еще более странной внешностью, которых гости могли бы фотографировать. Увы, самый крупный представитель органического мира, обнаруженный на Луне, виден только в микроскоп, да и то его предки попали сюда с «Лунником-2», всего на десять лет раньше человека.

Начальник «Лунтуриста» мысленно перелистал последние письма, полученные по телефаксу: может быть, из них можно что-нибудь почерпнуть? Итак: очередной запрос какой-то телевизионной компании — горят желанием снять новый документальный фильм о Луне, при условии, что «Лунтурист» возьмет на себя все расходы. Ответ будет отрицательным: если принимать все любезные предложения такого рода, можно быстро прогореть.

Дальше — многословное послание коллеги из туристской компании «Большого Нью-Орлеана». Предлагает обмен сотрудниками. Неизвестно, будет ли от этого толк Луне или Нью-Орлеану, но хоть расходов никаких и полезно для репутации «Лунтуриста».

А вот следующее письмо действительно интересно: чемпион Австралии по водным лыжам спрашивает, пробовал ли кто-нибудь кататься по Морю Жажды.

А что, это идея! Как только никто до сих пор не додумался! Может быть, уже пробовали, цеплялись к «Селене» или

пылекатам?.. Над этим стоит поразмыслить. Девис всегда старался придумать новые развлечения на Луне, и прогулка по Моря Жажды была его любимым детищем.

Он не знал, сколько мук принесет ему через несколько часов это детище.

ГЛАВА 2

Линия горизонта, к которому мчалась «Селена», изменилась: где была безупречно ровная дуга, выросла зубчатая цепь гор. Казалось, они медленно поднимаются к небу, точно на могучем лифте.

— Горы Недоступности, — объявила мисс Уилкинз. — Названы так потому, что окружены со всех сторон Морем. И к тому же они намного круче большинства лунных гор.

Она не стала развивать эту тему; ведь лунные пики в основном разочаровывают, когда видишь их вблизи. Огромные кратеры, такие внушительные на фотографиях, снятых с Земли, оказываются пологими холмами. Вечерние и утренние тени сильно искажают рельеф. На всей Луне нет ни одного кратера, склоны которого могли бы крутизной сравниться с улицами Сан-Франциско, их можно одолеть даже на велосипеде. Но из брошюр «Лунтуриста» об этом не узнаешь, в них показаны только наиболее эффектные скалы и каньоны, умело снятые.

— Горы эти еще по-настоящему не исследованы, — продолжала мисс Уилкинз. — В прошлом году мы забросили туда отряд геологов. Высадили их как раз на том мысу, но им удалось пройти всего несколько километров. Там может быть все что угодно, мы пока просто ничего не знаем.

«Молодец, — подумал Пат. — Хороший гид, понимает, что объяснять подробно, а где оставить простор для воображения...»

Сью говорила спокойно, непринужденно, ничего похожего на унылый речитатив — профессиональный порок большинства гидов. И она хорошо знала свой предмет, могла ответить почти на любой вопрос. Словом, незаурядная молодая особа; и, хотя мисс Уилкинз очень нравилась Пату, в глубине души он чуточку побаивался ее.

Приближающиеся горы приковали к себе взгляды восхищенных пассажиров. Таинственный уголок все еще таинственной Луны... Посреди необычного моря вздымался остров, заманчивый орешек для следующего поколения исследователей. Вопреки названию, добраться до Гор Недоступности теперь было не так уж трудно, но, пока не изучены миллионы квадратных километров местности, которую нужно освоить в первую очередь, им придется подождать.

Еще немного, и «Селена» войдет в тень... Прежде чем пассажиры успели понять, что происходит, Земля скрылась за горами. Ее свет серебрил высокие вершины, но внизу царила крошечная тьма.

— Сейчас я выключу внутреннее освещение, — сказала стюардесса. — Тогда вам будет лучше видно.

И едва погас тусклый красноватый свет, каждый почувствовал себя так, словно он один в лунной ночи. Даже отблеск на вершинах пропал, когда пылеход еще больше углубился в тень. Остались только звезды — холодные немеркнущие огоньки, окруженные тьмой такой непроглядной, что делалось не по себе.

Среди россыпи звезд трудно было отличить знакомые созвездия. Глаз путался в узорах, которые нельзя увидеть с Земли, терялся в сверкающем хаосе скоплений и туманностей. В этой блистательной панораме был только один безошибочный ориентир — яркий маяк Венеры, которая затмевала все остальные небесные тела, возвещая близость рассвета.

Прошло несколько минут, прежде чем путешественники заметили, что не только в небесах есть на что подивиться. За мчащимся пылеходом тянулась длинная фосфоресцирующая кильватерная струя, словно какой-нибудь волшебник пальцем провел светящуюся черту на мрачной и пыльной поверхности Луны. «Селена» отравила себе кометный хвост, совсем как ночной корабль в тропическом океане на Земле.

Но здесь не было никаких микроорганизмов, и не они озаряли безжизненное Море своими крохотными светильниками, а разряжающиеся пылинки, в которых стремительная «Селена» вызывала статический заряд. Очень просто — и удивительно красиво; в ночном мраке за кормой корабля непрерывно разматывалась сверкающая лента, будто Млечный Путь отразился в глади Моря.

Вдруг огненная струя растворилась в потоке света: Пат включил прожектор. За иллюминаторами, в опасной близости скользила назад каменная стена. Здесь склон горы вздымался почти отвесно из пылевого моря, и не угадаешь, высоко ли, видя только овал, выхваченный прожектором из крошечной тьмы.

Кавказ, Скалистые горы и Альпы — карлики перед этими горами. На Земле эрозия точит хребты с первого дня их возникновения, несколько миллионов лет — и от бывшей громады одна тень остается. А на Луне — ни дождей, ни ветров; ничто не разрушает скалы, если не считать ночного холода, от которого даже камень трескается, невыразимо медленно отслаивая мельчайшие пылинки. Лунные горы такие же древние, как породивший их мир...

Пат гордился своим умением «показать» Луну. Следующий номер он готовил особенно тщательно. Очень рискованно на первый взгляд, на деле же никакой опасности, ведь «Селена» проходила тут десятки раз, и электронная память системы управления знала путь лучше любого штурмана. Он внезапно выключил прожектор, и тут пассажиры увидели, что под покровом мрака с другой стороны тоже вплотную подступили горы.

В почти полной тьме «Селена» мчалась по узкому каньону, мчалась не прямо, а непрерывно лавируя между незримыми преградами. Честно говоря, некоторых преград вообще не существовало; днем, на минимальной скорости, Пат запрограммировал маршрут так, чтобы ночью дух захватывало. Крики испуга и восторга за его спиной подтверждали, что аттракцион удался.

Теперь была видна лишь узенькая полоса звезд далеко вверх; она извивалась сумасшедшими петлями, повторяя замысловатый бег пылехода. Пробег по «Ночной аллее», как про себя называл Пат эту часть маршрута, длился всего около пяти минут, но эти минуты казались часами. И когда капитан снова включил прожекторы, так что «Селена» очутилась в середине светового круга, у пассажиров вырвался вздох облегчения, смешанного с разочарованием. Да, не скоро они забудут «Ночную аллею»!..

В свете прожекторов стало видно, что стены постепенно раздвигаются, и вот уже каньон сменился почти овальным амфитеатром шириной около трех километров — сердце

вулкана, которое разорвалось в незапамятные времена, когда даже древняя Луна была молодой.

Кратер был очень мал по лунным меркам, но весьма примечателен. Вездесущая пыль тысячелетиями текла в него по каньону, и туристы с Земли могли удобно путешествовать в котле, где некогда бушевало адское пламя. Это пламя угасло задолго до зарождения земной жизни и никогда не вспыхнет вновь, но были на Луне другие силы — они не умерли и только выжидали своего часа...

Когда «Селена» медленно пошла по кругу вдоль скал, не один пассажир невольно вспомнил катание на горных озерах на Земле. Та же чуткая тишина, то же ощущение бездонной глубины внизу. На Земле много кратерных озер; на Луне только одно, хотя здесь несравненно больше кратеров.

Пат не торопился, сделал два полных круга. Сейчас только и полюбоваться озером. Днем, в яростных лучах ослепительного солнца, оно сильно проигрывало; теперь же казалось порождением лихорадочной фантазии Эдгара По. Там, где кончалась световая полоса, глазу чудились странные движущиеся фигуры. Разумеется, воображение: в этом краю ничто не движется, кроме теней, рожденных Солнцем и Землей. Не может быть привидений в мире, который никогда не знал жизни.

Но пора поворачивать обратно, выходить через каньон в открытое Море.

Пат нацелил тупой нос «Селены» на узкие ворота в горах, и снова их обступили высокие кручи. Теперь капитан не выключал прожекторов — пусть пассажиры видят путь; к тому же второй раз аттракцион не произведет столь сильного впечатления.

Далеко впереди родился свет, который мягко озарял скалы и утесы. Даже в последней четверти Земля ярче десяти полных лун, и, как только пылеход вынырнул из тени гор, она снова стала главным светилом. Двадцать два пассажира «Селены» восхищенно смотрели на красивый и яркий голубовато-зеленый полукруг. Удивительно, когда глядишь издалека, — родные поля, озера, леса излучают такое волшебное сияние! Пожалуй, в этом заключен мудрый урок: чтобы оценить свой собственный мир, нужно увидеть его из космоса...

А сколько глаз устремлено сейчас с Земли на прибывающую Луну, вечную спутницу, которая теперь важна людям

как никогда? И не исключено, что кто-то в этот самый миг всматривается через мощный телескоп в крохотную искорку скользящей в лунной ночи «Селены». Но когда искорка погаснет, ее исчезновение ничего не скажет земному наблюдателю.

Миллионы лет в глубинах у подножия гор, словно исплинский нарыв, рос этот пузырь. Сколько длится история человечества, из живых еще лунных недр сочился по трещинам газ и накапливался в пустотах, в сотнях метров от поверхности. На Земле один за другим сменялись ледниковые периоды, а здесь пустоты разрастались вширь, ввысь, сливались между собой. И настала пора нарыву прорваться.

Капитан Харрис, передав управление автопилоту, разговаривал с пассажирами, когда судно потрянул первый толчок. «Должно быть, винт что-то задел», — успел он подумать. В следующий миг у него буквально почва ушла из-под ног.

Это происходило медленно — на Луне все падает медленно. Впереди «Селены» на площади в много акров над гладкой равниной вздулся бугор, и Море ожило, заколыхалось под действием сил, которые пробудили его от тысячелетнего сна. Посреди бугра открылась воронка — словно в пылевой толще возник гигантский водоворот. И каждая подробность этого кошмара была отчетливо видна в свете Земли, пока кратер не углубился настолько, что его противоположная стенка окуталась густой тенью. Казалось, «Селена» сейчас врежется в черный полумесяц и разобьется вдребезги.

Действительность была немногим лучше. Когда Пат схватился за рычаги, судно уже катилось и скользило вниз по коварному откосу. Собственная инерция и ускоряющийся поток пыли увлекали его в пучину. Оставалось только всеми силами удерживать «Селену» на ровном киле и надеяться, что она с ходу выскочит вверх по противоположному склону раньше, чем провалится дно кратера.

Возможно, пассажиры кричали — Пат ничего не слышал. Все его внимание сосредоточилось на этом зловещем склоне и на том, как не дать судну опрокинуться. И еще: пока он лихорадочно маневрировал, форсируя то один, то другой двигатель, его преследовало смутное воспоминание... Где-то, когда-то он уже видел такую же катастрофу.

Конечно, вздор, но почему он никак не может отделаться от этой мысли?.. И лишь когда Пат очутился на дне и увидел бесконечную пылевую лавину, которая начиналась от обрармленного звездами края воронки, на миг разорвалась завеса.

...Летний день, он — маленький мальчик — играет в горячем песке. Увидел ровную ямку с гладкими стенками, в глубине ее что-то шевелилось, зарывшись в песок так, что только челюсти торчали. Что это такое? Мальчик смотрел и ждал, словно угадывая, что скоро на этой крохотной сцене разыграется драма. Откуда ни возьмись, муравей, поглощенный своими муравьиными делами. Подбежал к краю ямки... поскользнулся — и поехал по стенке вниз!..

Конечно, муравей легко одолел бы подъем, но, едва первые песчинки скатились на дно ямки, злобное чудовище вышло из засады. Оно обрушило фонтан песка на жертву, и муравей вместе с песчаной лавиной съехал в кратер.

В точности, как сейчас «Селена»... Конечно, не муравьиный лев вырыл яму на поверхности Луны, но Пат чувствовал себя таким же беспомощным, как тот муравей. Он тоже карабкался вверх, вверх к спасительному краю, борясь с потоком пыли, который нес его навстречу смерти. Муравья ждала смерть скорая, Пата и его спутников — долгая.

Напрягая всю мощь, моторы толкали судно вперед, но слишком медленно. Пылевая лавина набирала скорость, и что хуже всего — пыль поднималась вверх вдоль бортов «Селены». Достигла иллюминаторов... выше... выше... совсем закрыла! В тот самый миг когда Пат выключил моторы, чтобы те не сгорели от непосильного напряжения, пыль скрыла последний отсвет убывающей Земли. Окруженные мраком и безмолвием, они погрузались в недра Луны.

ГЛАВА 3

На радиопульте диспетчерской Эртсайд-Север беспокойно стрекотала одна из секций электронной памяти. Двадцать часов одна секунда по гринвичскому времени; серия импульсов, которая должна автоматически поступать на пульт каждый час, не пришла.

С быстротой, недоступной человеческому разуму, горсточка ячеек и микроскопических реле «перелистала» свои

инструкции. «Ждать пять секунд, — гласил кодированный приказ. — Если ничего не изменится, включить цепь 10011001».

Крохотная секция электронного диспетчера терпеливо выждала этот огромный промежуток времени, за который можно было сложить сто миллионов двадцатизначных чисел или перепечатать содержание почти всех книг Библиотеки конгресса США. Затем она включила цепь 10011001.

Высоко над поверхностью Луны, с антенны, которая была нацелена на земной диск, улетел в космос радиопульс. За одну шестую секунды он прошел пятьдесят тысяч километров до спутника связи «Лагранж-2», как бы подвешенного между Луной и Землей. Еще через одну шестую секунды многократно усиленный импульс вернулся, обдав потоком электронов Северное полушарие Эртсайда (так на Луне называли видимую с Земли сторону, обратная называлась Фарсайд).

Если перевести на человеческую речь, он нес очень простое сообщение: «Алло, “Селена”, не слышу вашего сигнала. Прошу тотчас ответить».

Диспетчер подождал еще пять секунд, потом опять послал импульс. И еще раз. В электронном мире проходили геологические эпохи, но терпение машины было беспредельно.

Диспетчер вновь обратился к инструкциям. Последовал новый приказ: «Включить цепь 10101010». Машина подчинилась, и одна из зеленых лампочек в диспетчерской внезапно сменилась красной, одновременно зуммер принялся распиливать воздух сигналом тревоги. Только теперь и люди тоже узнали, что где-то на Луне случилась беда.

Поначалу новость распространялась медленно: главный администратор не одобрял беспричинной паники. Еще меньше ее одобрял начальник «Лунтуриста» Девис; аварии и тревоги только все дело портят, даже если — как это бывало в девяти случаях из десяти — оказывалось, что повинны перегоревшие предохранители, неисправные выключатели или чрезмерно чувствительные сигнализаторы. Но на Луне полагалось ежеминутно быть настороже. Лучше отозваться на воображаемую опасность, чем прозевать действительную.

Наконец Девис неохотно признал, что на этот раз опасность не воображаемая. Был и раньше случай, когда автоматический маяк «Селены» не сработал, но Пат Харрис от-

ветил, как только его вызвали на волне пылехода. Теперь же судно молчит. «Селена» не отозвалась даже на аварийной волне, которой пользовались только при крайней надобности. Узнав об этом, Девис поспешно покинул вышку «Лунтуриста» и по крытому ходу прошел в Клавий.

У входа в диспетчерскую он встретил главного инженера Лоуренса. Скверный признак: значит, кто-то предполагает, что понадобится спасательная операция. Они озабоченно поглядели друг на друга, думая одно и то же.

— Надеюсь, вам не нужна моя помощь? — сказал Лоуренс. — В чем дело? Я знаю только, что послан вызов на аварийной волне. Какой корабль?

— Не корабль... «Селена» не отвечает, она в Море Жажды.

— В Море Жажды?! Если с ней там что-нибудь случилось, мы можем добраться туда только на пылекатах. Сколько раз я говорил: прежде чем возить туристов, нужно ввести в строй второй пылеход.

— Я говорил то же самое, но Финансовое управление наложило вето. Дескать, второго не будет, пока «Селена» не докажет, что способна дать прибыль.

— Как бы она вместо этого не дала материал газетам, — мрачно отозвался Лоуренс. — Вы знаете мое отношение к туризму на Луне.

Девис знал, отлично знал; они уже давно грызлись по этому поводу. Но впервые ему пришлось в голову, что главный инженер, возможно, не так уж и не прав.

В диспетчерской, как всегда, было очень тихо. На больших стенных картах мелькали зеленые и желтые огоньки, обыденные и мало примечательные рядом с тревожным красным сигналом. За пультами «Воздух», «Энергетика», «Радиация», подобно ангелам-хранителям, сидели дежурные инженеры, ответственные за безопасность на одной четверти Луны.

— Ничего нового, — доложил дежурный по НТ (наземному транспорту). — Мы все еще в полном неведении. Знаем только, что они где-то на Море. — Он начертил круг на крупномасштабной карте. — Если не сбились безнадежно с курса, должны быть где-то в этом районе. В момент контроля в 19.00 судно находилось на своем маршруте, отклонение не больше километра. В 20.00 сигнал не поступил; значит, авария произошла за эти шестьдесят минут.

— Сколько может «Селена» пройти за час? — спросил кто-то.

— Максимальная скорость — сто двадцать километров, — ответил Девис. — Но обычно она делает меньше ста. Экскурсия, зачем спешить...

Он упорно смотрел на карту, точно надеясь пристальным взглядом вырвать у нее ответ.

— Если они в Море, найти их недолго. Вы уже послали пылекаты?

— Нет, я ждал распоряжения.

Девис поглядел на главного инженера, который на этой стороне Луны был старшим начальником после администратора Ульсена. Лоуренс медленно кивнул.

— Высылайте, — сказал он. — Но не надейтесь на скорый ответ! Нужно немало времени, чтобы обследовать несколько тысяч квадратных километров, тем более ночью. Прикажите им идти вдоль маршрута, начиная с последней известной позиции. И пусть захватят возможно более широкую полосу.

Как только распоряжение было передано, Девис тревожно спросил:

— Что, по-вашему, могло случиться?

— Выбор невелик. Судя по тому, что они ничего не успели сообщить, авария была внезапной. Значит, скорее всего — взрыв.

Девис побледнел. Вероятность диверсий не исключена, и неизвестно, что тут делать. Космические средства передвижения уязвимы, поэтому они, как это прежде было с самолетами, неудержимо привлекают некоторых преступников. Он вспомнил корабль «Арго» — летел на Венеру и был уничтожен каким-то маньяком, задумавшим свести счеты с одним из пассажиров, который его и не знал-то как следует. Погибло двести человек, в том числе женщины и дети.

— Может быть и столкновение, — продолжал главный. — Судно могло на что-нибудь наскочить.

— Харрис очень осторожный капитан, — возразил Девис. — Он десятки раз ходил этим маршрутом.

— Никто не застрахован от ошибок... При земном свете легко просчитаться, определяя расстояние.

Девис уже не слушал его, он думал о том, что обязан предпринять, если дело обернется совсем плохо. Надо, не откладывая, связаться с юристами, узнать насчет возмещения. Стоит любому из родственников предъявить «Лунтуристу» иск на несколько миллионов долларов, и никакая реклама не заманит туристов в следующем году, даже если Дэвис выиграет дело.

Дежурный по НТ нервно кашлянул.

— Разрешите предложить, — обратился он к главному инженеру. — Давайте запросим «Лагранж»? Может быть, астрономы сверху что-нибудь приметят.

— Ночью? — недоверчиво спросил Дэвис. — За пятьдесят тысяч километров?

— Очень даже просто, если прожекторы «Селены» еще горят. Пусть попробуют.

— Отличная мысль, — сказал главный инженер. — Свяжитесь немедленно.

Он должен был сам об этом подумать. Может быть, еще что-нибудь упустил?.. Лоуренсу не впервые приходилось вступать в поединок с этим прекрасным и своенравным миром, таким волнующим в свои добрые минуты и таким грозным в приступе гнева. Луна — не Земля, она никогда не будет полностью приручена. И это, пожалуй, хорошо: ведь именно зов ее дикой природы и постоянный привкус риска манит сюда и туристов, и исследователей. Конечно, без туристов было бы спокойнее, но, если бы не они, он получал бы меньше жалованья.

А теперь — пора собираться в путь. Конечно, все еще может кончиться благополучно. «Селена» объявится, даже не подозревая, какой переполох вызвала. Но Лоуренс почему-то сомневался в этом, и чем дальше, тем больше росла его тревога. Еще часок можно подождать; потом он отправится на суборбитальной ракете местного сообщения в Порт-Рорис, а оттуда — к ожидающему его врагу, Морю Жажды...

Когда красный сигнал тревоги замигал на «Лагранже», доктор философии Томас Лоусон крепко спал. Проснувшись, он в первый миг рассердился: хотя двух часов сна в сутки достаточно в невесомости, обидно, когда тебя и этого лишают! Но тут до него дошел смысл радиограммы, и сон как

рукой сняло. Кажется, наконец-то представился случай сделать что-то полезное!

Том Лоусон скверно чувствовал себя на «Лагранже-2». Он мечтал о научной работе, а здесь просто нельзя сосредоточиться. Балансирующий на некоем космическом канате между Луной и Землей (один из эффектов закона тяготения) спутник был для космонавтов таким мальчиком на побегушках. Корабли, пролетая мимо, проверяли по нему свое место, использовали его как узел связи, только что не подходили к нему за письмами... «Лагранж» был также релейной станцией почти для всех каналов лунной радиосвязи, ведь под ним простерлась видимая с Земли сторона.

Стосантиметровый телескоп был рассчитан на наблюдение объектов, удаленных в миллиарды раз больше, чем Луна, но он отлично подходил для задания, которое сейчас получил Лоусон. На таком близком расстоянии вид был великолепный даже при самом малом увеличении. Том висел как раз над Морем Дождей, глядя на озаренные утренним солнцем острые пики Апеннин. Он плохо знал географию Луны, однако мог без труда различать великие кратеры Архимеда и Платона, Аристиппа и Евдокса, черный шрам Альпийской долины, одинокую пирамиду Пико, от которой по равнине тянулась длинная тень.

Но дневная область сейчас не занимала Лоусона; предмет, который он искал, находился в затемненном полушарии, где еще не взошло солнце. В чем-то это даже облегчало его задачу: можно будет без труда обнаружить сигнальную вспышку — даже огонек карманного фонарика. Он сверил координаты по карте и нажал кнопки управления телескопом. Воспламененные восходом горы ушли в сторону, уступив место плотному мраку лунной ночи, который только что поглотил два десятка человек...

Сперва Лоусон ничего не увидел — и уж во всяком случае, ничего похожего на мигающий фонарь, который слал бы свой призыв к звездам. Потом, когда свыклись глаза, он обнаружил, что внизу царит не полный мрак: освещенная Землей лунная поверхность источала призрачное сияние. И чем дольше он глядел, тем больше подробностей различал.

Вот горы к востоку от Залива Радуги ждут надвигающегося рассвета. А вот... постой, что это еще за звезда там, в темноте?! Но родившаяся было надежда тотчас умерла, Том

видел всего-навсего огни Порт-Рориса, где в этот миг с таким нетерпением ждали, что он скажет.

Несколько минут — и он понял: визуальное исследование ничего не даст. Иное дело днем — он сразу обнаружил бы «Селену» по длинной тени, которую она должна отбрасывать на Море. Теперь же, когда Луна озарена лишь слабым светом Земли, глаз человека недостаточно чувствителен, чтобы с высоты пятидесяти тысяч километров различить предмет размерами не больше автобуса.

Впрочем, это не обескуражило Тома. Он и не ожидал, что с первой попытки найдет судно. Прошло полтора столетия с тех пор, как астрономы могли полагаться лишь на собственные глаза; теперь у них были куда более тонкие приборы — целый арсенал усилителей света и детекторов излучения. Лоусон не сомневался, что один из этих приборов отыщет «Селену».

Он не был бы так уверен, если бы знал, что «Селены» нет на поверхности Луны...

ГЛАВА 4

«Селена» уже остановилась, а ошеломленные пассажиры все еще сидели молча. Капитан Харрис первым пришел в себя — он единственный из всех догадывался, что произошло.

Ясно: подземная пустота. Они здесь не редкость, хотя под Морем Жажды их до сих пор не находили. Что-то подалось в недрах Луны. И вполне возможно, что вес «Селены», как он ни мал, оказался последней каплей.

Пат тяжело поднялся на ноги, спрашивая себя, что и как говорить пассажирам. Тут уж не сделаешь вид, будто все в порядке и через пять минут судно пойдет дальше своим курсом. А сказать всю правду — начнется паника. Конечно, рано или поздно придется открыть истину, но сейчас главное успокоить людей.

Он поймал взгляд мисс Уилкинз. Бледная, но собранная, девушка стояла в задней части кабины, за напряженно ожидающими пассажирами. Пат Харрис знал, что может на нее положиться, и ободряюще улыбнулся ей.

— Кажется, нам не повезло, — непринужденно заговорил он. — Небольшая авария, как вы, очевидно, сами заметили. Могло быть и хуже.

«Например? — мысленно спросил он себя. — Ну, скажем, пробойна в корпусе... По-твоему, лучше продлить агонию?» Усилием воли Пат прекратил внутренний монолог.

— Произошел обвал — лунотрясение, если хотите. Тревожиться нечего. Даже если мы не выберемся сами, Порт-Рорис, не мешкая, пришлет кого-нибудь нам на помощь. А пока... Мисс Уилкинз как раз собиралась разнести закуски. Итак, отдохните, а я тем временем, э-э, приму надлежащие меры.

Кажется, все сошло хорошо. Пат мысленно вздохнул и повернулся к пульта управления, но в тот же миг заметил, что один из пассажиров закуривает сигарету.

Непроизвольное действие... Он и сам бы не прочь закурить. Чтобы не портить эффект от своей маленькой речи, Пат не стал ничего говорить, однако его взгляд сказал пассажиру все, что требовалось. Сигарета была потушена прежде, чем капитан успел сесть в свое кресло.

Он включил приемник, но еще раньше за его спиной начался оживленный разговор. Когда говорят несколько человек сразу, можно определить их настроение, даже если не разбираешь отдельных слов. Пат Харрис уловил недовольство, возбуждение, даже веселье, но страха пока не было заметно. Видимо, говорящие не отдавали себе полного отчета в том, насколько серьезна опасность. А те, кто понял, молчали.

Молчал и эфир. Пат прошелся по всем волнам, но услышал только слабый треск — разряды в толще схоронившей их пыли. Ничего удивительного: это проклятое вещество содержит много металла и создает почти идеальный экран. Оно не пропустит ни радиоволн, ни звуков; пытаться что-нибудь передать отсюда — все равно что кричать, стоя на дне колодца, заполненного перьями.

Пат подключил к маяку мощный каскад аварийной частоты, чтобы он автоматически посылал сигналы бедствия. Если что-нибудь пробьется наружу, то только на этой волне. Вызывать Порт-Рорис бесполезно, к тому же его бесплодные попытки только встревожат пассажиров. Приемник он оставил включенным на рабочей волне «Селены» — вдруг кто-

нибудь отзовется? Пат знал, что это невозможно. Никто их не услышит и никто с ними не заговорит. Они так прочно отрезаны от всего человечества, словно его вовсе не существует.

И хватит думать об этом, слишком много других дел.

Он тщательно проверил показания приборов. Все было в норме, разве что чуть повысилась температура воздуха внутри кабины. Но и это только естественно: пылевое одеяло защищает их от космического холода.

Толщина этого одеяла и его вес особенно заботили капитана. На «Селену» давят тысячи тонн пыли, а ведь ее корпус рассчитан на сопротивление давлению изнутри, не извне. Если судно погрузится слишком глубоко, корпус лопнет, как яичная скорлупа.

На какой глубине они сейчас? Когда скрылся из виду последний клочок звездного неба, до поверхности было метров десять, но дальнейшая осадка пыли могла затем увлечь «Селену» гораздо глубже. Пожалуй, стоит — хоть это увеличит расход кислорода — поднять внутреннее давление и таким образом отчасти компенсировать наружное.

Очень медленно, чтобы никому не заложило уши и его маневр не вызвал тревогу, Пат Харрис повысил давление воздуха в кабине на двадцать процентов. После этого у него стало немного легче на душе. И не только у него: едва стрелка манометра остановилась на новом делении, спокойный голос за спиной капитана произнес:

— Отличная мысль.

Кто это сует нос в его дела? Пат круто обернулся, но сердитые слова не сорвались с его языка. Во время посадки капитан в спешке не заметил среди пассажиров ни одного знакомого лица — и однако он явно где-то видел плечистого седого мужчину, который стоял сейчас рядом с его креслом.

— Я не хочу навязываться, капитан, вы здесь начальник. Но разрешите все-таки представиться — вдруг я смогу чем-нибудь помочь. Коммодор Ханстен.

Разинув рот, Пат округлившимися глазами смотрел на человека, который руководил первой экспедицией на Плутон и возглавлял список покорителей планет и лун. От удивления он смог только вымолвить:

— Вас не было в списке пассажиров!

Коммодор улыбнулся:

— Да, я записался как Хансон. Я и в отставке не потерял вкуса к путешествиям, но командуют пусть другие. Стоило мне сбрить бороду, и меня уже никто не узнает.

— Я очень рад, что вы здесь, — горячо произнес Пат.

Словно кто-то снял часть бремени с его плеч. Еще бы: этот человек будет надежной опорой в трудные часы — или дни, — которые им предстоят.

— Если вы не против, — вежливо продолжал Ханстен, — хотелось бы прикинуть наши возможности. Или попросту говоря: сколько мы можем выдержать?

— Это зависит от кислорода, как всегда. Нашего запаса хватит на семь дней, если не будет утечек. Пока их вроде нет.

— Значит, есть время все продумать. А как с продовольствием, водой?

— Сыты не будем, но с голоду не умрем. Есть аварийный запас концентратов, воздухоочистители обеспечат нас водой. Словом, это не проблема.

— Электроэнергия?

— Сколько угодно, ведь моторы теперь ничего не потребляют.

— Я заметил, что вы даже не пробовали вызвать Базу.

— Ни к чему, мы экранированы пылью. Я включил маяк на аварийной волне — единственная и очень слабая надежда пробить экран...

— Придется им изобретать что-то еще. Как вы думаете, долго они нас проищут?

— Очень трудно сказать. Розыски начнутся, как только обнаружат, что в 20.00 не поступил наш сигнал. Район, где мы исчезли, определяют быстро. Но ведь мы, наверное, не оставили никаких следов на поверхности. Вы сами видели, эта пыль все поглощает. И даже когда нас найдут...

— Как они нас выручат?

— Вот именно.

Капитан двадцатиместного пылехода и коммодор космических кораблей смотрели друг на друга, думая об одном и том же. Вдруг кто-то, судя по выговору, чистокровный англичанин, воскликнул, перекрывая гул разговора:

— Уверяю вас, мисс, это первая приличная чашка чаю, которую я пью на Луне. Я уже решил было, что здесь вообще не умеют его заваривать. Вы молодец!

Коммодор тихо рассмеялся.

— Он должен вас благодарить, а не стюардессу, — сказал Ханстен, кивая на манометр.

Пат вяло улыбнулся в ответ. Что верно, то верно: теперь, когда он увеличил давление внутри кабины, вода закипает почти при обычной температуре, как на Земле. И можно получить хороший горячий напиток, а не теплую бурду. Конечно, экстравагантный способ готовить чай — совсем как в анекдоте, когда сожгли дом, чтобы изжарить свинью...

— Главное, — снова заговорил коммодор, — не дать пассажирам пасть духом. Попробуйте подбодрить их, расскажите, как ведутся поиски. Только не переигрывайте, не создавайте впечатления, что не пройдет и получаса, как к нам постучатся снаружи. Это может осложнить дело, если... скажем, если придется ждать несколько дней.

— Описать нашу спасательную организацию недолго, — ответил Пат. — Но, откровенно говоря, она не рассчитана на такие случаи, как этот. Если корабль терпит аварию на поверхности Луны, его легко найти с одного из спутников — «Лагранж-2» над Эртсайдом, «Лагранж-1» — над Фарсайдом. Но они вряд ли помогут. Я уже говорил: следов-то нет.

— Не знаю, не верится. Когда на Земле тонет корабль, всегда остаются следы: пузыри, масляные круги на поверхности, обломки.

— Так то на Земле. Глубоко ли мы или мелко, отсюда ничего не всплывет.

— Остается только ждать?

— Да, — подтвердил Пат. Взглянул на шкалу кислородного манометра и добавил: — Одно ясно: мы можем ждать не больше недели.

На высоте пятидесяти тысяч километров над Луной Том Лоусон отложил в сторону последний из сделанных им фотоснимков. Он исследовал в лупу каждый квадратный миллиметр отпечатков. Качество снимков превосходное. Электронный усилитель изображения, в миллионы раз чувствительнее человеческого глаза, выявил все детали так четко, словно над равниной уже взошло солнце. Лоусон нашел даже один из пылекатов — вернее, его длинную тень. Но никаких признаков «Селены»... Море было такое же ровное и гладкое, как и до появления человека на Луне. Наверное,

таким же оно будет и через много веков после того, как люди исчезнут.

Том не любил признавать себя побежденным, даже в гораздо менее серьезных вопросах. Он твердо верил, что любую задачу можно решить, надо лишь правильно взяться и применить верные средства. Самолюбие ученого было задето; что речь идет о жизни многих людей, его почти не трогало. Лоусона мало интересовали люди, зато Вселенную он уважал. Между ним и ею шел своего рода поединок.

Он придирчиво и бесстрастно оценил обстановку. Как подошел бы к этой задаче великий Холмс? (Типично для Тома: человек, которого он искренне почитал, никогда не жил на свете.) В открытом Море «Селены» нет, остается только одна возможность. Катастрофа произошла неподалеку от берега или где-то возле гор. Скорее всего в районе, известном под названием (он сверился с картой) Кратерного Озера. Да, все говорит о том, что авария случилась здесь, а не на гладкой, свободной от каких-либо препятствий равнине.

Том Лоусон снова стал рассматривать фотографии, придирчиво изучая горы.

И тотчас столкнулся с новой трудностью. По краю Моря торчали десятки обособленных глыб, и любая из них могла быть пропавшим пылеходом. Но что хуже всего — многие участки он не мог как следует разглядеть, горы их заслоняли. С «Лагранжа» Луна представлялась шаром, и перспектива была сильно искажена. Кратерного Озера он вообще не видел из-за гор. Тома не выручало даже то, что он парил на огромной высоте; только пылекаты смогут обследовать тот район.

Нужно вызвать Эртсайд и доложить о том, что уже сделано.

— Говорит Лоусон, «Лагранж-2», — начал он, когда узел связи включил его в сеть. — Я осмотрел Море Жажды, посреди равнины ничего нет. Видимо, ваше судно наскочило на мель у берега.

— Спасибо, — произнес удрученный голос. — Вы уверены?

— Вполне. Я различаю ваши пылекаты, а они в четыре раза меньше «Селены».

— Есть что-нибудь приметное вдоль берегов Моря?

— Слишком много мелких деталей, нельзя сказать ничего определенного. Вижу пятьдесят, сто предметов того же раз-

мера, что «Селена». Как только взойдет солнце, сумею разглядеть их получше. Сейчас там ночь, не забывайте.

— Мы вам очень благодарны за помощь. Сообщите, как только найдется что-нибудь.

В Клавии начальник «Лунтуриста» с грустью слушал доклад Лоусона. Ничего не поделаешь, пора извещать ближайших родственников... Дальше хранить тайну неразумно, да и просто невозможно.

Обратившись к дежурному по НТ, он спросил:

— Список пассажиров получен?

— Как раз передают по телефаксу из Порт-Рориса. Готово. — Дежурный протянул Девису тонкий листок. — Кто-нибудь важный на борту?

— Все туристы одинаково важны, — холодно ответил начальник управления, не поднимая головы. И тут же воскликнул: — Господи!

— В чем дело?

— Коммодор Ханстен на «Селене».

— Ханстен? Я не знал, что он на Луне!

— Мы держали это в секрете. Задумали привлечь его в «Лунтурист», все равно он ушел в отставку. Коммодор ответил, что сперва хотел бы осмотреться, и обязательно инкогнито.

Оба замолчали, размышляя об иронии судьбы. Один из величайших героев космоса — и вот, пропал без вести, как рядовой турист, в дурацкой аварии на задворках Земли...

— Да, на беду себе отправился коммодор на экскурсию, — произнес наконец дежурный. — Или на счастье остальным пассажирам. Если они еще живы.

— Вот именно: теперь, когда и обсерватория подвела, только счастье может их выручить, — сказал Девис.

Но он поторопился сбрасывать со счета «Лагранж-2», у доктора Тома Лоусона были еще в запасе козыри.

Были они и у члена общества иезуитов, преподобного Винсента Ферраро, ученого совсем другого склада. Жаль, что ему и Тому Лоусону не доведется встретиться — получился бы великолепный фейерверк! Отец Ферраро верил в Бога и человека, доктор Лоусон не верил ни в того, ни в другого.

Винсент Ферраро начинал свою научную карьеру геофизиком, затем променял один мир на другой и превратился

в селенофизика — впрочем, это звание он вспоминал, лишь когда становился педантом. Никто не знал о недрах Луны столько, сколько он; добывать эти знания Ферраро помогали многочисленные приборы, хитроумно размещенные по всей поверхности вечного спутника Земли.

Эти приборы сообщили ему очень интересные сведения: в 19 часов 35 минут 47 секунд гринвичского времени в районе Залива Радуги произошел сильный толчок. Странно — эта область невозмутимой Луны до сих пор считалась особенно устойчивой. Ферраро велел своим вычислительным машинам уточнить, где находится очаг смещения, а также проверить, не отметили ли приборы каких-либо иных аномалий. Затем отправился в столовую; тут-то он и услышал от коллег, что пропала «Селена».

Ни одна вычислительная машина не сравнится с человеческим мозгом, когда надо связать совсем независимые, казалось бы, факты. Не успел Винсент Ферраро проглотить вторую ложку супа, как уже сложил два и два и получил вполне правдоподобный, но, увы, неверный ответ.

ГЛАВА 5

-Вот как обстоят дела, дамы и господа, — заключил коммодор Ханстен. — Прямая опасность нам не угрожает, и я не сомневаюсь в том, что нас очень скоро найдут. А пока — выше голову!

Коммодор помолчал, обводя взглядом встревоженные лица. Он уже заметил несколько «слабых точек»: вот тот щуплый мужчина, страдающий нервным тиком, да и та сухощавая кислая дама, которая нервно мнет носовой платок. Может быть, они нейтрализуют друг друга, если под каким-нибудь предлогом посадить их рядом?..

— Капитан Харрис и я — командир здесь он, я только его советник — разработали план действий. Питание будет скромное, строго по норме, но вполне достаточное, тем более что сил вам расходовать не надо. И мы хотели бы просить кого-нибудь из женщин помогать мисс Уилкинз. У нее будет много хлопот, одной трудно справиться. Но главная опасность, если говорить откровенно, — скука. Кстати, у кого-нибудь есть с собой книги?

Все стали рыться в сумках и портфелях. Были извлечены: полный набор путеводителей по Луне, включая шесть экземпляров официального справочника, новейший бестселлер «Апельсин и яблоко», посвященный несколько неожиданной теме — любви Нелл Гвин и сэра Исаака Ньютона, «Шейн» в издании «Гарвард Пресс» с учеными комментариями одного профессора английского языка, очерк логического позитивизма Огюста Конта и один экземпляр «Нью-Йорк Таймс» недельной давности, земное издание. Не роскошная библиотека, но, если умело подойти, ее можно было растянуть надолго.

— Предлагаю создать комиссию по развлечениям, и пусть она решит, как все это использовать. Не знаю только, пригодится ли нам мсье Конт... Но, может быть, у вас есть вопросы? Может быть, вы хотите, чтобы капитан Харрис или я что-то более подробно разъяснили?

— Мне хотелось бы выяснить один вопрос, — произнес тот самый голос, который похвально отозвался о чае. — Допускаете ли вы, что мы всплывем на поверхность? Ведь если эта пыль ведет себя, как вода, нас может вытолкнуть вверх, как пробку?

Вопрос англичанина застиг commodora врасплох. Он обернулся к Пату и пробурчал:

— Это по вашей части, мистер Харрис. Что вы скажете? Пат покачал головой:

— Боюсь, на это надеяться нечего. Конечно, воздух внутри кабины придает нам большую плавучесть, но сопротивление пыли слишком велико. В принципе мы можем всплыть — через несколько тысяч лет.

Но англичанина явно было не так-то легко обескуражить.

— Я видел в воздушном шлюзе космический скафандр. Можно выйти в нем наружу и всплыть на поверхность? Тогда спасатели сразу узнают, где мы.

Пат поежился: он один умел обращаться с этим скафандром, который предназначался для аварийных случаев.

— Я почти уверен, что это невозможно. Вряд ли человек одолеет такое сильное сопротивление. К тому же он будет слеп. Как он определит, где верх? И как закрыть за ним наружную дверь? Если пыль проникнет в камеру перепада, от нее потом не избавишься. Выкачать ее наружу нельзя.

Пат мог бы продолжать, но решил, что этого довольно. Если к концу недели спасатели не найдут их, придется, возможно, испытать самые отчаянные средства. Но сейчас об этом лучше не говорить, даже не думать, чтобы не подрывать собственного мужества.

— Если больше вопросов нет, — вступил коммодор Ханстен, — я предлагаю, чтобы каждый представился. Хотим мы того или нет, нам надо привыкать друг к другу. Итак, давайте познакомимся. Я пройду по кабине, а вы будете поочередно называть свою фамилию, занятие, город. Прошу вас, сэр.

— Роберт Брайен, инженер, на пенсии, Кингстон, Ямайка.

— Ирвинг Шастер, адвокат, Чикаго. Моя супруга Майра.

— Нихал Джаяварден, профессор зоологии, Цейлонский университет, Перадения.

Знакомство продолжалось. Пат снова с благодарностью подумал о том, как ему повезло в этом отчаянном положении. По своей натуре, навыкам и опыту коммодор Ханстен был прирожденным руководителем. Он уже начал спланировать это пестрое сборище разных людей в единое целое, создавать дух товарищества, который превращает толпу в отряд. Ханстен научился этому, когда его маленькая флотилия неделями парила в пустоте между планетами, направляясь — впервые — за орбиту Нептуна, почти за три миллиарда километров от Солнца. Пат был на тридцать лет моложе коммодора и никогда не ходил дальше Луны. И он вовсе не огорчился из-за того, что незаметно произошла смена командира. Пусть тактичный коммодор подчеркивает, что начальник — Харрис, но он-то лучше знает...

— Данкен Мекензи, физик, Обсерватория Маунт-Стромло, Канберра.

— Пьер Бланшар, счетовод, Клавий, Эртсайд.

— Филлис Морли, журналистка, Лондон.

— Карл Юхансон, инженер-атомник, База Циолковского, Фарсайд.

Знакомство состоялось и показало, что на борту «Селены» собралось немало незаурядных людей. Ничего удивительного: на Луну, как правило, попадали люди, чем-то выделяющиеся среди большинства, хотя бы только богатством. Но что толку от всех этих талантов в таком положении, подумал Пат.

Он был не совсем прав, в этом ему очень скоро помог убедиться Ханстен. Коммодор хорошо знал, что со скукой надо бороться так же решительно, как и со страхом. И они могут положиться только на свою собственную изобретательность. В век межпланетных связей и универсальных развлечений «Селена» внезапно оказалась отрезанной от всего человечества. Радио, телевидение, бюллетени телефакса, кино, телефон — все это теперь было им так же недоступно, как людям каменного века. Словно первобытное племя, сгрудившееся у костра — и никого больше вокруг. «Даже во время экспедиции на Плутон, — подумал Ханстен, — мы не были так одиноки, как здесь. Тогда у нас была отличная библиотека и полный набор всевозможных записей; в любой миг можно было связаться по светофону с планетами внутреннего круга. А на “Селене” даже колоды карт нет.

Кстати, это мысль!»

— Мисс Морли! Вы ведь журналистка, у вас, конечно, есть блокнот?

— Да, коммодор, есть.

— Наберется пятьдесят два чистых листа?

— Наверное.

— Придется просить вас пожертвовать ими. Пожалуйста, вырвите их и разметьте колоду карт. Особенно не старайтесь, лишь бы можно было различить достоинство и знаки не проступали бы.

— Интересно, как вы собираетесь тасовать такие карты? — спросил кто-то.

— Пусть комиссия по развлечениям подумает над этим! У кого есть таланты, которые могут пригодиться для нашей самостоятельности?

— Я когда-то выступала на сцене, — неуверенно произнесла Майра Шастер.

Ее супруг явно не обрадовался этому признанию, зато коммодор был доволен.

— Отлично! Значит, можно разыграть маленькую пьеску, хоть у нас и тесновато.

Но тут смутилась уже миссис Шастер.

— Это было давно, — сказала она, — и мне... мне почти не приходилось говорить на сцене.

Несколько человек прыснули, и даже коммодор с трудом сохранил серьезный вид. Трудно было представить себе юной

хористкой женщину, возраст которой перевалил за пятьдесят, а вес — за сто.

— Ничего, — сказал Ханстен, — главное — желание. Кто хочет помочь миссис Шастер?

— Я когда-то участвовал в любительских постановках, — сообщил профессор Джаяварден. — Правда, мы ставили преимущественно Брехта и Ибсена.

Это «правда» подразумевало, что здесь уместнее что-нибудь из легкого жанра. Скажем, одна из пошловатых, но забавных комедий, которые наводнили эфир в конце 1980-х годов, когда капитулировала телецензура.

Больше добровольных артистов не нашлось, и коммодор попросил миссис Шастер и профессора Джаявардена сесть рядом и вместе составить программу. Ему не очень-то верилось, что столь разные люди придумают что-нибудь дельное, но кто знает... И вообще, главное, чтобы каждый был чем-нибудь занят, будь то в одиночку или с кем-то вместе.

— Одно дело сделано, — продолжал Ханстен. — Если кого-то осенит блестящая идея, пожалуйста, изложите ее комиссии. А пока — садитесь-ка поудобнее и поближе познакомьтесь друг с другом. Каждый сказал, откуда он и чем занимается, у вас могут быть общие интересы, даже одни и те же друзья. Словом, вы найдете, о чем поговорить.

«И времени у вас предостаточно», — мысленно добавил он.

Коммодор Ханстен совещался с Патом в его отсеке, когда к ним подошел доктор Мекензи, физик из Австралии. Он выглядел очень озабоченно, словно произошло что-то из ряда вон выходящее.

— Я должен вам кое-что сказать, коммодор, — взволнованно произнес он. — Если не ошибаюсь, семидневный запас кислорода нас не спасет. Нам грозит куда более серьезная опасность.

— Какая же?

— Тепло. — Австралиец указал рукой на корпус судна. — Кругом пыль, а она идеальный теплоизолятор. На поверхности тепло от наших машин и от нас самих уходит в окружающее пространство, здесь оно заперто. Значит, в кабине будет все жарче и жарче, пока мы не сваримся.

— Что вы говорите, — сказал коммодор, — мне это и в голову не приходило! И сколько же времени, по-вашему, мы сможем продержаться?

— Дайте мне полчаса, я подсчитаю. Во всяком случае, мне кажется, не больше суток.

Коммодор вдруг почувствовал себя совсем беспомощным. Отвратительно засосало под ложечкой, в точности как когда он вторично изведal свободное падение. (В первый раз ничего особенного не произошло, тогда Ханстен был подготовлен, а во второй раз его наказала излишняя самоуверенность.) Если физик прав, рухнули все надежды. И без того они невелики, но недельный срок позволял хоть немного надеяться... За одни сутки там, наверху, ничего не успеют сделать. Даже если найдут их, все равно не спасут.

— Проверьте температуру воздуха в кабине, — продолжал Мекензи. — Даже по ней можно судить.

Ханстен подошел к панели управления и взглянул на мозаику циферблатов и индикаторов.

— Боюсь, вы правы, — сказал он. — Уже поднялась на два градуса.

— Больше одного градуса в час. Я так и думал.

Коммодор повернулся к Харрису, который слушал их разговор с растущей тревогой.

— Можем мы усилить охлаждение? Какой запас мощности у агрегатов кондиционирования?

Прежде чем Пат успел ответить, снова вмешался физик.

— Это не поможет, — произнес он нетерпеливо. — Как действует установка для охлаждения? Выкачивает тепло из кабины и отдает его в окружающее пространство. Но здесь то это невозможно, кругом пыль! Дать на установку дополнительную мощность — будет только хуже.

С минуту длилась угрюмая тишина. Наконец коммодор сказал:

— Все-таки прошу вас — проверьте побыстрее ваши расчеты и сообщите мне, что получится. И чтобы об этом не знал никто, кроме нас троих!

Ханстен вдруг почувствовал себя очень старым. Сначала он даже обрадовался тому, что неожиданно снова занял командный пост. Но кажется, он пробудет на этом посту всего один день...

В ту самую минуту, хотя об этом не знали ни пропавшие, ни спасатели, над судном проходил по Морю один из пылекатов. Его конструкцию определяло стремление к скорости,

эффективности и дешевизне, а не забота об удобстве туристов, и он сильно отличался от «Селены». Это были, по сути дела, открытые сани с двумя сиденьями — водителя и пассажира — и тентом для защиты от солнца. Небольшая панель управления, мотор, два винта на корме, полочки для инструмента и запчастей — вот и вся оснастка. Обычно пылекат тащил за собой на буксире грузовые сани; этот шел налегке. Он исчертил зигзагами уже не одну сотню квадратных километров поверхности Моря — и не обнаружил ничего.

Водитель обратился к товарищу через вмонтированное в скафандры переговорное устройство:

— Как по-твоему, Джордж, что с ними случилось? По моему, здесь их нет.

— Где же они? Захвачены инопланетянами?

— А что, вполне возможно, — почти всерьез ответил водитель.

Рано или поздно — в это верили все астронавты — человек встретится с другими разумными существами. Пусть до этой встречи еще далеко, но гипотетические «инопланетяне» уже прочно вошли в космическую мифологию; на них валили все, чего не могли объяснить иначе.

Не так уж трудно поверить в существование инопланетян, если ты с горсткой товарищей очутился в чужом, неприветливом мире, где даже камни и воздух (если он есть) кажутся враждебными. Где опыт тысяч земных поколений оказывался никчемным, все привычные представления — непригодными. Первобытный человек за всем неведомым видел богов и духов; так и гомо астронаутикус, прибыв на новую планету, невольно озирался на каждом шагу, ожидая увидеть кого-нибудь. Несколько быстротечных веков люди почитали себя господами Вселенной; древние страхи и чаяния ушли в тайники подсознания. Теперь, когда человек пытливо изучал звездные дали и пытался понять, что за силы там таятся, эти чувства возродились. Ничего удивительного.

— Пожалуй, надо доложить на Базу, — сказал Джордж. — Мы осмотрели всю заданную площадь, повторять маршрут нет смысла. Во всяком случае, пока не взошло Солнце. Днем еще можно что-то найти. От этого земного света мне не по себе.

Он включил передатчик:

— «Пылекат-2» вызывает диспетчерскую. Прием.

— Диспетчерская Порт-Рориса слушает. Что-нибудь обнаружили?

— Ничего. Что нового у вас?

— Похоже, что «Селена» не может быть в Море. Сейчас с вами будет говорить главный инженер.

— Есть, включайте.

— Алло, «Пылекат-2»! Говорит Лоуренс. Обсерватория Платон только что сообщила о лунотрясении в районе Гор Недоступности. Оно произошло в девятнадцать тридцать пять. В это время «Селена» должна была идти по Кратерному Озеру. Видимо, ее накрыло лавиной. Идите к горам, проверьте, нет ли где следов свежих оползней или обвалов.

— А еще толчки будут? — озабоченно спросил водитель.

— Вряд ли, если верить обсерватории. Они говорят, теперь, когда напряжение разрядилось, до следующего раза может пройти не одна тысяча лет.

— Надеюсь, они не ошибаются. Я вызову, как только буду на Кратерном, минут через двадцать.

Но уже через пятнадцать минут «Пылекат-2» разрушил последние надежды тех, кто ждал у приемника.

— Говорит «Пылекат-2». Боюсь, вы угадали. До Кратерного Озера еще не дошли, идем по каньону. Но данные обсерватории подтверждаются. Очень много завалов, мы еле-еле пробились. Вот и сейчас вижу следы обвала — десять тысяч тонн камня, не меньше, сорвалось. Если «Селена» погребена здесь, ее не найдешь. Незачем даже искать.

Диспетчерская молчала так долго, что пылекат включился снова:

— Алло, диспетчерская, вы меня слышите?

— Слышим, — устало ответил главный инженер. — Попробуйте отыскать хоть какие-нибудь следы. Высылаю на помощь «Пылекат-1». Вы уверены, что их нельзя откопать?

— Не одна неделя уйдет, если только вообще удастся их нащупать. В одном месте на триста метров сплошной завал. Да и опасно копать, еще новый обвал сорвем...

— Вы там поосторожней. Докладывайте каждые пятнадцать минут, даже если ничего не обнаружите.

Лоуренс отвернулся от микрофона, чувствуя себя совсем разбитым. Его возможности исчерпаны... И вообще, что тут можно сделать?

Борясь со смятением, он подошел к обращенному на юг обзорному окну и увидел земной серп. Сколько ни смотри, трудно поверить, что Земля прикована к одной точке лунного неба. Висит так низко над горизонтом — но не зайдет и не взойдет даже через миллион лет. Мысль об этом настолько противоречит всему опыту человечества, что к ней нельзя привыкнуть.

Скоро по ту сторону космической пропасти (нынешнее поколение не помнит того времени, когда она была непреодолимой, ему она кажется не такой уж большой) распространятся волны потрясения и горя. Тысячи людей лишатся покоя только потому, что Луна вздрогнула во сне.

Задумавшись, главный не сразу заметил, что к нему обращается начальник узла связи:

— Простите, вы еще не вызвали «Пылекат-1». Соединить вас?

— Что? А, да-да! Передайте, чтобы выходил на помощь Второму в Кратерное Озеро. Сообщите, что поиски в Море Жажды прекращены.

ГЛАВА 6

Весть о том, что поиски прекращены, дошла до «Лагранж-2», когда Том Лоусон с опухшими от недосыпания глазами уже заканчивал монтаж нового приспособления к стосантиметровому телескопу. Так старался, спешил — и, выходит, впустую... «Селены» нет в Море Жажды, она в таком месте, где ему ее никак не обнаружить, за окаймляющим Кратерное Озеро барьером, да к тому же под тысячами тонн камня.

В первый миг Том даже не пожалел пассажиров, он рассердился. Выходит, зря потрачены и время, и труд. Не мелькать на экранах новостей всех обитаемых миров заголовкам «Молодой астроном находит пропавших туристов»... Рухнули мечты о славе. И добрых тридцать секунд Том Лоусон отводил душу потоком ругательств, которые повергли бы в изумление его коллег, если бы они его слышали. Все еще

распаленный гневом, он принялся снимать детали, которые выпрашивал, занимал, даже присваивал в других лабораториях спутника.

Том не сомневался, что его прибор мог решить задачу. Теоретическая сторона в полном порядке, не подкопаешься, больше того: она основана на почти столетней практике. Инфракрасная локация была известна уже во время второй мировой войны, когда находили замаскированные предприятия по теплу от их агрегатов.

«Селена» не оставила на Море Жажды видимой колеи, но должен быть инфракрасный след. Винты судна подняли с глубины одного фута относительно теплую пыль и разметали ее по гораздо более холодной поверхности. «Глаз», способный видеть тепловые лучи, мог и через несколько часов после прохождения «Селены» отыскать ее колею. По расчетам Тома, он успел бы завершить инфракрасный поиск, прежде чем Солнце, взойдя, сотрет все намеки на тепловой след в холодной лунной ночи.

Теперь-то, конечно, нет смысла ничего затевать.

К счастью, на борту «Селены» не подозревали, что поиски в районе Моря Жажды прекращены и пылекаты ушли на Кратерное Озеро. И, к счастью, никто из пассажиров не знал про опасения доктора Мекензи.

На листке бумаги физик начертил предполагаемую кривую роста температуры. Каждый час он заносил в график показания висящего на переборке градусника. Увы, они поразительно точно совпадали с прогнозом. Еще двенадцать часов, и температура превысит сто десять градусов по Фаренгейту, появятся первые жертвы теплового удара. И выходит, им остается жить не больше суток. Так что попытки капитана Ханстена поддержать дух пассажиров казались нелепыми. Добьется он успеха или нет — послезавтра уже не будет играть никакой роли.

А впрочем, так ли это? Пусть у них только два выбора: умереть, как люди, или умереть, как звери — первое, несомненно, лучше. Даже если «Селену» никогда не найдут и никто не будет знать, как ее узники встретили смертный час. Это выше логики и рассудка; впрочем, то же самое можно сказать едва ли не обо всем, что определяет жизнь и смерть человека.

Коммодор Ханстен отлично понимал это, когда составлял программу на оставшиеся часы. Есть люди, рожденные руководить; он принадлежал к ним. Вакуум, в котором он очутился, уйдя в отставку, вдруг заполнился. Впервые с тех пор как Ханстен покинул рубку флагманского корабля «Кентавр», он жил полноценной жизнью.

Пока люди чем-то заняты, можно не опасаться за моральное состояние. Неважно, что они будут делать, лишь бы это казалось им интересным или важным. Счетовод Космической администрации, отставной инженер и двое служащих из Нью-Йорка уже с головой ушли в покер. Сразу видно завязых картежников; с ними хлопот не будет, разве что если понадобится оторвать их от карт.

Почти все остальные разбились на группы и очень мило разговаривали. Комиссия по развлечениям все еще заседала. Профессор Джаяварден что-то записывал, миссис Шастер, как ни старался унять ее супруг, делилась воспоминаниями о бурлеске. И только мисс Морли держалась особняком. Мелким почерком она не спеша заполняла оставшиеся листки блокнота. Должно быть, вела дневник, как и подобало настоящему журналисту.

Как бы дневник не оказался короче, чем думает мисс Морли... Похоже, она не успеет исписать даже этих немногих страниц. А если испишет — вряд ли кому-либо доведется их прочесть.

Коммодор глянул на часы и удивился тому, как много времени прошло. Сейчас он рассчитывал быть уже на обратной стороне Луны, в Клавии. Ленч в лунном филиале «Хилтона», потом экскурсия в... Но какой смысл размышлять о будущем, которого не будет? Его гораздо больше беспокоило скоротечное настоящее.

Пожалуй, лучше поспать немного, пока жара не стала невыносимой. Конструкторы «Селены» не предусмотрели, что она может стать спальней (или могилой!), да что поделаешь. Придется пораскинуть мозгами, кое-что переставить, хотя бы от этого пострадало имущество «Лунтуриста».

Ханстену понадобилось двадцать минут на то, чтобы все продумать, затем он посоветовался с капитаном Харрисом и обратился к остальным.

— Дамы и господа, нам всем сегодня нелегко, и я думаю, вы не прочь немного поспать. Правда, тут возникают неко-

торые трудности, но я уже проделал опыт и убедился, что при желании можно отделить средние подлокотники между сиденьями. Конечно, это не положено, да вряд ли «Лунтурист» станет подавать на нас в суд. Десять человек смогут лечь на креслах, остальным предлагаю устроиться на полу. И еще. Вероятно, вы заметили, что в кабине становится жарковато. Температура будет некоторое время повышаться. Поэтому я советую снять всю лишнюю одежду, удобство сейчас важнее чрезмерной щепетильности.

(Мысленно он добавил, что еще важнее выжить... Но у нас есть в запасе несколько часов.)

— Мы погасим внутреннее освещение, — продолжал Ханстен, — а чтобы не оставаться в полной темноте, включим на минимальную мощность аварийный свет. Один человек будет дежурить в кресле капитана. Капитан Харрис уже составляет график дежурства, смена через два часа. Есть вопросы или замечания?

Ни того ни другого не было, и коммодор облегченно вздохнул. Он боялся, как бы кто не полюбопытствовал, почему поднимается температура. Что бы он стал отвечать? При всех своих способностях, Ханстен не умел лгать, а ему хотелось, чтобы пассажиры спали спокойно, насколько это вообще возможно в такой обстановке. Если не случится чуда, этот сон может оказаться вечным...

Мисс Уилкинз, уже без прежней профессиональной непринужденности, разнесла напитки желающим. Большинство пассажиров сразу начали снимать верхнюю одежду; более стеснительные подождали, пока не погасло главное освещение. В тусклом красном свете кабина «Селены» выглядела фантастически. Кто мог представить себе что-либо подобное несколько часов назад, когда пылеход покидал Порт-Рорис?.. Двадцать два человека, почти все в одном белье, лежали на сиденьях и на полу. Некоторые счастливики уже похрапывали, остальные беспокойно ворочались с боку на бок.

Пат Харрис выбрал себе место на самой корме, даже не в кабине, а в тесной камере перепада. Здесь был удобный наблюдательный пункт. Через открытую дверь он видел всю кабину от самого носа, мог следить за каждым пассажиром.

Аккуратно сложив форму, Пат сделал из нее подушку и лег на жесткий пол. До вахты шесть часов, хорошо бы поспать.

Спать... Истекают последние часы его жизни — и все-таки больше ничего не остается. Интересно, крепко ли спят смертники в ночь перед казнью?

Он так устал, что даже эта мысль его не затронула. Последнее, что видел Пат, проваливаясь в забытие, как доктор Мекензи снял очередные показания термометра и аккуратно нанес их на свой график. Точно астролог, составляющий гороскоп...

В пятнадцати метрах над «Селеной» (их при здешнем тяготении можно одолеть одним прыжком) уже наступило утро. На Луне не бывает сумерек, но небо давно предвещало рассвет. Задолго до восхода Солнца выросла сияющая пирамида зодиакального света, столь редко видимого на Земле. Она поднималась очень медленно — чем ближе восход, тем ярче. Вот пирамида растворилась в опаловом сиянии короны, а вот над горизонтом вспыхнуло пламя, в миллион раз ярче их обоих. Кончился двухнедельный мрак, вернулось светило. Из-за медленного вращения Луны вокруг своей оси пройдет еще час с лишним, прежде чем оно взойдет совсем, но день уже начался.

Казалось, по Морю Жажды, теснимый слепящим светом, катится черный отлив. И вот уже вся гладь моря простреливается почти горизонтальными лучами. Будь на поверхности малейшее возвышение, его тотчас выдавала бы длинная, в несколько сот метров тень.

Выдала — кому? «Пылекат-1» и «Пылекат-2» были заняты бесплодным исследованием Кратерного Озера, в полутора десятках километров от места катастрофы. Их окружала тьма: пройдет еще два дня, прежде чем Солнце поднимется над окаймляющими кратер пиками, а пока только вершины озарены восходом. С каждым часом резко очерченная полоса света будет спускаться по склонам все ниже — местами быстрее идущего человека, — и наконец лучи коснутся дна кратера.

Сейчас над озером метался свет, созданный человеком. Яркие вспышки выхватывали из тьмы тяжелые глыбы: спасатели фотографировали груды камней, которые бесшумно скатились с гор, когда Луна вздрогнула во сне. Меньше чем

через час фотографии будут на Земле, еще через два часа их увидят во всех обитаемых мирах.

Плохая реклама для туризма.

Когда капитан проснулся, в кабине было заметно жарче. Но не жара разбудила его за целый час до начала вахты.

Хотя Пату ни разу не доводилось ночевать на «Селене», он хорошо знал, какие звуки можно услышать на борту. Когда моторы выключены, царит почти полная тишина, и нужно напрягать слух, чтобы уловить шелест воздушных насосов и слабое гудение охлаждающей установки. Все это он слышал, когда засыпал, но теперь к этим звукам прибавился новый, непривычный...

Едва слышный шорох, настолько тихий, что на мгновение Пат заколебался — уж не почудилось ли ему? Невероятно, чтобы такой слабый сигнал проник в его подсознание сквозь барьер сна. Даже сейчас, проснувшись, капитан не мог ни определить природу звука, ни установить, откуда он идет.

Внезапно Пат понял, почему шум разбудил его. Сонливость как рукой сняло. Вскочив на ноги, он приложил ухо к наружной двери камеры перепада: таинственный звук доносился снаружи!

Ну конечно. Совершенно отчетливо слышно. У капитана мурашки по спине забегали. Шуршат пылинки, словно за обшивкой «Селены» разыгралась песчаная буря. В чем дело? Неужели Море опять колышется? И если так — куда увлечет течение «Селену»? Пока что пылеход как будто недвижим, только внешняя среда течет и струится...

Очень осторожно, стараясь не потревожить спящих, Пат на цыпочках прошел в кабину. Дежурил доктор Мекензи. Съежившись в кресле пилота, он глядел на засыпанный снаружи иллюминатор. Когда подошел Пат, физик повернулся к нему и шепотом спросил:

— Что-нибудь неладное?

— Не знаю... Проверьте сами.

Теперь уже двое приложили ухо к двери и долго слушали загадочный шорох. Вдруг Мекензи сказал:

— Это движется пыль, никакого сомнения. Но я не понимаю почему. Вот вам еще одна загадка.

— Еще одна?

— Да. Меня сбивает с толку температура. Она повышается, но не так быстро, как я ожидал.

Казалось, физик недоволен тем, что его расчеты не подтвердились, но для Пата его слова были первой доброй вестью после катастрофы.

— Вы только не огорчайтесь, кто из нас не ошибался. И если эта ошибка подарит нам несколько лишних дней, уж я-то во всяком случае не стану вас упрекать!

— Но я не мог ошибиться! Это же элементарная арифметика. Нам известно, сколько тепла излучают двадцать два человека, и куда-то это тепло должно деться!

— Во сне излучение меньше, может быть, в этом все дело?

— Как будто я мог упустить столь очевидное обстоятельство! — раздраженно ответил ученый. — Разумеется, меньше, но уж не настолько. Нет, тут что-то другое. Должна быть причина, почему температура отстает от моего графика.

— Отстает, и слава Богу, — сказал Пат. — Но что вы скажете об этом звуке?

Мекензи с трудом заставил себя думать о новой загадке.

— Пыль движется, мы — нет. Выходит, это явление местное. Больше того, мы заметили его только здесь, на корме. Может быть, в этом все дело? — Он указал рукой на переборку. — Что за переборкой?

— Двигатели, баллоны с кислородом, охлаждающая установка...

— Охлаждающая установка! Ну конечно! Я же видел при посадке... Там, за обшивкой, ребра радиатора?

— Совершенно верно.

— Тогда все понятно. Они так сильно нагрелись, что пыль циркулирует, словно жидкость. Конвекционное течение уносит вверх наше избыточное тепло! Не исключено, что температура установится. Вряд ли станет прохладнее, но мы будем жить.

В тусклом малиновом свете они посмотрели друг на друга, ощущая прилив надежды. Пат медленно произнес:

— Я уверен, что вы угадали. Кажется, невезение кончилось.

Он взглянул на часы и быстро что-то прикинул в уме.

— Сейчас над Морем восходит Солнце. База, конечно, выслала на поиски пылекаты. Они примерно знают, где ис-

кать. Десять против одного, что нас найдут через несколько часов.

— Скажем об этом коммодору?

— Пусть спит. Ему досталось тяжелее всех. С этой новостью можно и до завтра подождать.

Мекензи вернулся на свой пост. Пат попробовал снова уснуть, но ничего не вышло. Он лежал с открытыми глазами и думал об удивительном повороте судьбы. Пыль, которая сперва поглотила их, потом грозила изжарить, вдруг пришла им на помощь. Конвекционное течение уносит избыточное тепло на поверхность. Правда, еще неизвестно, что будет, когда восходящее Солнце обрушит на гладь Моря Жажды всю мощь своих лучей.

Пыль за обшивкой шелестела по-прежнему, и Пат вдруг вспомнил старинные песочные часы, которые ему однажды показали в детстве. Перевернешь — и песок сквозь узенькое горлышко сыплется в нижний сосуд, отмеряя там минуты и часы.

Пока не изобрели пружинные часы, множество людей следило за временем по падающим песчинкам. Но до сегодняшнего дня никому — он был в этом уверен — не доводилось восходящей струей пыли измерять продолжительность своей жизни.

ГЛАВА 7

В Клавии главный администратор Ульсен и начальник «Лунтуриста» Девис только что кончили совещаться с представителями правового отдела. Разговор был далеко не веселый: обсуждали главным образом документ, который снимал с «Лунтуриста» ответственность за жизнь клиентов. Все туристы подписали его, прежде чем подняться на борт «Селены». Вплоть до открытия маршрута Девис возражал против такого порядка, подчеркивал, что это лишь отпугнет клиентов, но юристы Лунной администрации настояли на своем. Теперь он был этому рад.

Он был рад и тому, что власти Порт-Рориса точно выполняли инструкцию; ведь часто к таким вещам относятся как ко второстепенной формальности и правилами втихомолку пренебрегают. На столе перед ними лежал лист с

подписями всех пассажиров «Селены», за одним исключением, которое привело в замешательство юристов.

Коммодор, оберегая инкогнито, назвался Р. С. Хансоном и расписался неразборчиво, можно прочесть и «Хансон», и «Ханстен». Пока не передано факсимиле с Земли, и не решишь. Впрочем, это роли не играет. Коммодор выполнял официальное поручение, и Администрация все равно отвечает за него. Да и за остальных пассажиров она несет если не юридическую, то во всяком случае моральную ответственность.

Так или иначе, Администрация обязана сделать все, чтобы найти погибших и достойным образом предать земле их останки. Эту задачу, не долго думая, возложили на широкие плечи главного инженера Лоуренса, который еще оставался в Порт-Рорисе.

Кажется, никогда он не брался за дело с меньшим воодушевлением. Будь хоть малейшая надежда, что пассажиры «Селены» живы, он бы все перевернул, чтобы добраться до них. Но ведь они уже погибли, так зачем же искать и раскапывать их, рискуя жизнью других людей! Сам он считал, что вечные холмы Луны — лучшее кладбище.

Главный инженер Лоуренс ни на секунду не сомневался, что пассажиры убиты, об этом говорили все обстоятельства. Подземный толчок произошел как раз в то время, когда «Селена» по графику покидала Кратерное Озеро, а половина каньона загромождена завалами. Любой из них мог смять пылеход, как бумажную игрушку. Воздух мгновенно вышел сквозь пробойны, и пассажиры задохнулись. Если бы корабль чудом уцелел, радиоцентр принял бы его сигналы. Маленький автоматический радиомаяк сконструирован с таким расчетом, чтобы противостоять любым ударам и толчкам; если уж он не действует, значит, «Селене» крепко досталось...

Первым делом надо определить, где находятся обломки. Это не так уж сложно, пусть даже они погребены под миллионами тонн камня. Есть геофизические приборы, всевозможные металлоискатели. Через пробойны из кабины в лунный вакуум (почти вакуум) вырвался воздух; даже теперь, хотя прошел не один час, должны быть следы углекислого газа и кислорода. Их обнаружат индикаторы, которыми выявляют течи в обшивке космических кораблей. Как только

пылекаты вернутся на Базу для заправки и зарядки, он оснастит их индикаторами и отправит в район завалов, пусть все обнюхают.

Словом, найти корабль не хитро. А вот извлечь его будет потруднее. Тут ничего нельзя обещать, кроме миллионных расходов. (Что скажет, услышав это, главный администратор?) Во-первых, физически невозможно доставить туда тяжелые машины, способные ворожать тысячетонные глыбы. Юркие пылекаты не годятся, нужны лундозеры — как их переправишь через Море Жажды? — и несколько ракет гелигнита для взрывных работ. Нет, это отпадает. Конечно, можно понять администратора... Но взваливать на свое и без того перегруженное Инженерное управление такой сифов труд — черта с два!

И Лоуренс принялся возможно более тактично (от главного администратора простым «нет» не отделаешься) составлять доклад. Смысл его сводился к следующему: «А. Работа почти наверное невыполнима. Б. Если даже ее можно выполнить, на это уйдут миллионы и не исключены новые человеческие жертвы. В. И все это ни к чему». Но попробуй скажи так напрямик... И нужны доводы. Вот почему в конечном виде доклад главного инженера насчитывал больше трех тысяч слов.

Кончив диктовать, Лоуренс помолчал, прикидывая, что можно добавить, ничего не придумал и закончил: «Секретно. Главному администратору, Главному инженеру Фарсайда, Старшему диспетчеру, Начальнику “Лунтуриста”, Центральный архив».

Он нажал кнопку копирующего устройства. Двадцать секунд — и телефакс выдал ему все двенадцать страниц его доклада, безупречно перепечатанные, знаки препинания на местах, грамматические ошибки исправлены. Лоуренс быстро пробежал текст, проверяя электросекретаршу. Она (по привычке все устройства этого типа относили к женскому роду) иногда тоже ошибалась, особенно при большой нагрузке, когда диктовали сразу десять—двенадцать человек. И вообще ни одна нормальная машина не может овладеть всеми тонкостями столь эксцентричного языка, как английский. Не говоря уж о том, что любой здравомыслящий человек просматривает напоследок свои донесения, прежде

чем отправлять их начальству. Сколько тяжких огорчений испытали те, кто целиком полагался на электронику...

Лоуренсу осталось сверить шесть страниц, когда зазвонил телефон.

— «Лагранж-2» вызывает, — доложил оператор (не автомат). — Некий доктор Лоусон хочет говорить с вами.

«Лоусон? Это еще кто такой?» — спросил себя главный. И тут же вспомнил: ну да, астроном, который искал «Селену» в свой телескоп. Ему, конечно, уже сообщили, что это ни к чему.

Главный инженер еще ни разу не встречался с доктором Лоусоном. Он не знал, что космический астроном — весьма раздражительный и весьма одаренный молодой человек. К тому же весьма упрямый, что в этом случае было всего важнее.

Том уже начал разбирать инфракрасный локатор, но вдруг призадумался. Устройство почти готово, почему бы из чисто научного любопытства не испытать его? Он по праву гордился своим талантом экспериментатора, довольно редким в век, когда большинство так называемых астрономов на деле были математиками и даже близко не подходили к обсерватории.

Только упрямство помогало Лоусону держаться на ногах, до того он устал к тому времени. Если бы прибор не заработал сейчас, Том отложил бы испытание и лег спать. Но иногда — очень редко — умение сразу вознаграждается успехом. Так было на этот раз: инфразазведчик действовал. Небольшая наладка — и на экране, строчка за строчкой, как в старинных телевизорах, возникло изображение Моря Жажды.

Светлые точки отвечали сравнительно теплым участкам, темные — холодным. Море Жажды было почти сплошь черным, кроме яркой полосы света там, где его гладь обожгли солнечные лучи. Всмотревшись, Том на темном фоне различил еле заметный след — как если бы в залитом лунным светом саду на Земле проползла улитка.

Никакого сомнения: это тепловой след «Селены». Он видел даже зигзаги пылекатов, еще разыскивающих корабль. Все следы сходились у Гор Недоступности, дальше они терялись за пределами его поля зрения.

Лоусон слишком устал, чтобы внимательно разглядывать экран — да и к чему? Ведь следы только подтверждали то, что и без того уже известно. Конечно, приятно, что еще

один собранный им прибор слушается. Порядка ради Том сделал фотоснимок с экрана, потом пошел спать.

Три часа спустя Лоусон проснулся. Не сон, а мука, он нисколько не отдохнул, что-то тревожило его. Как шелест движущейся пыли насторожил Пата Харриса в погребенной «Селене», так и Тома Лоусона, отделенного от Луны пятьюдесятью тысячами километров, разбудила какая-то малость, чуть заметное отклонение от нормального. У человеческого сознания много сторожевых псов, они порой лают попусту, но умный человек никогда не пренебрегает сигналом.

Еще не очнувшись как следует, Том вышел из своей тесной каморки, прицепился к транспортному канату и заскользил вдоль переходов с нулевой гравитацией к обсерватории. Кисло пожелал доброго утра (хотя на спутнике наступил уже условный вечер) тем из коллег, которые не успели свернуть в сторону, и поспешил уединиться среди своих любимых приборов.

Он выдернул из фотокамеры снимок и посмотрел на него. Короткий след тянулся от Гор Недоступности в Море Жажды, обрываясь недалеко от берега.

Том видел этот след несколько часов назад, когда глядел на экран — не мог не видеть! И не обратил на него внимания. Серьезный, почти непростительный промах для ученого. Том Лоусон не на шутку рассердился на себя. Наблюдательность не должна зависеть от скороспелых умозаключений.

Но что же все-таки это значит? Вооружившись лупой, Том придирчиво изучил весь район. Светлая полоска оканчивалась расплывчатым пятнышком; на местности это что-нибудь около двухсот метров в поперечнике. Странно, можно подумать, что «Селена», покинув горы, взлетела, подобно космическому кораблю.

В первый миг Том решил, что судно взорвалось и тепловое пятнышко — след взрыва. Но тогда на поверхности пылевого моря должны были остаться обломки. И пылекаты нашли бы их. Вот и отчетливый след пылеката, который прошел как раз в этом месте.

Значит, надо искать другой ответ. Остается только один вариант — и совсем невероятный. Невозможно представить себе, чтобы большой лунобус канул в Море Жажды лишь потому, что по соседству произошел подземный толчок. Нет, нельзя, опираясь только на одну фотографию, вызвать

Луну и сказать: «Вы не там ищите». Хоть Том и делал вид, что ему безразлично мнение других, он страшно боялся попасть впросак. Прежде чем говорить вслух об этой фантастической теории, надо заручиться еще какими-нибудь свидетельствами.

Сейчас залитое ярким светом Море выглядело в телескоп совершенно гладким. Визуальное наблюдение лишь подтверждало то, в чем Том Лоусон убедился еще до восхода Солнца: над пылевой равниной не возвышалось никаких бугорков. Инфракрасный локатор тоже не мог помочь. Тепловые следы успели исчезнуть, их стерли солнечные лучи.

Том настроил прибор на предельную чувствительность и еще раз осмотрел район, где обрывался след. Вдруг остался хоть какой-то намек, тепловое пятнышко, достаточно мощное, чтобы его можно было обнаружить даже теперь, когда на Луне занялось утро... Ведь Солнце только-только взошло, его лучи далеко не достигли своей полной, убийственной силы.

Что это?.. Неужели почудилось?

Работая на пределе, прибор может и ошибиться, но Том Лоусон был уверен, что видит на экране едва заметное мерцание как раз там, где обрывался след на фотографии.

Но все это так неубедительно! Какой ученый решится подставить себя под удар критики, располагая столь шаткими данными... Промолчать? И никто ничего не узнает — зато его всю жизнь будет преследовать сомнение. А рассказать о своей догадке — значит вызвать надежды, которые могут оказаться тщетными. Чего доброго, станешь посмешищем для всей Солнечной системы или обвинят в саморекламе.

А среднего пути нет, надо решать. Очень неохотно, отлично понимая, что после этого шага нельзя будет отступать, Том взял трубку телефона.

— Говорит Лоусон, — сказал он. — Соедините меня с Луной, срочно.

ГЛАВА 8

Завтрак, поданный пассажирам «Селены», был не особенно изысканный, но достаточно питательный. Правда, многие пассажиры остались недовольны: столовое печенье и мясной концентрат, ложечка меда и стакан теплой воды

не отвечали их представлению о плотной трапезе. Однако коммодор был непреклонен.

— Неизвестно, сколько нам здесь сидеть, — сказал он. — И боюсь, придется нам обойтись без горячих блюд. Во-первых, их негде приготовить, во-вторых, в кабине и без того жарко. Ни чая, ни кофе, к сожалению, не будет. Да, по чести говоря, нам совсем не вредно на несколько дней сократить потребление калорий.

Только сказав эти слова, Ханстен подумал о миссис Шастер. Хоть бы не приняла это за личный выпад... Супруга адвоката одна занимала полтора кресла, без корсета она напоминала добродушного гиппопотама.

— Наверху как раз взошло Солнце, — продолжал коммодор. — Спасатели работают полным ходом, теперь только вопрос времени, когда нас найдут. Можно даже заключать пари. Свои предположения сообщайте мисс Морли — она ведет бортовой журнал. А теперь о программе дня. Профессор Джаяварден, вы не расскажете, чем нас порадует комиссия по развлечениям?

Щуплый, с птичьей головой и неожиданно большими ласковыми карими глазами, профессор очень серьезно подошел к вопросу о развлечениях. Об этом красноречиво говорили листки, которые он держал в своих тонких смуглых руках.

— Как вам известно, — начал он, — я любитель театра. Боюсь, однако, здесь ничего не получится. Интересно читать пьесу в лицах, я даже думал о том, чтобы записать по памяти несколько актов. К сожалению, у нас мало бумаги. Значит, надо искать другой выход. Литературы на борту оказалось немного, и некоторые книги носят очень специальный характер. Но есть два романа: университетское издание классического вестерна «Шейн» и новый исторический роман «Апельсин и яблоко». Предлагаю выбрать несколько чтецов и прочесть эти книги вслух. Возражения есть? Или другие предложения?

— Мы хотим играть в покер, — донесся твердый голос из хвостовой части кабины.

— Но нельзя же играть в покер все время! — возразил профессор, обнаруживая плохое знание людей не академического круга.

Коммодор пришел ему на помощь.

— Чтение не отменяет покера, — сказал он. — А вообще я советую вам иногда делать перерыв, этих карт надолго не хватит.

— Итак, с какой книги мы начнем? И кто будет читать? Я с удовольствием почитаю вслух, но хорошо бы выделить кого-нибудь на смену.

— По-моему, не стоит тратить время на «Апельсин и яблоко», — вступила мисс Морли. — Эта книжонка — просто дрянь, она... гм... почти порнографическая.

— Откуда вы это знаете? — спросил Дэвид Баррет, англичанин, который хвалил чай.

Ответом ему было возмущенное фырканье. Профессор Джаяварден растерялся и озабоченно поглядел на коммодора, ища поддержки. Тщетно. Ханстен пристально смотрел в другую сторону. Нельзя, чтобы пассажиры со всем шли к нему. Пусть, насколько это возможно, обходятся своими силами.

— Отлично, — сказал наконец профессор. — Чтобы не спорить, начнем с «Шейна».

Послышались протестующие возгласы: «Мы хотим “Апельсин и яблоко”!» Но профессор проявил неожиданную твердость.

— Это очень длинная книга, — ответил он, — мы вряд ли успеем ее закончить до появления спасателей.

Джаяварден прокашлялся, окинул взглядом кабину, проверяя, есть ли еще возражающие, затем начал читать очень приятным певучим голосом:

— Предисловие: «Роль вестернов в космический век». Автор — профессор английского языка Карл Адамс. В основу предисловия легли работы семинара по критике в Чикагском университете.

Картежники еще не решились; один из них лихорадочно рассматривал клочки бумаги, которые служили картами. Остальные пассажиры уселись поудобнее. Глаза одних выражали скуку, других — интерес. Мисс Уилкинз проверяла в камере перепада запасы провизии. Мягкий голос продолжал:

— «Одним из наиболее неожиданных литературных событий нашего столетия оказалось возрождение, после полувековой опалы, жанра, известного под названием “вестерн”. Эти романы, действие которых четко ограничено местом и временем — Земля, Соединенные Штаты Америки, прибли-

зительно 1865—1880 годы, — очень долго были в числе наиболее популярных книг в мире. Появились миллионы вестернов, почти все печатались в дешевых журнальчиках или выходили отдельными, скверно оформленными книжками. Но из этих миллионов некоторые произведения обладали как литературной, так и документальной ценностью, хотя нужно все время помнить, что авторы описывали события, происходившие задолго до их рождения.

Когда в семидесятых годах девятнадцатого века человек начал освоение Солнечной системы, границы американского Запада казались столь смехотворно тесными, что читатель утратил к ним интерес. Разумеется, это столь же нелогично, как если бы отвергли “Гамлета” на том основании, что события, которые разыгрались в каком-то захолустном датском замке, не могли иметь мирового значения.

Однако за последние годы отмечается некий обратный сдвиг. Мне известно из достоверных источников, что вестерны стали наиболее популярным родом литературы в библиотеках межпланетных лайнеров, бороздящих космос. Давайте же попытаемся доискаться причины этого видимого парадокса, поищем звено, которое соединяет старый американский Запад и новый Космос.

Пожалуй, для этого лучше отвлечься от наших современных научных достижений и мысленно перенестись в чрезвычайно примитивный мир 1870-х годов. Представьте себе огромную, теряющуюся в туманной дали равнину, окаймленную мглистыми горами. По этой равнине невыносимо медленно ползет караван громоздких фургонов. Караван охраняют вооруженные всадники, ведь кругом индейская территория. Чтобы добраться до гор, фургонам понадобится больше времени, чем лучшим современным лайнерам на перелет Земля—Луна. Вот почему просторы прерий были для людей той поры столь же обширны, сколь для нас просторы Солнечной системы. Это одно из звеньев, соединяющих нас с вестернами; есть и другие, более важные. Чтобы представить себе их, необходимо сперва рассмотреть роль эпического в литературе...»

«Как будто все в порядке», — подумал коммодор. Больше часа читать не стоит. За это время профессор управится с предисловием и прочтет несколько глав романа. А там можно переключиться на что-нибудь другое, лучше всего прервав

чение на особенно волнующем эпизоде, чтобы слушателям не терпелось вернуться к книге.

Второй день в плену у лунной пыли начался гладко, настроение хорошее. Но сколько еще дней впереди?..

Ответ на этот вопрос зависел от двух людей, которые — хотя их разделяло пятьдесят тысяч километров — мгновенно прониклись взаимной неприязнью.

Отчет доктора Лоусона вызвал в душе главного инженера противоречивые чувства. У этого астронома дурная манера разговаривать, особенно если учесть, что юнец обращается к начальнику, который вдвое старше его. «Он говорит со мной так, — думал Лоуренс сперва снисходительно, но затем все более раздражаясь, — словно я глуповатый ребенок, которому нужно все разжевывать...»

Выслушав Лоусона, главный инженер несколько секунд молча изучал фотографии, переданные по телефаксу. Первая, снятая до восхода Солнца, выглядела убедительно — однако она еще ничего не доказывала. На снимке, сделанном после восхода, не видно того, о чем говорил астроном. Быть может, на оригинале что-нибудь и заметно, но поди положишься на слово этого неприятного молодого человека.

— Все это очень интересно, — сказал наконец Лоуренс. — Жаль только, что вы не продолжали наблюдать после того, как сделали первый снимок. Тогда у нас, наверное, были бы более убедительные данные.

Хотя критика была обоснована (а может быть, именно поэтому), Том тотчас закусил удила.

— Если вы считаете, что другой справился бы лучше... — огрызнулся он.

— Что вы, мне это и в голову не приходило, — миролюбиво ответил Лоуренс. — Но что нам все это дает? Как ни мала точка, которую вы указали, ее координаты могут колебаться в пределах полукилометра, а то и больше. Боюсь, что на поверхности ничего не видно, даже при дневном свете. Нельзя ли добиться большей точности?

— Можно. Это очень просто: надо применить ту же технику на поверхности Луны. Обследуйте район инфракрасным локатором. Он тотчас покажет все тепловые точки, даже если их температура всего на долю градуса выше окружающей среды.

— Хорошая мысль, — сказал главный. — Я посмотрю, что можно сделать, и свяжусь с вами, если мне нужно будет узнать еще что-нибудь. Благодарю вас... доктор.

Лоуренс поспешно положил трубку, вытер лоб и тут же попросил, чтобы его снова соединили со спутником.

— «Лагранж-2»? Говорит главный инженер Эртсайда. Начальника станции, пожалуйста... Профессор Котельников? Это Лоуренс... Спасибо, здоровье в порядке. Я только что говорил с вашим доктором Лоусоном... Нет-нет, он ничего не сделал, только чуть не вывел меня из себя. Лоусон искал наш пропавший пылеход, и ему кажется, что он обнаружил его. Мне важно знать, насколько он компетентен?

В последующие пять минут главный инженер узнал довольно много о молодом докторе Лоусоне; пожалуй, больше даже, чем ему полагалось по чину, каким бы секретным ни был разговор. Воспользовавшись тем, что профессор Котельников остановился перевести дух, Лоуренс сочувственно заметил:

— Теперь понятно, почему вы с ним миритесь. Бедный юноша, я-то думал, что сиротские приюты кончились с Диккенсом и двадцатым столетием. Слава Богу, что приют сгорел. Вы думаете, он его поджег? Ладно, это неважно, вы сказали, что он превосходный наблюдатель, этого мне достаточно. Большое спасибо. Навестили бы нас как-нибудь?

За полчаса Лоуренс связался с десятком различных точек на Луне. Он собрал обширную информацию; теперь надо было действовать.

Обсерватория «Платон». Патер Ферраро считает, что догадка Лоусона звучит вполне правдоподобно. Он и сам уже заподозрил, что очаг лунотрясения находился под Морем Жажды, а не под Горами Недоступности. Но доказать не может, так как Море Жажды глушит все колебания. Нет, полной карты глубин еще не составили, прощупать все дно эхолотом — слишком долгая и трудоемкая работа. Сам он кое-где опускал телескопический щуп; везде глубина была меньше сорока метров. Средняя глубина, по его расчетам, около десяти метров, вдоль берегов совсем мелко. Инфракрасного детектора у него нет, но, может быть, астрономы Фарсайда могут помочь?

«Достоевский». К сожалению, инфракрасного детектора нет. Мы работаем в полосе ультрафиолета. Попробуйте спросить «Верн».

«Верн». О да, мы работали в инфракрасной полосе, несколько лет назад делали спектрограммы красных гигантов. Но представьте себе — как ни разрежена лунная атмосфера, она давала помехи! Пришлось перенести исследования в космос. А вы запросите «Лагранж»...

После этого Лоуренс попросил Диспетчерскую сообщить ему расписание кораблей, выходящих с Земли. Ответ его устраивал, но следующий шаг требовал немалых расходов, которые мог разрешить только главный администратор.

Великолепное качество Ульсена: он никогда не спорил без нужды с подчиненными о том, что входило в их круг полномочий. Внимательно выслушав Лоуренса, главный администратор сразу подвел итог:

— Если астроном угадал, есть надежда, что они еще живы.

— Не только надежда — я почти уверен в этом. Ведь Море мелкое, значит, они не могли погрузиться очень глубоко. Давление на корпус не так уж велико, вполне мог выдержать.

— И вы хотите, чтобы этот Лоусон помог в розысках.

Главный инженер развел руками:

— Хочу? Нет, я бы не хотел с ним сотрудничать. Но боюсь, нам без него просто не справиться.

ГЛАВА 9

Командир грузового корабля «Аурига» бушевал, команда тоже, но пришлось подчиниться. Через десять часов после вылета с Земли, в пяти часах от Луны поступил приказ подойти к «Лагранжу». Потеря скорости, дополнительные расчеты... И ко всему вместо Клавия садиться в этом захолустье, Порт-Рорисе, чуть не на обратной стороне Луны! В разные точки Южного полушария полетели радиogramмы, отменяющие обеды и свидания...

В ста километрах от «Лагранжа-2» «Аурига» остановилась; вдали, весь в оспинах, отороченный вдоль восточной кромки рябью гор, серебрился почти полный диск Луны. Ближе ста километров к спутнику подходить нельзя: помехи от аппаратуры ракеты да плюс излучение двигателей нарушали работу чутких приборов космической станции. Только старомодным ракетам на химическом горючем разрешалось пролетать вблизи от «Лагранжа», на плазменные и атомные двигатели был наложен запрет.

С двумя чемоданами (в маленьком — одежда, в большом — приборы) Том Лоусон покинул «Лагранж-2» на ракете местного сообщения и через двадцать минут был на борту грузового лайнера; пилот не спешил, как ни торопили его с «Ауриги». Нового пассажира встретили довольно холодно. Разумеется, Лоусона приняли бы совсем иначе, если бы на борту знали о его задании, но главный администратор приказал пока хранить все в секрете. Зачем будить у родственников надежды, которые могут еще и не оправдаться? Начальник «Лунтуриста» хотел немедленно известить печать — пусть видят, что они делают все от них зависящее. Однако Ульсен твердо возразил:

— Подождем, что выйдет. А тогда, — пожалуйста, приглашайте своих друзей из информационных агентств.

Его распоряжение опоздало: на борту «Ауриги» находился начальник отдела «Интерплэнет Ньюс» Морис Спенсер, который летел к новому месту службы, в Клавий. Спенсер еще не решил, считать ли это повышением после Пекина или наоборот. Во всяком случае, перемена...

В отличие от остальных пассажиров, он ничуть не возмущался переменой курса. Задержка не была ему помехой, напротив, газетчик всегда рад необычному, оно вырывает из повседневности. Разве это не странно: лайнер, следующий на Луну, теряет несколько часов и огромное количество энергии ради того, чтобы подобрать какого-то угрюмого молодого человека с двумя чемоданами. И почему вместо Клавия — Порт-Рорис? «Велели с Земли, приказ сверху», — объяснил капитан. Похоже, он действительно больше ничего не знает.

Словом, загадка. А загадки — хлеб Спенсера. Он попытался угадать, в чем тут дело. И был очень недалек от истины.

Не иначе, это связано с пропавшим пылеходом, о котором пошло столько толков на Земле как раз перед их вылетом. И этот ученый с «Лагранжа» либо знает что-то о пылеходе, либо может помочь в розысках. Но почему такая секретность? Какой-нибудь промах или скандал, который Лунная администрация старается скрыть? Другой причины Спенсер не мог себе представить.

Он не торопился заговаривать с Лоусоном и с удовольствием наблюдал, какой отпор получили те из пассажиров, которые попробовали затеять беседу с новичком. Морис Спенсер ждал своей поры, и она наступила за тридцать минут до посадки.

Не случайно Спенсер оказался рядом с Лоусоном, когда велили занять места в креслах и пристегнуть пояса перед торможением. Вместе с ними еще пятнадцать пассажиров смотрели на телевизионный экран, на котором стремительно приближающаяся Луна казалась даже ярче, чем в действительности. В затемненной кабине было словно внутри старинной камеры-обскуры; конструкторы космических кораблей наотрез отказались делать обзорные окна, считая их слишком уязвимыми.

Ландшафт быстро разросся, и картина была великолепная, незабываемая, но Спенсер смотрел на нее вполглаза. Его занимало лицо соседа, этот орлиный профиль, который можно было различить в слабом свете экрана.

— Кажется, где-то там, — заговорил он будто невзначай, — пропал корабль с туристами?

— Да, — не сразу ответил Том.

— Я совсем плохо знаю географию Луны... Вы не слышали, в каком месте это случилось?

Морис Спенсер давным-давно открыл, что можно извлечь информацию даже из самого необщительного человека. Нужно только внушить собеседнику, что он делает вам одолжение; и ведь так лестно козырнуть своей осведомленностью. Эта уловка приносила успех в девяти случаях из десяти, она помогла и теперь.

— Они находятся вот там, — сказал Том Лоусон, показывая на середину экрана. — Вот Горы Недоступности, их со всех сторон окружает Море Жажды.

Спенсер с неподдельным трепетом смотрел на мчащиеся прямо на них черно-белые горы. Как бы пилот — будь то

человек или автомат — не подвел: очень уж быстро они падают. Но тут он заметил, что горы вместе с окружающим их серым пятном уходят вправо. Значит, ракета поворачивает к точке, которая находится где-то в левой части экрана. Слава Богу, там вроде поровнее.

— Порт-Рорис, — вдруг по своему почину заговорил Том, и Спенсер увидел слева черное пятнышко. — Мы идем туда.

— Вот и хорошо! Не люблю садиться в горах, — отозвался газетчик, направляя разговор в нужное ему русло. — Если этих бедняг занесло в этот хаос, пиши пропало, не найдут. К тому же их как будто накрыло лавиной?

Том снисходительно усмехнулся:

— Вот именно: как будто.

— Что, разве это не так?

Том Лоусон спохватился, что сказал лишнее.

— Больше ничего не могу вам сообщить, — ответил он все так же заносчиво и высокомерно.

Спенсер не стал наседавать. Он услышал достаточно, чтобы решить: Клавий подождет, сейчас важнее Порт-Рорис. Он окончательно утвердился в своем намерении, когда — не без зависти — увидел, как доктор Лоусон за три минуты прошел врачебный, таможенный, иммиграционный, валютный и все прочие виды контроля.

Если бы кто-нибудь посторонний подслушал, что происходит в кабине «Селены», он был бы весьма озадачен. Корпус пылехода отзывался далеко не мелодичными звуками на нестройный хор голосов. Двадцать один человек, всяк на свой лад, пели:

— С днем рождения!

Когда смолк шум, коммодор Ханстен спросил:

— Кто еще, кроме миссис Уильямс, вспомнил, что родился как раз сегодня? Я понимаю, некоторые дамы, достигнув известного возраста, становятся скрытными...

Больше никто не признался, но сквозь всеобщий смех пробился голос Данкена Мекензи:

— Кстати, о днях рождения: я не раз выигрывал пари на них. В году триста шестьдесят пять дней — сколько людей надо собрать вместе, чтобы вероятность того, что двое из них родились в один день, оказалась больше пятидесяти процентов?

Короткая пауза, все обдумывали вопрос, потом кто-то ответил:

— По-моему, надо триста шестьдесят пять разделить пополам. Выходит, сто восемьдесят человек.

— Ответ естественный — и неверный. Достаточно двадцати пяти человек.

— Ерунда! Двадцать пять дней из трехсот шестидесяти пяти... Не получится такого соотношения!

— Простите, но это так. А если собрать больше сорока человек, девяносто шансов из ста за то, что у двоих совпадет день рождения. Нас только двадцать два, но давайте попробуем? Вы не против, коммодор?

— Нисколько. Я обойду кабину и опрошу каждого.

— Нет-нет, — возразил Мекензи. — Кто-нибудь может смошенничать. Даты надо записывать, чтобы никто не подслушал чужих ответов.

Кто-то пожертвовал почти чистым листком из туристской брошюры, листок разорвали на двадцать две части и клочки раздали. Когда они были собраны, оказалось, что Пат Харрис и Роберт Брайен родились 23 мая. Все удивлялись, а Мекензи торжествовал.

— Чистое совпадение! — заключил один скептик, и тотчас несколько пассажиров затеяли жаркий математический спор.

Женщин этот предмет не увлекал — то ли их не занимала математика, то ли они избегали говорить о днях рождения.

Наконец коммодор решил, что пора переключиться на другую тему.

— Дамы и господа! Перейдем к следующему пункту нашей программы. Мне приятно сообщить вам, что комиссия по развлечениям в составе миссис Шастер и профессора Джая... словом, нашего уважаемого профессора, придумала шутку, которая обещает нам немало веселых минут. Они предлагают учредить суд и устроить перекрестный допрос каждого из присутствующих. Задача суда — выяснить: почему мы избрали для путешествия именно Луну? Конечно, среди вас могут оказаться такие, что не пожелают отвечать. Кто знает, — может быть, половина из вас скрывается от полиции или от собственных жен. Пожалуйста, можете отказать, но не обижайтесь, если мы из этого сделаем не-

лестный для вас вывод. Ну как, понравилось наше предложение?

Одни восприняли его восторженно, другие ироническими возгласами выразили свое неодобрение, но никто не восстал решительно против, и коммодор приступил к делу. Как-то само собой вышло, что его избрали председателем суда, а Ирвинга Шастера назначили прокурором.

Первый ряд кресел повернули лицом к кабине. Здесь заняли места председатель и прокурор. Когда все было готово и секретарь суда (то есть Пат Харрис) призвал присутствующих к порядку, председатель взял слово.

— Сейчас мы не решаем вопрос о виновности, — сказал он, с трудом сохраняя на лице серьезность. — Нам нужно определить, есть ли состав преступления. Если кто-либо из свидетелей сочтет, что мой ученый коллега оказывает на него давление, он может апеллировать к суду. Прошу секретаря пригласить первого свидетеля.

— Э-э, гм... ваша честь, а кто первый свидетель? — резонно осведомился секретарь.

Потребовалась десятиминутная дискуссия с участием суда, прокурора и любителей поспорить из публики, чтобы разрешить эту немаловажную проблему. В конце концов постановили тянуть жребий; первым выпало отвечать Девиду Баррету.

Чуть улыбаясь, свидетель прошел вперед и занял свое место в узком проходе между креслами.

Ирвинг Шастер, который в нижнем белье был мало похож на официальное лицо, сурово прокашлялся.

— Ваше имя Девид Баррет?

— Совершенно верно.

— Род занятий?

— Инженер-машиностроитель, теперь на пенсии.

— Мистер Баррет, расскажите суду, что именно привело вас на Луну.

— Мне захотелось посмотреть, что же это такое — Луна. Время для путешествий у меня есть, деньги тоже.

Ирвинг Шастер искоса поглядел на Баррета сквозь толстые линзы очков; он давно заметил, что такой взгляд озадачивает свидетелей. Носить очки считалось в двадцать первом веке чудачеством, но врачи и юристы, особенно постарше

годами, все еще пользовались ими. Больше того, очки стали как бы символом профессии.

— Вам «захотелось узнать», — повторил Шастер слова Баррета. — Это не объяснение. Почему вам захотелось?

— Боюсь, ваш вопрос сформулирован слишком неопределенно. Почему человек вообще поступает так, а не иначе?

Коммодор Ханстен довольно улыбнулся. Это именно то, чего он добивался: пусть пассажиры спорят и обсуждают вопрос, который всем интересен и вместе с тем не вызовет ни обид, ни чрезмерных страстей. (Ну а если такая угроза возникнет, от него зависит навести порядок в суде.)

— Я признаю, — продолжал адвокат, — что мой вопрос нуждается в уточнении. Попробую сформулировать его иначе.

Он подумал немного, перебирая свои бумаги — всего-навсего листки из путеводителя. На полях Шастер набросал кое-какие вопросы, просто так, для вида. Он не любил выступать в суде с пустыми руками. Сколько раз в его практике несколько секунд мнимой консультации с бумагами приносили неоценимую пользу.

— Верно ли будет сказать, что Луна привлекла вас красотами ландшафта?

— Да, отчасти и это. Я просматривал путеводители, видел кинофильмы и не раз спрашивал себя, насколько они отвечают действительности.

— И к какому выводу вы пришли теперь?

— Я бы сказал, — сухо ответил свидетель, — что действительность превзошла все мои ожидания.

Его слова были встречены дружным смехом. Коммодор постучал по спинке своего кресла.

— Призываю к порядку! — воскликнул он. — Иначе мне придется удалить нарушителей из зала суда!

Как он и ожидал, это замечание вызвало новый, еще более сильный взрыв смеха. Ханстен предоставил пассажирам посмеяться вволю. Наконец веселье стихло, и Шастер продолжал допрос. Он совершенно вошел в роль.

— Очень интересно, мистер Баррет. Вы прилетели на Луну, потратили столько денег, чтобы полюбоваться видами. Скажите, пожалуйста, вам приходилось видеть Гранд-Каньон?

— Нет. А вам?

— Ваша честь! — воззвал Шастер к председателю. — Свидетель неправильно держит себя.

Коммодор строго посмотрел на Баррета, но тот ничуть не смутился.

— Мистер Баррет, не вы ведете допрос. Ваше дело отвечать на вопросы, а не задавать их.

— Милорд, я приношу суду извинения, — ответил свидетель.

— Гм... Разве я «милорд»? — неуверенно обратился Ханстен к Шастеру. — Мне казалось, что я «ваша честь».

Юрист поразмыслил с важным видом.

— Я предлагаю, ваша честь, чтобы каждый свидетель соблюдал те формы, к которым он привык в своей стране. Это вполне допустимо, пока проявляется должное уважение к суду.

— Хорошо. Продолжайте.

Шастер снова повернулся к свидетелю:

— Хотелось бы услышать, мистер Баррет, почему вы сочли нужным отправиться на Луну, хотя далеко еще не рассмотрели всю Землю? У вас были какие-нибудь веские причины для столь нелогичного поведения?

Вопрос был отличный, как раз такой, который мог занимать всех, и Баррет постарался ответить убедительно.

— Я довольно хорошо знаю Землю, — медленно произнес он с ярко выраженным английским произношением, таким же редким, как очки. — Жил в гостинице «Эверест», побывал на обоих полюсах, даже спускался на дно впадины Калипсо. Словом, немало повидал, и родная планета уже не могла меня ничем удивить. А в каких-нибудь сутках пути — Луна, все новое, совсем другой мир. Новизна меня и привлекала.

Ханстен только краем уха слушал обстоятельный, неторопливый анализ. Пока говорил Баррет, он мог без помех изучать остальных. Коммодор успел уже составить себе представление о команде и пассажирах, определил, на кого можно положиться, от кого ждать подвоха, если дело обернется худо.

Наиболее надежен, естественно, капитан Харрис. Коммодор хорошо знал людей этого склада, он часто встречал их в космосе, но еще чаще в учебных центрах, например в Астротехе. (Когда Ханстен выступал там с лекциями, перед ним всегда сидели подтянутые, аккуратно выбритые Паты Харрисы.) Пат толковый молодой человек со склонностью

к технике, но лишенный честолюбия, нашел себе работу как раз по плечу в таком месте, где от него требовались только осмотрительность и учтивость. (Ханстен не сомневался, что миловидные пассажирки особенно ценили в нем второе качество.) Он добросовестен, дисциплинирован, суховат, будет честно выполнять свой долг и — в отличие от многих более одаренных людей — умрет мужественно, без жалоб. Это может оказаться особенно ценным здесь, на пылеходе, если их не выручат через пять дней.

Не меньшая ответственность выпала сейчас на стюардес-су мисс Уилкинз. Это не стандартный тип космической стюардессы: пресное обаяние и застывшая улыбка. Ханстен успел определить, что мисс Уилкинз девушка с характером и образованная. Впрочем, то же самое можно было сказать и о многих девушках ее профессии.

Словом, с командой ему повезло. А как пассажиры? Разумеется, они незаурядные люди, иначе они вообще не оказались бы на Луне. В кабине «Селены» собрано изрядно ума и талантов, но в том-то вся нелепость положения, что ни ум, ни дарование их не выручат. Здесь важен характер, сила духа — попросту говоря, мужество.

В двадцать первом веке мало кому требовалось физическое мужество. От рождения и до самой смерти люди ни разу не глядели в глаза опасности. Пассажиры «Селены» не были подготовлены к таким испытаниям, а на играх да развлечениях далеко не уедешь.

Не пройдет и двенадцати часов, сказал себе коммодор, как появится первая трещина. К тому времени всем станет ясно, что какое-то препятствие задерживает спасателей и что эта задержка может оказаться роковой.

Ханстен еще раз быстро обвел взглядом кабину. Если не считать не совсем опрятного вида, все они пока остаются разумными и выдержанными членами общества.

Кто из них сдаст первым?..

ГЛАВА 10

К доктору Тому Лоусону, заключил главный инженер Лоуренс, нельзя применить древнее правило: «Знать — значит простить». Он знал, что на долю Лоусона выпало приютское

детство, без родительской любви и ласки, что астроном вышел в люди только благодаря своему уму, в ущерб всем прочим человеческим качествам. Он мог понять Лоусона, и все-таки тот ему не нравился. «Удивительное невезение, — говорил себе Лоуренс, — на триста тысяч километров вокруг из всех ученых только у этого типа есть инфракрасный локатор, и только он знает, как с ним обращаться...»

В этот самый миг Том Лоусон, сидя в кресле наблюдателя на «Пылекате-2», заканчивал наладку неказистой на вид, но вполне работоспособной конструкции. Локатор стоял на треноге, которую укрепили на крыше пылеката, и мог поворачиваться в любом направлении.

Как будто действует... Но поручиться трудно: здесь, в тесном герметическом ангаре, множество всяких источников тепла. Только на Море можно будет проверить по-настоящему.

— Готово, — доложил наконец Лоусон главному инженеру. — Разрешите сказать несколько слов человеку, который будет работать с локатором.

Как поступить?.. Главный внимательно посмотрел на астронома. Одинаково сильные доводы говорят и «за», и «против», нельзя только допустить, чтобы повлияли личные чувства. Дело слишком важное.

— Вы можете работать в космическом скафандре? — спросил он Лоусона.

— Я их никогда в жизни не надевал. Они нужны только для наружных работ, а это дело инженеров.

— Так вот, вам представляется случай научиться, — ответил главный инженер, игнорируя шпильку. (Если это вообще шпилька; похоже, неучтивость астронома объясняется скорее незнанием светских приличий, чем сознательным пренебрежением ими.) — На пылекате это не так уж сложно. Будете спокойно сидеть в кресле наблюдателя. Автоматический регулятор сам следит за кислородом, температурой и прочим. Одно только меня смущает...

— Что именно?

— Вы не страдаете клаустрофобией?

Том замаялся. Разумеется, перед отправкой в космос его проверяли по всем статьям, однако он подозревал — и не зря, — что некоторые психологические тесты прошел еле-еле. Конечно, он не ярко выраженный клаустрофоб, тогда

его просто не допустили бы на борт космического корабля. Но одно дело корабль, совсем другое — скафандр.

— Выдержу, — ответил он наконец.

— Только не насилуйте себя, — строго сказал Лоуренс. — Желательно, чтобы вы пошли с нами, но выжимать из вас ложный героизм я не хочу. Все, о чем я вас прошу: принять решение, прежде чем мы покинем ангар. Потом, в двадцати километрах от берега, поздно будет передумывать.

Том посмотрел на пылекат и прикусил губу. Сама мысль о том, чтобы на таком хрупком сооружении нестись по этому адову пылевому морю, казалась ему безумием. Но эти люди каждый день туда ходят. И если прибор вдруг забастует, он хоть попытается исправить его.

— Вот скафандр вашего размера, — продолжал Лоуренс. — Примерьте его, может быть, это поможет вам решиться.

Том натянул на себя эластичный костюм, который так и норовил собраться в складки, застегнул молнию спереди и выпрямился. Он еще не надел шлема, но уже чувствовал себя неуютно. Пристегнутый к костюму кислородный баллон казался ему очень уж маленьким. Лоуренс перехватил озабоченный взгляд астронома.

— Не волнуйтесь, это всего-навсего четырехчасовой аварийный запас. Он вам не понадобится. Главные баллоны стоят на пылекате. А теперь осторожно... Поберегите нос, как бы не прищемило шлемом.

По лицам окружающих Том понял, что наступает критическая минута. Пока шлем не надет, ты еще частица человечества; потом ты уже один в маленьком механическом мире. И пусть лишь несколько сантиметров отделяет тебя от других людей, но ты видишь их через толстый пластик, разговариваешь с ними по радио, не можешь прикоснуться к ним иначе как через двойной слой искусственной «кожи». Кто-то некогда писал, что смерть в космическом скафандре — это смерть в одиночестве. Впервые Том подумал, что автор этих слов, пожалуй, прав...

Вдруг из крохотных динамиков в шлеме гулко прозвучал голос главного инженера:

— Все очень просто, кнопки переговорного устройства — на панели справа. Обычно вы соединены с водителем. Эта цепь включена все время, пока вы оба находитесь на пылекате, можете разговаривать сколько угодно. А когда она

разомкнется, вы переходите на радиосвязь — как сейчас, слушая меня. Нажмите, пожалуйста, кнопку «Передача» и отвечайте.

— А что это за красная кнопка «Аварийная»? — спросил Том, выполнив команду главного инженера.

— Вам не придется ею пользоваться... надеюсь. Эта кнопка включает приводной маяк, который будет слать сигналы в эфир, пока вас не разыщут. Не трогайте ничего без нашего указания, особенно красную кнопку.

— Хорошо, — ответил Том. — Поехали.

Довольно неуклюже, так как не успел еще свыкнуться ни с костюмом, ни с лунным тяготением, он прошагал к «Пылекату-2» и сел в кресло наблюдателя. Тонкий шланг — своего рода пуповина, включаемая в гнездо на правом бедре, — соединил костюм с кислородными баллонами, интеркомом и электросетью. В крайнем случае это устройство позволит ему протянуть, пусть без особого комфорта, дня три-четыре...

Маленький ангар был рассчитан как раз на два пылеката, и насосы в несколько минут выкачали из него весь воздух. Скафандр сразу стал заметно тверже, и Тома вдруг охватил приступ страха. Главный инженер и оба водителя глядели на него. Они не увидят его испуга, он не доставит им этого удовольствия. А вообще-то, кого не возьмет оторопь при первой в жизни встрече с вакуумом!

Дверь распахнулась, и Лоусона будто толкнули невидимые пальцы: из ангара вырвались наружу остатки воздуха. И вот перед ним, до самого горизонта, пустынная серая гладь Моря Жажды.

Невероятно. Неужели ожило то, что он до сих пор видел только из космоса? (Интересно, кто сейчас смотрит в сто-сантиметровый телескоп? Кто из его коллег в эту минуту несет вахту на посту высоко-высоко над Луной?) Это уже не картинка, нарисованная на экране крылатыми электронами, а то самое недоброе аморфное вещество, которое бесследно поглотило двадцать два человека. По этой глади он, Том Лоусон, должен идти на таком непрочном сооружении...

Но размышлять было некогда. Легкая дрожь под ногами — винты уже вращаются. Следом за «Пылекатом-1» они заскользили по поверхности Луны.

Едва вышли из длинной тени, которая протянулась от здания Порт-Рориса, как встретили лучи восходящего Солнца. Даже через автоматические защитные фильтры было опасно смотреть на неистовое бело-голубое пламя в восточной части неба.

«Стоп, — поправил себя Том, — ведь я не на Земле, а на Луне, здесь Солнце восходит на западе. Значит, мы идем на северо-восток, в Залив Росы, по пути “Селены”...»

Низкие купола Порт-Рориса быстро уходили за горизонт, и ощущение скорости словно окрылило Тома. Но ненадолго: едва скрылись из виду все ориентиры, возникла иллюзия, что они застыли в центре бескрайней равнины. Несмотря на гул вращающихся винтов и беззвучный медленный полет пылевых парабол за кормой, казалось, что пылекаты не движутся. Том знал: за каких-нибудь два часа они пересекут все Море, и все-таки боролся с тягостным чувством, будто световые годы отделяют их от других людей. И в душе его, хотя и поздно, зародилось уважение к тем, с кем он теперь сотрудничал.

Что ж, самая пора проверить прибор...

Включив локатор, Том направил его в сторону, откуда они вышли. И удовлетворенно отметил ярко светящуюся колею на темной поверхности Моря. Конечно, это пустячная задача для локатора; обнаружить на фоне все более сильного утреннего зноя остывающий тепловой след «Селены» будет в миллион раз сложнее. И все-таки уже легче на душе: если бы прибор вообще не сработал здесь, можно было бы сразу ставить крест на всей затее.

— Ну как? — спросил главный инженер; должно быть, он следил со своего пылеката за действиями Тома.

— Прибор работает, — осторожно ответил Том. — Как будто все в порядке.

Он навел локатор на тонкий серп Земли. Мишень сложнее, впрочем, ненамного: не нужно большой чувствительности, чтобы уловить ласковое тепло родной планеты, окруженной холодом космической ночи.

Вот оно, инфракрасное изображение Земли... Странное, с первого взгляда даже озадачивающее зрелище. Вместо четкого серпа совершенной геометрической формы он видел размытый гриб, ножка которого вытянулась по экватору.

Понадобилось несколько секунд, чтобы осмыслить изображение. Оба полюса срезаны, это и понятно: они слишком холодные, при таком уровне чувствительности их не обнаружишь. Но что это за выпуклость в ночной, неосвещенной части планеты? Ну конечно, он видит излучение тропических океанов, они отдают во мрак тепло, накопленное за день. В инфракрасном спектре экваториальная ночь была светлее, чем полярный день.

Лишнее напоминание об истине, которую всегда должен помнить ученый: органы чувств человека воспринимают лишь частичную и искаженную картину Вселенной. Том Лоусон никогда не слышал Платонова сравнения людей с узниками в пещере, стремящимися по теньям на стене представить себе внешний мир. Между тем его опыт, наверное, пришелся бы по душе Платону. Какая Земля «настоящая»? Видимый глазом безупречный серп, косматый инфракрасный гриб — или ни то ни другое?

Кабинет был тесноват даже для Порт-Рориса, который служил всего-навсего транзитной станцией между Эртсайдом и Фарсайдом, а также базой для туристов, посещавших Море Жажды. (Правда, этот маршрут сейчас как будто утратил свою притягательную силу...) Лет тридцать назад Порт-Рорис был у всех на устах: в ту пору здесь орудовал один из немногих «лунных» преступников, Джерри Бадкер, который неплохо нажился, торгуя поддельными осколками «Лунника-2». Конечно, его слава не могла сравниться со славой Робин Гуда или Билли Кида, но на Луне и Бадкер был величиной.

Морис Спенсер был даже рад, что Порт-Рорис такой тихий городишко. И ведь это ненадолго — особенно если его коллеги в Клавии проведдают, что начальник отдела «Интерплэнет Ньюс» почему-то застрял в Рорисе и не торопится на юг, где заманчиво сверкают огни большого (население 52 647 человек) города. Зашифрованная радиотелеграмма на Землю, должно быть, уже успокоила начальство; оно привыкло полагаться на его интуицию и сообразит, в чем дело. Рано или поздно сообразят это и конкуренты, но к тому времени Морис Спенсер надеялся намного опередить их.

Сейчас он обрабатывал все еще недовольного капитана «Ауриги». Капитан Ансон только что закончил долгий — на

целый час — и очень неприятный телефонный разговор с заказчиком в Клавии. Компания «Макайвер, Макдональд, Маккарти и Маккелох» явно считала Ансона повинным в том, что «Аурига» села в Порт-Рорисе. В конце концов он повесил трубку, сказав, чтобы они выяснили этот вопрос в управлении. А в Эдинбурге сейчас воскресенье, раннее утро; поневоле им придется пока оставить его в покое.

После второй стопки Ансон слегка оттаял. С человеком, который способен раздобыть виски «Джонни Уокер» в Порт-Рорисе, стоит ладить, и капитан спросил Спенсера, как ему это удалось.

— Печать — великая сила, — усмехнулся тот. — Репортер не выдает своих источников, иначе он недолго продержится.

Морис Спенсер достал из портфеля кипу карт и фотографий.

— Вот это было куда сложнее раздобыть в такой короткий срок, — продолжал он. — И я вас очень прошу, капитан, пусть это все останется между нами. Дело совершенно секретное, во всяком случае пока.

— Разумеется. Речь идет о «Селене»?

— Ага, вы тоже догадались? Да, «Селена»... Может быть, ничего и не получится, но я хочу быть во всеоружии.

Спенсер положил на стол большую фотографию — вид Моря Жажды, снятый с малой высоты разведывательным спутником и размноженный Топографическим управлением Луны. Хотя снимок был сделан вечером, когда тени падали в противоположную сторону, он почти в точности повторял изображение, которое Спенсер видел на экране перед посадкой. Журналист изучил эту фотографию настолько внимательно, что знал ее наизусть.

— Горы Недоступности, — сказал он, — вздымаются почти отвесно из Моря Жажды на высоту около двух тысяч метров. Вот этот темный овал — Кратерное Озеро...

— ...где пропала «Селена»?

— Возможно. Теперь в этом уже сомневаются. У нашего общительного молодого друга с «Лагранжа» есть доказательства, похоже, что корабль затонул в Море Жажды — примерно вот тут. Но тогда люди могли остаться живы. А это означает, капитан, что в ста километрах отсюда полным

ходом развернутся спасательные работы. Порт-Рорис окажется в центре внимания всей Солнечной системы!

Капитан присвистнул:

— Похоже, вам повезло! Но при чем тут я?

Палец Спенсера снова лег на карту:

— Вот при чем, капитан. Я хочу зафрахтовать ваш корабль. И хочу, чтобы вы доставили меня, оператора и двести килограммов телевизионного оборудования на западный склон Гор Недоступности.

— У меня больше нет вопросов, ваша честь, — сказал адвокат Шастер, садясь.

— Хорошо, — ответил коммодор Ханстен. — Я должен просить свидетеля не удаляться за пределы юрисдикции сего суда.

Под общий хохот Дэвид Баррет вернулся на место. Он хорошо сыграл свою роль. В большинстве ответов англичанина серьезная мысль сочеталась с искрой юмора, и слушали его с интересом. Если остальные свидетели будут отвечать так же охотно, за развлечением дело не станет — пока им вообще до развлечений... Даже если взять предельную, вряд ли возможную цифру: четыре исповеди в день, со всеми подробностями, какие способна сохранить человеческая память, — то кто-то еще будет рассказывать, когда испустит дух кислородная цистерна.

Ханстен посмотрел на часы. Целый час до скудного обеда. Можно вернуться к «Шейну» или (хоть мисс Морли и против) обратиться к этому дурацкому историческому роману. Нет, лучше продолжать спектакль, пока все еще настроены так, как надо.

— Если никто не возражает, — сказал коммодор, — я вызову следующего свидетеля.

— Я — за! — поспешно отозвался Баррет, чувствуя себя в безопасности.

Даже картежники не были против, и секретарь суда вытащил из кофейника клочок бумаги. Его лицо отразило замешательство, и он почему-то замялся.

— В чем дело? — спросил председатель суда. — Вам попала ваша фамилия?

— Гм... нет, — ответил секретарь, с озорной улыбкой глядя на адвоката. Потом прокашлялся и провозгласил: — Миссис Шастер!

— Ваша честь, я возражаю! — Миссис Шастер с трудом оторвала от сиденья свои килограммы, хоть их и поубавилось с тех пор, как «Селена» покинула Порт-Рорис. Жестом она указала на своего супруга, который смущенно уткнулся в записи. — Разве это по чести, чтобы он меня спрашивал?

— Я готов уступить свое место, — сказал Ирвинг Шастер, не дожидаясь, когда председатель суда произнесет формулу «протест принят».

— Я согласен вести допрос, — отозвался коммодор, хотя лицо говорило обратное. — Или, может быть, кто-нибудь еще хочет взять это на себя?

Все молчали. Вдруг, к удивлению и радости Ханстена, поднялся с места один из любителей покера.

— Я, правда, не юрист, ваша честь, но у меня есть кое-какой правовой опыт. Я готов помочь вам.

— Отлично, мистер Хардинг. Приступайте к допросу.

Хардинг занял место Шастера и обвел взглядом внимательную аудиторию. Это был ладно и крепко скроенный мужчина, не очень похожий на банковского служащего. Недаром, когда все представлялись, Ханстен подумал, что Хардинг не тот, за кого выдает себя.

— Ваше имя Майра Шастер?

— Да.

— Что же привело вас на Луну, миссис Шастер?

Свидетельница улыбнулась:

— Это я сразу могу ответить. Мне сказали, что на Луне я буду весить двадцать килограммов, вот и полетела.

— Нельзя ли уточнить: почему вам хотелось весить двадцать килограммов?

Миссис Шастер посмотрела на Хардинга так, словно он сказал величайшую глупость.

— Когда-то я была танцовщицей, — ответила она, и голос ее вдруг стал грустным, лицо — задумчивым. — Конечно, пришлось это дело бросить, когда я вышла за Ирвинга.

— Почему «конечно», миссис Шастер?

Свидетельница взглянула на своего супруга; он поежился, даже привстал, точно хотел протестовать, но раздумал.

— Да он сказал, мол, не благородное это занятие. Верно, конечно, ведь я где танцевала...

Тут мистер Шастер не выдержал. Совершенно игнорируя суд, он вскочил на ноги и закричал:

— Право, Майра, незачем...

— Э, плюнь ты на это, Ирв! — отпарировала она; и от ее столь странного здесь старомодного жаргона на всех повеяло девяностыми годами. — Чего уж там, теперь-то! Зачем притворяться, уж какие есть. Что из того, если они тут узнают, что я танцевала в «Голубом астероиде»... и что ты меня выручил, когда нагрянули «фараоны».

Ирвинг сел, негодуяще фыркая, а в кабине разразился громовой хохот, который его честь даже и не пытался прервать. Пусть отводят душу: когда люди смеются, они забывают о страхе.

И коммодор опять спросил себя, кто же такой этот мистер Хардинг, который одним лишь небрежным и вместе с тем коварным вопросом добился такого эффекта. Для неюриста он неплохо справляется со своей задачей. Интересно будет поглядеть на него в роли свидетеля, когда настанет черед Шастера задавать вопросы...

ГЛАВА 11

Наконец что-то нарушило плоское однообразие Моря Жажды. Из-за горизонта выглянул крохотный, но ослепительный яркий осколок света. По мере того как пылекаты мчались вперед, он поднимался все выше к звездам. А вот еще один, еще... Над краем Луны вырастали вершины Гор Недоступности.

На глаз не определишь расстояния; может почудиться, что это небольшие скалы, до которых рукой подать, или могучие пики горной страны в другом мире, за миллионы километров от Луны. На самом деле до них было пятьдесят километров, полчаса хода на пылекатах.

Том Лоусон обрадовался горам: они заполнили пустоту, в которой тонули взгляд и рассудок. Еще немного, и он сошел бы с ума от этой бесконечной на вид равнины. Разумеется, глупо. Том великолепно понимал, что горизонт совсем близко, что Море Жажды — только часть Луны, поверхность

которой вовсе не безгранична. Но пока ему казалось, что пылекат стоит на месте, он чувствовал себя как в кошмаре, когда мучительно напрягаешься, силясь уйти от беды, и не можешь шагу ступить. Тому часто снились такие сны, даже еще страшнее.

Но теперь он ясно видел, что они движутся и длинная черная тень пылеката не примерзла к пыли. Том навел локатор на вершины; прибор тотчас отозвался. Все правильно: под лучами солнца камни почти раскалены. Лунный день едва занялся, но вершины уже словно превратились в языки пламени. Здесь, на уровне «моря», куда прохладнее. Верхний слой пыли нагревается до максимума лишь в полдень, а до него еще семь суток. Это обстоятельство было особенно важно для Лоусона. Хотя день уже начался, еще есть надежда найти слабые источники тепла, прежде чем могучее светило подавит их.

Двадцать минут спустя горы заняли половину неба, и пылекаты сбавили скорость.

— Это чтобы не проскочить их след, — объяснил Лоуренс. — Присмотритесь — вон там, направо, двойная вершина, а пониже ее вертикальная темная черта. Нашли?

— Да.

— Это ущелье ведет в Кратерное Озеро. Тепловое пятно на вашем снимке находится в трех километрах к западу от ущелья. Оно еще скрыто от нас за горизонтом. С какой стороны надо подойти?

Лоусон мысленно прикинул. Пожалуй, лучше всего с севера или с юга. Если подходить с запада, в поле зрения окажутся пылающие скалы; с востока и подавно нельзя — будешь смотреть прямо на восходящее солнце.

— Зайдем с севера, — сказал Лоусон. — И предупредите меня, когда останется два километра.

Пылекаты снова прибавили скорость. Хотя искать след было рано, Том стал прощупывать локатором поверхность Моря. Основой термопоиска было предположение, что обычно температура верхнего слоя однородна и только человек может нарушить это равновесие. Если же это неверно...

Это было неверно. Том Лоусон жестоко ошибся в своих расчетах. На экране видеоискателя Море Жажды представляло собой сетку из света и теней, точнее — тепла и холода. Хотя температурные отклонения не превышали малых долей

градуса, этого оказалось достаточно, чтобы получилась хаотическая картина. В этом термическом лабиринте выделить какой-либо обособленный источник тепла невозможно...

У Тома сердце оборвалось. Он оторвал взгляд от экрана и недоумевающе уставился на пыль. Для невооруженного глаза ее поверхность была предельно гладкой — сплошное серое поле. А в инфракрасных лучах она была такой же рябой, как земные моря в облачный день, когда свет и тени на воде сплетаются в непрерывно меняющийся узор.

Но над этим безводным морем облаков нет, что-то другое вызвало рябь. Том был слишком потрясен, чтобы искать научного объяснения. Мчался за столько тысяч километров на Луну, рискуя жизнью и рассудком отправился в этот идиотский поиск — и вот, по какой-то прихоти природы, тщательно задуманный опыт провалился. Вот уж подлинно не повезло... Душу Тома Лоусона заполнила жалость к себе.

Прошло несколько минут, прежде чем он подумал о людях на борту «Селены».

— Итак, — преувеличенно спокойно сказал капитан «Ауриги», — вам хочется сесть в Горах Недоступности. Увлекательная идея...

Ну конечно, Ансон не принял его слов всерьез. Должно быть, решил, что этот одержимый репортер просто не представляет себе всех трудностей. Что ж, это было бы справедливо двенадцать часов назад, когда Спенсер только-только задумал свой план. Но теперь он был до зубов вооружен всевозможными сведениями и отлично знал, что делает.

— Я слышал, капитан, вы хвастались, будто можете посадить свой корабль в любом заданном месте с точностью до одного метра. Это верно?

— Гм... могу, была бы вычислительная машина.

— Превосходно. А теперь поглядим вот на эту фотографию.

— Что это? Глазго глазами гуляки в субботний вечер?

— Зерно есть, конечно, такое уж увеличение, но разобрать можно. Здесь показан участок как раз под западной вершиной Гор Недоступности. Через несколько часов у меня будет другой отпечаток, намного лучше, и карта в горизонталях. Топографическое управление уже вычерчивает ее, у них весь этот район снят. Ну вот, тут есть широкий уступ —

достаточно широкий, чтобы десять кораблей посадить. И ровный, во всяком случае вот здесь... и здесь... Так что для вас посадка не задача.

— Технически — возможно. Но вы хоть примерно представляете себе, сколько это стоит?

— Это уж моя забота, капитан, вернее, моего агентства. Мы считаем, что игра стоит свеч, если мое предчувствие не обманет.

Спенсер мог бы сказать еще кое-что, но, когда готовишь почву для сделки, лучше не показывать партнеру, что тебе позарез нужен его товар. Он рассчитывал на большую сенсацию: спасательные работы в космосе — перед объективами телекамер, такого никогда не было! Видит Бог, космические катастрофы случались и прежде, но драматический элемент неизвестности отсутствовал. Люди погибали мгновенно, если же нет — все равно им нельзя было помочь. Сообщения о трагедиях печатались на самом видном месте, однако их тотчас вытесняли другие новости.

— Не в деньгах дело, — сказал капитан, хотя по его тону чувствовалось, что они все-таки играют решающую роль. — Даже если владельцы согласятся, вам еще нужно разрешение Космической службы Эртсайда.

— Знаю, этот вопрос уже улаживается.

— А как насчет Ллойда? Наша страховка не распространяется на такие прогулки.

Спенсер наклонился над столом: настал миг пустить в ход главный козырь.

— Капитан, — отдельно произнес он. — «Интерплэнет Ньюс» согласна внести залог, равный страховой сумме. Насколько мне известно, эта — слегка завышенная — сумма составляет шесть миллионов четыреста двадцать пять тысяч пятьдесят стерлинг-долларов.

Капитан Ансон моргнул раз, другой и совершенно преобразился. С задумчивым видом он налил себе еще стопку.

— Никогда не думал, что на старости лет займусь альпинизмом, — сказал он. — Но если вам не жаль выбросить шесть миллионов столларов — да здравствуют горы!

К великому облегчению супруга миссис Шастер, допрос был прерван обедом. Особа разговорчивая, Майра Шастер явно обрадовалась первому за много лет случаю излить свою

душу. Ее карьера, если можно употребить это слово, не была особенно славной, когда судьба и чикагская полиция положили ей конец; но Майра успела кое-что повидать и знала многих выдающихся артистов конца прошлого столетия. Слушая ее, не один из пассажиров постарше вспомнил собственную молодость и песенки девяностых годов. А когда миссис Шастер запела неувядаемый «Космоблюз», все хором подхватили припев, и суд не стал возражать. По мнению коммодора, такого массовика надо было ценить на вес золота. А это, если учесть комплекцию Майры Шастер, кое-что значило.

После обеда (наиболее медлительные едоки ухитрились растянуть его на полчаса, так тщательно они пережевывали каждый кусок) снова обратились к книгам, причем теперь взяли верх сторонники «Апельсина и яблока». Так как сюжет был из английской жизни, решили, что читать должен мистер Баррет. Он всячески отнекивался, но силы были неравны.

— Ну хорошо, — неохотно согласился он. — Начнем. Итак: глава первая. Драри-лейн. Тысяча шестьсот шестьдесят пятый год...

Автор не терял зря времени. Уже на третьей странице сэр Исаак Ньютон объяснял закон тяготения миссис Гвин, которая дала понять, что готова вознаградить его. Пат Харрис догадывался, куда она клонит, но долг службы вынудил его отвлечься. Это развлечение — для пассажиров, команду ждет работа.

— Один аварийный ящик я еще не трогала, — сказала мисс Уилкинз, едва дверь камеры перепада мягко скользнула в свой паз, отсекая выразительный голос мистера Баррета. — Столовое печенье и джем на исходе, но мясного концентрата пока достаточно.

— Ничего удивительного, — ответил Пат. — Он никому не лезет в глотку. Ну-ка, проверим наши описи.

Стюардесса подала ему листки с машинописным текстом, испещренные карандашными галочками.

— Так, начнем с этого ящика. Что в нем?

— Мыло и бумажные полотенца.

— М-да, ими не закусишь. А тут?

— Леденцы. Я берегла их, чтобы было чем отпраздновать... когда нас найдут.

— Хорошая идея, но, думаю, стоит раздать немного сегодня вечером. По конфетке на человека — вместо стаканчика на ночь. Здесь что?

— Сигареты, тысяча штук.

— Следите, чтобы их никто не увидел. Лучше бы вы и мне не говорили.

Пат криво улыбнулся Сью и продолжал учет. Было ясно, что еда — не главная проблема, но бережливость не помещает. Пат Харрис знал свое начальство: после спасения рано или поздно найдется чинуша — живой или электронный, — который потребует отчета в том, как расходовались продукты.

После спасения... А верит ли он, что их спасут? Прошло больше двух дней, и до сих пор не видно, чтобы их искали. Пат не знал точно, каких признаков ждет, но ведь что-то должно быть!

Озабоченный голос Сью прервал его размышления:

— В чем дело, Пат? Что-нибудь не так?

— Что вы, — насмешливо ответил он. — Через пять минут мы пришвартуемся на Базе. Чудесная была прогулка, верно?

Сью недоумевающе взглянула на него, затем покраснела и глаза ее наполнились слезами.

— Простите, — покаянно произнес Пат. — Я не хотел обижать вас. Нам обоим нелегко, но вы держитесь молодцом. Я не знаю, что бы мы делали без вас, Сью.

Она вытерла слезы платком, улыбнулась и ответила:

— Ничего, я понимаю.

Оба помолчали немного, потом девушка добавила:

— Вы думаете, мы выкарабкаемся?

Он развел руками:

— Кто его знает... Но ради пассажиров надо делать вид, что мы в этом не сомневаемся. Конечно, вся Луна ищет нас. Теперь уже недолго.

— Ну хорошо, допустим, они найдут «Селену», — но как нас выручат отсюда?

Пат посмотрел на выходную дверь, от которой его отделяло лишь несколько сантиметров. Достаточно протянуть руку, чтобы коснуться ее; больше того, если выключить автоблокировку, дверь можно отворить. По ту сторону тонкого металлического листа — несчетные тонны пыли, кото-

рая хлынет внутрь, как вода в затонувший корабль, если найдет малейшую щель. Сколько метров до поверхности? Этот вопрос заботил его с той самой минуты, когда они провалились, но как узнать?..

И неизвестно, что ответить Сью. Сейчас все его мысли вращались вокруг одного: найдут или не найдут? Лишь бы нашли, а там что-нибудь придумают! Человечество не даст им погибнуть, если убедится, что они живы.

Самообман это, вот что. Сотни раз в прошлом веке люди попадали в западню вроде этой, и даже самые могучие государства были бессильны спасти их. Запертые обвалом шахтеры, моряки в затонувших подводных лодках, не говоря уже о космонавтах в кораблях, которые сошли с расчетной орбиты, и их нельзя было перехватить. Нередко эти люди до самого конца могли переговариваться с друзьями и родными. Так было два года назад, когда на «Кассиопее» отказало управление и мощные двигатели понесли корабль прочь от Солнца. Он и сейчас летит в сторону Канопуса, и орбита его известна. Астрономы могли бы вычислить координаты «Кассиопеи» на ближайший миллион лет с точностью до нескольких тысяч километров. Превеликое утешение для команды, погребенной в склепе, который может поспорить долговечностью с любой из пирамид...

Усилием воли Пат прогнал от себя никчемные мысли. Их судьба еще не решена, и лучше не думать о беде, чтобы не накликать ее.

— Давайте-ка поскорее закончим учет. Хочется послушать, как там Нелл поладит с сэром Исааком.

Конечно, это куда более заманчивый предмет для размышления, особенно когда стоишь рядом со славной девушкой. У женщин в таких случаях есть одно огромное преимущество перед мужчинами, подумал Пат. На Сью и сейчас было приятно смотреть, хотя тропический зной заставил ее отказаться от форменной одежды. Его же, как и всех мужчин на борту «Селены», раздражала эта трехдневная щетина; и ведь ничего с ней не поделаешь.

Сам того не замечая, Пат Харрис подвинулся к мисс Уилкинз так близко, что уколол ей щетиной щеку. Он сразу отпрянул, но стюардесса стояла с таким видом, точно ожидала этого и нисколько не была удивлена.

— Вы, конечно, считаете меня бессовестным волокитой, — сказал Пат, преодолев смущение.

— Ничего, — ответила Сью с усталой улыбкой. — Мне даже приятно знать, что я еще могу нравиться. Ни одна девушка не обижается, когда за ней начинают ухаживать. Другое дело, если мужчина не знает меры.

— Мне пора остановиться?

— Если бы мы друг друга любили, Пат... Мне это очень важно. Конечно, я рада, что работаю с вами. Я могла бы выбрать другое место.

— И зря не выбрали, — ответил Пат.

— Ну вот, опять на вас мрачность нашла, — сказала Сью. — В этом ваша беда: вы слишком легко падаете духом. И не умеете быть напористым, любой может командовать вами.

Пат поглядел на нее скорее удивленно, чем обиженно.

— Я и не подозревал, что вы изучаете мой характер.

— Я не изучала. Но если работаешь вместе с человеком, который тебя интересует, поневоле кое-что подметишь.

— Хорошо, но я не могу согласиться с тем, что мною командуют.

— Не можете? А кто сейчас заправляет на корабле?

— Если вы о коммодоре, так это совсем другое дело. Он в тысячу раз больше меня подходит для роли командира. И ведь он ведет себя тактично, во всем спрашивает моего разрешения.

— Уже перестал спрашивать. И главное: вы ведь рады, что он взял командование на себя!

Пат призадумался. Потом посмотрел на Сью с явным уважением:

— Пожалуй, это верно. Меня никогда не тянуло утверждать свое «я», свой авторитет. Может, потому я и водитель лунобуса, а не капитан космического лайнера. Да только теперь уж поздно исправляться.

— Вам еще нет тридцати.

— Благодарю за комплимент. Мне тридцать два. Мы, Харрисы, до старости лет выглядим молодожаво. Только тем и можем похвастаться.

— Тридцать два — и все еще нет своей девушки?

«Ха!» — подумал Пат. — Ты еще далеко не все знаешь обо мне. А впрочем... Пожалуй, Сью права: нет у меня девушки.

Вот уже пять лет — после Ивонны. Какое там пять — это было семь лет назад!»

— А куда спешить? — сказал он вслух. — Ничего, скоро обзаведусь семьей.

— Вы будете так говорить и в сорок, и в пятьдесят лет. Это уж так повелось у космонавтов. Не обзаведутся семьей вовремя, а потом поздно. Взять хоть того же коммодора.

— Опять коммодор? Сколько можно о нем говорить?!

— Он всю жизнь провел в космосе. У него ни семьи, ни детей. Земля для него ничего не значит, он слишком мало жил на ней. Когда кончился срок службы, он, наверное, не знал, куда себя деть. Так что для него это происшествие — дар небес, он сейчас просто счастлив.

— И пускай, он этого заслужил. Мне бы сделать хоть десятую долю того, что коммодор совершил за свою жизнь. Только не похоже...

Пат заметил, что все еще держит в руках описи. Он уже успел забыть про эти злополучные листки, которые лишний раз подчеркивали, как ограничены их возможности. Капитан нахмурился.

— Работа ждет, — сказал он. — Мы обязаны думать о пассажирах.

— Если мы задержимся здесь слишком долго, — ответила Сю, — пассажиры начнут думать о нас.

Она и не подозревала, как близки к истине ее слова.

ГЛАВА 12

Что-то доктор Лоусон давно молчит, подумал главный инженер. Пора бы сказать что-нибудь.

— Все в порядке, доктор? — спросил он самым дружелюбным тоном, на какой был способен.

Лоусон только сердито рявкнул в ответ, но недовольство его относилось к Вселенной, а не к Лоуренсу.

— Не работает, — горько ответил он. — Тепловое изображение чересчур пестрое. Вместо одной — десятки нагретых точек!

— Остановите свой пылекат. Я переберусь к вам, посмотрю.

«Пылекат-2» затормозил. «Пылекат-1» подошел к нему, они остановились борт к борту. С поразительной легкостью,

несмотря на жесткие доспехи, Лоуренс перескочил с одного пылеката на другой и стал позади Лоусона, придерживаясь за навес. Через плечо астронома он посмотрел на экран инфракрасного преобразователя.

— Да уж, путаница изрядная. Но ведь все было гладко, когда вы делали свой снимок?

— Очевидно, восход влияет. Море нагревается, и почему-то неравномерно.

— Попробуем все-таки разобраться в этой мозаике. Так... Тут есть почти однотонные участки... Как это объяснить? Если бы знать, в чем дело, мы могли бы что-нибудь придумать.

Том Лоусон собрался с мыслями. Хрупкая оболочка самонадежности разбилась вдребезги о неожиданное препятствие, и он чувствовал себя прескверно. Последние двое суток почти не пришлось спать: со спутника — на Луну, затем — на пылекат, он безумно устал, и в довершение ко всему наука подвела его.

— Объяснений могут быть десятки, — глухо произнес он. — Хотя пыль кажется однородной, возможны места с различной проводимостью. Где-то Море глубже, где-то мельче, это тоже влияет на тепловое излучение.

Лоуренс продолжал разглядывать мозаику на экране, пытаясь согласовать ее с тем, что видел невооруженным глазом.

— Пойдите, вы мне кое-что подсказали. — Главный обратился к водителю: — Какая здесь глубина?

— А кто его знает, Море еще не промеряли как следует. Но вообще-то тут, у северного берега, очень мелко. Иногда камнями винты срывает.

— Так мелко? Ну вот вам и ответ. Если под нами всего в нескольких сантиметрах камень, он, естественно, влияет на температуру. Десять против одного, что картина будет яснее, как только мы уйдем с отмели. Это местное явление, оно вызвано неровностью дна.

— Может быть, вы и правы. — Том слегка ободрился. — Если «Селена» затонула, ее надо искать там, где глубже. Но вы уверены, что здесь мелко?

— Давайте проверим, на моем пылекате есть двадцатиметровый шуп.

Одного колена раздвижного шупа оказалось достаточно, он уперся в дно на глубине менее двух метров.

— Сколько у нас запасных винтов? — предусмотрительно справился Лоуренс.

— Четыре: два полных комплекта, — ответил водитель. — Да винты резиновые, если заденут камень, летит шплинт, а лопастям ничего не делается. Согнутся — и тут же выпрямляются. За весь этот год я только три винта потерял. Недавно и у «Селены» сорвало винт, пришлось Пату Харрису выходить наружу и крепить его на место. Конечно, пассажиры поволновались...

— Ясно, поехали дальше. Курс на устье. Подозреваю, что оно продолжается под пылью по дну Моря и там глубина больше. Если я прав, ваша картинка сразу прояснится.

Том без особой надежды следил за тем, как скользят по экрану переливы света и тени. Пылекаты шли совсем медленно, чтобы он успевал анализировать изображение. И уже через два километра Том убедился, что Лоуренс был прав.

Рябь и крапинки стали исчезать, беспорядочный узор тепла и холода сменялся ровной серой гладью. Было очевидно, что глубина быстро растет.

Казалось бы, сознание того, что его прибор снова доказал свою пригодность, должно обрадовать Тома. Вышло наоборот: он думал о незримой пучине, над которой они скользили, опираясь на ненадежное, коварное вещество... Кто знает, быть может, там, внизу провалы до самого центра Луны; они могут в любой миг поглотить пылекаты, как уже поглотили «Селену»!

У Тома Лоусона было такое ощущение, словно он шел по канату над пропастью или пробирался по узкой тропинке среди зыбучих песков. Всю жизнь его терзала неуверенность в себе, только на работе он забывал о своих колебаниях, а общаясь с людьми, терялся. Опасность подстегнула затаенные страхи. Сейчас он всеми силами души мечтал о чем-нибудь твердом, надежном, прочном, на что можно опереться.

Вот, всего в трех километрах — горы, могучие, вечные, коренящиеся в недрах Луны. Том глядел на залитые солнцем вершины с таким отчаянием, с каким человек на покорном волнам плоту посреди Тихого океана глядел бы на скользкий мимо остров...

Хоть бы Лоуренс поскорее ушел из этого зловещего призрачного пылевого океана, причалил к безопасному берегу!

Том Лоусон поймал себя на том, что шепчет:

— Идите к горам! Идите к горам!

Но в космическом скафандре лучше не размышлять вслух, если включено радио. За пятьдесят метров главный инженер услышал шепот Лоусона и отлично понял, в чем дело.

Чтобы стать главным инженером половины небесного тела, нужно разбираться в людях не хуже, чем в машинах. «Я сознательно пошел на риск, — подумал Лоуренс. — Похоже, что просчитался. Но без боя не сдамся. Может быть, еще удастся разрядить эту психологическую бомбу замедленного действия, прежде чем она взорвется...»

Том не заметил, как опять приблизился второй пылекат, настолько он был поглощен своими переживаниями. Вдруг что-то трянуло его, да так сильно, что он ударился лбом о шлем. От боли невольно выступили слезы. Сморгнув их, Том Лоусон, в душе которого смешались ярость и странное облегчение, прямо перед собой увидел суровые глаза главного и услышал в шлемофоне гулкий голос:

— Кончайте этот вздор. И поаккуратнее с нашим скафандром: за чистку с нас пятьсот столларов берут, да и то костюм уже будет не тот.

— Меня не мутит... — через силу пробормотал Том, но тут же смекнул, что ему грозило что-то похуже, спасибо еще Лоуренсу за деликатность.

Прежде чем он смог что-нибудь добавить, снова — теперь уже мягче — зазвучал голос инженера:

— Никто больше не слышит нас, Том, я включил двустороннюю связь. Слушайте меня и не злитесь. Мне о вас кое-что известно. Знаю, жизнь обошлась с вами неласково. Но у вас есть голова — очень даже неплохая голова, и нечего терять ее, поддаваться трусости. Всякий может испугаться, никто из нас не застрахован от этого, но сейчас это совсем некстати. От вас зависит жизнь двадцати двух человек. Все решится в ближайшие пять минут. Так что смотрите на экран и забудьте обо всем остальном. Положитесь на мое слово, мы вас привезем обратно в целости и сохранности.

Не сводя глаз с потрясенного лица молодого ученого, Лоуренс — на этот раз дружески — похлопал рукой по его скафандру. И с облегчением увидел, что Лоусон постепенно приходит в себя.

Мгновение астроном сидел неподвижно. Он овладел собой, но было видно, что он слушает какой-то внутренний

голос. «О чем говорит ему этот голос? — спросил себя главный. — О том, что он частица человечества, пусть даже оно заточило его ребенком в этот отвратительный сиротский приют?.. Или что есть где-то в мире человек, который проникнется к Тому теплым чувством и растопит корку льда, ожесточившую его сердце?»

Странную картину можно было видеть в этот миг на зеркально-гладкой равнине, простершейся от Гор Недоступности до самого солнечного диска. «Пылекат-1» и «Пылекат-2» напоминали корабли, застигнутые штилем среди мертвого, недвижимого моря, и водители могли только догадываться, какая драма характеров только что разыгралась. Со стороны и не поймешь, как остро стоял минуту назад вопрос о жизни и смерти людей. А двое, которые знают об этом, никому не расскажут.

К тому же мысли обоих были уже поглощены совсем другим. Более нелепого положения не придумаешь: все это время, пока Лоусон и Лоуренс, позабыв о локаторе, разбегались в личных вопросах, экран терпеливо показывал то самое изображение, которое они искали.

Когда Пат и Сью закончили учет и вышли из воздушного шлюза, пассажиры все еще мысленно находились в Англии времен Реставрации. За краткой лекцией сэра Исаака на темы физики последовал, как и можно было ожидать, гораздо более долгий урок анатомии под руководством Нелл Гвин. Слушатели от души веселились, тем более что Баррет великолепно передавал особенности речи героев.

«— Поистине, сэр Айзек, вы очень мудрый человек. И все же, сдается мне, женщина могла бы многому научить вас.

— Чему же, например, прелестная леди?

Миссис Нелл смущенно зарделась.

— Боюсь, — вздохнула она, — что вы целиком посвятили себя духовной жизни. Вы позабыли, сэр Айзек, что в теле тоже кроется немалая мудрость.

— Ах, зовите меня просто Айком, — глухо произнес он, касаясь неуклюжими пальцами пуговиц ее блузки.

— Ах нет! — воскликнула Нелл, не останавливая, однако, его руки. — Только не здесь, не во дворце! Король скоро вернется!

— Не волнуйтесь, моя прелестная. Карл бражничит с этим писакой Пеписом. Он нынче не покажется...»

«Если только мы отсюда выберемся, — подумал Пат, — наш долг послать благодарственное письмо семнадцатилетней школьнице на Марсе, которой приписывают авторство этой чепухи. Она всех веселит, а это сейчас главное».

Всех? Нет, кому-то было не до веселья.

С чувством неловкости Пат заметил, что мисс Морли настойчиво старается поймать его взгляд. Вспомнив о своих обязанностях капитана, он повернулся к ней с приветливой, хотя и несколько натянутой улыбкой.

Она не ответила на улыбку, скорее ее лицо стало еще более отчужденным. Медленно и демонстративно мисс Морли перевела взгляд на Сью, потом опять посмотрела на Пата.

Все было ясно без слов. Они поняли ее так же хорошо, как если бы она крикнула во весь голос: «Я знаю, что вы там делали, в вашей камере!»

Лицо Пата вспыхнуло от гнева — праведного гнева человека, которого напрасно оклеветали. На миг он словно врос в свое кресло, только кровь стучала в висках. Потом буркнул себе под нос:

— Я ей покажу, этой старой ведьме.

Он поднялся на ноги, наградил мисс Морли улыбкой, полной сладчайшего яда, и сказал так, чтобы слышала только она:

— Мисс Уилкинз! А ведь я совсем забыл одну вещь. Пройдемте, пожалуйста, еще раз в камеру перепада.

Дверь затворилась, заглушив рассказ об эпизоде, который проливал совершенно неожиданный свет на происхождение герцога Сен-Олбанского, и Сью Уилкинз с лукавым любопытством поглядела на Пата.

— Вы видели? — спросил он, все еще кипя от ярости.

— Что именно?

— Мисс Морли...

— А-а! — перебила его Сью. — Не обращайтесь внимания на бедняжку. Она не сводит с вас глаз с той самой минуты, как мы вышли из Базы. Вы отлично понимаете, что ее мучает.

— Что? — смущенно спросил Пат, хотя заранее знал ответ.

— Она... как бы это сказать... боится презреть. Довольно распространенный недуг, признаки всегда одни и те же.

Пути любви извилисты и прихотливы. Десять минут назад Пат и Сью вышли из камеры, согласившись быть в целомудренной нежной дружбе. Однако эта невообразимая комбинация: мисс Морли — Нелл Гвин, мысль «семь бед — один ответ», да еще, пожалуй, подсознательное чувство, что в конечном счете любовь единственная защита против смерти, — все, вместе взятое, поколебало их решимость. Они потянулись друг к другу, и Сью, улыбаясь, прошептала:

— Ах, только не здесь, не во дворце!

ГЛАВА 13

Главный инженер Лоуренс пристально смотрел на слабо светящийся экран, пытаясь расшифровать изображение. Как и все инженеры и ученые, он немалую часть жизни провел, разглядывая картины, нарисованные стремительными электронами, которые воспроизводили явления слишком крупные или слишком малые, слишком яркие или слишком тусклые, чтобы их мог увидеть человеческий глаз. Прошло больше ста лет, как катодная трубка подарила человеку власть над невидимым миром; он уже забыл ту пору, когда этот мир был ему недоступен.

Инфралокатор нашел в двухстах метрах от них на поверхности пылевой пустыни едва заметное тепловое пятно, образующее почти правильный, изолированный круг. Нигде больше в поле зрения прибора не отмечалось посторонних источников тепла. Правда, пятно было куда меньше того, которое Лоусон сфотографировал с «Лагранжа», но координаты совпадали. Никакого сомнения: оно самое.

Но еще не известно, что означает это пятно... Объяснений может быть много. Скажем, здесь со дна Моря почти к самой поверхности торчит одиночный пик.

Был только один способ выяснить это.

— Оставайтесь здесь, — сказал Лоуренс. — Я пойду вперед на «Пылекате-1». Скажите мне, когда я буду точно в середине пятна.

— Вы думаете, это опасно?

— Вряд ли, но лучше не рисковать.

И «Пылекат-1» медленно заскользил к загадочному пятну — столь явному для инфралокатора, но невидимому для обыкновенного глаза.

— Чуть левее, — скомандовал Том. — Еще несколько метров... еще... есть!

Лоуренс вперил взгляд в серую лунную пыль. Вроде такая же гладкая, как и любой другой участок Моря. Но, присмотревшись, он заметил нечто такое, от чего у него холод пробежал по спине.

Если глядеть очень пристально (как глядел сейчас он), можно было заметить на глади Моря мелкий-мелкий узор. Этот узор двигался, поверхностный слой точно полз к пылекату, подгоняемый незримым ветром.

Вот так штука... На Луне все необычное и непонятное настораживало; чаще всего оно означало или сулило беду. Главный насторожился. Если здесь затонуло судно, то что грозит пылекату?..

— Лучше не подходите, — передал он на «Пылекат-2». — Здесь что-то странное, я не могу понять.

И он тщательно описал явление Лоусону. Подумав, тот почти сразу ответил:

— Похоже на восходящую струю, говорите? Так оно и есть. Мы определили тут источник тепла. Он достаточно мощный, чтобы вызвать конвекционное течение.

— Но откуда тепло? И при чем тут «Селена»?

Лоуренс не мог скрыть своего разочарования. Как он и опасался с самого начала: пустая затея. Очаг радиации или же выброс нагретых газов, вызванный толчком, ввел в заблуждение приборы и заманил их в эту пустыню. Уходить отсюда, да поскорее, задерживаться опасно!..

— Пойдите-ка, — услышал Лоуренс голос Тома. — Судно со всевозможными агрегатами и двадцатью двумя пассажирами должно излучать немало тепла. Три-четыре киловатта минимум. И если пыль находится в статическом равновесии, этого может оказаться достаточно, чтобы забил ключ.

Не очень-то вероятно... Но Лоуренс готов был ухватиться даже за самую тонкую соломинку. Взяв металлический шуп, главный погрузил его вертикально в пыль. Сперва он шел легко, однако, по мере того как выдвижные колена наращивали длину, сопротивление росло. И когда шуп достиг пол-

ной длины — двадцать метров, — инженеру пришлось напрячь все силы, чтобы проталкивать его дальше. Вот и верхний конец щупа исчез: ничего. Но Лоуренс и не рассчитывал на успех с первой попытки. Здесь нужен научный подход, система.

Пять минут крейсирования взад-вперед, и на поверхности Моря, через каждые пять метров протянулись белые ленты. Словно фермер прошлого, сажающий картофель, главный инженер пошел на пылекате вдоль первой ленты, орудуя щупом. Эта операция требовала большой тщательности, и дело продвигалось медленно. Лоуренс напоминал слепого, который гибким прутом нащупывает путь в темноте. Если его прут окажется слишком коротким, придется изобретать что-то еще. Но пока об этом рано думать...

На исходе десятой минуты Лоуренс допустил промах. Он все время работал обеими руками, и вот, нажав что было мочи на верхний конец щупа, слишком сильно перегнулся через бортик пылеката, ноги вдруг сорвались, и он плашмя упал в Море.

Выйдя из камеры перепада, Пат тотчас заметил, что настроение переменялось. Книга была отложена в сторону, и в кабине шел жаркий спор, который с появлением капитана прервался. Наступила неловкая тишина. Некоторые пассажиры уголком глаза следили за Харрисом, другие подчеркнуто игнорировали его.

— Коммодор, — сказал Пат, — в чем дело?

— Кое-кто считает, — ответил Ханстен, — что мы не все делаем, чтобы выйти отсюда. Я объяснил, что есть только один выход: ждать, пока нас найдут. Но не все согласны со мной.

Ничего удивительного, подумал Пат. Время идет, спасатели не появляются — естественно, что нервы сдают. Начнут требовать действий, любых действий, только не сидеть сложа руки. Противно человеческой природе бездействовать перед лицом смерти.

— Мы уже столько раз это обсуждали, — устало сказал он. — Глубина не меньше десяти метров. Даже если бы мы могли выйти из камеры наружу, никому не под силу преодолеть сопротивление пыли и подняться на поверхность.

— Вы уверены? — спросил кто-то.

— Совершенно, — ответил Пат. — Вы когда-нибудь пробовали плавать в песке? Далеко не уплывете.

— А если пустить моторы?

— Боюсь, они не сдвинут нас с места и на сантиметр. Но хоть бы и сдвинули — мы пойдем вперед, а не вверх.

— Надо собрать всех в кормовой части, может быть, нос приподнимется.

— А нагрузка на корпус? — возразил Пат. — Допустим, я включу моторы — это будет все равно что бодать кирпичную стену. Один Бог знает, к чему это может привести.

— Но ведь какая-то надежда есть. Так почему не попытаться?

Пат поглядел на коммодора, слегка недовольный тем, что тот еще не пришел ему на помощь. Ханстен спокойно ответил на его взгляд, точно говоря: «До сих пор я управлялся, теперь ваша очередь». Что ж, справедливо. Сю была права. Пора стоять на собственных ногах, во всяком случае, показать другим, что он на это способен.

— Слишком опасно, — решительно сказал он. — Мы можем спокойно ждать по меньшей мере еще четыре дня. Нас найдут задолго до этого срока. Зачем же идти на риск при ставке миллион против одного? Будь это наш последний выход, я бы сам сказал — да.

Пат Харрис обвел кабину взглядом — кто возразит? И поневоле встретился с глазами мисс Морли. Да он и не пытался этого избежать. Однако ее слова неприятно поразили его.

— Возможно, капитан вовсе и не торопится вверх. Он что-то давно не показывался, да и мисс Уилкинз тоже.

«Ах ты, вобла сушеная, — подумал Пат. — Только потому, что ни один уважающий себя мужчина...»

— Спокойно, Харрис! — вовремя вмешался коммодор. — Это я беру на себя.

В первый раз Ханстен по-настоящему показал свой характер. До этой минуты он все делал незаметно и тихо или предоставлял действовать Пату. Теперь они слышали голос командира, и он звучал, точно труба на поле брани. Говорил не отставной космонавт, а коммодор космоса.

— Мисс Морли, — сказал он, — ваше замечание нелепо и неуместно. Вас может извинить лишь тяжелая обстановка,

в которой мы все очутились. Мне кажется, вы обязаны извиниться перед капитаном.

— Я права, — упрямо возразила она. — Пусть он скажет, что это не так.

За последние тридцать лет коммодор Ханстен ни разу не выходил из себя, не собирался срываться и теперь. Но он знал, когда полезно изобразить гнев; сейчас не худо и притвориться. Он сердился на мисс Морли, был недоволен и Патом — тот явно подвел его. Факт остается фактом: Пат и Сью действительно слишком уж долго возились с этим учетом. Иногда внешняя благопристойность не менее важна, чем безгрешное поведение. Недаром китайцы говорят: «Не останавливайся завязывать шнуры на бахче соседа».

— Мне наплевать на взаимоотношения мисс Уилкинз и капитана, — произнес он самым грозным голосом, на какой только был способен. — Это их личное дело, и пока они честно выполняют свою работу, мы не вправе вмешиваться. Может быть, вы хотите сказать, что капитан Харрис не выполняет свой долг?

— Гм... я этого не говорила.

— Тогда прошу вас вообще не говорить. У нас и без того хватает трудностей, незачем создавать новые.

Остальные пассажиры слушали их перепалку со смешанным чувством неловкости и интереса, с каким большинство людей слушает чужие ссоры. Впрочем, эта стычка затрагивала всех, так как означала первый вызов авторитету командира, первый признак того, что дисциплина поколебалась. До сих пор их маленький отряд представлял собой гармоническое единство; но вот чей-то голос обратился против старейшин племени.

Пусть мисс Морли старая неврастеничка, она, кроме того, упрямая и настойчивая особа. И коммодор с понятным замешательством заметил, что она собирается дать ему отпор.

Но никому не удалось узнать, что намеревалась ответить мисс Морли. В этот самый миг миссис Шастер издала вопль, мощь которого вполне соответствовала ее комплекции.

На Луне, когда человек споткнется, он обычно успевает что-то предпринять, ведь его нервы и мышцы рассчитаны на земное притяжение, которое в шесть раз больше лунного. Но главный инженер Лоуренс стоял наклонившись, и

расстояние было слишком мало. Он нырнул в лунную пыль и очутился во мраке.

Ничего не видно, если не считать слабого свечения приборной доски внутри скафандра. Осторожно, очень осторожно Лоуренс начал водить руками в разные стороны. Рыхлая среда почти не оказывала сопротивления, но он тщетно искал какой-нибудь опоры, нельзя было даже понять, где верх, где низ.

Отчаяние сковало все члены Лоуренса. Сердце билось часто и неровно, предвещая паническое состояние, когда человеку отказывает рассудок. Главный инженер не раз видел, как люди превращаются в кричащих, одержимых ужасом животных, и знал, что сам на пороге такого состояния.

Мелькнула мысль о том, что лишь несколько минут назад он спас астронома от приступа безумия. Но сейчас некогда размышлять над иронией судьбы. Надо призвать остатки воли — восстановить самообладание, усмирить стук в груди, который грозит разорвать его на части.

Вдруг в шлемофоне инженера отчетливо и громко раздался звук настолько неожиданный, что волны паники перестали захлестывать островок его сознания. Это был смех, и смеялся Том Лоусон.

Смех тотчас оборвался, последовало извинение.

— Простите, мистер Лоуренс, я нечаянно. Очень уж потешно глядеть, как вы болтаете ногами.

Главный оцепенел. Страх улетучился, уступив место гневу. Он злился на Лоусона, но еще больше на самого себя. Ведь это же очевидно, ему не грозила никакая опасность: наполненный воздухом скафандр подобен пловущему на воде пузырю и не может утонуть. Лоуренс сразу сообразил, как надо действовать. Несколько движений руками и ногами, центр тяжести переместился — и маска вынырнула из пыли. Инженер увидел, что погрузился самое большее на десять сантиметров. И пылекат рядом, даже непонятно, как он не задел его, когда барахтался, словно выброшенный на мель осьминог!

Стараясь соблюдать достоинство, главный взялся за бортик пылеката и вскарабкался на платформу. Говорить он пока не решался, неожиданные упражнения совершенно сбили его с дыхания, и голос мог выдать недавний страх. К тому же Лоуренс еще сердился. В былые времена, когда главный

постоянно работал на воле, он бы так не оплошал. Засиделся в канцелярии... Последний раз надевал скафандр, когда проходил ежегодную комиссию, да и то в воздушном шлюзе.

Поднявшись на пылекат, Лоуренс снова взял шуп. Постепенно улетучились последние остатки гнева и страха, и главный инженер задумался. Хотел он того или нет, но то, что произошло за эти полчаса, перебросило мостик между ним и Лоусоном. Правда, астроном рассмеялся, когда он барахтался в пыли, но зрелище, наверное, впрямь было смешное. И ведь Лоусон извинился. А давно ли казалось, что он одинаково не способен ни смеяться, ни извиняться...

Вдруг все посторонние мысли вылетели из головы Лоуренса: шуп уперся во что-то твердое на глубине пятнадцати метров.

ГЛАВА 14

Когда раздался крик миссис Шастер, первой мыслью коммодора Ханстена было: «Господи, только еще истерики не хватало». А через полсекунды он сам лишь величайшим напряжением воли удержался от крика.

Снаружи доносился какой-то звук! Три дня за обшивкой шуршала пыль, и вот... Ну конечно, что-то металлическое скребет по корпусу!

В следующий миг кабина загудела от радостных возгласов. С большим трудом коммодору Ханстену удалось перекричать ликующий хор.

— Они нашли нас! — воскликнул он. — Хотя, возможно, сами об этом не знают. Надо что-то сделать, помочь им. Пат, попробуйте включить передатчик. А мы будем сигналить ударами по корпусу судна. Напоминаю сигнал настройки в азбуке Морзе: буква «ж» — ти-ти-ти-та! Ну, все вместе!

Сперва стук получился довольно беспорядочным, но мало-помалу установился правильный ритм.

— Стоп! — крикнул Ханстен через минуту. — Теперь слушаем! Внимание!..

Тишина... Жуткая, неприятная тишина. Пат выключил вентиляцию, и в кабине было слышно только биение двадцати двух сердец.

Ничто не нарушало безмолвия. Может быть, странный звук был вызван напряжением в корпусе самой «Селены»? Или спасатели, — если это были они, — уже прошли дальше по пустынной поверхности Моря?

Вдруг опять — царапанье по обшивке. Движением руки Ханстен остановил новый взрыв энтузиазма.

— Слушайте, прошу вас! Возможно, удастся что-нибудь разобрать.

Несколько секунд длился скребущий звук. И снова — томительное безмолвие. Кто-то сказал негромко, разряжая напряжение:

— Как будто трос протасили. Может быть, они тралят?

— Исключено, — ответил Пат. — Соппротивление среды слишком велико, особенно на такой глубине. Скорее это шуп.

— А это значит, — подхватил коммодор, — что над нами, совсем близко — спасатели. Постучим еще. Ну-ка... все разом... «Ти-ти-ти-та!» «Ти-ти-ти-та!»

Сквозь двойную обшивку «Селены» в пылевой пласт уходили звуки, которые сто лет назад летели в эфире над оккупированной Европой, голос рока, открывающий Пятую симфонию Бетховена.

Пат Харрис, сидя в кресле водителя, тревожно взывал:

— Я «Селена», я «Селена». Как слышите? Прием.

И слушал пятнадцать нескончаемых секунд, прежде чем повторить вызов. Но эфир по-прежнему оставался безжизненным.

На борту «Ауриги» Морис Спенсер нетерпеливо поглядывал на часы.

— Черт возьми, — вырвалось у него. — Пылекатам давно пора вернуться. Когда была с ними последняя связь?

— Двадцать пять минут назад, — ответил старший радист. — До очередного сеанса пять минут, независимо от того, нашли они что-нибудь или нет.

— А вы не сбили настройку?

— Занимайтесь своим делом, уж я как-нибудь справлюсь со своим, — отрезал радист.

— Виноват, — ответил Спенсер, давно усвоивший, в каких случаях надо не медлить с извинением. — Это просто нервы.

Он поднялся с сиденья, чтобы пройти по тесной навигационной рубке «Ауриги». Больно ударился о приборную доску (Спенсер еще не привык к лунному тяготению и уже начал сомневаться, что когда-либо привыкнет) и наконец взял себя в руки.

Хуже нет ждать, ждать, когда выяснится, будет ли «материал» для статей... Сколько денег уже потрачено, а ведь это пустяки по сравнению со счетами, которые начнут поступать, едва он даст капитану Ансону команду на вылет. Правда, тогда волнения кончатся, первенство «Интерплэнет» будет обеспечено.

— Вызывают, — вдруг услышал он гдлос радиста. — За две минуты до срока. Что-то произошло.

— Я что-то нащупал, — отдельно произнес Лоуренс. — Но не знаю что.

— На какой глубине? — вместе спросили Лоусон и оба водителя.

— Около пятнадцати метров. Отойдем метра на два вправо, попробую еще раз.

Он вытащил шуп и погрузил его в пыль в новой точке.

— Есть, — сообщил Лоуренс, — и на той же глубине. Еще два метра!..

Теперь препятствие исчезло. Или ушло вглубь за пределы досягаемости шупа?

— Здесь ничего. Проверим в других направлениях.

Требовалось немало времени и усилий, чтобы определить очертания затаившегося в глубине предмета. Примерно такие же трудоемкие приемы применяли те, кто двести лет назад начал промерять океаны: опускают на дно груз на тросе, потом поднимают. «Жалко, — подумал Лоуренс, — что нет эхолота». Да только вряд ли звуковые или электромагнитные волны проникли бы здесь больше чем на пять метров в глубину.

Какой же он идиот, не подумал раньше! Вот почему пропали радиосигналы «Селены». Среда, которая поглотила ее, поглощает и радиоволны. Хотя, если под ним пылеход...

Лоуренс переключил приемник на аварийную волну. Вот он, голос автомата, орет что есть мочи! Да так громко, что непонятно, почему его не слышно на «Лагранже» и в Порт-Рорисе... Впрочем, все ясно, ведь это металлический шуп

помог. Коснувшись обшивки «Селены», он тотчас стал своего рода антенной, вывел импульсы на поверхность.

Добрых пятнадцать секунд главный инженер слушал зов маяка, прежде чем собрался с духом сделать следующий шаг. С самого начала Лоуренс не был уверен в том, что поиски увенчаются успехом; он и сейчас опасался, как бы их усилия не оказались напрасными. Ведь еще ничего не известно: автомат будет слать свои сигналы неделями, даже если люди на «Селене» давно погибли.

Резким, решительным жестом Лоуренс переключил приемник на обычную волну пылехода... и был почти оглушен голосом Пата Харриса:

— Я «Селена», я «Селена». Как слышите? Прием.

— Я «Пылекат-1», — ответил он. — Говорит главный инженер Эртсайда. Я в пятнадцати метрах над вами. Как дела? Прием.

В хоре ликующих воплей он не сразу разобрал ответ. Но и без того было очевидно, что пассажиры живы и настроение хорошее! Такой шум подняли, будто за праздничным столом сидят. Думают, раз их нашли, значит, все неприятности позади...

Ладно, пусть ликуют, все равно пока надо доложить на Базу.

— Порт-Рорис, я «Пылекат-1», — сказал главный. — Мы нашли «Селену», установили с ней радиосвязь. Судя по оживлению на борту, все живы-здоровы. Корабль лежит на глубине пятнадцати метров, там, где указал доктор Лоусон. Вызову вас через пять минут. Все.

Со скоростью света волны радости и облегчения распространятся по всей Луне, Земле и планетам внутренней сферы, неся добрую весть миллиардам людей... На улицах и движущихся тротуарах, в автобусах и космических кораблях незнакомые люди будут обращаться друг к другу:

— Вы слышали? «Селену» нашли!!

Во всей Солнечной системе в этот миг, наверное, только один человек не мог всей душой предаться радости. Сидя на пылекате и слушая счастливые возгласы, которые доносило радио, глядя на завихрения пыли, главный инженер Лоуренс чувствовал себя куда более беспомощным, чем люди, заточенные в толще Моря под ним. Ему было страшно. Он знал, что предстоит труднейшая битва его жизни.

Впервые за последние двадцать четыре часа Морис Спенсер позволил себе передышку. Все, что можно сделать, — сделано. Люди и аппаратура уже на пути в Порт-Рорис. (Это очень здорово, что в Клавии оказался Жюль Брак, один из лучших телеоператоров, они и прежде часто сотрудничали.) Капитан Ансон гоняет вычислительную машину и озабоченно изучает кроки Гор Недоступности. Команда (все шестеро) вызвана из баров (всех трех) и извещена о том, что маршрут снова меняется. Десяток контрактов, все на крупные суммы, подписаны на Земле и переданы по телефаксу. Финансовые колдуны «Интерплэнет Ньюс» с научной точностью высчитают, сколько можно запросить с других агентств без опасения, что те предпочтут снарядить собственные ракеты. Да хотя чего тут опасаться, он слишком далеко всех опередил. Любой конкурент сможет попасть на хребет не раньше чем через сорок восемь часов; Морис Спенсер будет там через шесть.

Словом, приятно отдохнуть, твердо зная, что все в порядке и никаких перебоев не ожидается. Такие антракты придавали жизни особую прелесть, и Спенсер умел использовать их. Лучшее средство от язвы желудка, которая все еще оставалась профессиональным заболеванием работников печати и телеинформации.

Умение выгадать минуту для передышки всегда отличало его. Морис Спенсер — в одной руке рюмка, в другой бутерброд с маленького подноса — полулежал в кресле в салоне кругового обзора Космопорта. Через двойное окно он видел пирс, от которого три дня назад отчалила «Селена». (Никак не избавишься от этих морских терминов, хотя они здесь как будто совершенно не к месту.) Всего-навсего двадцать метров бетонной дорожки вдается в эту отвратительно гладкую лунную пыль... Почти на столько же метров вытянулась огромной гармошкой эластичная труба, через которую пассажиры шли из порта на посадку. Сейчас она не закупорена и частью опала. Грустное зрелище.

Журналист посмотрел на часы, потом — на горизонт. Удивительно! Если не знать, можно подумать, что до горизонта самое малое километров сто. На самом деле — всего два-три. Вдруг глаза уловили солнечный зайчик. Идут —

идут сюда! Через пять минут спасатели будут здесь, еще через пять выйдут из камеры перепада; он вполне успеет управиться с последним бутербродом.

...Отвечая на приветствия Спенсера, Том Лоусон ничем не обнаружил, что узнает его. Но это было только естественно: ведь их первая короткая беседа происходила почти в полной темноте.

— Доктор Лоусон? Я начальник отдела «Интерплэнет Ньюс». Можно включить запись?

— Минутку, — вмешался Лоуренс. — Я знаю представителя «Интерплэнет». Вы не Джо Леонард...

— Совершенно верно, я — Морис Спенсер. Принял дела у Джо на прошлой неделе. Его отозвали на Землю, пока не отвык совсем от земного тяготения. Не застревать же ему здесь на всю жизнь.

— Быстро вы добрались. И часу не прошло с тех пор, как мы передали, что «Селена» найдена.

Спенсер не стал отвечать на это; к чему подчеркивать, что он здесь уже несколько часов?

— Ну так как — можно включить запись? — вежливо повторил он.

Морис Спенсер предпочитал соблюдать правила. Некоторые репортеры идут на риск и пускают магнитофон, не дожидаясь разрешения. Если тебя поймают на этом, останешься без работы... Как начальник отдела он просто обязан придерживаться порядка, который только на пользу и журналистам, и общественности.

— Попозже, если не возражаете, — ответил Лоуренс. — У меня слишком много неотложных дел. Но доктор Лоусон охотно поговорит с вами. Главная работа проделана им, ему и вся честь. Можете так и записать.

— Гм... благодарю... — пробормотал озадаченный Том.

— Не стоит, — сказал Лоуренс. — А теперь до свидания, еще увидимся. Я буду в кабинете старшего инженера. Таблетки помогут мне держаться на ногах, а вам все-таки совету поспать хоть немного.

— После интервью! — перебил Спенсер и потащил Тома к зданию отеля.

Первый человек, которого он встретил в тесном — десять квадратных метров — холле, был капитан Ансон.

— Я вас разыскиваю, мистер Спенсер, — сказал тот. — Профсоюз работников космоса уперся. Слышали, наверное: правило о межрейсовом отдыхе... Ну так вот...

— Умоляю вас, капитан, потом. Свяжитесь сами с юристами «Интерплэнета». Вызовите Клавий 12-34, Гарри Данцига — он все уладит.

Журналист увлек покорного Тома Лоусона вверх по лестнице (отель без лифтов — необычное явление, но лифты ни к чему в мире, где человек весит немногим больше десяти килограммов) и провел его в свой номер, похожий на номер любой дешевой гостиницы на Земле, только поменьше да совсем без окон. Кресла, диван и стол сделаны просто и с минимальным расходом материала, в основном — стекловолокна; на Луне было вдоволь кварца. Ванная — обычная (слава Богу, не то что эти мудреные туалетные комнаты в ракетах, приспособленные для невесомости), и только вид кровати слегка обескураживал. Некоторым гостям с Земли скверно спалось при малом тяготении, для них придумали эластичное покрывало, которое по краям крепилось слабыми пружинами. Поневоле вспомнишь смирительные рубашки и стены с мягкой обивкой...

И еще одна милая деталь: возле двери объявление на трех языках — по-английски, по-русски и по-китайски:

**ОТЕЛЬ ОБЛАДАЕТ АВТОНОМНОЙ ГЕРМЕТИЗАЦИЕЙ.
АВАРИЯ КУПОЛА ВАМ НИЧЕМ НЕ УГРОЖАЕТ.
В СЛУЧАЕ АВАРИИ ПРОСИМ ВАС ОСТАВАТЬСЯ
В НОМЕРЕ
И ЖДАТЬ УКАЗАНИЙ. БЛАГОДАРИМ.**

Спенсер не первый раз читал эти слова и все-таки продолжал считать, что даже столь важную информацию можно было бы подать в более удобоваримой и непринужденной форме. Уж больно сухо сказано...

Пожалуй, в этом вся загвоздка здесь, на Луне. Борьба с местной природой требует таких усилий, что на детали уже не остается энергии. Особенно бросалось в глаза несоответствие между отличной работой технических служб и каким-то беспечным, даже халатным подходом во всем остальном. Малейшая неисправность телефона, водопровода, воздушной сети (особенно воздушной!) устранялась мгновенно. Но

попробуйте добиться, чтобы вас быстро обслужили в ресторане или баре...

— Я знаю, вы очень устали, — начал Спенсер. — Но разрешите все-таки задать вам несколько вопросов. Я включу магнитофон, вы не возражаете?

— Нет, — ответил Том; ему уж давно все было безразлично.

Упав в кресло, он механически, явно не воспринимая вкуса, потягивал напиток, который налил ему Спенсер.

— Говорит Морис Спенсер, корреспондент «Интерплэнет Ньюс», я беседую с доктором Томом Лоусоном. Доктор, пока известно лишь, что вы и мистер Лоуренс, главный инженер Эртсайда, нашли «Селену» и все пассажиры живы-здоровы. Не могли бы вы, не вдаваясь в технические детали, рассказать нам, как... а, черт побери!..

Он поймал медленно падающий стакан, не пролив ни капли, затем перенес спящего астронома на диван. Что ж, роптать не приходилось: пока это единственная осечка в его программе. Да и то неудача еще может обернуться удачей. Никто не найдет Лоусона — не говоря уже о том, чтобы интервьюировать его, — пока он отсыпается в номере Спенсера, который в отеле «Порт-Рорис» не без юмора называется люксом.

В Клавин начальнику «Лунтуриста» удалось наконец убедить всех, что он вовсе не покровительствует никаким любимчикам. Услышав, что «Селена» найдена, Девис облегченно вздохнул, но радость тотчас померкла, едва «Рейтер», «Тайм-Космос», «Трипланетные новости» и «Лунар Ньюс» обрушили на его голову вопросы — как это получилось, что «Интерплэнет» первым дало информацию? Предусмотрительно перехватив разговор пылекатов, Морис Спенсер смог передать новость в агентство даже раньше, чем ее получили в Лунной администрации!

Но теперь наконец все выяснилось, и конкуренты искренне восхищались расторопностью этого счастливого Спенсера. А ведь он раскрыл еще далеко не все свои козыри...

Узел связи в Клавии и прежде бывал в центре драматических событий, но это все затмило. «Все равно что слушать голоса из загробного мира», — сказал себе Девис. Давно ли этих людей считали погибшими — и вот, пожалуйста,

живы-здоровы, один за другим подходят к микрофону там, под землей, чтобы успокоить своих родных и близких. Благодаря щупу, который был и ориентиром, и антенной, пятнадцатиметровый пласт лунной пыли уже не изолировал пылеход от всего человечества.

Как ни горячились репортеры, надо было ждать перерыва в потоке посланий с «Селены», чтобы взять интервью. Сейчас говорила мисс Уилкинз, она диктовала радиogramмы пассажиров. Девис живо представлял себе, что происходит на борту: все торопливо исписывают телеграфным стилем вырванные из книги листки, стараясь втиснуть в минимум слов максимум информации. Разумеется, этот материал нельзя ни публиковать, ни цитировать, это частные послания, и начальники почтамтов трех планет дружно обрушат свой гнев на неосторожного репортера, который рискнет преступить запрет. По чести говоря, журналистам вообще не положено слушать на этой волне, и начальник узла уже несколько раз все более строгим тоном напоминал им об этом.

— ...скажи Марте, Яну и Айви, чтобы не беспокоились обо мне, я скоро буду дома. Спроси Тома, чем кончились переговоры с Эриксоном, и сообщи мне во время следующего сеанса. Обнимаю вас всех. Джордж. Конец. Записали? Я «Селена». Прием.

— Центральная Луны вызывает «Селену». Да, мы все записали, отправим ваши радиogramмы и передадим вам ответы, как только получим. А теперь пригласите, пожалуйста, к микрофону капитана Харриса. Прием.

Короткая заминка, были слышны гулкие в замкнутой кабине голоса, скрип кресла, приглушенное «Простите». И наконец:

— Капитан Харрис вызывает Центральную. Прием.

Девис взял микрофон:

— Капитан Харрис, говорит начальник «Лунтуриста». Я знаю, все вы спешите отправить свои телеграммы, но здесь представители агентств, им не терпится поговорить с вами, хотя бы несколько слов. Прежде всего, не могли бы вы коротко описать, какая сейчас обстановка в кабине? Прием.

— Ну, что вам сказать... Здесь очень жарко, так что мы одеты легко. Но жаловаться не приходится, ведь благодаря этой жаре вы нашли нас. Да мы уже привыкли к ней. Воздух пока хороший, воды и продовольствия хватает, правда, стол,

как бы это сказать, несколько однообразный. Что еще вы хотите знать? Прием.

— Спросите его о настроении на борту... Как держатся пассажиры?.. Нервы не подводят?.. — раздался голос представителя «Трипланетных новостей».

Начальник «Лунтуриста» передал его вопросы, придав им более тактичную форму. Тем не менее они явно вызвали легкое замешательство на «Селене».

— Все держатся молодцом, — ответил Пат очень уж поспешно. — Конечно, нас волнует, сколько времени понадобится, чтобы выволить нас отсюда. Вы можете сказать что-нибудь? Прием.

— Главный инженер Лоуренс сейчас в Порт-Рорисе, разрабатывает план спасательной операции, — ответил Девис. — Как только план будет готов, мы сообщим вам сроки. Расскажите, пожалуйста, как вы проводите время? Прием.

Пат ответил на этот вопрос, и его ответ не замедлил вызвать на всех планетах усиленный спрос на «Шейн», зато, увы, заметно подорвал акции «Апельсина и яблока». Затем капитан рассказал о заседаниях суда, прерванных пока на неопределенное время.

— Это, должно быть, очень забавно, — сказал Девис. — Но теперь вы не одни, можете рассчитывать на нашу помощь. Мы передадим для вас все что угодно — музыку, пьесы, дискуссии. Только закажите. Прием.

Пат помедлил с ответом. Радиосвязь преобразила их жизнь — появилась надежда, установлен контакт с близкими. Но почему-то ему было даже жалко, что уединение кончилось. Чувство товарищества, которого не смог подорвать даже выпад мисс Морли, уже начало улетучиваться. Нет больше единого отряда, сплоченного борьбой за существование. Снова каждым владеют свои заботы и помыслы. Человечество опять поглотило их, как океан поглощает каплю.

ГЛАВА 16

От комиссий да от комитетов, считал главный инженер Лоуренс, толку не жди. Его взгляд был широко известен на Луне, потому что вскоре после очередного наезда уполномоченных Ревизионного комитета (они наведывались дважды

в год) на рабочем столе главного появился листок с таким умозаключением:

«Комитет — место, где копаются,
митингуют,
темнят и
топят».

Но этот комитет можно было терпеть: он отвечал придирчивым запросам главного инженера. Председателем был сам Лоуренс; протоколы, секретари, повестки дня отсутствовали. И он мог по своему выбору отвергать рекомендации комитета или принимать их. Лоуренс всецело отвечал за спасательную операцию, пока Главный администратор не сочтет нужным его сменить, — а это могло произойти лишь под очень сильным нажимом с Земли. Комитет играл роль генератора идей и технического справочника, он был, так сказать, персональным «мозговым трестом» Лоуренса.

Из двенадцати членов комитета только шесть физически присутствовали в Порт-Рорисе, остальные находились в разных точках Луны, Земли и космоса. Грунтовед на Земле оказался в невыгодных условиях — ведь скорость радиоволн ограничена, поэтому он был обречен все время отставать на полторы секунды от других участников заседаний, да еще столько же времени требовалось, чтобы его слова дошли до Луны. И грунтоведа попросили делать заметки на листке бумаги, перебивать только в крайних случаях, сберегая свои замечания до конца совещания. Селекторная связь с Луной обходилась дорого, зато многие успели уже убедиться, что трехсекундная задержка умиряет даже самых рьяных спорщиков.

— Для тех, кто еще не в курсе дела, — начал Лоуренс, как только закончилась «поверка», — коротко опишу обстановку. «Селена» лежит горизонтально, глубина пятнадцать метров. Корабль невредим, все агрегаты действуют, настроение двадцати двух заточенных в кабине хорошее. Запаса кислорода хватит еще на девяносто часов — прошу каждого запомнить этот срок. Если кто-нибудь не знает, как выглядит «Селена», посмотрите вот на эту модель в одну двадцатую натуральной величины. — Он поднял со стола модель и повернул ее к объективу телекамеры сперва одной, потом другой

стороной. — Она напоминает автобус или, если хотите, небольшой самолет. Ее отличает от них только устройство тяговой установки, включающее вот эти широколопастные винты с переменным шагом. Наш главный противник, естественно, лунная пыль. Кто не видел ее сам, не может представить себе, что это такое. Любое сравнение с песком или другими известными на Земле веществами окажется неудачным, она скорее напоминает жидкость. Вот образец.

Лоуренс взял в руки высокий цилиндр, на одну треть заполненный серым аморфным веществом. Он опрокинул цилиндр вверх дном, и пыль потекла вниз. Она текла быстрее, чем сироп, но медленнее, чем вода. Несколько секунд — и пыль опять собралась в столбик с гладкой и ровной поверхностью. С первого взгляда любой решил бы, что это жидкость.

— Цилиндр закрыт наглухо, — продолжал Лоуренс, — внутри вакуум, так что мы видим лунную пыль в обычных для нее условиях. На воздухе свойства ее изменяются, она становится гораздо более вязкой и ведет себя вроде очень мелкого песка или талька. Заранее предупреждаю вас: синтетическим путем не создашь образца, который обладал бы всеми свойствами оригинала. Для этого нужно несколько миллиардов лет сушки. Если вам понадобится для опытов, мы можем послать сколько угодно пыли, не обеднеем. Еще несколько замечаний. «Селена» затонула в трех километрах от ближайшей суши — Гор Недоступности. Возможно, пласт пыли под кораблем уходит вглубь еще на несколько сот метров, но вряд ли. И нет никакой гарантии, что не произойдет новое оседание. Правда, геологи считают это маловероятным. Добраться к месту катастрофы можно только на пылекатах. У нас их два, третий уже везут с Фарсайда. Пылекат поднимает или тянет на буксире до пяти тонн, платформа выдерживает отдельные предметы весом около двух тонн. Следовательно, мы не можем перебросить очень тяжелые механизмы. Вот как обстоит дело. У нас в запасе девяносто часов. Что вы предлагаете? У меня есть кое-какие мысли, но я хотел бы сперва послушать вас.

Наступила тишина; члены комитета, которых разделяло до четырехсот тысяч километров, напряженно думали, как решить задачу. Но вот заговорил главный инженер Эртсайда; его штаб находился неподалеку от Кратера Жолио-Кюри.

— Боюсь, за девяносто часов мы ничего не успеем сделать. Нужно создать специальное снаряжение, а на это всегда требуется время, поэтому надо сперва подать к «Селене» воздухопровод. Где у нее выведена коммуникационная сеть?

— В кормовой части, позади главного входа. Но я не представляю себе, как вы подадите трубопровод на глубину пятнадцати метров и присоедините к штуцеру. Не говоря уже о том, что трубу забьет пылью.

— У меня есть предложение, — вмешался новый голос. — Пробурить сверху потолок кабины.

— Понадобятся две трубы, — заметил еще кто-то. — Одна — подавать кислород, вторая откачивать испорченный воздух.

— То есть нужен полный агрегат для очистки воздуха. Без него можно обойтись, если мы вызволим их до критического срока.

— Слишком велик риск. Лучше подать воздух и действовать без спешки, не думая об этих злополучных девяноста часах.

— Согласен, — сказал Лоуренс. И поручил уже своим людям подготовить все необходимое. — Следующий вопрос: попытаемся поднять пылеход вместе с людьми — или станем извлекать людей по одному? Напоминаю, на борту есть только один скафандр.

— А можно подать к двери широкую трубу и соединиться с переходной камерой? — спросил один из ученых.

— Та же трудность, что с воздухопроводом. Даже труднее — площадь соединения намного больше.

— Как насчет кессона, большого кессона, который охватил бы весь пылеход? Опустить его на нужную глубину и выбрать пыль.

— Понадобятся тонны свай и крепежных балок. Не забудьте еще: дно должно быть герметичным, иначе пыль будет просачиваться снизу с такой же скоростью, с какой мы сможем выбирать ее сверху.

— А можно это вещество откачивать? — спросил кто-то.

— Да, если будет соответствующий насос. Отсасывать эту пыль нельзя, ее надо поднимать. Обычный насос тотчас захлебнется.

— Эта лунная пыль сочетает худшие свойства твердых и жидких тел, — пожаловался помощник инженера в Порт-

Рорисе. — А достоинств — никаких. Она не хочет течь, когда это нужно нам, зато очень хорошо течет, когда не надо.

— Разрешите уточнить, — вступил патер Ферраро; он сидел в своей лаборатории в Кратере Платона. — Слово «пыль» только сбивает с толку. Речь идет о веществе, которого не может быть на Земле, поэтому для него нет названия в нашем словаре. Последний оратор прав: иногда оно напоминает несмачивающую жидкость — вроде ртути, но гораздо легче. А иногда ведет себя, как смола, с той разницей, что течет намного быстрее.

— Может быть, есть способ придать ей стойкость?

— Мне кажется, это вопрос для Земли, — вступил Лоуренс. — Доктор Эванс, что вы скажете?

Трехсекундная заминка, как всегда, показалась очень долгой. Наконец голос грунтоведа прозвучал так отчетливо, словно был рядом:

— Я как раз думаю об этом. Можно подобрать какое-нибудь органическое связующее вещество — своего рода клей. Это облегчило бы работу с пылью. А обыкновенная вода не годится? Вы не пробовали?

— Еще нет, но проверим, — ответил Лоуренс, делая себе пометку.

— Магнитными свойствами это вещество обладает? — спросил дежурный диспетчер.

— В самом деле! — отозвался Лоуренс. — Сеньор Ферраро, ответьте нам на этот вопрос.

— Обладает в небольшой степени: в нем есть немного метеоритного железа. Боюсь, однако, нам от этого не легче. Магнит может извлечь все железо, но на пыль в целом не повлияет.

— И все-таки попробуем. — Лоуренс сделал еще пометку. В душе главного тайлась надежда — хоть и очень слабая, — что в этом соревновании умов родится какая-нибудь блестящая идея, фантастический на первый взгляд, но в основе разумный замысел, который разрешит его проблему. Да-да, его. Нравится это ему или нет, главный инженер через свои отделы и своих подчиненных отвечает за всю технику на этой стороне Луны. Особенно когда с этой техникой что-нибудь приключается.

— Подозреваю, что основным препятствием будет материально-техническое обеспечение, — сказал диспетчер Кла-

вия. — Все надо перевозить на пылекатах, а это значит самое малое два часа в оба конца, даже больше, если буксировать тяжелый груз. И ведь сперва нужно собрать над пылеходом рабочую площадку, что-то вроде плота. Только на это уйдет целый день, и гораздо больше на переброску снаряжения.

— Включая временное жилье для спасателей, — добавил кто-то. — Они должны обосноваться на месте.

— Ну, это просто: как только плот будет готов, можно на нем поставить иглу.

— Для этого и плот не нужен. Иглу само удержится на поверхности.

— Вернемся к плоту, — сказал Лоуренс. — Потребуется прочные разборные узлы, которые можно собрать на месте. Какие предложения?

— Пустые бочки из-под горючего?

— Слишком большие и непрочные. Ладно, поищем что-нибудь на складе Технического отдела.

И так далее: мозговой трест продолжал свою работу. Лоуренс намеревался отвести на совещание еще полчаса. Потом он решит, как действовать. Нельзя затягивать разговор, когда каждая минута на счету и на карту поставлены человеческие жизни. С другой стороны, от скороспелых, непродуманных планов только вред: растратишь впустую усилия и материалы и все дело погубишь...

На первый взгляд все очень просто. Пылеход найден, только сто километров отделяют его от великолепно оснащенной Базы. Местонахождение «Селены» определено совершенно точно, она лежит на глубине пятнадцати метров. Всего пятнадцать метров — но каких! За свою многолетнюю карьеру Лоуренсу редко приходилось сталкиваться с таким трудным препятствием.

Эта карьера может очень скоро оборваться. Если погибнут двадцать два человека, оправдаться ему будет нелегко.

Честное слово, жаль, что некому было видеть посадку «Ауриги» — это было славное зрелище. Из всех спектаклей, созданных человечеством, взлет и посадка космического корабля — самый внушительный, он уступает только еще более ярким плодам изобретательности ядерников. А когда эти маневры совершаются на Луне, где все происходит точно

в замедленном фильме и в странном безмолвии, остается неизгладимое впечатление, как от причудливого сна.

Капитан Ансон не стал ломать голову над тонкостями навигации, тем более что за горючее платил не он. В «Руководстве для капитанов» ничего не говорилось о том, как на космическом лайнере совершать стокилометровые перелеты (подумать только: сто километров!), хотя математики несомненно с наслаждением засели бы рассчитывать на основе вариационного исчисления орбиту с наименьшим расходом горючего. Ансон просто махнул вверх на тысячу километров (тем самым автоматически вступали в действие предусмотренные Межпланетным кодексом дальние тарифы, о чем он предпочел пока не рассказывать Спенсеру), затем повернул обратно и пошел на посадку, ориентируясь по радару. Радар и вычислительная машина контролировали друг друга, а капитан Ансон контролировал их. Любой из трех мог самостоятельно справиться с задачей, так что все было и просто и надежно. Правда, непосвященному могло показаться иначе.

Это в полной мере относилось к Морису Спенсеру. Глядя на алчные пальцы горных пиков, журналист вдруг почувствовал острую тоску по зеленым холмам Земли. И зачем только он все это затеял? Будто нет более дешевого способа покончить с собой...

Особенно скверно ему было в состоянии невесомости между двумя периодами торможения. Что, если тормозные ракеты не сработают по команде и корабль, постепенно ускоряя ход, будет падать и падать, пока не разобьется о поверхность Луны? И нечего убеждать себя, что это пустые опасения, детские страхи — ведь случалось же такое, и не раз...

Но с «Ауригой» ничего не произошло. Грозная ярость тормозных двигателей выплеснулась на скалы, взметнув в небо пыль и космические наносы, которые лежали, ничем не потревоженные, три миллиарда лет. На миг корабль застыл в равновесии в каких-нибудь сантиметрах от грунта; затем огненные мечи, на которые он опирался, медленно, словно сопротивляясь, ушли в свои ножны. Широко расставленные ноги шасси коснулись камня, «ступни» повернулись, прилаживаясь к неровностям, и корабль чуть вздрогнул напоследок, прежде чем амортизаторы погасили остаточную энергию толчка.

Второй раз за двадцать четыре часа Морис Спенсер совершил посадку на Луне. Случай довольно редкий.

— Так, — сказал капитан Ансон, поднимаясь от пульта управления. — Надеюсь, вид отсюда вас устраивает. Он обойдется вам в кругленькую сумму, а ведь мы еще не говорили о сверхурочных. Профсоюз работников космоса...

— Вы просто бездушный человек, капитан! В такую минуту морочить мне голову какими-то мелочами! Но если это не повлечет за собой новой наценки, позвольте поздравить вас с безупречной посадкой.

— Ну что вы, заурядный маневр, — ответил капитан; однако он не смог скрыть своего удовольствия. — Кстати, распишитесь, пожалуйста, в судовом журнале... вот здесь, где указано время посадки.

— Это еще зачем? — насторожился Спенсер.

— Вы удостоверяете прибытие на место. Судовой журнал — наш главный юридический документ.

— Рукописный журнал? Уж больно это старомодно, — сказал Спенсер. — Я думал, в наши дни все делает электроника.

— Традиция, — ответил Ансон. — Конечно, самописцы включены все время, пока работают двигатели, по ним всегда можно восстановить полет. Но только в журнале капитана вы найдете маленькие особенности, которые отличают одно путешествие от другого. Скажем: «Утром у одной из пассажирок четвертого класса родились близнецы». Или: «После шести склянок справа по борту показался Белый Кит».

— Беру свои слова назад, капитан, — сказал Спенсер. — У вас есть душа.

Он расписался в журнале и прошел к иллюминатору.

Только в рубке управления, на высоте ста пятидесяти метров над грунтом, были смотровые окна. Глазам репортера предстал великолепный вид. С северной стороны, наполовину закрыв небо, высились верхние ярусы Гор Недоступности. Но это название уже устарело: ведь он проник сюда. И раз корабль здесь, недурно бы заодно сделать что-нибудь для науки, хотя бы собрать образцы пород. Газета газетой, но Спенсеру очень хотелось бы что-нибудь открыть. Самый пресыщенный впечатлениями человек не устоит перед соблазном проникнуть в тайны невиданного и неизведанного.

На юг километров на сорок простерлось Море Жажды. Безупречно гладкая серая дуга занимала больше половины поля зрения. Но Спенсера занимало то, что находилось всего в пяти километрах от гор.

С высоты двух тысяч метров он в обычный бинокль отчетливо видел металлический шест — оставленный Лоуренсом ориентир, который теперь связывал «Селену» с внешним миром. Ничего особенного, маленький шип торчит над безбрежной равниной... Но было что-то волнующее в этой выразительной простоте. Отличный вступительный кадр — символ одиночества человека в огромной враждебной Вселенной, которую он пытается покорить. Через несколько часов эта равнина оживет, а пока шест вполне годится как «заставка», на фоне которой телекомментаторы будут обсуждать план спасательных работ, заполняя паузы подходящими интервью. Но это уже не его забота, ребята в Клавии и на телестудии на Земле придумают, как подать материал. Дело Спенсера поставлять им кадры из своего «орлиного гнезда». Идеальная прозрачность почти полного вакуума и мощный объектив с переменным фокусным расстоянием поможет показать крупным планом все подробности операции.

Морис Спенсер поглядел на юго-запад. Солнце лениво ползло вверх. Впереди почти две недели дневного света, по земному счету, так что за освещением дело не станет. Сцена готова.

ГЛАВА 17

Главный администратор Ульсен не любил шума, считал за лучшее управлять тихо (но эффективно), из-за кулис, предоставляя общительным малым, вроде начальника «Лунтураиста», толковать с репортерами. Тем большее впечатление производили его редкие выходы на сцену. Разумеется, он это учитывал.

Сейчас на Ульсена смотрели миллионы людей. Правда, двадцать два человека, к которым он обращался в первую очередь, не могли его увидеть, так как «Селену» не сочли нужным оснастить телевизором, но голос администратора звучал достаточно убедительно. Они слышали то, что им хотелось знать.

— Алло, «Селена», — говорил главный администратор. — Я хочу сказать вам, что все средства Луны мобилизованы, чтобы выручить вас. Наши инженеры и техники работают круглые сутки. За операцию отвечает мистер Лоуренс, главный инженер Эртсайда; я вполне полагаюсь на него. Сейчас он в Порт-Рорисе, там готовят специальное снаряжение, которое необходимо для спасательных работ. Решено — и вы, конечно, согласитесь с этим, — прежде всего пополнить ваши запасы кислорода. Для этого мы собираемся опустить трубы: это можно быстро сделать. Кстати, трубы позволят нам снабжать вас не только кислородом, но, если понадобится, и водой, и продовольствием. Следовательно, как только заработает трубопровод, вашим тревогам конец. Понадобится еще какое-то время, чтобы добраться до корабля и вызволить вас, но вы будете уже в безопасности. Ждите спокойно, не волнуйтесь. Я заканчиваю, вы можете использовать этот канал для переговоров с вашими близкими. Досадно, что вам пришлось перенести столько лишений и тревог, но теперь все это позади. Через день-два вы будете наверху. Счастливо!

Едва администратор кончил говорить, кабина «Селены» загудела от голосов. Ульсен достиг своей цели: несчастный случай превратился для пассажиров в увлекательное приключение, на всю жизнь хватит рассказывать друзьям и знакомым. Один Пат Харрис хмурился.

— Что-то наш главный слишком уж уверенно говорил, — сказал он коммодору Ханстену. — У нас на Луне это не принято: как раз нарвешься на сюрприз.

— Я вас отлично понимаю, — ответил коммодор. — Но не будем его упрекать, он заботится о нашем настроении.

— Что ж, настроение отличное. Особенно теперь, когда можно говорить с родными и близкими.

— Кстати: среди пассажиров есть человек, который еще не отправил и не получил ни одной радиограммы. Больше того, он вроде и не собирается ничего посылать.

— Кто же это?

Ханстен совсем понизил голос:

— Редли, новозеландец. Вон сидит, притаился в углу. Не знаю почему, но он мне не нравится.

— Может, у бедняги просто нет никого на Земле?

— Не поверю, чтобы у человека, которому по карману билет на Луну, вовсе не было друзей, — возразил коммодор.

Смушенная улыбка на миг разгладила морщины его лица. — Кажется, я становлюсь циником... И все-таки предлагаю присматривать за мистером Редли.

— Вы уже говорили о нем Сью... э-э, мисс Уилкинз?

— Это она обратила мое внимание на него.

«Я мог бы и сам догадаться, — одобрительно подумал Пат. — Она все примечает».

Теперь, когда будущее выглядело не так мрачно, Пат Харрис всерьез призадумался над своим отношением к Сью и над тем, что она ему говорила. Он и прежде влюблялся, но это нечто совсем другое. Познакомились они больше года назад. Сью сразу ему понравилась, однако до сих пор между ними ничего не было. Как же она все-таки относится к нему? Уже жалеет о маленьком происшествии в переходной камере — или это для нее вообще ничто? Она может заявить (и он тоже, коли на то пошло), что их поцелуй ничего не значит, это был минутный порыв перед лицом смертельной опасности. Забылись, только и всего.

А если нет? Если все дело в том, что напряжение последних дней помогло им стать самими собой?.. Как убедиться в этом? Только время даст ему ответ. Может быть, и есть безошибочный научный способ определить, когда ты любишь по-настоящему, но Пат о нем пока что не слыхал...

Около пирса, от которого четыре дня назад отошла «Селена», глубина лунной пыли достигала всего двух метров, но для этого опыта больше и не требовалось. Если наскоро созданное устройство выдержит испытание здесь, можно использовать его и в открытом Море.

Из окна космопорта Лоуренс смотрел, как его люди в скафандрах собирают плот из алюминиевых полос и балок — материал, применяемый почти во всех конструкциях на Луне.

Что ни говори, в известном смысле Луна — рай для инженера. Малое тяготение, нет ни ржавчины, ни коррозии, не надо опасаться капризов климата — никаких ветров, дождей, колебаний температуры. Благодаря этому сразу отпало множество препятствий, которые осложняют жизнь строителям на Земле. Конечно, у Луны есть зато свои особенности: например, двухсотградусный ночной мороз, пыль, с которой они теперь сражаются.

Легкий остов плота покоился на двадцати металлических цистернах с четкой надписью:

ЭТИЛОВЫЙ СПИРТ. ПУСТЫЕ ЦИСТЕРНЫ ПРОСЬБА ВОЗВРАЩАТЬ НА ТОВАРНУЮ БАЗУ БЗ, КОПЕРНИК

Сейчас в цистернах был вакуум, и каждая из них могла поднять две лунные тонны.

Сборка шла быстро. Лоуренс сказал себе, что надо позаботиться о запасе болтов и гаек. На глазах у него штук пять-шесть упали в пыль, и она тотчас их поглотила. Так, теперь и ключ туда же... Придется отдать приказ, чтобы весь инструмент привязывали к плоту, как бы это ни мешало работе.

Пятнадцать минут. Неплохо, учитывая, что люди работают в вакууме и их движения затруднены скафандрами. Плот можно нарастить в любом направлении, но для начала и этого довольно. Одна эта секция поднимет больше двадцати тонн, а эти двадцать тонн надо еще перебросить к месту катастрофы!

Отметив, что здесь все в порядке, Лоуренс покинул здание космодрома; помощники проследят за работой. Пять минут спустя (одно из преимуществ Порт-Рориса — за пять минут можно было попасть в любую его точку) он вошел в помещение механической мастерской. Тут его ждало гораздо менее утешительное зрелище.

На козлах лежал макет площадью в два квадратных метра. Он в точности воспроизводил часть крыши «Селены», не было только тонкого слоя алюминизированной ткани, отражающей солнечные лучи, — она не могла повлиять на исход опыта.

А опыт был предельно прост, для него потребовалось всего три компонента: острый ломик, кувалда и огорченный механик, который, как ни старался, до сих пор не мог пробить ломом макет.

Всякий, кто немного знает условия на Луне, тотчас поймет причину неудачи: вес кувалды, естественно, составлял лишь одну шестую часть земного; вот почему — тоже естественно — сила удара была во столько же раз меньше.

Совершенно невероятное рассуждение! Неспециалисту очень трудно постичь разницу между весом и массой; кстати, это не раз приводило к несчастным случаям. Вес — непостоянное свойство, его можно менять, путешествуя из одного

мира в другой. На Земле эта же кувалда будет в шесть раз тяжелее, чем на Луне, на Солнце — почти в двести раз, в космосе она окажется невесомой.

Но повсюду, во всей Вселенной ее масса или инерция останутся неизменными. Усилие, нужное для того, чтобы придать кувалде определенную скорость, и удар при ее остановке всюду и всегда будут одинаковы. На астероиде, где почти нет тяготения и кувалда окажется легче перышка, она раздробит камень так же основательно, как на Земле.

— В чем дело? — спросил Лоуренс.

— Крыша сильно пружинит, — ответил механик, вытирая потный лоб. — Ломик отскакивает, и все.

— Ясно... Но у нас будет пятнадцатиметровая труба, со всех сторон сжатая пылью. Может быть, это погасит отдачу?

— Может быть. Но вы посмотрите сюда...

Они присели около макета и заглянули снизу. Начерченные мелом линии показывали, как идут вдоль потолка электропровода, которые лучше не задевать.

— Этот фиброглас очень упругий, правильного отверстия не получится. Он трескается и крошится. Видите, вот уже трещины побежали. Боюсь, мы таким способом изуродуем всю крышу.

— А этого нельзя допустить, — согласился Лоуренс. — Ладно, отставить. Раз нельзя пробить, будем бурить. На конец трубы навинчиваем бур так, чтобы его было легко снять. Кстати, трубопроводы готовы?

— Почти готовы, тут все оборудование стандартное, изобретать ничего не надо. Через два-три часа закончим.

— Я приду через два часа, — сказал Лоуренс.

Он не стал добавлять, как сделал бы иной на его месте: «И чтобы к этому времени все было сделано». Его люди делали, что могли. Ни кнутом, ни пряником не заставишь опытных и добросовестных работников трудиться быстрее, чем позволяют их силы. Тут подгонять бесполезно; к тому же до срока, определяемого запасом кислорода на «Селене», еще оставалось три дня. Через несколько часов, если все будет в порядке, этот срок отодвинется на неопределенное время.

Коммодор Ханстен первым обнаружил грозную опасность, которая исподволь подкралась к ним. Однажды он уже встречался с ней, — когда его на Ганиমেде подвел ска-

фандр. Этот случай коммодор предпочитал не вспоминать, но и забыть не мог.

— Пат, — тихо заговорил он, удостоверившись, что их никто не слышит. — Вы заметили, стало труднее дышать?

Пат ответил не сразу:

— Теперь, когда вы сказали, чувствую. Это, наверное, из-за жары.

— Я тоже так подумал сперва. Но потом, смотрю, знакомые симптомы, особенно это учащенное дыхание. Нам грозит углекислотное отравление.

— Не может быть! У нас кислорода еще на три дня, только бы очистители не отказали.

— Боюсь, как раз это и произошло. Как удаляется углекислый газ на «Селене»?

— Обыкновенные химические поглотители. Простое и надежное устройство, оно никогда не подводило.

— Понимаю, но ему еще никогда не приходилось работать в таких условиях. Видимо, жара повлияла на химики. Есть какой-нибудь способ проверить их?

Пат покачал головой:

— Нет. В тот отсек можно попасть только снаружи.

— Сью, милочка, — произнес усталый голос (неужели это миссис Шастер?), — у вас нет ничего от головной боли?

— Если есть, — подхватил другой пассажир, — уделите и мне тоже.

Пат и коммодор переглянулись. Классические симптомы, прямо по учебнику...

— Сколько, по-вашему, времени нам осталось? — тихо спросил Пат.

— От силы два-три часа. Лоуренс и его люди смогут добраться до нас в лучшем случае через шесть часов.

И тут Пат понял, что по-настоящему любит Сью Уилкинз: в первый миг он ощутил не страх за свою жизнь, а досаду и горечь — Сью столько вынесла, и вот теперь, когда спасение уже близко, она должна умереть...

ГЛАВА 18

Проснувшись в незнакомой комнате, Том Лоусон в первый миг не мог понять не только, где он, но и кто он. Ощущение веса подсказало ему, что он не на «Лагранже».

Но и не на Земле: тяготение слишком мало. Значит, это не сон: он на Луне. И уже побывал в этом гиблом Море Жажды...

И помог найти «Селену»; благодаря его голове и рукам двадцать два человека уже не обречены на смерть! Сколько обид и огорчений пришлось пережить, зато теперь наконец-то сбываются его мечты о славе. Мир долго пренебрегал им, теперь лишения возместятся.

Что из того, что общество дало Тому знания, которые сто лет назад мало кому были доступны! Это давно стало правилом, каждый ребенок получает образование, отвечающее его задаткам и склонностям. Поощрять и развивать все дарования стало необходимо для цивилизации, любой иной подход был бы равносителен самоубийству. Тому не приходило в голову благодарить общество за свою докторскую степень: оно о себе же заботилось.

И все-таки в это утро Том Лоусон без прежней горечи и цинизма думал о жизни и о людях. Успех и признание — великие целители души, а он мог рассчитывать и на то, и на другое. Но еще важнее оказалось для него иное: на «Пылекате-2», когда страх и сомнение едва не сломили Тома, он сотрудничал с человеком, которого мог уважать за ум и мужество.

Правда, длилось это недолго, и, может быть, ниточка быстро оборвется, как не раз случалось в прошлом. Отчасти Тому даже хотелось, чтобы так вышло, хотелось еще раз удостовериться, что все люди подлые, зловредные эгоисты. Он не мог забыть своего детства, совсем как Чарльз Диккенс, в душе которого ни успехи, ни слава не могли стереть воспоминания о гуталинной фабрике, в прямом и переносном смысле омрачившей юные годы писателя. И хотя Том Лоусон теперь как бы заново начинал свой жизненный путь, ему еще предстояло пройти очень много, чтобы почувствовать себя полноправным и полноценным членом человеческого общества.

Приняв душ и одевшись, молодой астроном заметил на столе записку, оставленную Спенсером.

«Будьте как дома. Я вынужден срочно уйти. Меня здесь сменил Майк Грехем. Позвоните ему по телефону 34-43, как только проснетесь».

«Словно я мог позвонить до того, как проснулся», — сказал себе Том: его излишне логический ум любил цепляться за такие небрежности речи. Все же он выполнил просьбу Спенсера, героически подавив желание сперва заказать завтрак.

От Майка Грехема Том узнал, что проспал шесть чрезвычайно бурных часов в истории Порт-Рориса, что Спенсер отправился на «Ауриге» к Морю Жажды и что поселок кишит репортерами, большинство которых разыскивает доктора Лоусона.

— Оставляйтесь на месте, — сказал Грехем (имя и голос показались Тому знакомыми; вероятно, он видел его в один из тех редких моментов, когда включал лунное телевидение). — Я буду через пять минут.

— Но я умираю с голоду, — запротестовал Том.

— Позвоните в бюро обслуживания и закажите, что вам хочется, — мы платим, — только не выходите из номера.

Том не обиделся на этот бесцеремонный нажим, который лишний раз подтверждал, что он теперь важная фигура. Его гораздо больше возмутило то, что Майк Грехем поспел намного раньше, чем заказанный Томом завтрак (любой житель Порт-Рориса мог бы ему это предсказать). И пришлось астроному перед миниатюрной телекамерой Майка на голодный желудок объяснять двумстам (пока что только двумстам) миллионам зрителей, как он сумел обнаружить «Селену».

Он отлично справился, и причиной тому были недавние события и голод. Еще несколько дней назад любой интервьюер, если бы ему вообще удалось уговорить Лоусона изложить перед камерой принцип инфракрасного поиска, потонул бы в потоке высокоученых фраз. Том выдал бы в пулеметном темпе лекцию, изобилующую терминами вроде «квантовой отдачи», «излучение черных тел» и «спектральной чувствительности», убедив аудиторию, что речь идет о крайне сложном предмете (и это совершенно верно), которого неспециалисту не понять (что вовсе не отвечает истине).

Теперь же молодой ученый, несмотря на колики в желудке, обстоятельно и даже терпеливо ответил на вопросы Майка Грехема, подбирая слова, понятные большинству. Для всех представителей астрономической науки, которым в разное время довелось испытать на себе когти Тома, это

было подлинным откровением. Сидя у себя на «Лагранже-2», профессор Котельников, когда кончилась передача, одной фразой выразил чувства своих коллег:

— Честное слово, я его не узнаю!

Немалый подвиг — втиснуть в переходную камеру «Селены» семь человек, но, как это уже показал Пат, больше нигде было устроить тайное совещание. Остальные пассажиры, конечно, недоумевали, в чем дело. Скоро узнают...

Сообщение Ханстена встревожило участников совета, но в общем-то не очень их удивило. Они все были люди умные и сами кое о чем догадывались.

— Мы с капитаном Харрисом решили сперва поговорить с вами, — объяснил коммодор. — Вы самые выдержанные из пассажиров и достаточно сильные, чтобы помочь нам, если понадобится. От души надеюсь, что до этого не дойдет, но могут быть осложнения, когда я всем объявлю.

— И тогда?.. — спросил Хардинг.

— Если кто-нибудь сорвется, скрутите его, — решительно ответил коммодор. — Когда вернемся в кабину, старайтесь держаться спокойно. Не подавайте виду, что ждете стычки, не то как раз вызовете ее. Ваша задача сразу пресекать панику, чтобы она не распространялась.

— По-вашему, это правильно, — сказал доктор Мекензи, — чтобы никто не смог даже... гм-м, передать что-нибудь родным на прощание?

— Мы об этом думали, но ведь на это сколько времени понадобится, и потом все окончательно падут духом. А нам нельзя тянуть. Чем быстрее мы все проведем, тем выше наши шансы.

— Вы верите, что у нас есть надежда на спасение? — спросил Баррет.

— Да, — ответил Ханстен, — хотя и не берусь сказать точно, насколько она велика. Больше вопросов нет? Брайен? Юхансон?.. Тогда пошли.

Они вернулись в кабину и сели на свои места. Остальные смотрели на них с любопытством и растущей тревогой. Ханстен не стал тянуть.

— Я должен сообщить очень неприятную новость, — произнес он раздельно. — Видимо, все уже заметили, что стало трудно дышать, многие из вас жалуются на головную

боль. Боюсь, виноват воздух. У нас еще достаточный запас кислорода, но все дело в том, что углекислый газ, который мы выдыхаем, скапливается в кабине. Почему — пока неизвестно. Я думаю, жара вывела из строя химические поглотители. Но даже если бы нам удалось найти причину, мы ничего не можем исправить.

Он остановился, чтобы перевести дух.

— Вот что нам предстоит: будет все труднее дышать, головная боль усилится. Я не хочу вас обманывать. Как бы спасатели ни старались, они доберутся до нас не раньше чем через шесть часов. А мы не можем столько ждать.

Кто-то ахнул. Ханстен сознательно не стал смотреть в ту сторону. И вдруг в кабине раздался протяжный храп с присвистом. В другой обстановке этот звук, вероятно, вызвал бы общий смех... Счастливая миссис Шастер: она мирно, хотя и не очень тихо, спала.

Коммодор наполнил легкие воздухом. Становилось все труднее говорить.

— Будь наше положение совсем безнадежным, — продолжил он, — я бы просто промолчал. Но у нас есть возможность, и придется ею воспользоваться. Это не очень приятно, да выбора нет. Мисс Уилкинз, дайте мне, пожалуйста, ампулы со снотворным.

В мертвой тишине — даже храп миссис Шастер прекратился — стюардесса вручила коммодору металлическую коробочку. Ханстен открыл ее и взял маленький белый цилиндр, напоминающий сигарету.

— Видимо, вам известно, — сказал он, — что правила предписывают всем космическим кораблям держать это средство в своих аптечках. Оно безболезненное и усыпляет на десять часов. Это может нас спасти, так как во сне дыхание замедляется наполовину. Мы вдвое растянем наш запас воздуха. Будем надеяться, что за это время спасатели пробьются к нам. Но кто-то один должен бодрствовать, поддерживать с ними связь. Лучше даже двое. Во-первых, капитан Харрис; думаю, никто, не станет возражать.

— А второй, очевидно, вы? — прозвучал достаточно знакомый голос.

— Мне жаль вас огорчить, мисс Морли, — сказал коммодор Ханстен, несколько не сердясь (к чему затевать перепалку, когда все решено), — но чтобы не было недоразумений...

И прежде чем кто-либо успел понять, что происходит, он прижал ампулу к руке ниже локтя.

— До свидания через десять часов, — раздельно произнес Ханстен, сел в ближайшее кресло и погрузился в забытие.

«Теперь мне распоряжаться», — подумал Пат, вставая. Его так и подмывало сказать несколько «теплых» слов мисс Морли, но тут же он сообразил, что только испортит впечатление от мудрого поступка commodora.

— Я капитан этого судна, — сказал он твердо. — С этой минуты я команду.

— Только не мной, — отпарировала неукротимая мисс Морли. — Я заплатила за билет, у меня есть права. И я наотрез отказываюсь воспользоваться этими штуками.

Ну и характер, черт бы ее побрал! Пат с ужасом представил себе, что будет, если она настоит на своем. Десять часов наедине с мисс Морли, и больше не с кем словом перемолвиться...

Он обвел взглядом пятерых «блюстителей порядка». Ближе всех к мисс Морли сидел инженер с Ямайки, Роберт Брайен. Он только ждал знака, чтобы действовать, но Пат все еще надеялся избежать серьезных трений.

— Не стану спорить о правах, — сказал он, — однако если вы прочтете, что напечатано мелким шрифтом на ваших билетах, то убедитесь: в аварийных случаях я могу требовать беспрекословного подчинения. И ведь это только в ваших интересах. Лично я предпочел бы спать, ожидая спасателей.

— И я тоже, — неожиданно вступил профессор Джаяварден. — Коммодор прав, это поможет нам сберечь воздух. Другого выхода просто нет. Мисс Уилкинз, дайте мне ампулу, пожалуйста!

Спокойная логика его слов помогла умерить страсти, тем более что профессор легко и быстро уснул. «Двое готовы, осталось восемнадцать», — мысленно отметил Пат.

— Не будем терять времени, — произнес он вслух. — Вы сами убедились, эти штуки не причиняют никакой боли. В каждой заключен миниатюрный подкожный инъектор, вы не почувствуете даже малейшего укола.

Сью уже начала раздавать безобидные на вид цилиндрики, и некоторые пассажиры не замедлили их использовать — Ирвинг Шастер (он с трогательной осторожностью прижал

ампулу к руке спящей жены), за ним загадочный мистер Редли. Остается пятнадцать... Кто следующий?

Сью подошла к мисс Морли.

«Внимание, — сказал себе Пат, — если она еще настроена скандалить...»

Так и есть.

— Разве я недостаточно твердо сказала, что не приму никаких снадобий? Уберите эту штуку!

Роберт Брайен привстал, но тут раздался насмешливый голос Девида Баррета.

— Я объясню вам, в чем дело, капитан, — сказал он, с явным наслаждением выпуская стрелу в цель. — Почтенная леди опасается, как бы вы не воспользовались ее беспомощностью.

На мгновение мисс Морли онемела от ярости, щеки ее вспыхнули алым румянцем.

— Никогда еще меня так не оскорбляли... — вымолвила она наконец.

— Меня тоже, мадам, — добавил Пат.

Она обвела взглядом обращенные к ней лица. Большинство пассажиров сохраняли серьезность, но некоторые язвительно улыбались. И мисс Морли поняла, что остается только одно.

Она поникла в своем кресле. Пат облегченно вздохнул. С остальными будет проще...

Вдруг он заметил, что миссис Уильямс, день рождения которой отметили так скромно несколько часов назад, оцепенело уставилась на зажатую в руке ампулу. Страх сковал ее. Супруг, сидящий рядом, уже уснул. Не очень-то галантно бросать подругу жизни на произвол судьбы, подумал Пат.

Прежде чем он успел что-либо придумать, вмешалась Сью.

— Извините меня, миссис Уильямс, я ошиблась, дала вам пустую ампулу. Разрешите мне взять ее...

Все было проделано чисто, как фокус на сцене. Сью взяла — или сделала вид, что взяла, — ампулу из безвольных пальцев миссис Уильямс, незаметно коснулась запястья испуганной женщины, и та погрузилась в сон.

Половина пассажиров спит. Откровенно говоря, Пат не ожидал, что все пройдет так гладко. Коммодор зря беспокоился, «карательный отряд» оказался ненужным.

Мгновением позже капитан Харрис понял, что поторопился радоваться. Нет, коммодор знал, что делал. Мисс Морли была не единственным трудным пациентом.

Не меньше двух лет минуло с тех пор, как Лоуренс в последний раз входил в йглу. Тогда он был начинающим инженером, работал на строительстве и неделями жил в йглу, забывая, что такое стены настоящего дома. Разумеется, с тех пор многое усовершенствовано. Теперь в жилище, которое умещалось в чемодане, можно было устроиться очень уютно.

Перед ним стоял один из последних образцов, марки «Гудьир ХХ», на шесть человек. Время пребывания в йглу не ограничено. Лишь бы подавали электрический ток, воду, продовольствие и воздух, остальное входит в комплект. Конструкторы даже о развлечениях позаботились: есть микробиблиотека, радио- и видеоаппаратура. И это вовсе не излишняя роскошь, что бы ни твердили ревизоры. В космосе скука может в самом прямом смысле слова стать смертельной. Она убивает не так быстро, как, скажем, неисправный воздухопровод, но так же безотказно, и смерть может быть куда более страшной...

Лоуренс пригнулся, входя в камеру перепада. Вспомнились старые йглу, в которые забирались буквально на четвереньках. Дождавшись сигнала «давление уравнено», он шагнул в главную полусферу.

Все равно что очутиться внутри воздушного шара — и ведь по сути дела это так и есть. Он видел только часть интерьера: помещение было разгорожено легкими ширмами. (Тоже усовершенствование; прежде можно было уединиться лишь в одном месте — за занавеской, отгораживающей туалет.) Над головой, на высоте трех метров свисали с потолка на эластичных шнурах светильники и установки искусственного климата. Вдоль плавно изгибающейся стены выстроились складные металлические стеллажи. Еще не выпрямлены полностью... За ближайшей ширмой чей-то голос медленно читал опись инвентаря, другой голос через несколько секунд отвечал: «Есть».

Лоуренс обогнул ширму и очутился в спальной секции. Двухэтажные койки тоже не установлены как следует. И не зачем: сейчас идет проверка, все ли в наличии. Затем йглу

сложат и немедленно перебросят к месту спасательных работ.

Лоуренс не стал мешать. Нудное дело, но необходимое (кстати, на Луне много таких дел). Малейшая ошибка здесь может потом стоить кому-нибудь жизни.

Когда проверка кончилась, главный инженер спросил:

— Это самое большое иглу у вас на складе?

— Самое большое, которым можно пользоваться, — последовал ответ. — Есть еще «Гудьир XIX» на двенадцать человек, но с проколом во внешней оболочке, который надо заделать.

— Сколько времени займет починка?

— Несколько минут. Но чтобы выдать его со склада, мы обязаны испытать его — двенадцать часов в рабочем виде.

Иногда человек, установивший правила, вынужден их нарушать.

— Мы не можем ждать столько. Наложите двойную за плату и быстро проверьте на утечку. Если она окажется в допустимых пределах, выдайте иглу. Я подпишу документы.

Риск невелик, а большое иглу может пригодиться. Оно должно защитить от холода и вакуума двадцать два человека, когда их поднимут на поверхность. Не держать же всех в скафандрах до самого Порт-Рориса.

«Бип-бип» — пропищало у Лоуренса над левым ухом. Он нажал тумблер на поясе.

— Главный инженер Эртсайда слушает.

— Сообщение с «Селены», — доложил слабый, но отчетливый голос. — Весьма срочно, у них осложнения.

ГЛАВА 19

До сих пор Пат как-то не замечал пассажира, который сидел, скрестив руки на груди, в кресле 3-Д у окна. Пришлось даже напрячь память, чтобы вспомнить его фамилию. Билдер, что ли?.. Нет, Бальдур, Ханс Бальдур. На первый взгляд — образец спокойного, дисциплинированного туриста.

Да он и теперь держался спокойно, но образцом его уже нельзя было назвать: Бальдур не спал. Он сидел с каменным лицом, словно не замечал ничего вокруг, и только щека подергивалась, выдавая его состояние.

— А вы чего ждете, мистер Бальдур? — спросил Пат Харрис нарочито ровным голосом. Хорошо, есть на кого опереться морально и физически... Нельзя сказать, чтобы Бальдур выглядел силачом, но мускулы уроженца Луны могут подвести Пата, если дойдет до потасовки.

Бальдур только мотнул головой, продолжая упорно глядеть в окно, — точно мог увидеть в нем что-либо кроме своего собственного отражения.

— Вы не заставите меня принять эту дрянь, я отказываюсь, — произнес он с заметным акцентом.

— Я не собираюсь вас заставлять, — ответил Пат. — Но разве вы не понимаете, что это делается для вас же? И для других. Что вас останавливает?

Бальдур помедлил, словно подыскивая слова.

— Это... это противоречит моим принципам, — сказал он наконец. — Вот именно. Моя религия не позволяет мне соглашаться на инъекции.

Пат где-то слышал, что бывают люди щепетильные в таких вопросах. Но Бальдур? Нет. Этот человек говорит неправду. Почему?

— Разрешите мне задать вопрос? — прозвучал голос за спиной Пата.

— Разумеется, мистер Хардинг, — сказал Пат, надеясь, что тот его выручит.

— Вы говорите, мистер Бальдур, — сказал Хардинг таким тоном, словно продолжал допрашивать миссис Шастер (как давно это было), — что не можете согласиться ни на какие инъекции. Но ведь вы не уроженец Луны, а попасть сюда, минуя карантинные власти, невозможно. Как же вы ухитрились избежать обязательных прививок?

Бальдур реагировал неожиданно бурно.

— Не ваше дело, — огрызнулся он.

— Совершенно верно, — любезно подтвердил Хардинг. — Я только хотел помочь разобраться. — Он подошел к Бальдуру и протянул вперед левую руку. — Разрешите взглянуть на ваше свидетельство о прививках?

«Эх, оплошал», — сказал себе Пат. Будто можно без приборов прочесть магнитозапись на свидетельствах Межпланетного медицинского управления! Стоит Бальдуру сообразить это, и... Да, что он тогда предпримет?

Но Бальдур не успел ничего предпринять. Он все еще смотрел на левую ладонь Хардинга, когда тот сделал стремительное движение правой рукой. Пат даже не сразу понял, что произошло. Хардинг действовал так же расторопно, как незадолго перед этим Сью с миссис Уильямс. Правда, встреча ребра его правой ладони с шеей Бальдура произвела куда более сильное впечатление. Ловко — хотя Пату Харрису такая ловкость не нравилась.

— Это усмирит его на пятнадцать минут, — небрежно сказал Хардинг, глядя на поникшего в кресле Бальдура. — Дайте, пожалуйста, ампулу... Спасибо.

И он приложил ампулу к руке строптивца, уже усыпленного его ударом. «Опять я выпустил поводья из рук», — подумал Пат. Он был благодарен Хардингу за распорядительность, но лучше бы она проявилась иначе.

— Что все это значит? — спросил он неуверенно.

Хардинг засучил левый рукав Бальдура и повернул его руку: кожа запястья была испещрена сотнями укулов.

— Знаете, что это такое? — тихо спросил он.

Пат кивнул. Пороки старушки Земли добирались до Луны с разной скоростью, но в конечном счете все добралось.

— Не удивительно, что бедняга не хотел сознаться. Ему внушили отвращение к уколам. Судя по меткам, лечение началось совсем недавно. Надеюсь, я не испортил ему все дело. Ничего, лишь бы жив остался.

— Как же его пропустил карантин?

— Для таких есть специальный отдел. Врачебная тайна: чтобы можно было сделать прививки, гипнотизер временно отменяет внушенный запрет. Этих наркоманов больше, чем вы думаете, а путешествие на Луну входит в курс лечения. Так сказать, перемена обстановки.

Пату хотелось выяснить еще кое-что, но они и без того потеряли немало драгоценных минут. Слава Богу, все пассажиры, кроме «блюстителей порядка», уже погрузились в сон.

Должно быть, наглядный урок дзюдо (или как там это называется) пошел им на пользу...

— Я вам больше не нужна, — сказала Сью, улыбаясь через силу. — Пока, Пат. Разбуди меня, когда все кончится.

— Когда кончится, разбужу, — обещал он, бережно опуская ее на пол между креслами. И добавил, видя, что глаза Сю закрылись: — Или никогда.

Несколько секунд Пат смотрел на нее, потом взял себя в руки и выпрямился. Он упустил возможность сказать Сю все то, что хотел. И, быть может, навсегда.

Горло пересохло; судорожно глотая, капитан Харрис повернулся к пятерке бодрствующих. Предстояло решить еще одну задачу, и Дэвид Баррет не замедлил ее назвать.

— Ну, капитан, — сказал он. — Не заставляйте нас гадать... Кого вы выбрали себе в товарищи?

Пат дал каждому по ампуле.

— Спасибо всем за помощь, — ответил он. — А на ваш вопрос... Я знаю, это может показаться мелодрамой, но так будет лучше: из этих пяти ампул только четыре заряжены.

— Надеюсь, моя в том числе, — сказал Баррет.

Он угадал. Хардинг, Брайен, Юхансон тоже мгновенно уснули.

— Ясно, — произнес доктор Мекензи. — Мне водить. Польщен вашим выбором. Или это получилось случайно?

— Прежде чем я отвечу вам, — сказал Пат, — надо доложить в Порт-Рорис, что у нас произошло.

Короткий доклад капитана Харриса вызвал замешательство в Порт-Рорисе. Немного погодя включился главный инженер Лоуренс.

— Вы правильно поступили, — сказал он, выслушав Пата. — Даже если все будет идти гладко, раньше чем через пять часов нам до вас не добраться. Продержитесь?

— За нас двоих ручаюсь, — ответил Пат. — У нас есть кислородный баллон от скафандра. А вот пассажиры...

— Вам остается только одно: наблюдать за их дыханием и, когда надо, подкреплять их глотком кислорода. Мы здесь все силы приложим. Что-нибудь еще?

Пат несколько секунд подумал.

— Нет, — устало ответил он. — Буду вызывать вас каждые четверть часа. Все.

Он встал медленно — усталость и углекислое отравление давали себя знать — и обратился к Мекензи:

— Ну-ка, доктор, помогите мне со скафандром.

— А ведь я совсем про него забыл, вот голова!

— А я боялся, как бы кто из пассажиров не вспомнил. Они не могли не видеть его, когда шли через камеру перепада. Но так уж повелось, люди не примечают того, что у них под носом.

Всего пять минут понадобилось, чтобы отделить от скафандра банки с поглотителем и баллон с суточным запасом кислорода. Дыхательный аппарат намеренно был сконструирован в расчете на быструю разборку, чтобы его можно было применить для искусственного дыхания. В который раз Пат мысленно воздал должное выдумке и дальновидности инженеров и техников, создавших «Селену». Кое-что можно еще усовершенствовать, есть маленькие упущения, но это сущие пустяки.

В сером металлическом баллоне был заключен целый день жизни. Двое — единственные бодрствующие на борту — поглядели друг на друга и почти одновременно произнесли:

— Сперва вы.

Сдержанно усмехнулись, потом Пат сказал:

— Хорошо, не буду спорить.

И поднес маску к лицу. Кислород... Будто свежий морской бриз после душного летнего дня или дыхание горных сосен ворвалось в застойный воздух теснины! Пат не торопясь сделал четыре глубоких вдоха, сильно выдыхая, чтобы очистить легкие от углекислого газа. И, будто трубку мира, передал дыхательный аппарат Мекензи.

Четыре вдоха вернули капитану силы и смели паутину, которая уже было начала затягивать его мозг. Или это чисто психологическое действие? Разве могут несколько кубических сантиметров кислорода так сильно повлиять? Как бы то ни было, он чувствовал себя новым человеком. Можно выдержать пять часов, даже больше.

Десять минут спустя Пат совсем приободрился: все спящие дышали нормально — медленно, но ровно. Дав каждому вдохнуть кислорода, он опять вызвал Базу.

— Я «Селена», докладывает капитан Харрис. Мы с доктором Мекензи в полном порядке, пассажиры тоже. Остаюсь на приеме, вызову вас снова в условленное время.

— Вас понял. Погодите немного, с вами хотят говорить представители агентств.

— Простите, — ответил Пат, — я уже сообщил все, что мог, и у меня на руках двадцать человек. «Селена» кончила.

Разумеется, это был только предлог, и притом малоубедительный. Пат Харрис сам не понимал, почему к нему прибег. Так, нашло что-то, вдруг ощутил приступ совсем не свойственного ему озлобления: «Не дадут уж и умереть спокойно!» Знай Пат, что всего в пяти километрах стоит наготове телевизионная камера, он, наверное, говорил бы еще более резко.

— Вы не ответили на мой вопрос, капитан, — терпеливо напомнил доктор Мекензи.

— Какой вопрос? Ах да! Нет, это не было случайно. Мы с коммодором решили, что из всех пассажиров вы самый полезный для дела человек. Вы ученый, вы раньше всех заметили опасность перегрева — и сохранили это в тайне, когда мы вас попросили.

— Ясно, постараюсь оправдать доверие. Я сейчас чувствую себя очень бодро. Должно быть, кислород подстегивает. Весь вопрос в том, надолго ли его хватит?

— Если считать двоих — на двенадцать часов. За это время пылекаты должны подойти. Но нам придется, наверное, уделять большую часть кислорода другим... Может и не хватить...

Они сидели, скрестив ноги, на полу возле водительского кресла, баллон стоял между ними. То один, то другой подносил к лицу маску. Два вдоха — все. «Никогда не думал, — сказал себе Пат, — что окажусь участником самой избитой сцены телевизионных спектаклей из космической жизни». К сожалению, это слишком часто случалось в действительности, чтобы казаться забавным. Особенно когда сам попал в переделку.

Оба (и уж во всяком случае кто-нибудь один) могли рассчитывать на спасение, стоило только махнуть рукой на остальных. Не выйдет ли так, что, стараясь спасти двадцать своих товарищей, они погубят и себя?

Логика против совести. Спор отнюдь не новый, возможный не только в космическом веке, а древний, как человечество. Как часто в прошлом отрезанные от всех группы людей оказывались под угрозой смерти из-за недостатка воды, пищи или тепла. Теперь не хватает кислорода, но суть все та же.

Подчас не выживал никто, иногда спасалась горсточка людей, которые затем до конца жизни искали самооправда-

ния. Что думал Джордж Поллард, капитан китобойца «Эссекс», когда ходил по улицам Нантукета, обремененный грехом людоедства? Пат не знал об этой истории, происшедшей двести лет назад; мир, в котором он жил, был слишком занят созданием собственных легенд, чтобы занимать предания у Земли.

Но Пат Харрис принял решение. И он знал, что для Мекензи тоже нет иного выбора. Ни тот ни другой не были способны убить товарища из-за последнего глотка кислорода. А если дойдет до схватки...

— Чему вы улыбаетесь? — спросил Мекензи.

Пат расслабил непроизвольно напрягшиеся мышцы. От одного вида этого плечистого австралийского ученого делалось тепло и спокойно на душе. Он совсем как Ханстен, хотя намного моложе коммодора. Есть такие люди — вы сразу проникаетесь к ним доверием, чувствуете, что на них можно положиться.

— Говоря начистоту, — сказал Пат, кладя на пол маску, — я подумал о том, что вряд ли смог бы вам помешать, если бы вы решили забрать баллон себе.

Лицо Мекензи отразило недоумение, потом он улыбнулся:

— Это у вас, уроженцев Луны, просто какое-то чувствительное место...

— Меня это никогда не трогало, — возразил Пат. — Все-таки мозг важнее силы. И ведь не моя вина, что я вырос в гравитационном поле, которое в шесть раз слабее вашего. Кстати, как вы определили, что я уроженец Луны?

— Во-первых, ваше телосложение. Все селениты высокие и тонкие. И цвет кожи: никакие кварцевые лампы не заменят настоящего солнца.

— Да уж, вы не можете пожаловаться на загар, — ухмыльнулся Пат. — Ночью вас не заметишь, пока не столкнешься! Между прочим, откуда у вас такая фамилия — Мекензи?

Пат Харрис только понаслышке знал о расовых предрасудках, еще не изжитых полностью на Земле, и спросил совершенно спокойно, без какой-либо задней мысли.

— Миссионеры осчастливили ею моего деда, когда крестили его. Не думаю, чтобы в этой фамилии был заключен какой-либо намек на мое... э-э... происхождение. Насколько мне известно, я чистокровный або.

— Або?..

— Абориген. Наш народ населял Австралию, до того как туда явились белые. Последующие события были довольно печальны.

Пат был не очень сведущ в земной истории; подобно большинству селенитов, он считал, что до 8 ноября 1967 года, когда русские столь эффектно отпраздновали пятидесятилетие своей революции, вообще не было великих событий.

— Очевидно, началась война?

— Какая там война... У нас были копья и бумеранги, у них — ружья. А туберкулез, а венерические заболевания?.. Нам понадобилось полтора ста лет, чтобы оправиться от удара. Только после тысяча девятьсот сорокового года численность коренного населения снова стала расти. Теперь нас около ста тысяч, почти столько же, сколько было, когда к нам пожаловали ваши предки.

Мекензи сообщил эти сведения иронически-беспристрастно, без малейшего укора, но Пат все-таки решил снять с себя ответственность за злодеяния своих земных праотцов.

— Не порицайте меня за то, что происходило на Земле, — сказал он. — Я никогда там не был и не буду — не выдержу тяготения. Но я много раз смотрел на Австралию в телескоп. В душе я привязан к этой стране: мои родители взлетели в космос из Вумеры.

— А мои предки ее окрестили: «вумера» — праща для метания копья.

— Кто-нибудь из вашего народа, — Пат тщательно подбирал слова, — все еще живет в примитивных условиях? Кажется, в некоторых частях Азии сохранились пережитки.

— Старый племенной уклад исчез. Это произошло довольно быстро, как только африканские государства приняли критиковать Австралию в ООН. Не всегда справедливо, на мой взгляд, но ведь я сам прежде всего австралиец, а уж потом абориген... И надо признать, мои белые соотечественники часто вели себя очень глупо. Например, называли нас умственно неполноценными. До конца прошлого столетия кое-кто из них смотрел на нас, как на дикарей каменного века. Спору нет, наша материальная культура и впрямь была примитивна, но о людях этого нельзя было сказать.

Казалось бы, не вовремя они затеяли обсуждать образ жизни, столь далекий от «Селены» во времени и простран-

стве. Но Пат не видел в этом ничего странного. Пять часов, если не больше, он и Мекензи должны гнать от себя сон и присматривать за двадцатью товарищами. Нужно как-то развлекать друг друга.

— Но если ваш народ не был примитивным — кстати, уж вас-то никак не назовешь дикарем, — откуда белые это взяли?

— Обыкновенная глупость плюс предубеждение и предвзятость. Проще всего сказать о человеке, который не умеет считать, писать и чисто говорить по-английски, что он ограниченный. За примером ходить недалеко. Мой дед, первый Мекензи, дожил до двухтысячного года, но мог считать только до десяти. А полное затмение Луны он описывал так: «Керосиновая лампа Иисуса Христа совсем загнулась». Я могу выразить в дифференциальных уравнениях орбитальное движение Луны, но это не значит, что я умнее деда. Поменяйте нас во времени — может быть, он стал бы лучшим физиком, чем я. У деда не было случая научиться счету; мне не надо было растить семью в пустыне — труд нешуточный, требующий очень большого умения.

— Возможно, кое-что из навыков вашего деда пригодилось бы нам здесь, — задумчиво произнес Пат. — У нас ведь по сути дела та же задача — выжить в пустыне.

— Пожалуй, это сравнение подходит... Хотя вряд ли нам была бы польза от бумеранга и палочек для добывания огня. Разве что магические ритуалы? Увы, я их не знаю. К тому же сомневаюсь, чтобы власть племенных богов Арнхемленда простиралась до Луны.

— А вы никогда не жалели о гибели обычаев и нравов вашего народа? — продолжал Пат.

— Разве можно жалеть о том, чего не знаешь? Я научился работать на вычислительной машине задолго до того, как впервые увидел корробори...

— Что?..

— Это название племенной ритуальной пляски. Кстати, половина исполнителей были студенты-этнографы. Так что у меня не было и нет никаких романтических иллюзий насчет примитивной жизни и благородных дикарей. Мои предки были отличные люди, я несколько их не стыжусь, но из-за географических условий они попали в тупик. Все силы уходили на то, чтобы выжить, для цивилизации ничего уже

не оставалось. И в каком-то смысле хорошо, что пришли белые, несмотря на их очаровательный обычай продавать нам отравленную муку, когда им была нужна наша земля.

— Отравленную муку?

— Конечно. Почему вы удивляетесь? Это было за сто с лишним лет до Освенцима.

Слова Мекензи заставили Пата призадуматься. Наконец он взглянул на часы и с явным облегчением сказал:

— Пора связываться с Базой. Давайте сперва проверим, как пассажиры.

ГЛАВА 20

Надувные иглу и прочие ухищрения, позволяющие жить с удобствами на Море Жажды, подождут, сказал себе Лоуренс. Сейчас надо опустить воздухопровод к пылеходу. Так что придется инженерам и техникам попытаться в скафандрах. Да им не долго страдать. Если не уложатся в пять-шесть часов, можно поворачивать обратно, оставив «Селену» во власти мира, именем которого она названа...

В мастерских Порт-Рориса вершились невоспетые и неувекоченные чудеса импровизации. Разобрали и погрузили на сани воздухоочистительную установку, включая баллоны с жидким кислородом, поглотители влаги и углекислого газа, регуляторы температуры и давления. То же самое сделали с небольшим буровым станком, переброшенным на местной ракете из Клавия, где обосновались геофизики. Погрузили также специально приспособленные трубы. Плохо, если они подведут: усовершенствовать их уже будет некогда...

Лоуренс не подгонял людей. Он знал, что в этом нет нужды. Главный держался в тени, следя за погрузкой снаряжения на сани и пытаясь предусмотреть все подводные камни. Какой инструмент понадобится? Хватит ли запасных частей? Не лучше ли погрузить плот последним, чтобы можно было снять его первым? Не опасно ли подавать кислород на «Селену» до того, как будет установлена вытяжная труба? Эти и сотни других вопросов — некоторые второстепенные, другие существенные — роились в голове. Несколько раз он запрашивал у Пата техническую информацию: какое давление в кабине, какая температура, не сорван ли аварийный

клапан кабины (оказалось, нет, но его, очевидно, забило пылью), в каком месте лучше сверлить крышу. И с каждым разом Пат говорил все более затрудненно...

Порт-Рорис кишел репортерами, которые захватили половину радио- и телеканалов между Землей и Луной, но главный инженер наотрез отказывался говорить с ними, ограничился коротким заявлением о том, что произошло и что намечено предпринять. Сообщения для печати и радио — дело представителей администрации. Они обязаны позаботиться, чтобы он мог работать без помех. Лоуренс так и сказал начальнику «Лунтуриста», после чего, не дожидаясь возражений, положил трубку.

Естественно, главному некогда было взглянуть на телевизионный экран, но до него дошло, что доктор Лоусон уже успел прославиться колючим языком. Видно, корреспондент «Интерплэнет Ньюс», которому Лоуренс сдал астронома с рук на руки, не терял времени. Должно быть, этот парень сейчас радуется своей удаче...

Но «этот парень» несколько не радовался. Оседлав Горы Недоступности (красиво он опроверг это название!), Морис Спенсер неожиданно очутился под угрозой язвы, которой до сих пор успешно избегал. Сто тысяч столларов потрачено, чтобы загнать сюда «Ауригу», — и, похоже, впустую!

Все будет кончено прежде, чем сюда подоспеют пылекаты... Неслыханная, захватывающая дух спасательная операция не привлечет к экранам миллиарды телезрителей — она не состоится. Мало кто не захотел бы посмотреть, как вырывают из когтей смерти двадцать два человека, но кто согласится смотреть, как извлекают трупы из могилы?..

Так рассуждал корреспондент Спенсер. По-человечески он был глубоко потрясен. Ужасно сидеть на горе всего в пяти километрах от места, где назревает трагедия, которую ты бессилен предотвратить. Он буквально стыдился каждого своего вздоха при мысли о том, что пассажиры «Селены» задыхаются без воздуха. Снова и снова он думал, не может ли «Аурига» помочь чем-нибудь (вот был бы материал для газеты!). Увы, им остается лишь наблюдать, это неумолимое Море Жажды пресечет все их попытки прийти на выручку лунобусу.

Спенсеру и прежде приходилось вести репортаж о несчастных случаях. Но на этот раз он — отвратительная мысль! — чувствовал себя вампиром.

На борту «Селены» было тихо. Настолько тихо, что надо было напрягать все силы, борясь со сном. А как хотелось уснуть, погрузиться в блаженное забытие вместе со всеми... Пат откровенно завидовал спящим. Глоток-другой исыкающего кислорода прояснял сознание, но от этого становилось только горше.

В одиночку он, конечно, не одолел бы дремоту и не смог бы наблюдать за двадцатью спящими, давать кислород тем, у кого появились признаки одышки. Он и Мекензи страховали друг друга, один помогал другому победить сон.

Все было бы проще, если бы не подходил к концу кислород в единственном баллоне. А в главных цистернах столько жидкого кислорода, да разве доберешься до него... Через испарители автоматическая система подает строго отмеренные порции в кабину, но тут он сразу же смешивается с отравленной атмосферой.

Пат не представлял себе, что время может тянуться так медленно. Неужели всего четыре часа прошло с тех пор, как они заступили на пост? Пат Харрис мог бы поклясться, что это длится уже несколько дней: тихие беседы с Мекензи, вызов Порт-Рориса через каждые пятнадцать минут, проверка дыхания и пульса пассажиров, скудные глотки кислорода...

Но всему бывает конец. Из мира, который они уже отчаялись когда-либо увидеть вновь, пришла по радио долгожданная весть.

— Мы идем к вам, — сообщил главный инженер Лоуренс; несмотря на усталость, голос его звучал твердо. — Продержитесь еще часок... Как самочувствие?

— Здорово устали, — медленно произнес Пат. — Но мы продержимся.

— А пассажиры?

— Тоже.

— Ладно. Буду вызывать вас каждые десять минут. Не выключайте приемник, пусть работает на полную мощность. Тут медики кое-что придумали, боятся, как бы вы не уснули.

Гул медных труб прокатился над Луной, долетел до Земли и унесся дальше, к пределам Солнечной системы. Мог ли Гектор Берлиоз, сочиняя свой великолепный «Ракоци-марш», предполагать, что через двести лет его музыка придаст сил и надежды людям, борющимся за жизнь далеко от родной планеты?

Кабина «Селены» гудела от ликующих звуков. На лице Пата появилось подобие улыбки.

— Пусть эту музыку называют старомодной, — сказал он, — она делает свое дело.

Кровь быстрее струилась в его жилах, ноги сами отбивали такт. С лунного неба, из космоса к ним вторгся топот марширующих армий и лихо скачущей конницы, звучали сигналы горна над тысячами полей, на которых некогда решалась в сражениях судьба целых народов. Это было давно и быльем поросло — к счастью. Но от той поры осталось в наследство новым поколениям и много славного, благородного: образцы героизма и самоотверженности, примеры того, что человек продолжает борьбу даже тогда, когда, казалось бы, исчерпаны все его физические возможности.

Тяжело дыша в застойном воздухе, Пат Харрис чувствовал, как голоса прошлого будят в нем силу, необходимую, чтобы выстоять еще один, нескончаемый час.

На тесной, загроможденной снаряжением площадке «Пылеката-1» главный инженер Лоуренс, услышав ту же музыку, испытал нечто схожее. Ведь его маленький флот вышел на бой, на битву с врагом, который всегда будет противостоять человеку. Покоряя Вселенную, планету за планетой, солнце за солнцем, люди снова и снова будут наталкиваться на сопротивление еще неизведанных сил природы. Даже Земля не освоена полностью за все эти тысячи лет; множество ловушек подстерегает на ней опрометчивого... А в мире, знакомство с которым началось всего несколько десятилетий назад, смерть таится на каждом шагу, под тысячью невинных личин. Чем бы ни кончился поединок с Морем Жажды, завтра их ждет новый вызов.

Каждый пылекат тянул на буксире сани с грузом, который казался тяжелее, чем был на самом деле. Большую часть его составляли пустые цистерны для плота. Спасатели везли только самое необходимое. Как только «Пылекат-1»

разгрузится, Лоуренс пошлет его назад в Порт-Рорис за следующей партией. Таким образом, будет налажено непрерывное сообщение с Базой, и если что-нибудь вдруг понадобится, самое большее через час доставят. Лучше быть оптимистом, хотя не исключено, что, когда они наконец доберутся до «Селены», уже никакая спешка не поможет...

Быстро скрылись за горизонтом купола Порт-Рориса; не теряя времени, Лоуренс инструктировал своих людей. Он хотел перед выходом в Море провести генеральную репетицию, но от этого пришлось отказаться. Некогда. Все должно получиться с первого раза. Второй попытки не будет.

— Джонс, Сикорский, Коулмен, Мацуи, как только придем на место, вы снимаете с саней цистерны и раскладываете их, как условлено. Затем Брюс и Ходжес крепят осто́в. Старайтесь не терять болтов и гаек, инструмент привязывайте. Если вдруг упадете с плота, не паникуйте, больше чем на несколько сантиметров не погрузитесь, я знаю. Сикорский, Джонс, вы помогаете класть настил, когда будет собран осто́в. Коулмен, Мацуи, на готовых участках плота сразу раскладываете трубы и шланги. Гринвуд, Ринальди, вы займетесь бурением...

И так далее, операция за операцией. Самое опасное, что люди из-за тесноты будут мешать друг другу, а сейчас малейший промах — и все может оказаться впустую... Сверх того Лоуренса преследовала тревога, что они забыли в Порт-Рорисе какой-нибудь важный инструмент. Но еще страшнее, как подумаешь, что двадцать два человека могут погибнуть, если утонет в пыли ключ, без которого не сделаешь последнего соединения.

В Горах Недоступности Морис Спенсер, не выпуская из рук бинокль, внимательно слушал радиоголоса, звучащие над Морем Жажды. Каждые десять минут Лоуренс вызывал «Селену», и всякий раз пауза между вызовом и ответом длилась все дольше. Харрис и Мекензи все еще успешно боролись со сном. Конечно, тут все решала сила воли, но и музыка, которую передавал Клавий, несомненно помогала.

— Чем их сейчас накачивает этот музыкальный психолог? — спросил Спенсер.

На другом конце рубки старший радист прибавил громкости, и над Горами Недоступности закружили валькинии.

— Насколько я разбираюсь, — пробурчал капитан Ансон, — они все время передают один девятнадцатый век.

— Почему же, — возразил Жюль Брак, колдуя над своей камерой, — только что играли «Танец с саблями» Хачатуряна. Ему всего сто лет.

— Сейчас будем вызывать «Пылекат-1», — сказал радист, и в рубке воцарилась мертвая тишина.

Вызов последовал точно по расписанию, секунда в секунду. Спасатели уже приблизились настолько, что «Аурига» принимала сигналы их передатчика непосредственно, без помощи ретранслятора «Лагранжа».

— «Селена», я Лоуренс. Мы будем над вами через десять минут. Как чувствуете себя?

Томительная пауза... Она затянулась почти на пять секунд, но вот наконец:

— Я «Селена». Без перемен.

И все. Пат Харрис берет дыхание.

— Десять минут, — сказал Спенсер. — Их должно быть уже видно. Есть что-нибудь на экране?

— Пока нет, — ответил Жюль, медленно ведя объективом вдоль пустынной дуги горизонта. Ничего, только крошечная тьма космической ночи... Эта Луна, сказал себе Жюль Брак, мучение для оператора. Либо черное, либо белое, мягких, нежных полутонов нет. Не говоря уже о вечной проблеме со звездами. Правда, это скорее вопрос эстетический, чем технический.

Зритель хочет и в дневное время видеть звезды на лунном небе, а ведь их обычно не видно: днем яркий солнечный свет ослабляет чувствительность глаз настолько, что небо кажется пустым, сплошь черным. Чтобы рассмотреть звезды, надо глядеть через бленду, отсекающую посторонний свет. Тогда зрачки постепенно расширятся, и в небе вспыхнут огоньки, один за другим, пока наконец не заполнят все поле зрения. А стоит перевести взгляд на что-нибудь другое, и — фью! — звезды пропали. Глаз человека может видеть одно из двух: либо дневные звезды, либо дневной ландшафт, но не то и другое вместе.

А вот телекамера способна видеть их одновременно, и многие режиссеры пользовались этим. Правда, другие называли это фальсификацией, да разве мало на свете задач, исключающих однозначный ответ? Жюль был на стороне

«реалистов» и не включал звездное небо, пока его не просили об этом из студии.

С минуты на минуту последует команда с Земли. Он уже дал несколько кадров для «последних известий»: панораму Моря, крупным планом — одинокий шест, торчащий из лунной пыли. А вскоре его камера может на много часов стать глазами миллиардов. Если не будет осечки, величайшая сенсация года обеспечена...

Он погладил спрятанный в кармане талисман. Жюль Брак, член Общества кино- и телеинженеров, обиделся бы на любого, кто обвинил бы его в суеверии. Но заставьте его объяснить, почему он ни за какие блага не согласится вынуть из кармана эту маленькую игрушку, пока не убедится, что кадры идут в эфир?

— Вот они! — крикнул Спенсер срывающимся голосом и опустил бинокль. — Возьми левой!

Жюль уже вел камерой вдоль горизонта. Безупречно ровная линия на экране видеискателя, разделяющая Море и космос, поломалась, из-за края Луны вынырнули две мерцающие звездочки. Это шли пылекаты.

Даже при самом большом фокусном расстоянии они казались очень маленькими и удаленными. Как раз то, что надо: Жюль хотел вызвать у зрителя ощущение пустоты и одиночества. Оператор взглянул на главный экран «Ауриги», настроенный на канал «Интерплэнет». Все в порядке, он в эфире.

Жюль Брак достал из кармана небольшую записную книжку и положил ее на камеру сверху. Поднял обложку, она остановилась почти вертикально, и ее внутренняя поверхность мгновенно ожила красками и движением. Одновременно комариный голосок сообщил ему, что идет специальная передача «Интерплэнет Ньюс Сервис», канал сто семь, «и мы сейчас перенесем вас на Луну».

Миниатюрный экран показал тот же кадр, что и видеискатель камеры. Впрочем, не тот же! Маленькая картинка отстает на две с половиной секунды; настолько ему дано заглянуть в прошлое. За два с половиной миллиона микросекунд — такими величинами оперируют электронные инженеры — произошло немало удивительных превращений. Камера подала изображение на передатчик «Ауриги», оттуда оно улетело за пятьдесят тысяч километров к «Лагранжу».

Здесь его выловили из космоса, усилили в несколько сот раз и направили в сторону Земли, на один из спутников-ретрансляторов. Дальше — вниз, через ионосферу (последние сто километров — наиболее трудные) в здание «Интерплэнет», где собственно начиналось самое интересное, когда картинка вливалась в непрерывный поток звуков, изображений и электрических импульсов, которые несли информацию и развлечения человечеству.

И вот, пройдя через руки режиссеров, создателей специальных эффектов, техников, картинка вернулась туда, откуда начала свой путь, вернулась, направленная на Эртсайд мощными передатчиками «Лагранж-2» и на Фарсайд — антеннами «Лагранж-1». Три четверти миллионов километров прошла она, чтобы одолеть миллиметры, разделяющие телекамеру Жюль от его карманного приемника.

«Стоит ли этот фокус всех вложенных в него трудов?» — спрашивал себя Жюль. Вопрос, который задают себе люди с тех самых пор, как было изобретено телевидение.

ГЛАВА 21

Лоуренс еще за пятнадцать километров приметил «Ауригу»; да и как не приметить — металл и пластик ярко сверкали под лучами солнца.

«Это что за чертовщина? — спросил он себя и сам же ответил: — Космический корабль». Ну да, ведь поговаривали о том, что какое-то агентство зафрахтовало ракету для полета в горы. Что ж, это их дело. Главный и сам подумывал, нельзя ли перебросить снаряжение в горы ракетой, чтобы избежать долгих перевозок по Морю. К сожалению, этот вариант отпал — до высоты пятисот метров не было ни одной площадки, пригодной для посадки космического корабля. Уступ, облюбованный Спенсером, находится слишком высоко, спасателям он не даст никакого выигрыша.

Главного инженера вовсе не радовало, что за каждым его движением будут следить длиннофокусные объективы. И ничего не поделаешь... Хотели установить камеру на пылекате, да он не дал, к великой радости «Интерплэнет Ньюс» и крайнему огорчению остальных агентств (о чем Лоуренс, естественно, не мог знать). А вообще, если вдуматься, это

даже неплохо, что поблизости есть корабль: будет дополнительный канал связи. Возможно, удастся извлечь из него и еще какую-нибудь пользу. Например, разместить людей в его отсеках, пока подвезут иглу.

Но где ориентир? Пора бы ему показаться! На миг Лоуренс с ужасом подумал, что щуп мог уйти в лунную пыль... Это не мешает им найти «Селену», но сейчас даже пятиминутная задержка может оказаться роковой.

И тотчас главный облегченно вздохнул: вот он, сразу и не разглядишь на фоне пылающих гор. Водитель уже обнаружил цель и подправил курс.

Пылекаты остановились по обе стороны щупа, и закипела работа. Как и было намечено, восемь человек в скафандрах принялись поспешно сгружать пустые цистерны и алюминиевые полосы. Вот уже цистерны схвачены легким каркасом, сверху настилают фиброгласовые плиты — появляется плот.

Никогда еще в истории Луны монтажные работы не пользовались таким вниманием. А все этот «глаз» на горе! Но восемь спасателей не думали о миллионах, которые пристально следили за ними. У них сейчас была одна забота: скорее собрать плот и установить направляющее приспособление для труб бурового снаряда.

Каждые пять минут, а то и чаще, Лоуренс вызывал «Селену», чтобы сообщить Пату и Мекензи о ходе работ. Он меньше всего думал о том, что весь мир, затаив дыхание, слушает его голос.

Наконец, всего через двадцать минут, буровой станок стал на место, и первая свеча, словно пятиметровый гарпун, нацелилась на Море. Но этот гарпун нес жизнь, а не смерть.

— Начали, — сказал Лоуренс в микрофон. — Первая свеча пошла.

— Поскорее, — прошептал Пат. — Долго не выдержу.

Он двигался словно в тумане. Самочувствие? Если не считать ноющей боли в легких, в общем-то ничего. Вот только смертельная усталость... Пат Харрис превратился в робота, выполняющего задачу, смысл которой он давно успел забыть, если только вообще когда-то помнил. В одной руке — разводной ключ. Несколько часов назад он достал его из инструментального ящика, зная, что ключ понадобится. Для чего? Может быть, когда настанет время, он вспомнит...

Слух Пата уловил бесконечно далекие голоса. Этот разговор явно не был предназначен для его ушей; кто-то забыл отключить волну «Селены».

— Надо было сделать так, чтобы бур отвинчивался отсюда. Вдруг у него не хватит сил?

— Ничего не поделаешь, приходится рисковать... Лишнее приспособление — это лишняя задержка, не меньше часа. Ну-ка подай...

Они выключились, но услышанного было достаточно, чтобы Пат рассердился — насколько может рассердиться человек в полубессознательном состоянии. Он им покажет... он и его друг, доктор Мек... Мек... как его там? Забыл, черт возьми.

Медленно повернувшись на вращающемся кресле, Пат скользнул взглядом вдоль сидений. Тела, тела... где же физик? А, вон он. Стоит на коленях подле миссис Уильямс.

Ученый прижимал кислородную маску к лицу спящей женщины, день рождения которой едва не пришелся на день ее смерти. Мекензи явно не сознавал, что характерный звук струящегося из баллона кислорода давно смолк и стрелка манометра стоит на нуле...

— Мы почти у цели, — сообщило радио. — Вот-вот услышите работу бура.

«Так скоро?» — подумал Пат. Хотя, конечно, тяжелая труба без труда должна была пронизать пыль. А он молодец, смекнул, в чем дело!..

Бам! Что-то ударило в крышу. Но в каком месте?

— Слышу, — прошептал он. — Вы дошли до нас.

— Знаем, — ответил голос. — Снаряд уперся. Теперь дело за вами. Вы можете сказать, в какую точку попал бур? Под ним свободный участок или электропроводка? Мы сейчас несколько раз поднимем и опустим снаряд, слушайте.

Пат обозлился. С какой стати его заставляют решать такие сложные задачи!..

Стук, стук... Хоть убей (какое удачное выражение — но почему?), невозможно угадать, где именно стучит. А ладно, терять нечего.

— Давайте, — буркнул он. — Путь открыт.

Пришлось повторить дважды, прежде чем его поняли. И тотчас — ишь ты, живо поворачиваются! — бур принялся сверлить обшивку.

Пат отчетливо слышал рокочущий звук, который был лучше любой музыки. Меньше чем за минуту бур прошел первый слой. Снаряд вдруг завертелся быстрее и сразу остановился — мотор выключили. Бурильщик опустил трубы на несколько сантиметров, бур коснулся внутреннего слоя и заработал снова.

Теперь звук стал намного громче, и Пат с замешательством понял, что сверлят рядом с главным кабелем, укрепленным в центре потолка. Если заденут...

Он медленно поднялся на ноги и побрел, шатаясь, на звук. И только дошел, вдруг с потолка посыпался сноп искр, электричество фыркнуло, свет погас.

К счастью, осталось аварийное освещение. И когда глаза Пата привыкли к тусклому красному сиянию, он увидел пронизавший потолок металлический цилиндр. Буровой снаряд медленно опустился в кабину на полметра и остановился.

За спиной Пата радио говорило что-то важное. Пока его мозг силился уловить смысл, руки наложили ключ на конец трубы.

— Не отворачивайте бур, пока мы не скажем, — твердил далекий голос. — Мы еще не установили обратный клапан, труба открыта в пустоту. Как только установим, скажем вам. Повторяю: не отворачивайте бур, пока мы не скажем!

Вот привязался! Пат без него знает, что делать. Надо только покрепче нажать ручку ключа — вот так, — отвернуть бур, и снова можно будет дышать!

Почему не подается?.. Пат нажал сильнее.

— Ради Бога! — воскликнул радиоголос. — Не трогайте! Мы еще не готовы! Вы выпустите последний воздух из кабины!

«Сейчас, сейчас, — думал Пат, умышленно не замечая помеху. — Тут что-то не так... Винт можно вращать так... и так. Что, если я вместо того, чтобы отвертывать бур, только ту же завинчиваю его?»

Сам черт не разберется. Он поглядел на свою правую руку, потом на левую. Все равно не понятно. (Хоть бы этот болтун заткнулся.) Ладно, попробуем в другую сторону, может быть пойдет.

И Пат, держась за трубу одной рукой, степенно зашагал по кругу. Натолкнулся на ключ с другой стороны, ухватился за него обеими руками, чтобы не упасть, и застыл в таком положении, понунив голову. Надо чуточку передохнуть.

— Поднять перископ, — пробормотал Пат.

Что это означает? Он и сам не знал. Просто где-то слышал эти слова, и они показались ему подходящими к случаю.

Пат Харрис все еще размышлял над смыслом своей реплики, когда бур подался и стал отвинчиваться — легко, без малейшей задержки.

В пятнадцати метрах над ним главный инженер Лоуренс и его люди на миг оцепенели от ужаса. Случилось непредвиденное. Готовя операцию, они заранее представили себе все возможные осечки — кроме этой...

— Коулмен, Мацуи! — крикнул Лоуренс. — Бога ради, кислородный шланг скорей!

Но он уже знал, что они не успеют. Чтобы подключить кислород, нужно сделать еще два соединения. И оба с винтовой резьбой. Пустяк, который при других обстоятельствах не играл бы совершенно никакой роли. Но сейчас от него зависела жизнь и смерть людей.

А Пат продолжал ходить по кругу, толкая ручку ключа. Все шло как по маслу, уже сантиметра два резьбы видно; еще несколько секунд, и бур слетит.

Ну, совсем чуть-чуть осталось! Все ясно: кислород врывается в кабину. Еще немного, и он сможет дышать как следует, и все будет в порядке!

Шипение сменилось зловещим свистом. Внезапно Пат усомнился — то ли он делает, что надо? Остановился... поглядел на ключ... задумчиво почесал затылок. Вроде все правильно... Вмешайся в этот миг радио, он, наверное, подчинился бы, но наверху уже потеряли надежду вразумить его.

Ладно, продолжим. (Сто лет такого похмелья не было!) Пат навалился на ключ — и упал ничком на пол: резьба кончилась, бур сорвался.

Оглушительный вой потряс кабину, могучая струя воздуха подхватила и закружила листки бумаги. От холода сгустился пар, кабина наполнилась мглой. Пат повернулся на спину, но сквозь мглу он почти ничего не видел. И тут он понял наконец, что произошло.

Опытное ухо космонавта мгновенно распознало характерный звук. Дальше он действовал автоматически. Нужно найти что-нибудь плоское и закрыть отверстие — все что угодно, было бы достаточно прочно.

В алом тумане, который уже редел, улетучиваясь в пустоту, Пат лихорадочно искал взглядом подходящий предмет. Громовой рев не прекращался; казалось невероятным, чтобы такая маленькая труба могла быть причиной столь мощного гула.

Пат карабкался через спящих товарищей, от кресла к креслу. Он уже потерял последнюю надежду — и вдруг увидел спасительный предмет! На полу, текстом вниз, лежала толстая раскрытая книга. Нехорошо так обращаться с книгами, сказал себе Пат, но какое счастье, что на борту оказался неряха! Иначе он мог и не заметить ее.

Едва Пат приблизился к зловещему отверстию, которое высасывало жизнь из пылехода, как книгу буквально вырвало у него из рук. Подхваченная струей воздуха, она плотно закрыла трубу. Тотчас рев смолк, вихрь прекратился. Мгновение Пат стоял, качаясь, точно пьяный, потом ноги его подкосились, и он рухнул на пол.

ГЛАВА 22

В телевизионных передачах по-настоящему незабываемые кадры те, которые возникают неожиданно для всех, в том числе для операторов и комментаторов. Последние тридцать минут на плоту шла кипучая, но строго упорядоченная работа; вдруг точно произошло извержение!

Невероятно, но факт: из Моря Жажды словно вырвался гейзер. Жюль реагировал мгновенно. Объектив телекамеры тотчас поймал столб пара, взлетевшего к звездам (режиссер потребовал, чтобы они были видны). Кверху столб расширялся — странное бледное растение... или уменьшенное подобие грибовидного облака, которое на протяжении двух поколений вселяло страх в человечество.

Это длилось всего несколько секунд. Миллионы зрителей, оцепенев, глядели на экраны и дивились — как из безводного моря мог ударить фонтан? Внезапно гейзер опал и исчез так же беззвучно, как родился.

Спасатели тоже ничего не слышали, но, присоединяя неподатливый шланг, они чувствовали, как дрожит столб влажного воздуха. Даже если бы Пат не закрыл трубу, шланг рано или поздно удалось бы соединить с ней, сила струи была не

так уж велика. Но это «поздно» могло стать «слишком поздно» ... Или они уже?..

— «Селена!» «Селена!» — закричал Лоуренс. — Вы меня слышите?

Тишина. Передатчик пылехода молчал. Главный инженер не слышал даже обычных шумов, которые всегда улавливает чуткий микрофон.

— Соединение готово, — доложил Коулмен. — Включать кислород?

«Ни к чему, если Харрис ухитрился привинтить бур на место, — подумал Лоуренс. — Но, может, он просто чем-нибудь заткнул трубу, и напор вышибет затычку?»

— Хорошо, — сказал он вслух. — Включайте, полное давление.

Бам! Притянутый вакуумом к трубе «Апельсин и яблоко» шлепнулся на пол, и из отверстия вниз устремилась струя газа, настолько холодного, что его путь можно было проследить по белым вихрям сгущающегося пара.

Минута, другая, третья... Опрокинутый гейзер гудел, но все оставалось по-прежнему. Наконец Пат Харрис зашевелился... попытался встать... струя кислорода сбила его с ног. И не то чтобы она была очень сильной, просто он был еще слабее.

Пат лежал, подставив лицо морозному ветерку и наслаждаясь бодрящим холодом. И дышал, дышал... Через несколько секунд он уже совсем очнулся (вот только голова раскалывается от боли) и припомнил все, что произошло за последние полчаса.

При мысли о том, как он отвинтил бур и сражался с потоком уходящего воздуха, Пат едва опять не потерял сознание. Но сейчас не время корить себя за оплошность; он жив, а это главное.

Подняв Мекензи, точно мягкую куклу, он отнес его к животворной струе. Ее напор заметно уменьшался по мере того, как давление внутри пылехода приближалось к нормальному. Еще несколько минут, и вихрь превратится в ветерок.

Физик очнулся сразу.

— Где я? — спросил он не очень оригинально, озираясь вокруг. — А! Они пробились к нам! Слава Богу, можно дышать. Но что со светом?

— Не беспокойтесь, я живо налажу. Сперва нам нужно каждого поднести к трубе, чтобы они глотнули кислорода. Вы умеете делать искусственное дыхание?

— Никогда не пробовал.

— Это очень просто. Одну минуту, я только найду аптечку.

Пат взял дыхательный прибор и стал показывать его действие на ближайшем пассажире; это был Ирвинг Шастер.

— Отодвиньте язык, чтобы не мешал, просуньте трубку в горло... Теперь нажимайте вот эту грушу... медленнее. В ритме обычного дыхания. Ясно?

— Ясно, а долго надо качать?

— Пяти-шести глубоких вдохов, по-моему, достаточно. Нам ведь не надо их оживлять, только провентилировать легкие. Вы берете на себя носовую часть кабины, я — кормовую.

— Но у нас один аппарат.

Пат улыбнулся; улыбка получилась довольно бледной.

— Обойдемся, — сказал он, наклоняясь над следующим пациентом.

— Ах да, — произнес Мекензи, — я совсем забыл.

Пат вряд ли случайно подошел именно к Сью и, применяя старый, но достаточно действенный способ, принялся сам вдвухать ей воздух в легкие через рот. Правда, он не стал задерживаться, как только убедился, что она дышит нормально.

Пат уже занимался третьим пациентом (это был мистер Редли), когда снова прозвучал отчаянный призыв радио.

— «Селена», «Селена», отвечайте!

Он почти мгновенно схватил микрофон:

— Я Харрис. Все в порядке. Делаем пассажирам искусственное дыхание. Больше говорить некогда, потом вызовем вас. Остаюсь на приеме. Расскажите, что делается у вас.

— Слава Богу! Мы уже отчаялись! Вы нас здорово напукали, когда отвинтили бур.

Слушая голос главного, Пат подумал, что можно было и не напоминать ему об этом неприятном происшествии. Он и без того никогда в жизни не простит себе такого промаха. Хотя в конечном счете все обернулось к лучшему: бурная декомпрессия выкачала из «Селены» большую часть отравленного воздуха. Всего какая-то минута... А для того чтобы

кабина такого объема потеряла весь воздух, труба диаметром четыре сантиметра должна проработать довольно долго.

— Теперь слушайте, — продолжал Лоуренс. — Учитывая ваш перегрев, мы охлаждаем кислород, конечно, в меру. Скажите нам, как только станет слишком прохладно или сухо. Минут через пять—десять подадим вторую трубу. И получится замкнутая система с кондиционированием взамен вашей. Второе отверстие просверлим в кормовой части «Селены», вот только подвинем плот на несколько метров.

Пат и физик продолжали трудиться, пока не были провентилированы легкие всех пассажиров. Лишь после этого, предельно усталые, но довольные тем, что выдержали трудное испытание, они легли на пол и стали ждать, когда второй бур понизит потолок.

Десять минут спустя они услышали стук в обшивку рядом с переходной камерой. Отвечая Лоуренсу, Пат успокоил его: потолок в этом месте свободен, бурильщики ничего не повредят.

— Можете не волноваться, — добавил он. — Я не трону бур, пока вы не скажете!

Стало несколько холодно, но он и Мекензи надели верхнюю одежду, а спящих пассажиров укутали одеялами. Можно было сообщить наверх, чтобы давали теплый воздух, но Пат решил, что лучше пусть будет похолоднее. Давно ли они чуть не испеклись? К тому же низкая температура может восстановить углекислотные поглотители «Селены».

Когда заработает вторая труба, они будут вполне застрахованы. С плота им подадут сколько угодно воздуха, да у самих еще есть примерно суточный запас. Пусть даже их плен затянется, главная опасность миновала.

Разумеется, если Луна не подстроит какой-нибудь новой каверзы.

— Что ж, мистер Спенсер, — сказал капитан Ансон. — Похоже, у вас получится неплохая передача.

Последний час потребовал от Спенсера таких усилий, что он вымотался ничуть не меньше, чем спасатели на плоту в двух километрах под ним. Вот они средним планом на экране видеоискателя. Отдыхают... Если можно отдыхать в космическом скафандре.

Пятеро из них, очевидно, решили поспать немного, избрав способ не совсем обычный, но в общем-то вполне разумный: они просто-напросто легли рядом с плотом, словно резиновые куклы, погрузившись наполовину в лунную пыль. Спенсер и не подозревал, что космический скафандр обладает достаточной плавучестью, чтобы не тонуть в этом веществе. Мало того, что отдыхающая смена устроилась очень удобно — на плоту сразу стало просторнее и сподручнее работать.

Трое, не торопясь, проверяли и налаживали аппаратуру. Особенно строго они следили за угловатой машиной воздухоочистителя и подключенными к нему пузатыми баллонами.

Предельное фокусное расстояние позволяло показать все на экране телевизора, как с расстояния десяти метров, только что не видно стрелок приборов. Даже при среднем увеличении отчетливо различались две трубы, уходящие в толщу лунной пыли — к незримой «Селене».

Все мирно, спокойно — не то что час назад. И так будет, пока не доставят следующую партию снаряжения. Оба пылеката пошли обратно в Порт-Рорис; теперь там закипит работа. Инженеры и техники испытывают и монтируют оборудование, которое, как они надеются, проложит путь к «Селене». Чтобы все приготовить, нужно еще не менее суток. До тех пор, если не произойдет ничего непредвиденного, Море Жажды будет безмятежно нежиться в лучах утреннего солнца. На новые кадры для телезрителей сейчас рассчитывать не приходится.

С расстояния полутора световых секунд в командную рубку «Ауриги» долетел голос режиссера.

— Славно поработали, Морис, Жюль. На всякий случай записываем изображение, но наш следующий выход в эфир не раньше выпуска последних известий в ноль шесть ноль ноль.

— Какие отклики?

— Превосходно, блеск. И намечается еще интересный поворот. Все сумасбродные изобретатели, какие когда-либо пытались получить патент на новую скрепку, наперебой предлагают свои идеи. Мы выпустим несколько человек в шесть пятнадцать. Вот будет потеха!

— А что, глядишь, кто-нибудь из них и придумает что-нибудь дельное

— Может быть, хотя вряд ли. Те, что потолковее, будут нас за сто километров обходить, когда увидят, как мыправляемся с их коллегами.

— А что вы задумали?

— Все идеи будут рассматриваться вашим ученым другом доктором Лоусоном. Мы уже репетировали, он с них живьем шкуру снимет.

— Моим другом? — восстал Спенсер. — Да я с ним два раза встречался. При первой встрече извлек из него десять слов, во время второй он уснул у меня на руках.

— С тех пор он сделал большие успехи, хотите верьте, хотите нет. Да вы сами увидите через... через сорок пять минут.

— Мне не к спеху. К тому же меня сейчас занимает одно: что замышляет Лоуренс? Он уже выступил? Попробуйте добраться до него, пока затишье.

— Он страшно занят, отказывается отвечать. Похоже, инженеры вообще еще не решили, как действовать. Испытывают в Порт-Рорисе всевозможные варианты, собирают снаряжение со всей Луны. Мы вам сразу передадим, как только что-нибудь узнаем.

Морис Спенсер уже привык к этому парадоксу: часто репортер не видит общей картины, хотя бы он был в самой гуще событий. Он толкнул снежный ком — дальше лавина катится независимо от него. Конечно, Спенсер и Жюль составляют самые важные кадры, но в целом подачу материала определяют информационные центры на Земле и в Клавии. Хоть бросай Жюля и мчись в штаб.

Разумеется, это невозможно. Да если бы ему и удалось, он очень скоро пожалел бы об этом. Морис Спенсер чувствовал: это не только вершина его карьеры, но и поворотный пункт. Не быть ему больше спецкором; он сам себя обрек на какой-нибудь руководящий пост. Хорошо еще, если ограничатся тем, что посадят его в уютное кресло перед батареей мониторов в телестудии Клавия.

ГЛАВА 23

На борту «Селены» по-прежнему царила тишина, но тишина спальни, а не покойницкой. Скоро спящие начнут просыпаться, для них наступит день, дожить до которого они уже не надеялись.

С трудом сохраняя равновесие, Пат Харрис стоял на спинке кресла и исправлял поврежденный кабель. Слава Богу, что бур попал в эту точку. Пять миллиметров левее, и замолкло бы радио; тогда все оказалось бы куда сложнее.

— Включите третий рубильник, доктор, — попросил он, сматывая изоляционную ленту. — Как будто все в порядке.

Вспыхнули лампы главного освещения, ослепительно яркие после алого аварийного света. И в тот же миг что-то взорвалось, да так неожиданно, что Пат от испуга сорвался со своей ненадежной опоры. Прежде чем его ноги коснулись пола, он уже сообразил: кто-то чихнул... Кажется, он перестарался, охлаждая кабину.

Интересно, кто очнется первый? Хорошо, если Сью — можно будет поговорить без помех. Данкена Мекензи он не стеснялся; правда, Сью может рассудить иначе.

Кто-то зашевелился под одеялом. Пат поспешил на помощь, но вдруг остановился и горестно вздохнул. Увы, всякому везению есть предел, и капитан должен выполнять свои обязанности. Пат нагнулся над шуплой фигурой, сияющей подняться на ноги, и заботливо произнес:

— Как самочувствие, мисс Морли?

Попасть в лапы телевидения было для доктора Лоусона и полезно, и вредно. Став телезвездой, он обрел уверенность в себе; оказалось, что мир, который Том Лоусон упорно презирал, нуждается в его знаниях и талантах. (Том не думал о том, что его могут снова забыть очень скоро — едва кончится происшествие с «Селеной».) У него появился случай доказать свою искреннюю преданность астрономии; в обществе одних только астрономов она как-то блекла. И разумеется, доктор Лоусон был рад хорошему гонорару.

Но программа, в которой он участвовал, была словно нарочно составлена так, чтобы подтвердить давнее убеждение Тома, что большинство людей либо негодяи, либо глупцы. И трудно винить агентство «Интерплэнет Ньюс», не устоявшее против соблазна заполнить удачным номером долгую паузу, когда на плоту не происходило ничего существенного.

То, что Лоусон находился на Луне, а его жертвы — на Земле, техников не смущало; эта задача была давным-давно

решена телевидением. Все равно программу нельзя было передавать прямо в эфир: ее записывали на ленту и вырезали паузы — те самые две с половиной секунды, которые требовались радиоволнам на путь до Луны и обратно. Участников передачи это, конечно, не выручало, но зритель, просматривая обработанную искусным редактором ленту, не ощущал никакого неудобства от того, что действующие лица были разделены расстоянием около четырехсот тысяч километров.

В числе слушателей был и главный инженер Лоуренс. Он удобно лежал на поверхности Моря Жажды, глядя в пустынное небо. Впервые за много часов выдалась передышка, но мысли роились в голове, не позволяя уснуть. Не говоря уже о том, что Лоуренс просто не мог спать в скафандре. Да и не нужно это: первые йглу уже в пути из Порт-Рориса. Как только их доставят, он устроится с удобствами, которые и заслужены, и необходимы.

Что бы ни говорили изготовители, больше суток в скафандре не проработаешь с полной отдачей. Причин много, и все они более или менее очевидные. Взять хоть эту отвратительную «космическую чесотку», которая поражает поясницу — и другие места — после суточного заточения в гермокостюме. Врачи уверяют, что это чисто психологическое, и многие космические эскулапы героически носили скафандр по неделям и больше, чтобы доказать это. Увы, их пример не помог искоренить недуг...

Космические скафандры породили свой фольклор, обширный и многоликий, не всегда пристойный, с особой терминологией. Никто не знает точно, почему одна знаменитая модель семидесятых годов была названа «Железной Девой», но любой космонавт охотно объяснит, за что выпущенная в 2010 году «Модель XIV» получила имя «Камеры Пыток». Иное дело, что не всякий поверит, будто скафандр был создан женщиной-инженером с садистскими наклонностями, которая вознамерилась жестоко отомстить противоположному полу.

Пока что Лоуренс чувствовал себя совсем неплохо. Радио доносило голоса воинствующих дилетантов, вдохновенно излагающих свои идеи. Что ж, возможно (хотя и маловероятно), кто-нибудь из этих необузданных мыслителей и придумает

что-нибудь толковое. На памяти главного такие вещи случались, и он был готов слушать предложения более терпеливо, чем доктор Лоусон, который явно никогда не научится снисходительно относиться к дуракам.

Том Лоусон только что разгромил инженера-любителя с Сицилии, предложившего разогнать пыль с помощью соответственно размещенных реактивных авиадвигателей. Типичный случай: теоретически в этом проекте как будто нет пороков, однако подойди к нему с практической стороны — и все рушится. Пыль можно разогнать, но для этого нужен неограниченный приток воздуха. Пока доводы речистого итальянца переводили на английский язык, Лоусон быстро сделал расчеты.

— По моим подсчетам, синьор Гузальи, — сказал он, — чтобы воздушной струей вырыть шахту нужного диаметра, надо подавать не меньше пяти тысяч тонн воздуха в минуту. Такого количества к месту работ не доставишь.

— Э, можно собирать использованный воздух и снова пускать его в дело!

— Благодарю вас, синьор Гузальи, — вмешался решительный голос ведущего. — Следующий — мистер Робертсон из Лондона, провинция Онтарио. В чем заключается ваш план, мистер Робертсон?

— Я предлагаю замораживание.

— Пойдите, — возразил Лоусон, — как можно заморозить пыль?

— Сперва пропитать ее водой. Затем опустить рефрижераторные трубы и все превратить в лед. Получится твердая масса, которую легко будет бурить.

— Интересная мысль, — как-то неохотно признался Лоусон. — Во всяком случае, не такая вздорная, как некоторые предыдущие. Но для этого нужно очень много воды. Не забудьте, пылеход лежит на глубине пятнадцати метров...

— Сколько это будет в футах? — спросил канадец тоном, который тотчас выдавал в нем несгибаемого представителя антиметрической школы.

— Пятьдесят, и я уверен, что вам это известно так же хорошо, как мне. Диаметр ствола должен быть не меньше метра — по вашему, ярд. Так, округляем: пятнадцать на десять в квадрате, на десять и... словом, пятнадцать тонн воды.

Это если исключить утечку, на деле понадобится несравненно больше, возможно, около ста тонн. Как вы думаете, сколько будет весить морозильная установка со всем снаряжением?

А он совсем не плохо справляется! Не в пример большинству знакомых Лоуренсу ученых, Лоусон сразу схватывал практическую суть и к тому же быстро считал. Обычно, когда астроному или физики нужно быстро сделать расчет, они при первой попытке ошибаются на десятки, если не на сотни. Насколько Лоуренс мог судить, у Тома Лоусона сразу получался верный ответ.

Канадский энтузиаст замораживания все еще отстаивал свою идею, но его выключили, чтобы передать слово одному жителю Африки, который предлагал прямо противоположное средство — тепло. Установить огромное вогнутое зеркало, фокусировать солнечные лучи на поверхности лунной пыли и сплавить ее в компактную массу...

Чувствовалось, что Лоусон с трудом держит себя в руках. Сторонник солнечной плавки оказался одним из упрямых знатоков-самоучек, которые слишком уверены в непогрешимости своих расчетов. Спор разгорелся нешуточный, но тут в ушах главного инженера прозвучал громкий голос:

— Пылекаты идут, мистер Лоуренс.

Главный перевернулся и сел, потом вскарабкался на плот. Если пылекаты уже видно, значит, они совсем близко. Так и есть, вот «Пылекат-2», и с ним «Пылекат-3», совершивший трудное путешествие с Озера Жажды на Фарсайте. Поход, который сам по себе был настоящим подвигом. Но об этом подвиге знает только горстка людей.

Каждый пылекат тащил на буксире по двое саней. Вот они подошли к плоту, и тотчас спасатели начали сгружать большой ящик, в котором лежало иглу. Лоуренс всегда с интересом смотрел, когда надували иглу, но теперь он особенно нетерпеливо ждал конца этой процедуры. (Ну конечно, только космической чесотки ему не хватало!..) Все делалось автоматически: сорвать печать, нажать два отдельных рычага — страховка от произвольного включения — и ждать.

Ожидание не затянулось. Ящик распался, и показалась тщательно сложенная серебристая ткань, которая шевелилась, словно живое существо. Однажды Лоуренс наблюдал,

как, постепенно расправляя крылья, из куколки выходила бабочка. Ну в точности!.. Правда, бабочке потребовалось около часа, чтобы явиться во всем своем великолепии; иглу устанавливали за три минуты.

Насос толчками подавал воздух, и оболочка дергалась, все больше раздуваясь. Вот уже около метра в высоту, теперь растет скорее вширь... Дошла до шва, и снова тянется вверх. Резкое движение — расправилась переходная камера. И все это в полной тишине, хотя казалось, что должно быть слышно натужное сопение и пыхтение.

Осталось совсем немного... Вот теперь видно, насколько метко название «иглу». Конечно, снежные домики защищали эскимосов от совсем другой (хотя и не менее враждебной человеку) среды, но форма была такая же. Сходство задач повлекло за собой и сходство конструкции.

«Отделка» занимала гораздо больше времени, чем установка иглу. Все — койки, кресла, столы, шкафы, электронные аппараты — надо было вносить через переходную камеру. Некоторые предметы покрупнее входили еле-еле, но входили!

Наконец радио донесло:

— Добро пожаловать!

Лоуренс не стал медлить. Он начал расстегивать скафандр еще во внешнем отсеке двухступенчатой камеры перепада и, как только услышал в сгущающейся атмосфере голоса из внутреннего помещения, снял гермошлем.

Хорошо!.. Можно нагнуться, повернуться, почесаться, двигаться без помех, по-человечески говорить со своими товарищами. В тесной душевой вода смыла с него все запахи скафандра; теперь пора и за работу. Надев шорты (в иглу одевались легко), он сел за стол, чтобы посоветоваться со своими помощниками.

Большая часть заказанных им предметов прибыла в этот заход, остальное через несколько часов доставит «Пылекат-2». Пробегая глазами списки, Лоуренс почувствовал себя хозяином положения. Кислород им обеспечен, если только не будет какого-нибудь нового срыва. Правда, на исходе вода, но это легко поправить. Несколько сложнее будет с едой, а впрочем, достаточно придумать подходящую упаковку. Кстати, управление столовых уже прислало шоколад, сушеное мясо, сыр и даже тонкие французские булочки — все уло-

жено в цилиндры шириной три сантиметра. Сейчас их отправят вниз по трубам, и пассажиры сразу воспрянут духом.

Но все это было не столь важно; главное — рекомендации его «мозгового треста», воплощенные в дюжине чертёжей и лаконичном меморандуме на шести страницах. Лоуренс читал очень внимательно, время от времени кивая. Собственно, он и сам уже пришел к тому же выводу. Другого пути просто нет.

Пассажиров можно спасти, но «Селена» совершила свое последнее путешествие.

ГЛАВА 24

Похоже было, что вихрь, который вырвался через трубу из «Селены», унес с собой не только застоявшийся воздух. Вспоминая первые часы после катастрофы, коммодор Ханстен мысленно отметил, что, когда прошел первоначальный шок, на корабле временами царило какое-то взвинченное, даже несколько истерическое настроение. В своих стараниях поднять дух они порой перехлестывали, сбиваясь на нарочитое веселье и чуть ли не детские потехи.

Теперь это позади, и нетрудно понять почему. Дело не только в том, что спасатели близко: встреча лицом к лицу со смертью изменяет человека. Трусость и себялюбие осыпались, как окалина; пришла спокойная твердость духа.

Все это было знакомо Ханстену. Он много раз наблюдал то же самое, когда экипажи космических кораблей попадали в трудные переделки в далеких далях Солнечной системы. Коммодор от природы не был расположен философствовать, однако в космосе оставалось достаточно времени для раздумий. Иногда Ханстен спрашивал себя, не потому ли человек ищет опасностей, чтобы через них прийти к сплоченности и товариществу, к которым он — пусть неосознанно — так стремится?

Жаль расставаться со всеми этими людьми. Даже с мисс Морли, которая вдруг стала обходительной и тактичной, в меру своих сил...

Коммодор был настолько уверен в успехе спасательной операции, что уже думал о предстоящем расставании. Конечно,

всякое может случиться, и все-таки, похоже, они застрахованы от неожиданностей. Как именно главный инженер Лоуренс будет извлекать их на поверхность — пока неизвестно, но он несомненно это сделает. Опасность миновала, остались только неудобства, которые вполне можно вынести.

О каких-либо лишениях не приходится говорить с тех пор, как по трубам вниз посыпались цилиндры с продовольствием. Конечно, им и без того не грозила голодная смерть, но стол был несколько однообразен, а воды и вовсе не хватало.

Теперь-то все цистерны полны, сотни литров в запасе.

Странно, что осмотнительный и дальновидный коммодор Ханстен ни разу не спросил себя, куда подевалась вся вода из цистерн «Селены». Разумеется, голова его была занята более неотложными делами. И все-таки он должен был насторожиться, уж очень много воды им накачали сверху. Коммодор задумался над этим только тогда, когда было уже поздно.

Не меньше его были повинны в недосмотре Пат Харрис и главный инженер Лоуренс. Блестящий план, отличное выполнение, и всего лишь одна трещина. А больше и не надо...

Инженерный отдел Эртсайда продолжал работать вовсю, но отчаянная гонка с часовой стрелкой прекратилась. Теперь время позволяло изготовить макеты пылехода, погрузить их в Море у Порт-Рориса и испытать разные решения завершающей операции. Советы — разумные и прочие — продолжали сыпаться со всех сторон, но на них никто не обращал внимания. Способ определен, и никаких поправок не будет, если не случится ничего неожиданного.

Через двадцать четыре часа после установки иглу приспособления были изготовлены и доставлены на место. Да, рекорд, но Лоуренс от души мечтал, что ему никогда не понадобится его превышать, как ни гордился он людьми, которые совершили этот подвиг. Инженерный отдел редко пожинал заслуженные лавры, его усилия воспринимались как должное — как воздух, который подавали те же инженеры.

Теперь, когда все пошло на лад, Лоуренс ничуть не возражал против того, чтобы выступить, и Морис Спенсер был только рад ему помочь. Он давно ждал этого случая.

Кстати, если ему не изменяла память, впервые телевизионную камеру и интервьюируемого разделяло пять кило-

метров. При таком огромном увеличении картинка, понятно, слегка расплывалась, и малейшие толчки заставляли ее плясать на экране. Поэтому все на борту старались не шевелиться, а приборы и аппараты — кроме самых необходимых — были выключены.

Главный инженер Лоуренс стоял в скафандре на краю плота, опираясь на небольшой подъемный кран. Под стрелой крана висел широкий, открытый с обеих сторон бетонный цилиндр — первая секция колодца, который должен был пронизать лунную пыль.

— Мы все обдумали и решили, что это будет лучший способ, — сказал Лоуренс далекой телекамере (хотя слова его были в первую очередь обращены к людям, погребенным на глубине пятнадцати метров под плотом). — Этот цилиндр называется кессоном. Под действием собственного веса он легко погрузится в пыль, заостренная нижняя кромка войдет в нее, как нож в масло. Составим несколько секций и так доберемся до пылехода. Когда нижняя секция станет на его крышу, можно выбирать пыль, соединение будет достаточно плотным. И получится как бы колодец, шахта, которая соединит нас с «Селеной». Но это еще только половина дела. Потом надо накрыть колодец одним из наших герметических иглу, чтобы можно было пробивать крышу пылехода, не опасаясь потери воздуха. Думаю... надеюсь, что все это будет не так уж трудно.

Он помедлил, спрашивая себя, касаться ли других подробностей, которые делают операцию гораздо сложнее, чем она кажется на первый взгляд. Да нет, не стоит: кто в этом разбирается, сам поймет, а остальным это ни к чему, подумают, что он набивает себе цену. Пока все идет хорошо, незримые наблюдатели (по сведениям начальника «Лунтуриста», за ними сейчас следит около полумиллиарда зрителей) его не смущают. Если же что-нибудь не заладится...

Главный поднял руку, сигнал крановщику.

— Майна!

Четырехметровый цилиндр начал медленно уходить в пыль; вот погрузился совсем, только самый край остался над поверхностью. Так, первая секция есть... Хотя бы и остальные оказались столь же послушными.

Один из спасателей осторожно прошел с уровнем в руках по ободу, проверяя, нет ли перекаса. Он поднял кверху

большой палец. Лоуренс ответил ему тем же. Когда-то он не хуже любого монтажника владел языком жестов; умение в их профессии достаточно важное, так как радио могло подвести, к тому же каналы связи чаще всего были заняты более важными задачами.

— Приготовить вторую! — распорядился главный инженер.

Это будет уже посложнее: удерживать первую секцию неподвижно и присоединить к ней вторую так, чтобы не сбить наладку. По чести говоря, для такой работы нужно два крана... Ладно, рама из двутавровых балок, прилаженная над самой поверхностью Моря, примет на себя часть нагрузки.

«Теперь только бы не промахнуться!» — мысленно взмолился главный инженер.

Вторая секция оторвалась от саней, которые доставили ее из Порт-Рориса; три техника вручную выровняли бетонное кольцо, и оно повисло строго вертикально. Вот когда надо было помнить о разнице между массой и весом. Как ни мало весил качающийся цилиндр, его инерция была той же, что на Земле, и он мог расплющить зазевавшегося человека. Бросалось в глаза замедленное движение этой подвешенной массы. На Луне скорость качания маятника наполовину меньше, чем на Земле. Привыкнуть к этому уроженцу Луны было почти невозможно.

Но вот вторая секция легла на первую, соединение готово, и Лоуренс снова командует: «Майна!»

Соппротивление возросло, однако кессон под собственной тяжестью плавно ушел в пыль.

— Восемь метров есть, — сказал Лоуренс. — Уже больше половины. Давайте третью секцию.

Потом пойдет четвертая — и все. Правда, он на всякий случай заказал запасную секцию. Способность Моря Жажды поглощать арматуру внушала ему тревогу. Пока пропало лишь несколько болтов и гаек, но если с крана сорвется бетонное кольцо, оно мигом утонет. Пусть даже неглубоко (например, упадет боком) — и двух метров достаточно, можно считать эту секцию пропавшей. Спасать спасательное снаряжение некогда.

Третья секция погрузилась в пыль заметно медленнее. Ничего, лишь бы шла. Еще несколько минут, и они упрутся в крышу пылехода.

— Двенадцать метров, — внятно произнес Лоуренс. — «Селена», мы всего в трех метрах от вас, вы вот-вот нас услышите.

Они услышали. И насколько легче сразу стало на душе! Еще за десять минут до того Ханстен заметил, как кислородная труба подрагивает, соприкасаясь с опускаемым кессоном. Сразу было видно, когда кессон останавливался, а когда двигался снова.

Опять толчок, и одновременно с потолка посыпалась пыль. Трубы, по которым подавался воздух, торчали вниз сантиметров на двадцать, швы Пат обмазал быстросхватывающимся цементом, который входил в аварийное снаряжение любого космического корабля. Видимо, эта замазка теперь ослабла. Но мельчайший пылевой дождь, сочившийся сквозь щели, был слишком слаб, чтобы вызвать тревогу. Все-таки Ханстен решил обратить на него внимание капитана.

— Странно, — заметил Пат, глядя на конец трубы. — Этот цемент ничего не должен пропускать...

Он вскарабкался на кресло и тщательно осмотрел шов. Минуту помолчал, потом соскочил на пол. Пат был явно озабочен.

— В чем дело? — тихо спросил Ханстен.

Коммодор уже достаточно изучил Пата, он сразу понял, что случилось неладное.

— Труба ползет вверх, — ответил капитан. — На плоту кто-то работает очень небрежно. Ушла на целый сантиметр с тех пор, как я замазывал шов.

Вдруг он побледнел.

— Боже мой, — прошептал Пат. — А вдруг дело в нас, вдруг мы продолжаем погружаться?

— Что тогда? — спокойно спросил коммодор. — Ничего удивительного, если пыль сжимается под нашим весом. Это еще не означает, что нам грозит опасность. Судя по этой трубе, мы за двадцать четыре часа погрузились на один сантиметр. Понадобится, нарастят сверху.

Пат сконфуженно рассмеялся:

— Ну да, так и есть. И как я сам не догадался! Наверное, мы все время медленно оседаем, просто до сих пор не было случая убедиться в этом. Ладно, я все-таки доложу мистеру Лоуренсу, это может повлиять на его расчеты.

Пат Харрис повернулся, чтобы идти в носовую часть кабины. Он не сделал и двух шагов.

Миллион лет понадобился природе, чтобы устроить ловушку, в которую попала «Селена». А второй раз судно само себе вырыло яму.

Конструкторам незачем было предельно облегчать пылеход, тем более что путешествия длились всего несколько часов. Поэтому они не снабдили «Селену» хитроумным, хотя и не очень афишируемым устройством, которое позволяет космическим кораблям пускать в повторный обиход использованную воду. Здесь не было нужды беречь каждую каплю, и все, что попадало в канализацию, пылеход просто-напросто выбрасывал за борт.

За последние пять суток в окружающую среду ушла не одна сотня килограммов влаги и испарений. Жадно поглощая воду, лунная пыль у выбросных отверстий намокла и стала жидкой грязью. Влага пронизала весь прилегающий участок Моря; медленно и неприметно пылеход размыл свое ложе. Слабый толчок опущенного сверху кессона довершил дело.

Первым признаком, по которому на плоту догадались, что произошла катастрофа, был прерывистый свет красной лампочки на воздухоочистителе. Одновременно в шлемофонах спасателей на всех каналах завывала радиосирена. Вой смолк, едва дежурный техник нажал кнопку выключателя, но красная лампочка продолжала мигать.

Лоуренс тотчас понял причину тревоги, едва взглянул на приборы. Соединение воздухопровода — обеих труб — с «Селеной» нарушено, очиститель по одной трубе гонит кислород прямо в Море, а через вторую (вот незадача!) сосет пыль. «Что будет с фильтрами?» — спросил себя главный, но тут же оставил эту мысль и принялся вызывать пылеход.

«Селена» молчала. Он перебрал все рабочие волны, но не мог уловить даже шороха несущей частоты. Море Жажды было непроницаемо как для звуков, так и для радиоволн.

«Погибли, — мысленно заключил главный, — конец. Еще бы чуть, и спасли. Не вышло. Всего часа не дотянули!»

Что же могло произойти? Может быть, корпус не выдержал веса пыли? Вряд ли. Внутреннее давление воздуха достаточно велико, чтобы противостоять нагрузке извне. Значит, новое оседание. Кажется, он даже ощутил легкий толчок.

Главный инженер с самого начала опасался нового обвала, но не знал, как отвести угрозу. Они пошли на риск — и «Селена» проиграла...

Пат Харрис сразу, как только «Селена» сдвинулась, почувствовал, что это оседание совсем не похоже на первый обвал. Оно происходило намного медленнее, и снаружи что-то скрипело и сипело. Даже в такую отчаянную минуту Пат не мог не удивиться: как может пыль издавать такие звуки?..

Трубы уходили вверх, уходили рывками, потому что корма погружалась быстрее и судно заметно накренилось. Затрещал фиберглас, и задняя труба вырвалась из отверстия в потолке по соседству с переходной камерой. Мгновенно струя пыли хлынула вниз, ударилась об пол и расплылась в воздухе легким облачком.

Коммодор Ханстен стоял ближе всех к отверстию и первым подекочил к нему. Сорвав с себя рубашку, он мигом свернул ее комом и сунул затычку в дыру. Пыль не унималась, сочила в щели, но и коммодор не сдавался. Он почти справился с ней, когда выскользнула труба в носовой части. Тотчас погас главный свет — снова порвался кабель...

— Я управлюсь здесь! — крикнул Пат.

Он тоже остался без рубашки и вступил в поединок с лунной пылью.

Пат Харрис десятки раз выходил в Море Жажды, но никогда еще ему не доводилось осязать его. Серая пудра проникала в нос, засыпала глаза, наполовину задушив и совершенно ослепив капитана. И хотя она была сухая, как прах из склепа фараона (даже суше, ведь Море в миллион раз старше любой пирамиды!), на ощупь лунная пыль оказалась скользкой, как мыло. Пат поймал себя на мысли, что быть похороненным заживо, наверное, хуже, чем утонуть... Но вот фонтан превратился в тонкую струйку, и он понял, что на этот раз страшная участь его миновала. Благодаря слабому лунному тяготению пятнадцатиметровый столб пыли давил не так уж сильно. Впрочем, будь отверстия в потолке намного шире, еще неизвестно, чем бы все это кончилось.

Отряхнув пыль с головы и плеч, Пат осторожно открыл глаза. Ничего, зрение в порядке. Хорошо, что аварийное освещение не подвело. Не очень-то яркий свет, но все-таки лучше, чем ничего. Коммодор уже законопатил щель и теперь

спокойно брызгал водой из бумажного стакана, чтобы осадить пыль. Способ оказался очень действенным, и серые облака быстро превратились в лужицы грязи на полу.

Подняв голову, Ханстен поймал взгляд Пата.

— Ну, капитан, — заговорил он. — Ваше мнение?

Олимпийское самообладание! Это самообладание может вывести человека из себя, подумал Пат. Хоть бы раз увидеть коммодора растерянным! Нет, вздор, это в нем зависть говорит, даже ревность, вполне понятная, но не достойная Пата. Он пристыдил себя.

— Не представляю, что произошло, — ответил он. — Может быть, сверху нам скажут?

Корабль наклонился под углом тридцать градусов, и к месту водителя надо было идти в гору. Садясь перед радиостанцией, Пат вдруг ощутил тупое отчаяние, какого не испытывал со времени рокового обвала. Такое чувство, словно все боги обратились против них и дальше сражаться нет смысла.

Он окончательно уверился в этом, когда попытался включить радиостанцию и обнаружил, что она не работает. Нет тока, злополучная труба потрудилась на славу...

Пат медленно повернулся в кресле. Двадцать один человек пытливо смотрели на капитана: что он скажет? Из них двадцать сейчас не существовали для него. Пат видел только лицо Сю, ее глаза. Озабоченный, напряженный взгляд, но даже теперь без страха. И отчаяние прошло, его вытеснил приток сил и надежды.

— Честное слово, не знаю, что случилось, — сказал он. — Но в одном я уверен: мы еще не пропали, до этого далеко, сто световых лет. Даже если погрузимся еще немного, ничего страшного нет, наши товарищи на плоту скоро опять нащупают нас. Небольшая отсрочка, и только. Тревожиться нечего.

— Я не хочу показаться паникером, капитан, — заговорил Баррет, — но если плот тоже затонул? Что тогда?

— Это мы проверим, как только я налажу радиокontakt, — ответил Пат, сумрачно глядя на болтающиеся под потолком провода. — И пока я не распутая эту вермишель, придется нам обходиться аварийным освещением.

— Я не возражаю, — заметила миссис Шастер. — Помоему, так очень мило.

«Спасибо тебе, добрая душа», — мысленно произнес Пат. Он быстро обвел взглядом остальных. При таком свете трудно разглядеть выражение лиц, но как будто все спокойны...

Спокойствие длилось ровно минуту — больше не понадобилось, чтобы убедиться: ни радио, ни света не починить. Провода вырвало из защитной трубки, и нет нужного инструмента.

— Это уже хуже, — заключил Пат. — Мы ничего не можем им сказать, пока сверху к нам не спустят микрофон.

— А это значит, — подхватил Баррет, явно склонный подмечать самые мрачные стороны, — что они не могут общаться с нами. Будут недоумевать, почему мы не отвечаем. Еще решат, что мы погибли, и прекратят спасательную операцию!..

Эта мысль уже приходила в голову Пату, но он тотчас изгнал ее.

— Вы слышали главного инженера Лоуренса, — сказал он. — Главный — не такой человек, чтобы сдаться, пока есть хоть малейшая надежда. На этот счет можно не беспокоиться.

— Как с воздухом? — озабоченно спросил профессор Джаяварден. — Ведь мы опять зависим от собственных ресурсов.

— Очистители снова работают, так что теперь его хватит на много часов, — ответил Пат. — К тому же нам скоро опять подадут трубы. — Он надеялся, что голос его звучит достаточно уверенно. — Наберемся терпения и придумаем себе занятие. Три дня выдержали, как-нибудь выдержим еще час-другой.

Он поглядел вдоль рядов, проверяя, есть ли несогласные. И увидел, что один из пассажиров медленно поднимается на ноги. Это был тихий щуплый мистер Редли, который с начала путешествия и десяти слов не сказал.

Пат по-прежнему знал о нем лишь то, что он бухгалтер, родом из Новой Зеландии, единственной страны на Земле, которая из-за своего географического положения еще осталась в какой-то мере обособленной. Разумеется, попасть гуда так же просто, как в любую иную точку земного шара, но Новая Зеландия — конечная станция, не промежуточная остановка на большой магистрали. И новозеландцы продолжали гордо оберегать свою индивидуальность. Не без

основания они утверждали, что сумели спасти остатки английской культуры, после того как Атлантическое сообщество поглотило Британские острова.

— Вы хотите что-то сказать, мистер Редли? — спросил Пат.

Редли посмотрел вокруг взглядом учителя, который собирается обратиться к своему классу.

— Да, капитан, — начал он, — я должен сделать признание. Боюсь, во всем, что произошло с нами, виноват я.

Когда главный инженер Лоуренс прервал свой репортаж, понадобилось всего две секунды, чтобы Земля узнала о новой беде; до Марса и Венеры весть дошла через несколько минут. Но что именно случилось? По изображению на экране телевизора не понять... Сперва люди на плоту заматались, забегали, потом переполох как будто кончился, и фигуры в скафандрах сбились в кучу. Видимо, шло совещание. Но работала только внутренняя связь, и зрители не слышали ни слова. Ужасно было наблюдать этот немой разговор, не зная, о чем идет речь.

Пока тянулись длинные томительные минуты неизвестности и студия пыталась выяснить, что происходит, Жюль Брак старался выбрать хороший кадр — вовсе не простое дело, когда сцена статична, а ты привязан к одной, пусть даже самой удачной, точке. Как и все операторы, Жюль терпеть не мог стоять на месте. Такая скованность действовала ему на нервы. Он даже спросил, нельзя ли перелететь на другое место, и услышал в ответ от капитана Ансона:

— Черта с два, стану я прыгать взад-вперед по этим горам. Это космический корабль, а не... не серна.

Панорамы да наезды — вот и все приемы, которыми мог пользоваться Жюль, да и то в меру: ничто не раздражает зрителя так, как стремительные скачки взад-вперед в космосе или быстрый наплыв, когда изображение словно взрывается прямо в лицо. Трансфокатор позволял Жюлю «мчаться» по Луне со скоростью пятидесяти тысяч километров в час. От такой гонки хоть кого замутит...

Наконец немая летучка закончилась; спасатели отключили свои телефоны. Может быть, теперь Лоуренс ответит на радиовывозы, которые сыпались на него последние пять минут?

— Господи! — воскликнул Спенсер. — Вы видите? Это что же такое?!

— Вижу, — отозвался капитан Ансон. — Просто невероятно! Похоже, они уходят...

Пылекаты с людьми устремились прочь от плота, словно шлюпки от тонущего корабля.

ГЛАВА 26

Пожалуй, только хорошо, что связь с «Селеной» прервалась: вряд ли пассажиров ободрило бы известие о том, что пылекаты отступили. Впрочем, в этот миг на судне о спасателях вообще не думали — всех привлек неожиданный выход Редли на тускло освещенную сцену.

— Как это понимать: вы во всем виноваты? — Пат нарушил напряженную тишину, пока что только напряженную, без тени враждебности, так как никто не принял всерьез слова новозеландца.

— Это долгая история, капитан. — Редли говорил совсем бесстрастно, но были в его голосе какие-то странные нотки, которых Пат не мог определить. Казалось, они слышат речь робота; у Пата поползли мурашки по спине.

— Я не хочу сказать, что намеренно вызвал беду, — продолжал Редли. — Но, боюсь, она не случайна, и я очень жалею, что втянул в это вас. Понимаете, они преследуют меня.

«Только этого нам не хватало, — подумал Пат. — Все, все обращается против нас! В нашей маленькой компании есть истеричная старая дева, есть наркоман, теперь вот сумасшедший объявился. Что еще на нас свалится, прежде чем наступит конец?»

Но он тут же сказал себе, что несправедлив. По правде говоря, ему очень повезло. С одной стороны — Редли, мисс Морли и Ханс Бальдур (кстати, Бальдур после того единственного происшествия, о котором никто не поминал, вел себя безукоризненно), зато с другой стороны — коммодор, доктор Мекензи, Шастеры, маленький профессор Джаяварден, Дэвид Баррет. Да и все остальные пока без ропота выполняли распоряжения капитана. Пат вдруг ощутил прилив

доброе чувства, даже нежности к этим людям за их деятельную или бездейтельную поддержку.

Особенно к Сью, которая и на этот раз нашлась раньше него. В своем отсеке на корме она с самым непринужденным видом, как бы между делом, незаметно — во всяком случае, для Редли — достала из аптечки ампулу со снотворным. Если он что-нибудь затеет, она примет меры.

Но пока что в поведении Редли не было ничего угрожающего. Он вполне владел собой, говорил внятно и рассудительно — ни безумного блеска в глазах, ни каких-либо иных внешних признаков ненормальности. Обыкновенный пожилой бухгалтер из Новой Зеландии, проводящий отпуск на Луне.

— Это очень интересно, мистер Редли, — сказал коммодор Ханстен ровным голосом, — но вы уж простите нам наше невежество. Кто это — «они», и почему они вас преследуют?

— Вы, конечно, слышали, коммодор, о летающих блюдцах? «Летающих... что?» — удивился Пат.

Ханстен явно был лучше осведомлен.

— Да, слышал, — ответил он, сразу поскучнев. — Читал в старых книгах о космонавтике. Кажется, лет восемьдесят тому назад с ними был связан настоящий массовый психоз?

(Эх, некстати он употребил слово «психоз»... Слава Богу, Редли не обиделся.)

— О, — возразил бухгалтер, — они появились гораздо раньше. Но только в прошлом столетии люди обратили на них внимание. Есть старинная рукопись, еще в тысяча двести девяностом году один английский аббат подробно описал летающее блюдце. Да их и раньше наблюдали. До двадцатого века отмечено больше десяти тысяч случаев.

— Минутку, — вмешался Пат. — Что это значит — «летающее блюдце»? Я ничего не понимаю.

— Боюсь, капитан, ваше образование страдает пробелами, — сочувственно произнес Редли. — Термин «летающее блюдце» широко распространился с тысяча девятьсот сорок седьмого года. Так называли странные, чаще всего овальной формы аппараты, которые уже много столетий изучают нашу планету. Кое-кто предпочитает говорить «неопознанные летающие предметы».

Что-то зашевелилось в памяти Пата. В самом деле, он слышал этот термин в связи с гипотезами об инопланетниках. Но нет никакого доказательства того, что нашу Солнечную систему посещали космические корабли из других миров.

— Вы и впрямь верите, — скептически спросил кто-то из пассажиров, — что вокруг Земли слоняются гости из космоса?

— Больше того, — ответил Редли. — Они часто приземлялись и вступали в контакт с людьми. До появления человека на Луне у них была база на Фарсайте, но они ее уничтожили, как только первые топографические ракеты начали крупномасштабную съемку.

— Откуда вы все это знаете? — удивился один из пассажиров.

Недоверие аудитории несколько не смутило Редли; он, видимо, давно привык к этому. Новозеландец излучал убежденность, которая — как ни мало обоснована она была — невольно передавалась другим. Он преотлично чувствовал себя в странном воображаемом мире, куда его занесло помешательство.

— Мы... установили с ними контакт, — произнес он торжественно. — Несколько человек сумели вступить в telepaticкую связь с экипажами летающих блюд. И нам уже довольно много известно о них.

— А другие люди? — заговорил еще один маловвер. — Если и впрямь около Земли летают блюда, почему их не видели ни наши астрономы, ни космонавты?

— В том-то и дело, что видели, — ответил Редли, снисходительно улыбаясь. — Видели, да никому не говорят. Ученые объединились в заговоре молчания, им не хочется признавать, что в космосе есть создания куда умнее нас. И когда летчик докладывает, что встретил блюдо, его поднимают на смех. Понятно, что космонавты предпочитают помалкивать о своих встречах.

— А вам, коммодор, они попадались? — спросила миссис Шастер, явно склонная верить новозеландцу. — Или вы тоже участвуете в этом — как его назвал мистер Редли? — заговоре молчания?

— К сожалению, должен вас огорчить, — сказал Ханстен. — Вы можете мне не поверить, но все космические

корабли, которые я когда-либо встречал, числятся в регистре Ллойда.

Он поймал взгляд Пата и чуть кивнул, словно говоря: «Пойдем посоветуемся в камере перепада». Теперь, когда стало ясно, что Редли безобиден, Ханстен был даже рад происшествию, которое так быстро отвлекло пассажиров от нового осложнения. Если бредовый вымысел маленького бухгалтера их занимает, пусть себе чудит.

— Ну, Пат, — сказал коммодор, едва дверь отсекала их от оживленно спорящих пассажиров, — что вы думаете о нем?

— Неужели он верит в этот вздор?

— В том-то и дело, что верит. Я уже встречал таких людей.

Ханстен достаточно хорошо знал странный психоз, во власти которого был Редли; недаром он увлекся космоведением еще в двадцатом веке. В молодости коммодор прочел даже некоторые оригинальные писания на эту тему; это был такой бесстыдный обман или детское простодушие, что он даже поколебался в своем взгляде на человека как на разумное существо. Становилось не по себе при одной мысли о том, что подобная литература могла пользоваться бешеным успехом. Правда, большинство книг этого рода вышло в «безумные пятидесятые» годы, которые были порой психозов.

— Положение нелепейшее, — пожаловался Пат. — В такой час все пассажиры заняты спором о летающих блюдцах!

— А по-моему, это превосходно, — ответил коммодор. — Чем еще вы предложите им заняться? Скажем прямо, ведь нам остается только сидеть и ждать, пока Лоуренс снова постучится в крышу.

— Если он еще там. Баррет прав, плот мог затонуть.

— Вряд ли... Толчок был очень слабый. Как по-вашему, насколько мы опустились?

Вопрос Ханстена заставил Пата призадуматься. Теперь ему казалось, что они падали долго. Полутьма, сражение с пылью — все это нарушило чувство времени, и он мог только гадать.

— Ну, метров на десять...

— Чепуха! Это длилось всего несколько секунд. Два-три метра, не больше.

«Хоть бы коммодор оказался прав», — подумал Пат. Он знал, насколько трудно судить о малых ускорениях, особенно когда внимание притупилось. Из всех находившихся на борту «Селены» у одного Ханстена есть нужный опыт. Надо думать, его оценка точна. И уж во всяком случае она обнадеживает.

— На поверхности, наверное, ничего и не почувствовали, — продолжал Ханстен. — И теперь удивляются, почему не могут нас нащупать. Вы уверены, что нам не под силу наладить радиостанцию?

— Уверен. Всю распределительную коробку сорвало вместе с частью кабеля. Из кабины не добраться.

— Н-да, ничего не поделаешь. Ладно, пошли, пусть Редли попытается обратить нас в свою веру, если сумеет.

Жюль около ста метров провожал объективом пылекаты, прежде чем обнаружил, что они увозят меньше людей, чем привезли. Семь человек, а было восемь.

Он тотчас дал задний ход и благодаря то ли счастливому случаю, то ли прозорливости, отличающей блестящего оператора от рядового, поймал плот как раз в тот миг, когда Лоуренс нарушил свое радиомолчание.

— Говорит главный инженер Эртсайда. — У него был усталый и расстроенный голос человека, тщательно разработанные планы которого вдруг рухнули. — Прошу извинить за перебой, но, как вы, очевидно, догадались, у нас произошла авария. Должно быть, снова оседание. На сколько метров — неизвестно. Мы потеряли «Селену», и она не отвечает на наши вызовы. Я велел своим людям отойти на несколько сот метров в сторону. Вряд ли нам грозит опасность, но лучше не рисковать. Пока что я тут и один справлюсь. Слушайте мой вызов через несколько минут.

Миллионы зрителей увидели, как Лоуренс, присев на краю плота, собирает щуп, которым в первый раз обнаружил пылеход. Двадцать метров. Если корабль погрузился глубже, придется изобретать что-нибудь еще.

Вот щуп уходит в пыль. Чем ближе к той глубине, где прежде лежала «Селена», тем медленнее. Скрылась метка 15 — пятнадцать метров. Щуп был словно копье, вонзающееся в тело Луны. «Сколько еще?» — шептал про себя Лоуренс в тишине скафандра.

Ответ ошеломил его. Прямо хоть смейся, не будь положение столь серьезным: после метки щуп прошел всего полтора метра. Но вот что гораздо хуже: «Селена» осела неравномерно. Проверка показала, что корма лежит глубже носа, перекося — тридцать градусов. Одного этого было достаточно, чтобы поломать планы Лоуренса: ведь он рассчитывал, что кессон плотно, без зазоров ляжет на горизонтальную крышу.

Впрочем, сейчас Лоуренса в первую очередь заботило другое. Радио пылехода молчит (хорошо если только из-за неисправности питания) — как проверить, живы ли люди? Они-то услышат стук щупа, но сами не могут ничего передать вверх...

Как так не могут?! Есть способ, самый легкий и примитивный, какой только можно себе представить! Настолько примитивный, что после полутораста лет электроники немудрено и запомнить.

Лоуренс выпрямился и вызвал пылекаты.

— Можете возвращаться, — сказал он. — Никакой опасности нет. Пылеход осел всего на метр-другой.

Главный инженер забыл про следящие за ним миллионы глаз. Еще предстояло разработать новый план действий, но первый шаг был ему ясен.

ГЛАВА 27

Когда Пат и коммодор вернулись в кабину, там еще вовсю спорили. Немногословный до сих пор Редли быстро наверстывал упущенное. Точно кто-то нажал потайную пружину — или бухгалтера вдруг освободили от обета молчания. Да так оно, пожалуй, и было: решив, что его миссия все равно стала явной, Редли был только рад о ней рассказать.

Коммодор Ханстен встречал много таких суеверов; собственно, ради самозащиты он и одолел обильную литературу о летающих блюдцах. Начиналось всегда одинаково, с вопроса: «Коммодор, вы, наверно, повидали немало необычного за годы, проведенные в космосе?» Ответ, естественно, не удовлетворял собеседника, и следовал завуалированный, а то и не очень завуалированный намек — дескать, Ханстен

боится или избегает говорить правду. Опровергать это обвинение было пустой тратой сил; правоверный просто-напросто заключал, что коммодор участвует в сговоре.

Остальные пассажиры не были научены горьким опытом, и Редли легко разбивал их доводы. Даже Шастеру, при всей его юридической искушенности, никак не удавалось загнать маленького бухгалтера в угол; с таким же успехом он мог бы убеждать шизофреника, что никто его не преследует.

— Но разве это правдоподобно, — настаивал Шастер, — чтобы из тысяч ученых, знающих об этом, ни один не проговорился? Такой секрет утаить невозможно! Все равно что попытаться спрятать памятник Вашингтону!

— Так ведь были попытки раскрыть истину, — ответил Редли. — Но свидетельства каким-то таинственным путем уничтожились, — как и люди, которые хотели проникнуть в секрет. Они, когда надо, ни перед чем не останавливаются.

— Вы же сами сказали, что они вступают в контакт с людьми! Получается противоречие!

— Ничего подобного. Поймите, в космосе, как и на Земле, сражаются между собой силы добра и зла. Одни хотят помочь нам, другие задумали нас закабалить. Поединок между этими двумя группами длится уже много тысяч лет. Иногда борьба эта захватывает Землю, так погибла Атлантида.

Ханстен невольно улыбнулся. Все правильно, вот и Атлантида пошла в ход, другие приплетают Лемурию, или Му. Названия, которые неотразимо действуют на души неуравновешенные, склонные к мистике.

Если ему не изменяет память, группа психологов еще в семидесятых годах тщательно изучила вопрос о «летающих блюдах». Они пришли к выводу, что в середине двадцатого века многие люди уверовали в близкую гибель мира. Оставалось только надеяться на вмешательство из космоса; утратив веру в себя, человек ждал спасения с небес.

Почти десять лет «блюдечная» религия владела умами свихнувшейся части человечества, потом внезапно зачахла, точно исчерпавшая себя эпидемия. По мнению психологов, всё решили два обстоятельства: во-первых, всем наскучила эта выдумка, во-вторых, Международный геофизический год возвестил выход человека в космос.

Восемнадцать месяцев длился МГГ, и за это время небесную сферу наблюдало и изучало больше приборов и опытных

исследователей, чем за все предшествовавшие тысячелетия. Если бы в заатмосферной выси в самом деле парили небесные гости, совместные усилия ученых неизбежно подтвердили бы это. Однако этого не произошло. Наконец с Земли ушли в космос первые корабли с человеком на борту, но и они не встретили никаких летающих блюд.

Для большинства людей этого оказалось достаточно. Все эти неопознанные летающие предметы, замеченные в течение многих веков, были созданы самой природой, и с развитием метеорологии и астрономии нашлось вдоволь убедительных объяснений. С началом космической эры возродилась вера человека в свое предназначение, и мир вовсе утратил интерес к летающим блюдам.

Но религия редко умирает совсем. Кучка верующих подерживала культ поразительными «откровениями», рассказами о встречах с небожителями, толковала о телепатических контактах. И сколько бы очередных пророков ни уличали в мошенничестве, фанатики стояли на своем. Они нуждались в своих богах и не желали с ними расставаться.

— Вы все еще не объяснили, — не унимался Шастер, — с какой стати блюдечники преследуют именно вас. Что вы такое сделали, чем их рассердили?

— Я слишком близко подобрался к некоторым их секретам, вот они и воспользовались этим случаем, чтобы устроить меня.

— Могли бы найти способ попроще!

— Нелепо полагать, что наш ограниченный разум способен постичь пути их мышления. Но согласитесь: все подумают, что произошел несчастный случай, никто не заподозрит, что это сделано преднамеренно.

— Тонкий довод. И поскольку это теперь уже не играет никакой роли, может быть, вы скажете нам, за каким секретом охотились? Это, наверное, всем интересно.

Ханстен поглядел на Ирвинга Шастера. До сих пор юрист казался ему человеком скорее мрачноватым, лишенным чувства юмора; откуда эта ирония?

— Охотно расскажу, — ответил Редли. — Собственно, началось это еще в девятьсот пятьдесят третьем, когда американский астроном по фамилии О'Нил обнаружил здесь, на Луне, нечто весьма примечательное. На восточной окраине Моря Кризисов он открыл небольшой мост. Другие

астрономы, разумеется, высмеяли его, однако менее предубежденные подтвердили существование моста. А уже через несколько лет мост исчез. Очевидно, наше внимание встретило блюдечников, и они его разобрали.

Это «очевидно», сказал себе Ханстен, великолепный пример логики «блюдепочклонников», лихой скачок через барьер несусазицы, совершенно ошеломляющий нормальный разум. Он никогда не слышал о мосте О'Нила, но в истории астрономии известно множество ошибочных толкований. Классический пример — марсианские каналы. Добросовестнейшие наблюдатели снова и снова сообщали о них, а между тем каналов не было, во всяком случае, не было ничего похожего на изящную паутину, зарисованную Ловеллом и другими. Или Редли считает, что за время между наблюдениями Ловелла и первыми четкими фотографиями Марса кто-нибудь засыпал каналы? Он вполне способен заявить это.

Скорее всего «мост О'Нила» не что иное, как причуды освещения, игра постоянно меняющихся лунных теней. Но столь простой ответ, разумеется, не удовлетворяет Редли. Кстати, что он здесь делает, в двух тысячах километров от Моря Кризисов?

Этот же вопрос пришел на ум еще одному из пассажиров, и он тотчас задал его. Как всегда, у Редли был наготове убедительный ответ.

— Я рассчитывал, притворяясь обычным туристом, отвести от себя их подозрения. Доказательство, которое я ищу, находится в Западном полушарии — я нарочно отправляюсь в Восточное. Задумал через Фарсайд добраться к Моря Кризисов, а заодно осмотреть еще кое-какие места. Но они меня перехитрили. Не сообразил я, что меня может выследить кто-нибудь из их агентов. Ведь они умеют принимать человеческий облик. Видно, следили за мной с того самого часа, как я высадился на Луне.

— А можно узнать, — сказала миссис Шастер, которая все более серьезно воспринимала слова Редли, — что они теперь сделают с нами?

— Лучше об этом не думать, мэм! — ответил Редли. — Нам известно, что у них есть пещеры в недрах Луны. Я не сомневаюсь, мы именно в такую пещеру и попали. Стоило

им заметить, что спасатели пробились к нам, как они тотчас вмешались снова. Боюсь, теперь мы слишком глубоко, нас уже никто не выручит.

«Хватит с нас этой чепухи, — сказал себе Пат. — Позабавились, отвели душу, хорошо. Но теперь этот помешанный грозит всех пассажиров в тоску вогнать. Как заткнуть ему рот?»

На Луне, как и во всех дальних космических поселениях, случаи помешательства были редки, и Пат Харрис не знал, как поступить. Тем более что речь шла о чрезвычайно самоуверенном пациенте, умеющем заражать других своей одержимостью. Пат и сам уже начал колебаться: может, Редли в чем-то прав? При других обстоятельствах здоровый природный скептицизм защитил бы его, но эти тревожные дни нелегко дались ему, и он словно разучился мыслить критически.

Неужели нет подходящего способа разрушить чары, навеянные этим речистым маньяком?

С некоторой неловкостью капитан вспомнил удар, который так кстату усыпил Ханса Бальдура. И против собственной воли выразительно посмотрел на Хардинга. А тот незамедлительно отозвался: чуть заметно кивнув, он поднялся с места. «Нет-нет! — сказал Пат (про себя), — я не это подразумевал, не трогайте этого бедного чудака, и вообще — что вы за человек?»

Тут же он облегченно вздохнул. Хардинг, отделенный от Редли четырьмя рядами кресел, не стал пробираться к новозеландцу. Он стоял неподвижно, выпрямившись во весь рост и устремив на бухгалтера взгляд, в котором выражалось какое-то непонятное чувство. Уж не жалость ли? В этом тусклом свете сразу и не разберешь.

— Кажется, пора мне внести свою лепту в дискуссию, — сказал Хардинг. — Из того, что вам поведал наш друг, во всяком случае одно совершенно точно. Его действительно преследуют, но не «блюдечники», а я. Для новичка, Вильфред Джордж Редли, вы сработали совсем недурно, должен вас поздравить. Охота была захватывающей: от Крайстчерча до Астрограда, затем Клавий, оттуда до Тихо, Птолемея, Платона, Порт-Рориса — и сюда, где след, насколько я понимаю, кончается.

Никакого намека на смятение на лице Редли. Он лишь величественно наклонил голову, словно соглашаясь признать существование Хардинга, не больше.

— Как вы, возможно, догадались, — продолжал Хардинг, — я сотрудник уголовного розыска. Специализируюсь на мошенниках. Работа очень увлекательная, да только редко выдается случай рассказать о ней. Я очень рад, что теперь представилась такая возможность. Станные верования Редли меня ничуть не занимают, во всяком случае, профессионально. Гораздо важнее то, что он высококвалифицированный финансовый работник, занимает хорошо оплачиваемую должность в Новой Зеландии. Правда, недостаточно хорошо, чтобы позволить ему отправиться на месяц на Луну. Однако это его не смущало. Дело в том, что мистер Редли — старший бухгалтер Крайстчерского отделения компании «Путешествия во Вселенной». Считается, что эта организация надежно застрахована от каких-либо злоупотреблений, но он каким-то образом ухитрился присвоить себе путевку — аккредитив литер «Щ», позволяющую путешествовать сколько угодно по Солнечной системе, пользоваться услугами гостиниц и ресторанов, получать до пятисот долларов по чекам на предъявителя. Путевок литер «Щ» не так уж много в обороте, их берегут так, словно они из плутония. Конечно, и прежде кое-кто пытался проделать этот трюк. У клиентов есть привычка терять путевки, и предприимчивые субъекты пользуются этим, чтобы хоть несколько дней пожить на широкую ногу. Больше чем несколько дней не выходит. В компании «ПВВ» отлично поставлен учет, иначе и быть не может. Приняты всевозможные меры, и до сих пор больше недели никому не удавалось пользоваться чужой путевкой.

— Девять дней, — неожиданно прервал его Редли.

— Прошу извинить, вы, конечно, знаете это лучше меня... Итак, девять дней. Редли же путешествовал почти три недели, прежде чем мы его выследили. Он взял очередной отпуск и сказал на работе, что будет отдыхать на Северном острове. Вместо этого он отправился в Астроград, а оттуда на Луну, по пути творя, так сказать, историю: Редли первый — и мы надеемся, последний, — кто сумел улететь с Земли, не заплатив за билет. Нам до сих пор не известно точно, как ему это удалось. Как он прошел контрольные автоматы? С помощью сообщника в секторе программирования?.. Есть

и другие вопросы, которые чрезвычайно занимают «ПВВ». Надеюсь, Редли, вы откроете мне душу, просто чтобы удовлетворить мое любопытство. Не правда ли, я не требую от вас ничего непосильного? Мы не спрашиваем вас, почему вы так поступили — почему пожертвовали хорошей должностью и отправились в увеселительное путешествие, которое должно было привести вас в тюрьму. Мы угадали причину, как только выяснилось, что вы на Луне. Компания знала о вашем коньке. Но ведь он не влиял на вашу работу, и начальство решило рискнуть. Это обошлось довольно дорого.

— Я очень сожалею, — с достоинством ответил Редли. — Фирма всегда хорошо ко мне относилась, досадно, что так вышло. Но ведь я для доброго дела, и если бы мне удалось найти доказательство...

Однако в этот миг все, включая инспектора розыска Хардинга, утратили всякий интерес к Редли и его летающим блюдцам. Наконец-то раздался звук, которого они так ждали.

По крыше пылехода стучал шуп.

ГЛАВА 28

«Торчу здесь уже половину вечности, — сказал себе Морис Спенсер, — а солнце только-только оторвалось от горизонта на западе (странный мир!), и до полудня целых трое суток! Сколько же еще сидеть мне на этой горе, слушая космические побасенки капитана Ансона и глядя на плот с этими иглу?»

На это никто не смог бы ответить. Когда начали спускать кессон, казалось, что все будет закончено в двадцать четыре часа. А теперь? Вернулись к исходной точке. И ко всему телезрители не увидят захватывающих кадров. Все будет происходить либо в глубинах Моря, либо в стенах иглу. Лоуренс продолжал упорствовать, не разрешая ставить камеру на плоту, и Спенсеру трудно было его упрекнуть. Один раз главному инженеру не повезло, попал впросак со своим репортажем. Понятно, он не хочет, чтобы это повторилось.

И все-таки не может быть и речи о том, чтобы «Аурига» оставила позицию, завоеванную ценой таких затрат. Если все обернется благополучно, он сможет передать радостную

сцену. Если неблагоприятно — сцена будет трагической. Рано или поздно, с пассажирами или без них, пылекаты пойдут назад в Порт-Рорис. Спенсер не собирался прозевать этот караван, двинется ли он в путь при восходящем или заходящем солнце, или даже при слабом свете неподвижной Земли.

Обнаружив «Селену», Лоуренс тотчас пустил буровой станок. На экране монитора Спенсер видел, как уходит в пыль труба воздухопровода. К чему это, когда еще далеко не известно, остался ли кто-нибудь в живых? И как главный проверит без радио — есть ли живые?

Этот вопрос задавали себе миллионы. Возможно, что многие угадали верный ответ. Но как ни странно, он не пришел в голову никому из пассажиров «Селены», даже коммодору.

Услышав, как в крышу ударило что-то тяжелое, они сразу поняли, что это не тонкий щуп осторожно исследует Море. И когда минутой позже бур с гудением вгрызся в фиберглас, это было для них как помилование для смертника.

Бур не задел кабель; теперь-то это не играло никакой роли. Пассажиры глядели на потолок, как замороженные. Громче, громче, вот уже в воздухе поплыла стружка... Бур пронизал плиту и опустился сантиметров на двадцать. Его встретили дружным «ура!».

«Что дальше? — спросил себя Пат. — Мы не можем говорить с ними, — как я узнаю, когда отвинчивать бур? Не хватает, чтобы я повторил свою ошибку».

Неожиданно громко настороженную тишину рассек металлический звук. Ти-ти-ти-та! — сигнал, который пассажирам «Селены» не забыть до самой смерти... Пат тотчас стукал плоскогубцами ответное «ж». Теперь они знают, что мы живы! Конечно, он не допускал мысли, что Лоуренс бросит их, но мало ли что...

Новый сигнал сверху, на этот раз намного медленнее. Пат Харрис вспомнил, как неохотно он изучал азбуку Морзе. В космическом веке это казалось совершенным анахронизмом, космонавты и космоинженеры всячески упирались, говоря, что это пустая трата времени, за всю-то жизнь, может быть, только один раз понадобится.

Что же, кажется, не зря изучал.

— Та-та-та, — звенела труба, — та, ти-та-та, ти-ти, та-ти, та, ти-ти, ти.

И для верности стала повторять; но Пат и коммодор, хоть и давно не упражнялись, уже поняли.

— Передают, чтобы мы отвинтили бур, — сказал Пат. — Ладно, приступим.

Труба громко дохнула, так что все невольно вздрогнули. Тут же давление сравнялось, и двадцать два человека замерли в ожидании свежего потока кислорода.

Вместо этого труба заговорила. Из отверстия слышался глухой, замогильный, но вполне отчетливый голос. Должно быть, меньше четверти пассажиров вообще когда-либо видели переговорную трубу, с детства все привыкли считать, что только электроника может передать звук на расстояние. Этот пережиток древности был для них такой же новинкой, какой телефон показался бы древним грекам.

— Говорит главный инженер Лоуренс. Вы меня слышите?

Пат приставил к трубе сложенные рупором ладони и ответил, выговаривая каждый слог:

— Слышим хорошо, ясно. Как вы слышите нас?

— Отлично. У вас все в порядке?

— Да. Что случилось?

— Вы осели метра на два, только и всего. Мы здесь даже ничего не заметили, только по трубам догадались. Как у вас с воздухом?

— Воздух хороший. Но чем скорее вы включите насосы, тем лучше.

— Не беспокойтесь, начнем качать, как только очистим фильтры от пыли и получим из Порт-Рориса второй бур. У нас был всего один в запасе — тот, который вы сейчас отвернули. Хорошо хоть этот нашелся. Значит, не меньше часа пройдет.

Но Пата заботило другое. Он знал, как Лоуренс собирался вывести людей из «Селены»; теперь, когда пылеход накренился, этот план невыполним.

— Как вы нас достанете? — спросил он напрямик.

Лоуренс замялся на какую-нибудь долю секунды.

— Я еще не все продумал, но в общем мы добавим к кессону еще секцию и будем погружать его дальше, до соприкосновения с «Селеной». Потом выберем всю пыль

до самого дна колодца. Оставшиеся сантиметры как-нибудь одолеем. Но сперва у меня к вам просьба.

— Какая?

— Я на девяносто процентов уверен, что больше осадки не будет, но, если я ошибаюсь, лучше пусть это случится сейчас. Пожалуйста, попрыгайте минуту-другую, все вместе.

— А это не опасно? — заколебался Пат. — Вдруг труба опять выскочит?

— Заткните дыру, только и всего. Лишняя дырка роли не играет. Иное дело, когда мы вырежем целый люк — тогда новое оседание будет совсем некстати.

«Селена» успела всякое повидать, но это зрелище было бесспорно самым удивительным. Двадцать два человека с сосредоточенным видом прыгали в лад, взлетая до потолка и отталкиваясь от него, чтобы посильнее топнуть о пол. Капитан пристально следил за трубой, соединяющей их с внешним миром. Так прошла минута; дружные усилия пассажиров привели к тому, что пылеход осел еще на неполных два сантиметра.

Лоуренс с облегчением выслушал доклад Пата Харриса. Убедившись, что «Селена» больше никуда не уйдет, он не сомневался, что сумеет извлечь людей на поверхность. Не все было ясно, но в главных чертах план уже складывался в его голове.

Окончательно он сложился через двенадцать часов, после совещаний с «мозговым центром» и опытов на Море Жажды. За одну неделю Инженерный отдел узнал о лунной пыли больше, чем за все предыдущие годы. Он уже не сражался вслепую с неизвестным противником. Удалось раскрыть и сильные, и слабые стороны врага.

Новые чертежи и приспособления изготовили быстро, но не наспех, основательно, помня, что все должно сработать с первого раза. Если операция не удастся, в лучшем случае придется забросить кессон и погружать новый. А в худшем... в худшем случае пассажиров «Селены» задушит лунная пыль.

— Нам нужно решить нешуточную задачу, — сказал Том Лоусон; он любил нешуточные задачи больше жизни. — Нижний конец кессона открыт для пыли. Наклон крыши не

дает кольцу лечь плотно, оно опирается только одной точкой. Прежде чем выкачать пыль, надо закрыть просвет. Я сказал «выкачать»? Ошибка: это вещество не выкачаешь, его надо выгребать. Так вот, если делать это, не устранив зазор, лунная пыль будет притекать снизу с такой же скоростью, с какой мы будем выбирать ее сверху.

Том ядовито улыбнулся своей многомиллионной аудитории: разгрызите-ка этот орешек! Выждал, давая зрителям подумать, потом взял в руки модель, которая лежала на столе студии. Она была предельно проста, но Том Лоусон очень гордился ею, потому что сделал ее сам. Никто из зрителей не догадался бы, что это всего-навсего картон, покрытый алюминиевой краской.

— Эта труба, — начал он, — изображает секцию колодца, который соединяет нас с «Селеной». Как я уже сказал, он доверху заполнен лунной пылью. Вот эта штука... — Том поднял со стола кургузый цилиндр, закрытый с одного конца, — плотно входит в колодец, словно поршень. Она очень тяжелая и будет стремиться вниз, но лунная пыль, естественно, ее не пустит.

Том повернул вкладыш так, чтобы дно цилиндра было обращено к камере. Потом указательным пальцем нажал посредине, и открылась маленькая дверца.

— Это, так сказать, клапан. Пока он открыт, пыль проникает через него внутрь и поршень идет по кессону вниз. Как только поршень достигнет дна, клапан закроется по команде сверху. Теперь колодец снизу изолирован, можно выбирать пыль. Кажется, очень просто, не правда ли? На деле это вовсе не просто. Возникает около сотни проблем, о которых я ничего не сказал. Например, когда кессон опустеет, он будет всплывать под действием выталкивающей силы, а она достигает нескольких тонн. Главный инженер Лоуренс предусмотрел хитроумную систему якорей, они удержат кессон на месте. Вы, конечно, уже сообразили, что после выборки пыли клиновидный просвет все еще будет отделять кессон от крыши «Селены». Как мистер Лоуренс одолеет это препятствие, я не знаю. И прошу вас не слать мне больше никаких предложений, нас и без того завалили скороспелыми идеями, на всю жизнь хватит разбираться. Поршень, о котором я вам говорил, изготовлен и испытан инженерами, больше того — его уже погружают в колодец.

Если я верно понимаю смысл знаков, которые мне делает этот человек, нам сейчас включат Море Жажды, и мы увидим, что происходит на плоту.

Временная студия в отеле «Рорис» исчезла с миллионов экранов, ее место заняло изображение, знакомое теперь почти всему человечеству.

На плоту и возле него было уже три иглу разной величины. В ярком солнечном свете они напоминали огромные блестящие капли ртути. Возле самого большого купола стоял один пылекат, остальные два перебрасывали снаряжение из Порт-Рориса.

Торчащий из Моря кессон и впрямь напоминал колодец. Обод верхней секции выдавался над пылью всего на двадцать сантиметров, и отверстие казалось слишком узким, чтобы в него мог пролезть человек, тем более в скафандре. Но в решающей стадии спасательных работ скафандров и не будет...

Время от времени из колодца появлялся цилиндрический ковш. Небольшой, но достаточно мощный кран относил его в сторону и опрокидывал. На миг над серой гладью Моря замирал колпак пыли, потом он начинал медленно рассыпаться и исчезал прежде, чем из колодца появлялась следующая порция. Захватывающий фокус под открытым небом, который лучше всяких слов рассказывал зрителям все, что надо было знать о Море Жажды.

Ковш появлялся все реже, по мере того как росла глубина. И вот он вынырнул, заполненный только наполовину.

Пусть открыт. Если не считать «шламбаума» на дне.

ГЛАВА 29

— Духом не падаем, — доложил Пат в опущенный через воздухопровод микрофон. — Конечно, мы приуныли, когда пылеход снова осел и связь с вами нарушилась. Но теперь уже ясно, что вы нас скоро выручите. Слышим, как гремит ковш, как выгребаете пыль, и знаем — вы здесь. Мы никогда не забудем того, что вы все сделали для нас, — добавил он смущенно. — Что бы ни случилось, мы хотим поблагодарить вас. Мы не сомневаемся: вы сделали все возможное. А теперь передаю микрофон, здесь уже столько посланий заготовлено! Надеюсь, что это последняя передача с «Селены».

Передавая микрофон миссис Уильямс, Пат вдруг сообразил, что заключительная фраза получилась, пожалуй, не совсем удачной, ее можно истолковать двояко. Да нет, теперь, когда спасение так близко, возможность неудач исключается. Они столько перенесли, новых осечек просто не может быть.

И все-таки он знал: последний этап будет самым трудным и рискованным. Уже несколько часов — с тех пор как главный инженер Лоуренс рассказал им про свой план — они снова и снова обсуждали это. Да и о чем еще говорить теперь, когда тему о летающих блюдах единодушно объявили запретной?

Можно было читать вслух, но почему-то «Шейн» и «Апельсин и яблоко» перестали их занимать. Каждый мог думать лишь о спасательной операции и о новой жизни, которая ожидала их, когда они опять волеются в океан человечества.

Сверху донесся глухой, тяжелый стук, который мог означать одно: ковш достиг дна, колодец свободен от пыли. Можно соединять кессон с иглу и накачивать воздухом.

В иглу марки «ХИХ» сделали в полу отверстие, которое точно отвечало верхнему ободу кессона. Больше часа ушло на то, чтобы тщательно установить и осторожно наполнить воздухом иглу; от надежности соединения зависела жизнь не только пассажиров «Селены», но и спасателей.

Лишь после самой придирчивой проверки главный инженер Лоуренс снял скафандр и подошел к зияющему отверстию, держа в руках мощный светильник. Казалось, колодец уходит в бесконечность, а между тем до дна было всего семнадцать метров. Даже при лунном тяготении оброненный предмет будет падать всего пять секунд...

Главный повернулся к своим товарищам. Они стояли в скафандрах, но окошки гермошлемов были открыты. Если произойдет авария, можно мгновенно закрыть их, и спасатели уцелеют. Но Лоуренсу будет конец. И двадцати двум пассажирам «Селены» тоже.

— Вам известна задача, — сказал он. — Если мне надо будет быстро подняться наверх, все сразу выбирайте лестницу! Вопросы есть?

Вопросов не оказалось, каждый твердо знал, что делать. Кивнув спасателям и услышав в ответ дружное «счастливо!», Лоуренс начал спуск.

Большую часть пути он просто падал, иногда хватаясь за веревочную лестницу, чтобы затормозить падение. На Луне такой способ совершенно безопасен. Совершенно?.. Главный инженер своими глазами видел, как погибали люди, забывшие о том, что даже здесь гравитационное поле меньше чем за десять секунд придает падающему телу ускорение, которое опасно для жизни.

Это напоминало спуск Алисы в Страну чудес, но на этом сходство с книгой Кэрролла кончалось: на всем пути вниз не было видно ничего, кроме гладких бетонных стен, притом так близко, что приходилось шуриться, чтобы следить за ними. Мягкий толчок — он опустился на дно колодца.

Лоуренс присел на корточки на металлической платформе величиной с крышку корабельного люка и внимательно осмотрел ее. Дверца клапана, которая была открыта, все время пока вкладыш шел вниз по кессону, закрылась не совсем плотно, и по краям ее пробивались струйки серой пудры. Ничего страшного. Хотя если дверца откроется внутрь под давлением снизу... Да, что тогда? С какой скоростью лунная пыль будет подниматься вверх по кессону? Лоуренс был уверен, что сумеет опередить ее.

Там внизу, всего в нескольких сантиметрах — крыша пылехода, наклоненная под углом тридцать градусов. (Ох уж этот наклон!) Нужно соединить горизонтальный обод секции с крышей, соединить плотно, чтобы не могла просочиться пыль.

Насколько мог судить Лоуренс, все предусмотрено; недаром над планом работали лучшие инженерные умы Земли и Луны. Учтено даже, что, пока он работает здесь, «Селена» может опуститься еще на несколько сантиметров. Но одно дело теория, совсем другое — главный знал это по опыту — практика.

По краю металлического диска, на котором сидел Лоуренс, торчало шесть болтов. Он стал крутить их один за другим, словно барабанщик, настраивающий свой инструмент. К нижней плоскости диска была прикреплена сложенная гармошкой короткая труба, шириной почти равная поперечнику колодца — только-только протиснуться одному человеку. Главный инженер завинчивал болты, и гармошка постепенно раздвигалась, образуя гибкую перемычку.

Один край трубы отделяло от наклонной крыши сорок сантиметров, другой — какие-нибудь миллиметры. Лоуренс больше всего опасался, что пыль не даст раздвинуться гармошке, но болты легко преодолевали наружное сопротивление.

Все, дальше не идут. Теперь нижний обод перемычки соединен с крышей пылехода, а резиновая прокладка обеспечивает герметичность соединения. (Обеспечивает ли? Сейчас он в этом убедится...)

Лоуренс непроизвольно глянул вверх, проверяя путь к отступлению. За яркой лампой, которая висела в двух метрах над ним, был сплошной мрак, но вид веревочной лестницы успокоил его.

— Перемычка спущена! — крикнул он невидимым помощникам. — Как будто прилегла плотно. Открываю клапан.

Малейшая оплошность — и колодец будет затоплен лунной пылью. И уж не выгребешь... Медленно, осторожно Лоуренс отделил дверцу, через которую входила пыль, когда опускали вкладыш. Извержения не последовало, гармошка надежно сдерживала напор Моря.

Лоуренс погрузил руку в тонкий пласт пыли и нащупал пальцами крышу «Селены». Такую радость он редко испытывал. Он добрался до пылехода! Наверно, что-нибудь вроде этого чувствовал в старину золотоискатель, сидя на дне ямы и глядя на первые блестящие крупинки...

Лоуренс трижды постучал в крышу; сейчас же последовал ответ. Конечно, азбука Морзе не нужна, когда рядом висит микрофон, но главный отлично понимал, как ободрит пассажиров «Селены» его стук. Теперь они точно знают — считанные сантиметры отделяют их от спасения!

Однако сперва надо убрать с дороги несколько барьеров. Первый из них — металлическая платформа, она же — основание поршня под ногами Лоуренса. Она выполнила свое предназначение, не пускала лунную пыль, пока опоражнивали колодец. Теперь, чтобы выпустить людей из пылехода, ее надо убрать. И не повредить при этом перемычку, которую она позволила установить.

Основание поршня было съемным — достаточно отвинтить восемь болтов по окружности. Лоуренс в несколько минут управился с ними и привязал к диску веревку.

— Вира!

Более толстому человеку пришлось бы карабкаться вверх по лестнице впереди диска; Лоуренс повернул его на ребро и пропустил мимо себя, прижавшись к стенке колодца. Прощай, последний рубеж обороны... Он проводил диск взглядом. Теперь нечем перекрыть колодец, если перемычка сдест и лунная пыль ворвется внутрь.

— Ведро! — попросил главный.

Оно уже спускалось к нему. «Сорок лет назад, — сказал себе Лоуренс, — на пляже в Калифорнии я играл совком и ведерком, сооружал крепости из песка. Теперь я — главный инженер Эртсайда — копаю лунную пыль, занятие посерьезнее, и все человечество ждет, что у меня получится».

Ушло вверх первое ведро, и обнажилась часть крыши, очерченная нижним ободом перемычки. Пыли оставалось совсем немного, еще два ведра — и перед Лоуренсом засверкала алюминированная ткань наружной обшивки. Она сморщилась от чрезмерной нагрузки, и главный легко, одними руками сорвал ее. Показался фиберглас. Что дальше? Ничего не стоит пропилить в обшивке отверстие электрической пилой. И всех погубить: в двойном корпусе пылехода уже просверлено несколько дыр, и все пространство между стенками заполнено лунной пылью. Давление большое, только пробей отверстие в обшивке — пыль сразу хлынет фонтаном! Чтобы проникнуть в «Селену», нужно как-то сковать этот коварный пласт.

Лоуренс еще раз постучал по крыше. Так и есть, звук глухой, смягченный пылевой прослойкой. А вот это уже неожиданно: снизу в ответ раздался частый тревожный стук!

Не успели товарищи сверху сообщить главному, что случилось на «Селене», как он уже сам понял: Море Жажды предприняло последнюю попытку удержать свою жертву.

Три обстоятельства привели к тому, что именно Карл Юхансон заметил беду: он был инженер-атомник, обладал хорошим обонянием и сидел в кормовой части пылехода. Несколько секунд Юхансон принюхивался, потом сказал сидевшему у прохода соседу «извините», встал и не спеша прошел в туалетную. Он не хотел напрасно настораживать людей, да еще теперь, когда спасение совсем близко. Но за свою многолетнюю работу инженером Карл Юхансон

слишком часто убеждался, чем грозит запах горячей изоляции.

Он задержался в туалетной ровно двенадцать секунд, вышел из нее и быстро (в меру быстро, чтобы никого не испугать) прошагал к Пату Харрису, который разговаривал с коммодором.

— Капитан, — тихо, но решительно перебил он их. — На борту пожар. Проверьте в туалетной. Я больше никому не говорю.

Пат тотчас сорвался с места. Ханстен побежал за ним. В космосе, как и на море, не разглагольствуют, услышав слово «пожар». Тем более что Юхансон был не такой человек, чтобы поднимать ложную тревогу. Он, как и Пат Харрис, работал в техническом отделе Лунной администрации; недаром коммодор включил его в «карательный отряд».

Туалетная ничем не отличалась от таких же кабин в любом небольшом сухопутном, морском, воздушном или космическом экипаже; можно было, не сходя с места, коснуться рукой любой стены. Кроме задней, на которой висел умывальник, фиберглас вздулся пузырями от жара, они колыхались и лопались...

— Через минуту огонь будет здесь! — крикнул коммодор. — Но откуда пожар?

Пата уже не было. Он вернулся почти сразу, неся под мышками оба огнетушителя.

— Коммодор, — сказал Пат Харрис, — прошу вас, доложите на плот. Скажите, что нам осталось всего несколько минут. Я буду здесь, встречу огонь.

Ханстен подчинился. Пат услышал, как он докладывает Лоуренсу, и тотчас в кабине поднялся переполох. Дверь в туалетную открылась, вошел доктор Мекензи.

— Я могу вам помочь? — спросил ученый.

— Боюсь, что нет, — ответил Пат, держа наготове огнетушитель.

Странное чувство — будто все это происходит не в жизни, будто он на грани сна и яви. Страх не было. После всего пережитого он не мог больше волноваться, делал все как-то безучастно.

— Откуда огонь? — повторил Мекензи вопрос коммодора. И добавил: — Что за этой переборкой?

— Наш главный источник энергии. Двадцать мощных элементов.

— Какой запас?

— Когда мы вышли, было пять тысяч киловатт-часов. Осталась, наверное, половина.

— Все ясно. Где-то короткое замыкание. Должно быть, элементы горят с тех самых пор, как повредило кабель.

Похоже на правду — хотя бы потому, что на борту «Селены» не было других источников энергии. Правда, огнеупорные материалы, из которых сделан пылеход, от обычного огня не воспламеняются, но, если весь запас энергии, рассчитанный на многочасовое движение с предельной скоростью, обратится в тепло, беды не миновать...

Но ведь это невозможно! На то и автоматические выключатели, чтобы срабатывать при такой перегрузке. Может быть, они вышли из строя?

Мекензи выскочил в камеру перепада и убедился, что выключатели сработали.

— Все цепи выключены, — доложил он Пату. — Тока нет. Ничего не понимаю.

Несмотря на бедственное положение, Пат не удержался от улыбки. Этот Мекензи — ученый до мозга костей, даже погибая, он будет допытываться, что и как. Поджариваясь на вертеле (а им угрожало нечто в этом роде), спросит палачей, что за дрова...

Складная дверь отворилась, вошел Ханстен.

— Лоуренс обещает за десять минут прорезать люк, — сказал он. — Переборка выдержит?

— Кто ее знает, — ответил Пат. — Она может продержаться час, а может рухнуть через несколько секунд. Все зависит от того, как быстро распространяется пламя.

— Разве нет автоматических огнетушителей?

— Они там не нужны, обычно за переборкой вакуум, лучшего огнетушителя не придумаешь.

— Ну конечно! — воскликнул Мекензи. — Неужели не понимаете? Отсек затопило! Когда просверлили крышу, пыль просочилась внутрь и замкнула все цепи.

Мекензи прав. Все секции, которые сообщаются с наружной средой, сейчас забиты лунной пылью. Она ворвалась

через отверстия в крыше, наполнила промежуток между стенками, постепенно скопилась вокруг силовой установки. В лунной пыли достаточно метеорного железа, она хороший проводник — и началась пиротехника: искры, вольтовые дуги, тысячи электрических костров.

— Если облить стенку водой, — сказал коммодор, — это поможет? Или фиберглас лопнет?

— Давайте попробуем, — отозвался Мекензи. — Только осторожно, чуть-чуть.

Он наполнил из крана пластмассовый стакан — вода уже нагрелась — и вопросительно поглядел на товарищей. Никто не возражал, и физик плеснул несколько капель на вздувшуюся плиту.

Раздался такой треск, что Мекензи тотчас прекратил свой опыт. Слишком опасно... Будь переборка металлическая, такой способ годился бы, но эта пластмасса плохо проводит тепло, она не выдержит термических напряжений.

— Мы тут ничего не можем сделать, — заключил коммодор. — И огнетушители не спасут. Лучше выйти и запереть отсек. Дверь послужит переборкой, даст нам небольшую отсрочку.

Пат колебался. В кабине было невыносимо жарко, но отступать казалось ему трусостью. Хотя вообще-то доводы Ханстена убедительны: если остаться здесь, пожалуй, задохнешься в дыму, едва огонь прогрызет фиберглас.

— Ладно, пошли, — согласился он. — И соорудим какую-нибудь баррикаду снаружи.

Успеют ли?..

Пат Харрис отчетливо слышал, как зловеще трещит стенка, которая сдерживала напор всепожирающего пламени.

ГЛАВА 30

Весть о том, что на «Селене» пожар, никак не отразилась на действиях Лоуренса. Торопиться нельзя: в эти решающие для всей операции минуты любая ошибка может оказаться роковой. Он мог только работать, работать и надеяться, что опередит пламя.

Сверху в колодец спустили приспособление, напоминающее шприц для смазки или для росписи тортов. Правда,

заряжен он был не кремом и не тавотом, а быстро твердеющей органо-силиконовой смесью, которую накачали в него под большим давлением.

Первая задача — впрыснуть смесь в пространство между стенками корпуса, да так, чтобы при этом в колодец не просочилась пыль. Клепальным пистолетом Лоуренс вбил в обшивку «Селены» семь полых болтов: один в центр расширенного круга, остальные равномерно по краям.

Затем он соединил шприц с центральным болтом и нажал спуск. Легкое шипение — смесь устремилась через полый болт, своим напором открыв клапан в его нижней части. Лоуренс быстро переносил шприц от болта к болту, посылая в каждый определенное количество смеси. Вот так, теперь она пропитала всю пыль между стенками, и получился как бы шершавый блин около метра в поперечнике. Нет, не блин, конечно, а суфле, ведь, вырвавшись из шприца, жидкость образует пену.

Через несколько секунд смесь начнет твердеть; для этого в нее добавлен катализатор. Лоуренс смотрел на часы: пять минут — и пена станет твердой, как камень, и пористой, как пемза. Вся пыль в этой части корпуса окажется «замороженной», и можно не опасаться нового притока.

Пять минут... Этот срок никак не сократишь, пена должна достичь заданной плотности, от этого зависит успех. Если он неверно выбрал точки или ошибся в расчете времени, если химики на Базе допустили промах, можно считать пассажиров «Селены» мертвыми.

Пока шло время, главный расчистил дно колодца. Он все отправил наверх и остался без каких-либо инструментов, с голыми руками. Если бы Морису Спенсеру удалось спустить в узкую шахту телекамеру (а он бы продал душу дьяволу за такую возможность!), зрители ни за что не угадали бы, что сейчас предпримет Лоуренс.

И как бы они удивились, увидев, что сверху главному инженеру спускают нечто вроде детского обруча! Но это была не игрушка, а ключ, призванный вскрыть «Селену».

Сью уже собрала пассажиров в носовой, приподнятой части кабины. Сгрудившись в кучу, они тревожно глядели на потолок и напрягали слух, ловя обнадеживающие звуки.

Вот когда важно их подбодрить, сказал себе Пат. Сам капитан не меньше, а может, больше других нуждался в этом; ведь только он (разве что Ханстен и Мекензи тоже догадались) полностью отдавал себе отчет, какая опасность им грозит.

Огонь — само собой. Он, конечно, убьет их, если прорвется в кабину; но огонь движется медленно, с ним какое-то, пусть короткое время можно бороться. А вот против взрыва они бессильны.

«Селена» сейчас представляла собой мину с подожженным шнуром. Запас энергии в элементах, питавших ее двигатели и электрические приборы, мог превратиться в неконтролируемое тепло, но взрывом не грозил. К сожалению, этого нельзя было сказать о цистернах с жидким кислородом.

В них осталось еще немало литров страшного холодного и чрезвычайно активного вещества. Когда нарастающий жар разрушит оболочку цистерн, физические и химические явления вызовут взрыв. Небольшой, конечно, равный по силе взрыву сотни килограммов тола. Достаточно, чтобы разнести «Селену» вдребезги.

Пат решил не говорить об этом Ханстену. Коммодор со оружал баррикаду. Снимал кресла в носовой части кабины и втискивал их в проход между задним рядом и дверью в туалетную. Будто они готовились отразить чье-то вторжение, а не бороться с пожаром. И ведь так оно и было. Пламя может и не распространиться за пределы энергоотсека, но, как только сдаст искореженная переборка, оттуда хлынет лунная пыль.

— Коммодор, — сказал Пат, — пока вы заняты здесь, я начну готовить пассажиров. Что будет, если двадцать человек одновременно бросятся к выходу!

В самом деле, страшно подумать. Нельзя допустить свалки, а это будет не просто, как ни дисциплинированы пассажиры. С одной стороны единственный узкий туннель, с другой — стремительно наступающая смерть; долго ли тут до паники.

Пат прошел на нос. На Земле это был бы крутой подъем, здесь же тридцатиградусный уклон не чувствовался. Глядя на обращенные к нему тревожные лица, капитан сказал:

— Пора подготовиться. Как только пробьют люк, сверху подадут веревочную лестницу. Первыми выходят женщины, за ними мужчины в алфавитном порядке. Не старайтесь бежать. Вспомните, как мало вы весите здесь, и поднимайтесь на руках, побыстрее, конечно. Но не тесните переднего, времени вполне достаточно, и за несколько секунд вы уже будете наверху. Сю, попрошу вас выстроить всех по порядку. Хардинг, Брайен, Юхансон, Баррет, вы остаетесь в резерве. Нам может понадобится ваша...

Он не закончил фразы — из кормовой части пылехода донесся приглушенный взрыв. Ничего особенного, бумажный пакет хлопнул бы громче. Но этот звук означал, что переборка сдала. А потолок, к несчастью, был еще цел.

В нескольких сантиметрах над ними Лоуренс положил свой обруч на фиберглас и принялся обмазывать его быстро схватывающимся цементом. Поперечник обруча почти равнялся диаметру колодца, в котором сидел на корточках главный. Опасности никакой, и все-таки Лоуренс работал очень осторожно. Бесцеремонное обращение подрывников со взрывчаткой ему никогда не нравилось.

Кольцевой заряд, который он установил, не представлял собой ничего необычного и действовал просто. Взрыв высечет аккуратную канавку, заданной ширины и глубины, в тысячную долю секунды выполнит работу, на которую у электрической пилы ушло бы четверть часа. Кстати, сперва Лоуренс хотел применить пилу; хорошо, что передумал. Не похоже, чтобы в его распоряжении было пятнадцать минут!

Он вскоре убедился в этом.

— Огонь в кабине! — крикнули сверху.

Главный инженер поглядел на часы. На миг ему показалось, что секундная стрелка замерла на месте. Знакомая иллюзия. Нет, часы не остановились, просто время идет не так быстро, как нужно бы сейчас. До сих пор оно текло слишком стремительно, теперь, разумеется, тащится еле-еле...

Еще тридцать секунд, и пена затвердеет. Лучше чуть подождать, чем взрывать преждевременно, когда она еще пластична.

Лоуренс не спеша стал подниматься вверх по лестнице, разматывая провода электродетонатора. Он точно рассчитал время. Когда главный вышел из колодца, снял с оголенных

концов провода страхующую закоротку и присоединил их к электродетонатору, оставалось ровно десять секунд.

— Передайте, что мы начинаем отсчет, — сказал он.

Спускаясь бегом на корму, чтобы помочь коммодору (хотя он плохо представлял себе, что теперь можно сделать), Пат слышал, как Сью неторопливо называет фамилии:

— Мисс Морли, миссис Уильямс, миссис Шастер...

Ирония судьбы: мисс Морли опять будет первой, теперь уже по воле алфавита. На этот раз ей не на что пожаловаться.

Но тут ему пришла в голову другая, ужасная мысль: «А если миссис Шастер застрянет в туннеле и закупорит выход?» И ведь непустишь ее последней!.. Нет-нет, все будет в порядке. Не может быть, чтобы спасатели не предусмотрели этого. К тому же миссис Шастер заметно похудела.

При первом взгляде Пату Харрису показалось, что дверь туалетной успешно противостоит натиску изнутри. Если бы не тонкие струйки дыма вдоль петель, можно подумать, что вообще ничего не произошло. И Пат облегченно вздохнул. Это же двойной фиберглас! Пока он сгорит, пройдет часа четыре, а то и больше. Задолго до этого...

Что-то щекотало его босые ступни. Пат сперва невольно шагнул в сторону, потом уже в сознании родился вопрос: «Что это такое?»

Он поглядел вниз. И хотя глаза Пата давно привыкли к тусклому аварийному освещению, до него не сразу дошло, что в щель под забаррикадированной дверью просочился злобный серый поток — и обе плиты прогнулись под много-тонным давлением пыли! С минуты на минуту их сорвет. А если не сорвет, это теперь не играет никакой роли. Грозный беззвучный прилив наступал, лунная пыль поднялась ему уже до щиколоток.

Пат оцепенел, он даже не пытался заговорить с коммодором, который стоял рядом с ним так же неподвижно. В первый (и скорее всего последний) раз в жизни капитана Пата Харриса охватил приступ неодолимой ярости. Море Жажды, которое в этот миг множеством тонких, сухих щупалец гладило его ноги, казалось Пату коварным существом, которое играло с ним, как кошка с мышкой. «В ту самую

минуту, — думал он, — когда мы считали, что теперь уже все в порядке, Море всякий раз преподносило нам новый сюрприз. Мы все время отставали на один ход, а теперь ему и вовсе наскучила игра. Этот Редли не так уж и ошибался...»

Свисающий из трубы воздухопровода громкоговоритель пробудил Пата Харриса от мрачных размышлений.

— У нас все готово! — крикнули сверху. — Отойдите в конец кабины и прикройте лицо. Начинаем отсчет с десяти.

— ДЕСЯТЬ.

«Мы и так дошли до конца, — подумал Пат. — Десять!.. Не много ли будет... Не дотянем».

— ДЕВЯТЬ.

«Бьюсь об заклад, все равно ничего не выйдет. Море не допустит. Как только почувует, что мы ускользаем...»

— ВОСЕМЬ.

«А жаль, ведь сколько сил положили. Сколько людей работали, как черти, старались выручить нас. И надо же, такое невезение...»

— СЕМЬ.

«Кажется, семь — счастливое число? Может, все-таки выберемся? Хотя бы несколько человек...»

— ШЕСТЬ.

«Почему не потешить себя? Теперь уже все равно. Итак, если считать... ну, пятнадцать секунд на то, чтобы пробить люк...»

— ПЯТЬ.

«И сбросить лестницу; они, наверное, подняли ее для сохранности...»

— ЧЕТЫРЕ.

«И, допустим, каждые три секунды выходит один пассажир... пусть даже пять секунд...»

— ТРИ.

«Двадцать два на пять получается тысяча... нет, вздор, арифметику забыл...»

— ДВА.

«Словом, сто с чем-то секунд, или почти две минуты, за это время проклятые цистерны вполне успеют отправить нас на тот свет...»

— ОДИН.

«Один! А я еще не закрыл лицо. Может, лечь, пусть наглотаются этой вонючей дряни...»

Громкий отрывистый треск и словно порыв ветра. И все. Совсем не эффектно. Но подрывники превосходно знали свое дело (всегда бы так!). Энергия взрыва была точно рассчитана и направлена, ее избытка хватило только на то, чтобы исчертить рябью лунную пыль, которая покрыла уже половину площади пола.

Время остановилось, целую вечность длилась заминка. А затем на глазах у них медленно свершилось чудо, неожиданное, а потому особенно ошеломляющее; хотя если бы было время вдуматься — ничего таинственного.

В алом полумраке вспыхнуло кольцо яркого белого света. Шире, шире... и вдруг превратилось в сплошной правильный круг; часть потолка отделилась и упала. Вверху была всего-навсего одна тлеющая лампа, к тому же подвешенная на высоте двадцати метров, но глазам, которые за много часов привыкли к красной полутьме, она показалась ярче утренней зари.

Почти мгновенно появилась веревочная лестница. Мисс Морли сорвалась с места, как спринтер, и исчезла в шахте. Когда подошла очередь миссис Шастер (она поворачивалась не так живо, но и не мешкала), получилось настоящее затмение. Лишь несколько тонких лучиков прорывалось из спасительного колодца, и в кабине снова стало темно, после короткого проблеска света опять воцарилась ночь.

Пора выходить мужчинам. Первым мистер Бальдур; наверное рад, что у него такая фамилия. Не больше десяти человек оставалось в кабине, когда забаррикадированная дверь туалетной сорвалась с петель. Лавина смела запруду!

Волна настигла Пата Харриса примерно посередине пола. Как ни легка и текуча была лунная пыль, она сковала его движения; капитан словно увяз в клею. Хорошо еще, что влажный воздух несколько связал пыль, не то кабина была бы заполнена удушливым облаком. Пат кашлял, чихал, он почти ничего не видел, но все еще мог дышать.

Сквозь багровый туман доносился голос Сью:

— Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать...

Стюардесса строго следила за очередью. Он рассчитывал, что Сью выйдет сразу за остальными женщинами, но она продолжала руководить своими подопечными.

Пат отчаянно сражался с липкой зыбучей пылью, которая поднялась ему уже до пояса, и думал о Сью, думал с такой любовью, что сердцу стало больно. Его сомнения кончились. Настоящая любовь сочетает и влечение, и нежность. Пата давно влекло к Сью, нежность пришла теперь.

— Двадцать... коммодор, ваша очередь, живей!

— Черта с два, Сью, — ответил коммодор. — Выходите!

Пат не видел, что произошло, пыль и мрак мешали ему, но он догадался, что Ханстен буквально выбросил Сью в отверстие в потолке. Ни возраст, ни годы работы в космосе не ослабили мускулов коммодора, тренированных на Земле.

— Вы здесь, Пат? — раздался голос Ханстена. — Я стою на лестнице.

— Не ждите... Иду.

Это было легче сказать, чем сделать. Миллионы мягких, но сильных пальцев цеплялись за него, тащили обратно в поток. Пат ухватился за спинку кресла — она едва выдавалась над пылью — и рванулся к свету.

Что-то ударило его по лицу, и он невольно поднял руку, чтобы оттолкнуть мешающий предмет, но тут же сообразил: это же лестница! Напрягая все силы, Пат подтянулся на руках. Медленно, нехотя Море Жажды ослабило свою хватку...

Прежде чем выскочить в люк, Пат напоследок обвел взглядом кабину пылехода. Вся кормовая часть была затоплена, и лунная пыль продолжала подниматься. Ее серая гладь была безупречно ровной, без единой морщинки. Зрелище было противоестественное, а потому вдвойне страшное. В метре от Пата (он знал, что запомнит эту подробность на всю жизнь), будто игрушечный кораблик на тихом пруду, лениво качался бумажный стаканчик. Через две-три минуты его прижмет к потолку и поглотит пыль, но пока что он храбро боролся.

Не сдавался и аварийный свет. Лампочки, даже погруженные в непроницаемый мрак, будут гореть еще много дней...

Очутившись в колодце, Пат Харрис карабкался вверх со всей скоростью, на которую он был способен, но коммодора догнать не смог. Внезапно в глаза ему ударил яркий свет — Ханстен вышел наружу. Пат невольно наклонил голову и

увидел догоняющую его пыль. Все такая же гладкая и безмолвная — и наступает так же неотвратимо.

Осталось шагнуть через верхний обрез кессона, и вот он стоит посредине битком набитого людьми иглу, окруженный своими усталыми, измученными спутниками. Им помогали прийти в себя четверо в скафандрах и один человек без скафандра. Очевидно, это и есть главный инженер Лоуренс. Как-то даже странно после всех этих дней увидеть новое лицо...

— Все вышли? — быстро спросил Лоуренс.

— Да, — ответил Пат. — Я последний. — И добавил: — Надеюсь...

В этакой суматохе, в темноте не мудрено было и забыть кого-нибудь. Вдруг Редли решил, что не стоит возвращаться в Новую Зеландию, где ему придется держать ответ?..

Нет... Вот он, вместе со всеми. Только Пат начал пересчитывать своих людей, как пластиковый пол подпрыгнул, а над колодцем взлетело ровное колечко пыли. Оно коснулось потолка, отскочило и рассыпалось. Все опешили.

— Это еще что такое? — удивился главный.

— Кислородная цистерна, — ответил Пат. — Прощай, старина лунобус, ты продержался, сколько нужно.

И капитан «Селены» расплакался. Ему было очень неловко, но он ничего не мог с собой поделать.

ГЛАВА 31

— Все равно не нравятся мне эти флаги, — сказал Пат, когда пылеход отчалил от пристани Порт-Рориса. — Очень уж нелепо, как подумаешь, что они висят в вакууме.

Хотя, если говорить начистоту, иллюзия была полная. Пестрые вымпелы, украсившие здание Космопорта, развевались на несуществующем ветру. Сделано это было очень просто, пружины и электрические моторчики помогали морочить голову телезрителям на Земле.

Сегодня большой праздник для Порт-Рориса, да что там — для всей Луны. Жаль, нет с ним Сью, но она не в форме для такого путешествия. Утром, провожая его, она даже пожаловалась:

— Не представляю себе, как женщины на Земле заводят детей! Носить такую тяжесть там, где тяготение в шесть раз больше нашего!

Пат отвлекся от размышлений о семье и включил полный ход. Будто одноцветные радуги, изогнулись в лучах солнца парабола лунной пыли, и в кабине, за спиной капитана «Селены-2», раздались восторженные возгласы тридцати двух пассажиров.

Первый рейс нового лунобуса проходил днем. Путешественники не увидят волшебного свечения Моря Жажды, зеленого сияния недвижной Земли, и не будет ночного броска по каньону к Кратерному Озеру. Но все это возмещалось новизной и необычностью впечатлений. Благодаря своей несчастливой предшественнице «Селена-2» оказалась едва ли не самым знаменитым судном во всей Солнечной системе.

Старая истина: дурная слава — лучшая реклама. И, подсчитывая предварительные заявки на билеты, начальник «Лунтуриста» радовался, что не уступил, заставил увеличить салон, чтобы можно было взять больше пассажиров. А сколько пришлось воевать, чтобы вообще получить новую «Селену»! «Пуганая ворона куста боится», — твердил главный администратор и уступил лишь после того, как патер Ферраро и Геофизическое управление убедили его, что в ближайший миллион лет можно не опасаться каверз Моря.

— Так держать, — сказал Пат второму пилоту, вставая с места. — Пойду побеседую с пассажирами.

Он был еще достаточно молод и тщеславен, ему льстили восхищенные взгляды пассажиров. Не было на борту человека, который не читал бы про капитана Пата Харриса или не видел его по телевизору. Уже то, что они здесь сидят, знак полного доверия к нему. Конечно, не его лишь в том заслуга, Пат отлично понимал это, но он без ложной скромности оценивал свое поведение в последние часы «Селены-1». Маленькая золотая медаль погибшего пылехода — свадебный подарок мистеру и миссис Харрис «От всех участников последнего плавания, с искренним восхищением» — была для него самой дорогой наградой.

Пат Харрис шел к корме, обмениваясь приветствиями с пассажирами. Вдруг он остановился как вкопанный.

— Хелло, капитан, — произнес памятный голос. — Вы, кажется, удивлены?

Пат мигом взял себя в руки и изобразил ослепительнейшую официальную улыбку:

— О, мисс Морли, какая приятная неожиданность! Я и не подозревал, что вы на Луне.

— Для меня это тоже сюрприз. А все благодаря очерку, который я написала про «Селену-1». Редакция «Межпланетной жизни» поручила мне рассказать о первом рейсе нового пылехода.

— Надеюсь, — сказал Пат, — он пройдет без таких приключений, как в прошлый раз!.. Скажите, вы встречаетесь с кем-нибудь из остальных? Недавно я получил письмо от доктора Мекензи, Шастеры тоже пишут, но о Редли я ничего не знаю. Что случилось с беднягой после того, как Хардинг забрал его?

— Ничего. Если не считать, что его уволили. Подавать на него в суд? Так ведь все будут сочувствовать Редли, и еще кто-нибудь вздумает последовать его примеру! Говорят, он теперь зарабатывает на жизнь, читая своим единоверцам лекции на тему «Что я обнаружил на Луне». И знаете, капитан Харрис, я берусь предсказать...

— Что?

— Он еще вернется на Луну.

— Хоть бы поскорей! Я так и не понял, что именно он собирался найти в Море Кризисов.

Они рассмеялись, потом мисс Морли сказала:

— Я слышала, вы уходите с этой работы.

Пат заметно смутился.

— Это верно, — подтвердил он. — Перехожу на космические линии. Если выдержи все испытания.

Пат был далеко не уверен в этом, но не мог отказаться от попытки. Водить лунобус — работа интересная, приятная, спору нет. А дальше? Правильно говорят Сью и коммодор: это тупик.

Была у него и другая причина. Пат Харрис частенько задумывался над тем, сколько судеб переменялось, когда Море Жажды зевнуло под звездным небом. Пережитое на «Селене-1» отразилось на каждом, и почти все они изменились к лучшему. За примером ходить недалеко: вот как мирно разговаривают он и мисс Морли...

События тех дней не прошли бесследно и для участников спасательной операции, особенно для доктора Лоусона и главного инженера Лоуренса.

Пат не раз видел вспыльчивого астронома на экране телевизора в передачах на научные темы; но и чувство благодарности не помогало — Лоусон по-прежнему не нравился ему. Зато он, судя по всему, нравится миллионам зрителей.

Что же до Лоуренса, то он не покладая рук писал книгу (условное название — «Человек о Луне») — и проклинал день, когда подписал договор с издательством. Пат помогал ему с главами, посвященными «Селене»; Сью взялась, пока не родился ребенок, вычитать рукопись.

— Извините, — сказал Пат Харрис, вспомнив о своих обязанностях капитана, — я должен уделить внимание и другим пассажирам. Будете в Клавии, загляните к нам.

— Непременно загляну, — обещала мисс Морли, слегка озадаченная, но явно довольная приглашением.

Пат пошел дальше, отвечая на приветствия и вопросы. Вот и отсек перепада. Он вошел, затворил за собой дверь и очутился в одиночестве.

Что говорить, здесь просторнее, чем в маленькой переходной камере «Селены-1»! Но в общем все такое же, и не удивительно, что нахлынули воспоминания... Вот скафандр — уж не тот ли самый, который снабжал кислородом его и Мекензи, пока остальные спали?.. И разве не к этой переборке он прижимал ухо, слушая шорох восходящего пылевого потока? И ведь именно в камере перепада он и Сью впервые по-настоящему узнали друг друга...

Но вот новинка: окошко в наружной двери. Пат прижал лицо к стеклу и устремил взгляд вдаль над летящей мимо гладью Моря Жажды.

Сейчас эта сторона пылехода была теневой, окошко смотрело в черную космическую ночь, и, как только глаза привыкли к мраку, он увидел звезды. Лишь самые крупные, разумеется, так как остальные мешал различить рассеянный свет. Вот Юпитер — после Венеры самая яркая из планет.

Скоро он будет там, вдали от родного мира... Эта мысль и возбуждала, и пугала, и все-таки Пат знал, что не усидит на месте.

Он любил Луну, но она пыталась убить его, и ему всегда будет не по себе среди ее голых равнин. Конечно, большой космос еще грознее и беспощаднее, однако с ним Пату пока не приходилось воевать, а отношения с родной Луной в лучшем случае будут походить на вооруженный нейтралитет.

Дверь в кабину отворилась, вошла стюардесса, неся поднос с пустыми чашками. Пат отвернулся от окна и звезд. Когда он увидит их в следующий раз, они будут неизменно ярче.

Капитан улыбнулся девушке в опрятной форме.

— Это все ваше, мисс Джонсон. — Он обвел рукой тесный камбуз. — Будьте хорошей хозяйкой.

Затем он вернулся на нос, к пульту управления и повел «Селену-2» в первый рейс, в свое последнее плавание по Морю Жажды.

Содержание

От издательства	5
Большая глубина, роман, <i>перевод Л. Жданова</i>	7
Лунная пыль, роман, <i>перевод Л. Жданова</i>	185

МИРЫ АРТУРА КЛАРКА
Собрание фантастических произведений

ЛУННАЯ ПЫЛЬ

Составитель *Д. Смушкович*
Редактор *В. Генкин*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина, И. Лаздина,*
А. Хишфелде
Оператор компьютерной верстки *В. Карцев*

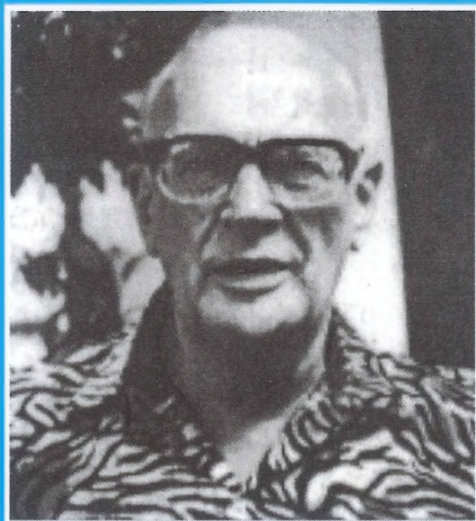
ЛР № 065224 от 17.06.97.
Подписано в печать 12.02.98. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Антиква. Печать высокая.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 7000 экз. Заказ № 2207.

ООО издательство «Полярис»
101000, Москва, Главпочтамт а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

МИРЫ АРТУРА КЛАРКА

БОЛЬШАЯ ГЛУБИНА

Авария лишила космопроходца Франклина надежды подняться к небу. Но он должен найти новый смысл в жизни. Ведь остается и другая бездна, кроме космической — неизведанная бездна океанских глубин. И в ней горят свои звезды...

ЛУННАЯ ПЫЛЬ

Коварное Море Жажды поймало в свою ловушку пассажиров экскурсионного пылеката «Селена». Теперь начинается гонка со временем — успеют ли спасатели пробиться сквозь толщу коварной пыли, пока не истощится запас кислорода у погребенных в самой странной в мире могиле?..

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1998**